

ISSN 2075-1613

Том 34

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО «ВГУ имени П.М. Машерова»

ВИТЕБСК
2021

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО «ВГУ имени П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

2021 • Том 34

УДК 378.4(476.5)(06)
ББК 74.583(4Бей-4Вит)6я54
Б54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 1 от 27.11.2021.

Редакционная коллегия:

В.В. Богатырёва (главный редактор),
Е.Я. Аршанский (зам. главного редактора),
П.А. Водопьянов, Е.В. Давлятова, А.Н. Дулов, И.П. Зайцева, А.П. Косов,
А.Г. Кохановский, Е.В. Крикливец, А.С. Лаптёнок, В.А. Маслова, А.М. Мезенко, С.А. Моторов,
Е.Ю. Муратова, И.В. Николаева, С.В. Николаенко, Э.И. Рудковский,
В.П. Старжинский, С.П. Стренковский

Редакционный совет:

София Абрамович (Польша), Зина Гимпелевич (Канада),
Эрик Екабсон (Латвия), И.А. Королева (Россия), А.А. Михайлов (Россия),
В.Н. Никитин (Россия), Н.А. Пушкарёва (Россия)

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»»
включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований
по историческим, филологическим и философским наукам

Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова» : сборник научных трудов / Витеб.
гос. ун-т ; редкол.: В.В. Богатырёва (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова,
2021. – Т. 34. – 182 с.

УДК 378.4(476.5)(06)
ББК 74.583(4Бей-4Вит)6я54

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

История

Терентьев В.В. Некоторые аспекты реализации концепции «многонационального советского народа» в БССР в 1950–1980-е годы	5
Тимофеев Р.В. Организация соревнования работников транспортных предприятий Белорусской ССР в 1971–1991 гг.	10
Новицкий П.И. Физическое воспитание детей с интеллектуальной недостаточностью на территории Беларуси (древнейший период – конец XIX в.)	14
Яковлева Г.Н., Дулов А.Н. «Мало беспартийных студентов принимают и втягивают в партию»: к истории витебского студенчества конца 1920-х гг.	20
Кузнецова Т.И. Ментальность латышей в зеркале латышских народных анекдотов XIX – начала XX века	28
Бураков В.Н. Жилищно-арендная кооперация в Белорусской ССР в 1920-е гг.	33
Сцебурака А.М. Сучасная беларуская культура ў французскай гістарыяграфіі	38
Бубенько Т.С. Предварительные итоги изучения поселений I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. в Витебском Подвинье	42
Юрчак Д.В. Базовые понятия, характеризующие объекты культурного наследия, в законодательствах БССР и Республики Беларусь	50
Косов А.П. Косовский кризис в повестке российско-американских отношений (1998–1999 гг.)	56
Мяцельскі А.А. Да пытання аб часе заснавання Краснаполля	65
Дулов А.Н., Волкова О.А. История стала судьбой: профессор Ирина Ромуальдовна Чикалова	70
Величко Н.В., Лузгина И.О. Образовательная политика Турции в Северном Курдистане в 1923–2021 гг.	78

Философия

Рудковская Е.Э., Рудковский Э.И. Социокультурные риски информационного общества и факторы их минимизации	85
Воробьева С.В. Концептуальные основания теории государственности в новоевропейской философии	90
Орлов В.И. Аргументация как логико-коммуникативная процедура	95
Сарычева А.В. Рецепция античной диалектики в философской концепции аргументации Ф.Х. ван Ееммерена и Р. Гроотендорста	102

Филология

Мезенка Г.М. Урбананімікон Капыля скрозь прызму маркёраў культуры	107
Васильева С.Г. Образы античности в поэзии В. Брюсова и М. Богдановича	112
Волк Е.А. Эсхатологические модели образа будущего в сборнике «Апокалипсис ³ » М. Максимова	116
Воробьева О.И. Грамматические средства выражения рекламы на билбордах	121
Мужейко И.А. Фразеологическая картина мира на материале адекватных устойчивых сравнений	125
Овсейчик Ю.В. Понятие «сочинительный союз» во французской грамматической традиции: диахронический аспект	129
Півавэр К.С. Варыянтнасць тэрмінаў для намінацыі культурна-маркіраваных моўных адзінак: да праблемы ўпарадкавання	135
Солодовникова Т.В. Семиотическое наследие: к вопросу о функционировании рекламной коммуникации	139
Третьякова Ю.Р. Деривационный потенциал префиксации в системе интернет-сленга	145
Меньшенина И.А. Формализация раздела «Обсуждение» научной медицинской статьи на английском языке	151
Бобрикова Е.П. Модели семантической деривации лексем со значением неопределенно малого количества	156
Кунтыш М.Ф. Лексико-тематическая группа обозначений эмоционального состояния и его внешнего проявления в лексической структуре рассказов А.П. Чехова	160
Дорофеенко М.Л. Дивергентный подход к ономастической терминологии в сфере внутриселенческих названий	171

Конференции

Историческая память (аналитический обзор материалов международной научно-практической конференции «Интерпретационное насилие над исторической памятью и формирование культуры политического мышления»)	175
---	-----

CONTENTS

History

Terentyev V.V. Some Aspects of the Implementation of the Concept of the Multinational Soviet People in the BSSR in the 1950s–1980s	5
Timofeyev R.V. Setting Up Transport Company Workers Competitions in the Belarusian SSR in 1971–1991	10
Novitski P.I. Physical Education of Children with Intellectual Disability on the Territory of Belarus (from Old Times to the Late 19th Century)	14
Yakovleva G.N., Dulov A.N. "Few Students are Involved into the Party Membership": From the History of the Late 1920s Vitebsk Students	20
Kuznetsova T.I. Latvian Mentality in the Mirror of Latvian Folk Anecdotes of the 19th – early 20th Centuries	28
Burakov V.N. Housing and Rental Cooperation in the Belarusian SSR in the 1920s	33
Stseburaka A.M. Contemporary Belarusian Culture in French Historiography	38
Bubenko T.S. Preliminary Findings of the Study of the 1st Millennium B.C. – 1st Millennium A.D. Settlements in Vitebsk Dvina Region	42
Yurchak D.V. Basic Concepts which Characterize Objects of Cultural Heritage in the Laws of the BSSR and the Republic of Belarus	50
Kosov A.P. Kosovo Crisis in the Russian-American Relations (1998–1999)	56
Miatseiski A.A. To the Issue of the Time of the Foundation of Krasnopolye	65
Dulov A.N., Volkova O.A. History Became Life: Professor Irina Romualdovna Chikalova	70
Velichko N.V., Luzgina I.O. Educational Policy of Turkey in Northern Kurdistan in 1923–2021	78

Philosophy

Rudkovskaya E.E., Rudkovski E.I. Social and Cultural Risks of Information Society and Factors for their Minimization	85
Vorobyova S.V. Conceptual Foundations of the Theory of Statehood in Modern European Philosophy ..	90
Orlov V.I. Argumentation as a Logical and Communicative Procedure	95
Sarycheva A.V. Reception of Ancient Dialectic in the Philosophical Concept of Argumentation by F.H. van Eemeren and R. Grootendorst	102

Philology

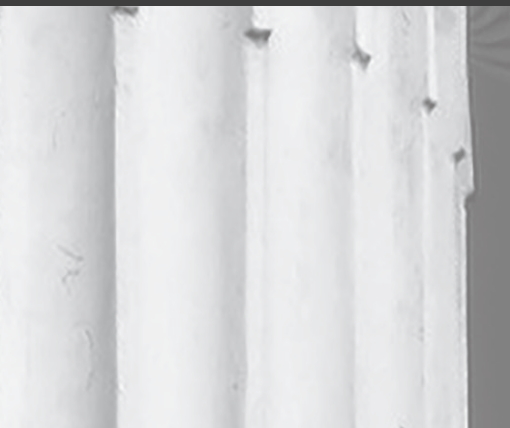
Mezenka H.M. Urbanonymicon of Kapyl Through the Prism of Cultural Markers	107
Vasilyeva S.G. Images of Antiquity in the Poetry of V. Bryusov and M. Bogdanovich	112
Volk E.A. Eschatological Models of the Image of the Future in the Story Collection "Apocalypse ³¹ " by M. Maximov	116
Vorobyova O.I. Grammar Means of Expressing Billboard Advertising	121
Muzheyko I.A. Phraseological Picture of the World Based on Adjective Similes	125
Ovseichik Yu.V. Understanding the Coordinator in the French Grammatical Tradition: the Diachronic Aspect	129
Pivavar K.S. Variety of Terms for Nomination of Culturally Marked Language Units: to the Issue of Ordering	135
Solodovnikova T.V. Semiotic Heritage: About Advertising Communication Functioning	139
Tretsiakova Yu.R. The Derivational Potential of Prefixing in the Internet Slang System	145
Menshenina I.A. Formalization of the "Discussion" Section of the Scientific Medical Article in English	151
Bobrikova E.P. Semantic Derivational Models of Lexical Units Denoting Fuzzy and Vague Small Number	156
Kunttysh M.F. Lexical and Thematic Group Denoting Emotional State and its Outer Manifestation in the Lexical Structure of A.P. Chekhov's Stories	160
Dorofeyenko M.L. Divergent Approach to Onomastic Terminology in the Sphere of Intrasettlement Names ..	171

Conferences

Historical Memory (Analytical Review of the Proceedings of the International and Practical Conference "Interpretational Violence Over The Historic Memory And Shaping Political Thinking Culture")	175
---	-----

ИСТОРИЯ

Некоторые аспекты реализации концепции «многонационального советского народа» в БССР в 1950–1980-е годы

Терентьев В.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Концепция «многонационального советского народа» и ее реализация в СССР – один из важных исторических феноменов XX столетия. Разные аспекты ее воплощения на территории БССР заслуживают отдельного внимания.

Цель статьи – раскрыть теоретические основы и некоторые механизмы практической реализации концепции «многонационального советского народа» в БССР в 1950–1980-е гг.

Материал и методы. Исследование вводит в научный оборот значительный пласт источников – как архивных, так и материалов центральной и областной периодической печати рассматриваемого периода. Методологическую основу публикации составили принципы историзма и объективности.

Результаты и их обсуждение. Теория «народного суверенитета» в СССР и концепция «многонационального советского народа» получили комплексное развитие в научных и идеологических работах, однако на практике оказались не вполне применимыми. Социальные характеристики ставились выше национальных: национальный вопрос в СССР понимался как «полностью решенный».

Заключение. Единство советского народа подчеркивалось постоянно. Особенно это просматривается в публикациях, посвященных истории Великой Отечественной войны – победа в ней стала возможной благодаря единству советского народа. Опыт советской истории сохраняет свою актуальность в том числе в связи с наличием положительных практик укрепления межнациональной дружбы, взаимопроникновения и взаимообогащения культур народов, проживающих на территории Беларуси.

Ключевые слова: «многонациональный советский народ», БССР, национальность, Всесоюзная перепись населения, единство, концепция.

(Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 5–9)

Some Aspects of the Implementation of the Concept of the Multinational Soviet People in the BSSR in the 1950s–1980s

Terentyev V.V.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The concept of the multinational Soviet people and its implementation in the USSR is one of the most important historical phenomena of the XX century. Various aspects of its implementation on the territory of the BSSR deserve careful study.

The purpose of the article is to reveal theoretical bases and some mechanisms of the practical implementation of the concept of the multinational Soviet people in the BSSR in the 1950s–1980s.

Material and methods. The study introduces into scientific circulation a significant layer of sources – both archival and materials of the central and regional periodicals of the period under review. The methodological basis of the publication is made up by the principles of historicism and objectivity.

Findings and their discussion. The theory of “people's sovereignty” in the USSR and the concept of the multinational Soviet people were seriously developed in scientific and ideological works, but in practice they were not completely applicable. Social characteristics were put above the national ones; the national issue in the USSR was considered as “completely solved”.

Conclusion. The unity of the Soviet people was constantly emphasized, especially clearly in publications devoted to the history of the Great Patriotic War – the victory in it was made possible thanks to the unity of the Soviet people. The experience of Soviet history remains relevant, including the one in connection with the presence of positive practices of strengthening interethnic friendship, interpenetration and mutual enrichment of the cultures of the peoples living on the territory of Belarus.

Key words: multinational Soviet people, BSSR, nationality, All-Union population census, unity, concept.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 5–9)

Концепция «многонационального советского народа» и ее реализация в СССР – один из важных исторических феноменов XX столетия. Разные аспекты ее воплощения на территории БССР заслуживают отдельного внимания, в том числе в связи с наличием положительных практик укрепления межнациональной дружбы, взаимопроникновения и взаимообогащения культур народов, проживающих на территории Беларуси.

Цель статьи – раскрыть теоретические основы и некоторые механизмы практической реализации концепции «многонационального советского народа» в БССР в 1950–1980-е гг.

Материал и методы. Исследование вводит в научный оборот значительный пласт источников – как архивных (материалы фондов Государственного архива Витебской области), так и материалов центральной и областной периодической печати указанного периода. Анализировались концептуальные труды советского периода, посвященные концепции «многонационального советского народа».

Методологическую основу публикации составили принципы историзма и объективности. При этом применялись как общенаучные (исторический и логический, анализ и синтез), так и специально-исторические (историко-сравнительный) методы.

Результаты и их обсуждение. *«Народный суверенитет» в СССР и концепция «многонационального советского народа».* Представители советских общественных наук утверждали, что «...межгосударственные отношения социалистического лагеря, основанные на принципах пролетарского интернационализма, включающего в себя на новой, более высокой основе демократический принцип равноправия и национального суверенитета, способствуют расцвету национальной жизни, тогда как в империалистическом лагере и в теории, и на практике попираются самые элементарные принципы демократии, в том числе суверенитет и равноправие наций» [1]; «...народный и национальный суверенитеты в СССР, будучи тесно связаны между собой, вместе с тем отличаются друг от друга как по субъектам их осуществления, так и по своему внутреннему содержанию. При этом именно народный суверенитет является в социалистическом обществе источником всех остальных властей» [2].

В статье, написанной к 50-летию образования СССР, ее авторы – члены-корреспонденты АН СССР М.П. Ким и В.П. Шерстобитов дали такое определение советского народа: «Советский народ как новая историческая общность характеризуется следующими основными признаками. Во-первых, это общность социально-классовая, основанная на нерушимом союзе и всестороннем сотрудничестве рабочих, колхозного крестьянства, интеллигенции; во-вторых, это общность межнациональная, которая олицетворяет братскую дружбу советских народов, имеющих общую социалистическую экономическую базу, однотипную социально-экономическую структуру, единую социалистическую Родину – Союз Советских Социалистических Республик; в-третьих, это общность, спаянная единством марксистско-ленинской идеологии, одухотворен-

ной трудом людей во имя достижения общей цели – построения коммунизма, общность, демонстрирующая монолитную сплоченность всех классов, социальных групп, наций и народностей вокруг своего авангарда – Коммунистической партии; в-четвертых, это общность, которой свойственно появление и закрепление общих черт в морально-политическом и духовном облике людей, таких как преданность делу коммунизма, социалистический патриотизм и интернационализм, высокая трудовая и общественно-политическая активность, непримиримость к эксплуатации и угнетению, национальным и расовым предрассудкам, классовая солидарность с трудящимися всех стран» [3].

В то же время, по мнению некоторых исследователей, унификация уровня жизни в республиках СССР была формальной, поверхностной. Союзные республики по целому ряду параметров существенно отличались друг от друга [4].

В БССР реализация концепции «многонационального советского народа» имела свои особенности, обусловленные тесными историческими и культурными связями русского и белорусского народов.

Национальный вопрос сквозь призму всесоюзных переписей населения. По данным Всесоюзной переписи 1959 года о распределении населения по национальности и родному языку в Первомайском районе г. Витебска проживали 6664 русских и 27220 белорусов, из которых, судя по формулировкам переписи, для 18373 родным был белорусский язык, а для 8843 – русский [5, л. 7]. В Октябрьском районе г. Витебска проживали 16524 русских и 46041 белорус, из которых для 25085 родным являлся белорусский язык, а для 20950 – русский [5, л. 4].

По данным Всесоюзной переписи 1959 года в Витебской области из 1276313 человек было 1036549 белорусов, 118817 русских. Достаточно большое количество составляли поляки – 83801, евреи – 18985 и украинцы – 11636 [6, л. 3].

Рассмотрим соотношение русского и белорусского населения на примере некоторых населенных пунктов: по данным Всесоюзной переписи населения 1959 года в поселке городского типа Видзы проживали 699 белорусов и 912 русских [7, л. 2], в г. Браславе – 2132 белоруса и 950 русских [7, л. 3], в г. Глубокое – 5399 белорусов и 944 русских [7, л. 5], в сельской местности Браславского района – 12741 белорус и 4978 русских [7, л. 6].

По данным Всесоюзной переписи населения 1970 года в графе о распределении населения по национальности, родному языку и второму языку, которым свободно владеет население, согласно переписи значилось, что из 230804 человек, проживавших в г. Витебске, было 156998 белорусов и 54094 русских. Из 165998 белорусов 84151 считал родным языком белорусский, а 72829 – русский [8, л. 25].

В табл. на примере Витебской области БССР прослеживается, какие вопросы интересовали тех, кто проводил переписи, и на каких методологических основаниях они базировались. Национальная составляющая принималась во внимание, о чем свидетельствовало и наличие графы «национальность» в советском паспорте, однако люди разных национальностей не

Распределение населения по национальности, родному языку и второму языку народов СССР, которым свободно владеет население по Витебской области. Всесоюзная перепись населения 1970 года [9, л. 16-17]

Всесоюзная перепись
населения 1970 г.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПО НАЦИОНАЛЬНОСТИ, РОДНОМУ И ВТОРОМУ ЯЗЫКУ
НАРОДОВ СССР, КОТОРЫМ СВОБОДНО ВЛАДЕЕТ НАСЕЛЕНИЕ

Для служебного пользования

Таблица 7

по Витебской области

Все население

Из общего населения

	1959 г.				1970 г.				Из общего числа свободно владеют вторым языком						
	Всего	в том числе считают родным языком			Всего	в том числе считают родным языком			языком своей национальности	языком не своей национальности					
		язык своей национальности	язык не своей национальности			язык своей национальности	язык не своей национальности			русским	другими языками				
			русский	другие языки			русский	другие языки							
Все население	1276113	1114590	115576	45947	1370006	1185398	159637	24971	69045	598910	43784				
Оба пола															
в том числе:															
белорусы	1036549	945733	90584	232	1131584	1000923	130560	101	61087	573737	751				
русские	118817	118770	-	47	167656	164833	-	2823	1551	-	34772				
поляки	83601	38223	2263	43315	24876	2861	2245	19770	-	9745	2519				
украинцы	11636	4908	6022	706	19819	9477	9536	606	3436	8330	1284				
евреи	16966	4055	14565	365	17343	3006	13965	372	1909	3107	3784				
татары	1249	240	391	618	1544	494	565	485	154	712	112				
литовцы	501	184	214	103	1136	638	282	218	163	520	193				
цыгане	684	398	234	52	1100	772	284	44	132	586	25				
другие национальности	3871	2062	1301	508	4946	2394	2200	352	613	2173	344				
Мужчины	558129	462819	54897	20413	619516	533299	75174	11045	31575	279549	20957				
в том числе:															
белорусы	449294	406067	43115	112	502953	442276	60629	48	27430	266427	402				
русские	54708	54675	-	33	82039	80679	-	1360	754	-	16797				
поляки	36541	16344	1045	19152	10732	1171	995	8566	-	4672	1066				
украинцы	5816	2354	3108	354	11087	5269	5414	404	2046	4771	658				
евреи	8371	1622	6558	191	7714	1230	6318	166	773	1273	1707				
татары	660	174	202	284	852	307	317	228	98	407	57				
литовцы	229	93	94	42	586	350	143	93	74	305	78				
цыгане	307	163	111	33	551	397	135	19	62	297	13				
другие национальности	2194	1320	663	211	3004	1620	1223	161	338	1497	189				

Всесоюзная перепись населения 1970 г.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПО НАЦИОНАЛЬНОСТИ, РОДНОМУ И ВТОРОМУ ЯЗЫКУ НАРОДОВ СССР, КОТОРЫМ СВОБОДНО ВЛАДЕЕТ НАСЕЛЕНИЕ

Для служебного пользования

Таблица 7

по Витебской области

Все население /продолжение/

		1959 г.						1970 г.					
Всего	в том числе считают родным языком				Всего	в том числе считают родным языком				из общего числа свободно владеют вторым языком			
	язык своей национальности	язык не своей национальности		язык своей национальности		язык не своей национальности		языком своей национальности	языком не своей национальности				
		русский	другие языки			русский	другие языки		русский	другие языки			
Женщины	717984	631771	60679	25534	750488	652099	84463	13926	37470	319361	22827		
в том числе:													
белорусы	587255	539666	47469	120	628631	558647	69931	53	33657	307310	349		
русские	64109	64095	-	14	85617	84154	-	1463	797	-	17975		
поляки	47260	21879	1218	24163	14144	1690	1250	11204	-	5173	1463		
украинцы	5820	2554	2914	352	8732	4208	4122	402	1390	3559	626		
евреи	10615	2434	8007	174	9629	1776	7647	206	1136	1834	2077		
татары	589	66	189	334	692	187	248	257	56	305	55		
литовцы	272	91	120	61	552	288	139	125	89	215	115		
цыгане	377	235	123	19	549	375	149	25	70	289	12		
другие национальности	1677	742	638	297	1942	774	977	191	275	676	155		

только не противопоставлялись друг другу, но наоборот ставилась задача взаимопроникновения культур входящих в Советский Союз народов для объединения их в «новую историческую общность».

Владение русским языком как языком межнационального общения народов СССР было более важно, чем владение языком союзной республики. Так, по данным Всесоюзной переписи 1979 года из 1385372 человек, проживавших в Витебской области, было 1133027 белорусов, из которых 719335 свободно владели русским языком. Из проживавших в области 187016 русских только 54739 свободно владели белорусским языком [10, л. 35].

Необходимо отметить, что в 1970-е годы исследователи обращали большое внимание не столько на национальные, сколько на социальные характеристики, в первую очередь, на удельный вес коренной национальности среди рабочего класса союзной республики, среди рабочего класса других союзных республик. В 1976 году в вышедшем в Киеве сборнике подчеркивалось: «Данные переписей убедительно показывают, что во всех союзных республиках, за исключением Казахстана, удельный вес коренной национальности среди рабочего класса увеличился. Особенно высокие темпы роста местных рабочих наблюдались в Белоруссии, Грузии, Азербайджане и Туркмении» [11, с. 251]. Значительные контингенты белорусских рабочих были в составе рабочего класса Российской Федерации (362 тыс.), Украины (102 тыс.), Латвии (23 тыс.), Литвы (10 тыс.) [11, с. 252].

Советские ученые в начале 1980-х годов заявляли о полном решении национального вопроса: «В условиях зрелого социализма национальная государственность народов все глубже пронизывается общесоветским содержанием, интернационалистскими принципами. В Советском Союзе национальный вопрос в том виде, в каком он унаследован от дореволюционного прошлого, решен полностью и окончательно» [12, с. 190]. Декларировалось, что «...весь опыт организации и осуществления межнационального сотрудничества народов страны в разных областях жизни, вся современная социалистическая действительность вырабатывают у советских людей всех национальностей чувства единой семьи, принадлежности к общей социалистической Родине. ... Сегодня самые малые народности страны, насчитывающие подчас несколько тысяч, а то и сотен человек, с гордостью говорят: “Нас, советских, 270 миллионов”» [12, с. 190–191].

Единство советского народа как народа-победителя в Великой Отечественной войне. Единство советского народа подчеркивалось во всем, что касалось побед и достижений и СССР, особенно в публикациях, связанных с победой в Великой Отечественной войне. Показателен следующий фрагмент статьи, опубликованной в 1979 году на страницах одного из центральных изданий БССР – газеты «Знамя юности»: «...потом развернул еще одну листовку, в которой приводилось письмо рядового Кузьмина матери: “Не листай, мама, закапанные воском листы древних книг, не ходи к деду Архипу Найденову, не ищи вместе с ним святого чуда в наших удивительных делах. Послушай меня: мы по-

беждаем смерть не потому, что деремся только за свою жизнь, мы думаем в бою о жизни мальчика-узбека, грузинской женщины, русского старика. Мы выходим на поле сражения, чтобы отстоять Родину. И когда я произношу эти слова, мне хочется встать на колени!” <...> ...Умирая, сраженный очередью пулемета, он нашел в себе силы подняться на колени и разрядить свой автомат в гитлеровцев. А когда товарищи подбежали к нему, он произнес свои святые слова, которые никто из нашей роты не забудет до конца дней:

– Мы советские люди!.. Вперед, друзья! За Россию умираю. Вперед!

Таким был и мой друг, Владимир Смирнов, гвардеец, большевик, сибирский солдат, отдавший жизнь за Родину, за родную Белоруссию, за товарищей, за победу» [13, с. 3].

В периодических изданиях подчеркивался интернациональный характер подвига советских солдат, которые даже в условиях военных действий могли разделить германский нацизм и немецкий народ: первый был врагом, подлежащим уничтожению, второй – тем, кого нужно освободить и за кого в критических ситуациях можно даже пожертвовать жизнью: «Старший сержант Советской Армии Лукьянов Трифон Андреевич, призванный из Минска, дошел до Берлина, имел боевые награды. Его семья погибла в самом начале Великой Отечественной войны. 29 апреля 1945 года, за несколько дней до окончания войны, он во время перестрелки закрыл собой немецкую девочку, и спас ей жизнь сам погибнув» [14, с. 1].

К реконструкции подвигов советских солдат во время войны активно привлекались школьники. Весной 1978 года «...отряд разведчиков военной славы “Поиск” Гомельского ГПТУ-56 имени П.Я. Головачева получил задание от областного краеведческого музея. Следопытам было поручено выяснить обстоятельства и место подвига лейтенанта Н.П. Жуйкова и старшего сержанта Ф.Н. Мазилина, повторивших 1 марта 1944 года подвиг Александра Матросова, разыскать их могилу. Так развернулась операция, которую было решено назвать “России верные сыны”. Чем же располагал отряд? Были известны некоторые моменты довоенной биографии героев, в общих чертах – картина боя у деревни Мормаль и место захоронения Н. Жуйкова. <...> следопыты пошли по хатам: “Может кто из жителей Мормали знает подробности событий 44-го года и подвига наших воинов?”. Поиск затруднялся тем, что деревня-фронтовичка была в те дни безлюдной: кровом для большинства ее жителей стали окрестные леса. И все-таки по крупичкам, от беседы к беседе, воссоздавалась картина тех памятных дней» [15, с. 2].

Тема единства советского народа красной нитью прослеживалась в самых разных публикациях, в качестве еще одного примера процитируем статью о тесных связях маршала Советского Союза Г.К. Жукова с Беларусью: «Сражался в Беларуси на фронтах Первой мировой войны, многое связывало его с республикой в период становления советского государства, в частности в 1920-е годы Минск был местом постоянного расквартирования 39-го кавалерийского полка, которым командовал Г.К. Жуков. В начале 1938 года

он был назначен командиром 6-го казачьего корпуса, дислоцированного в Белоруссии. А в июле этого года выдвигается на должность заместителя командующего войсками Белорусского военного округа. Во время проведения операции «Багратион» первому заместителю Верховного Главнокомандующего Г.К. Жукова была поручена координация действий 1-го и 2-го Белорусских фронтов, освобождавших Советскую Белоруссию. Осенью 1955 года министр обороны СССР Г.К. Жуков присутствовал на тактическом учении Белорусского военного округа. «Талантливый полководец, пламенный патриот, большой друг белорусского народа – таким останется он в нашей памяти» [14, с. 3].

Общественное и социальное развитие и контроль в БССР. Развитие советского государства сопровождалось и постепенным ростом благосостояния его граждан, хотя и не доходящего до европейского уровня. При этом масштабы реализуемых в конце 1970-х годов социальных проектов впечатляют: «Висит на видном месте в кабинете директора генплан, макет проекта центральной части усадьбы совхоза “Кадино”. За два ближайших года будут пристроены Дворец культуры, торговый центр, кафе, около 300 квартир. В каждую букву проекта верят кадины, потому что смогли же они за полтора года при Липкине возвести томатный “городок” с теплицами, с подсобными помещениями, столовую, два общежития, детсад, квартиры рабочим» [17, с. 128].

Нельзя не отметить того, что социалистическому строительству сопутствовал контроль советских структур за всеми сторонами жизни человека. Секретарь Минского горкома Коммунистической партии Белоруссии И. Антонович писал: «Мы стремимся, чтобы работа по месту жительства являлась логическим продолжением воспитательного процесса в трудовом коллективе, чтобы при этом обеспечивались их органическая связь и единство. Сложившаяся система нравственного воспитания в трудовом коллективе и по месту жительства позволяет нам оказывать влияние на формирование сознания человека как на производстве, так и вне его, добиваться непрерывности идейно-воспитательного воздействия на все категории населения» [18, с. 25–32].

В 1965–1980 годах огромную роль в развитии Беларуси в рамках СССР сыграл кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Петр Миронович Машеров. «...Его деятельность неразрывно связана с созидательной работой по восстановлению экономики, науки и культуры республики. И на всех участках партийного и государственного строительства Петр Миронович проявлял инициативу и творчество в осуществлении политики партии, целеустремленность и настойчивость. П.М. Машеров был тесно связан с массами – рабочими, колхозниками, учеными, писателями, ветеранами войны и труда, молодежью. Наверное, нет в республике такого уголка, где бы он не побывал» [19, с. 3].

Заключение. Теория «народного суверенитета» в СССР и концепция «многонационального советского народа» получили серьезное развитие в научных и идеологических работах, однако на практике оказались не вполне применимыми. Данные всесоюзных переписей населения и социологические исследова-

ния изучаемого периода свидетельствуют о том, что социальные характеристики ставились выше национальных; национальный вопрос в СССР понимался как «полностью решенный». Единство советского народа постоянно подчеркивалось, особенно это просматривается в публикациях, посвященных истории Великой Отечественной войны – победа в ней стала возможной благодаря единству советского народа. Постепенный рост благосостояния советских граждан не отменял государственного контроля за всеми сторонами их деятельности. И в условиях Советского Союза роль личности в развитии исторического процесса была исключительно велика. СССР при И.В. Сталине и при Н.С. Хрущеве существовавшим образом отличается. В истории БССР особенно велико было значение личности П.М. Машерова, оказавшего решающее влияние в том числе и на то, какие формы реализации концепции «многонационального советского народа» были приняты на территории Беларуси.

Литература

1. Модржинская, Е. Космополитизм – империалистическая идеология поработанных наций / Е. Модржинская. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 151.
2. Безуглов, А.А. Суверенитет советского народа / А.А. Безуглов. – М.: Юридическая литература, 1975. – С. 48.
3. Ким, М.П. Советский народ – новая историческая общность людей [Электронный ресурс] / М.П. Ким, В.П. Шепстобитов. – Режим доступа: <https://libmonster.ru/m/articles/view/> – Дата доступа: 27.05.2021.
4. Гребенюк, М.Н. Советский народ: государственно-политический конструкт. Аналитика культурологии [Электронный ресурс] / М.Н. Гребенюк. – 2011. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskiy-narod-gosudarstvenno-politicheskiy-konstrukt/viewer>. – Дата доступа: 27.05.2021.
5. Государственный архив Витебской области (ГАВт.). – Ф.1974. Оп. 11. Д. 5.
6. ГАВт. – Ф. 1974. Оп. 11. Д. 4.
7. ГАВт. – Ф. 1974. Оп. 11. Д. 6.
8. ГАВт. – Ф. 1974. Оп. 11. Д. 75.
9. ГАВт. – Ф. 1974. Оп. 11. Д. 76.
10. ГАВт. – Ф. 1974. Оп. 11. Д. 154.
11. Белоус, И.К. Великий советский народ / И.К. Белоус [и др.]. – Киев: Науч. думка, 1976. – 503 с.
12. Бармичев, В.Д. Союзу республик – шестьдесят / В.Д. Бармичев. – Минск: Наука и техника, 1982. – 192 с.
13. Коваленко, А. Шли письма с фронта / А. Коваленко // Знамя юности. – 1979. – 1 нояб. – С. 3.
14. Николаев, В. «Каким он был, этот белорус...» / В. Николаев // Советская Белоруссия. – 1979. – 18 нояб. – С. 1.
15. Новикова, С. Высота // Знамя юности / С. Новикова. – 1979. – 20 нояб. – С. 2.
16. Иоффе, Э. Белоруссия в судьбе полководца / Э. Иоффе // Знамя. – 1985. – 13 марта. – С. 3.
17. Войтешенок, М. Батьково наследство / М. Войтешенок // Неман. – 1980. – № 2. – С. 118–134.
18. Антонович, И. Комплексный подход к проблемам нравственного воспитания / И. Антонович // Коммунист Белоруссии. – 1979. – № 1 – С. 25–32.
19. Поляков, И. Похороны Петра Мироновича Машерова / И. Поляков // Правда. – 1980. – 9 окт. – С. 1–3.

Поступила в редакцию 22.10.2021

Организация соревнования работников транспортных предприятий Белорусской ССР в 1971–1991 гг.

Тимофеев Р.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

В статье показана организация соревнования работников транспортных предприятий Белорусской ССР за период 1971–1991 гг.

Актуальность изучения организации соревнования работников транспорта Белорусской ССР состоит в том, что оно позволяет определить наиболее удачные подходы в этом направлении и показать пути преодоления сложностей в данном процессе. В целом государственная политика организации соревнования среди работников транспортных предприятий Белорусской ССР являлась одним из аспектов их послевоенной истории.

Цель работы – определить главные направления и сложности в организации соревнования среди работников транспортных предприятий Белорусской ССР в период 1971–1991 гг.

Материал и методы. Основу для написания статьи составили материалы фондов местных органов власти Белорусской ССР и транспортных ведомств из белорусских государственных областных архивов, сведения из республиканской и союзной периодической печати. Для достижения поставленной цели нами использовались такие методы научного познания, как историко-генетический, историко-системный, историко-типологический.

Результаты и их обсуждение. Организация соревнования в различных сферах в изучаемый период было естественным процессом. Без него было бы невозможно продвижение вперед всей экономики советских республик.

В период 1971–1991 гг. в союзных республиках органы государственного управления и партийные органы пытались максимально полно использовать возможности организации соревнования работников транспортных предприятий в целях повышения объемов и качества грузовых и пассажирских перевозок.

В итоге усилий органов государственного управления, партийных органов и профсоюзов в основном удавалось вплоть до развала СССР наращивать объемы грузовых и пассажирских перевозок, улучшая их качество.

В данных целях материальное вознаграждение теснее увязывалось с результатами труда работников транспортных предприятий, применялись новые и совершенствовались старые подходы к организации соревнования. Более разнообразным стало моральное стимулирование, которое теснее переплеталось с материальным, особенно в годы перестройки.

Заключение. Усилия органов власти, партийных органов и профсоюзов Белорусской ССР по организации соревнования среди работников транспортных предприятий в изучаемый период зависели от политики государства, которое стремилось путем интенсификации труда повысить объемы и качество грузовых и пассажирских перевозок. Именно соревнование среди работников предприятий было одним из главных и эффективных средств повышения интенсификации их труда.

Ключевые слова: транспорт, предприятие, соревнование, организация, усилия, производительность труда.

(Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 10–13)

Setting Up Transport Company Workers Competitions in the Belarusian SSR in 1971–1991

Timofeyev R.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article deals with setting up competition of transport company workers of the Belarusian SSR between 1971 and 1991.

The relevance of studying the organization of the competition of transport workers of the Belarusian SSR is that it allows us to determine the most successful approaches in this direction and show ways to overcome difficulties in this process. In general, the state policy of organizing competitions among employees of transport enterprises of the Belarusian SSR was one of the aspects of their post-war history.

The purpose of the work is to determine the main trends and difficulties in setting up competitions among workers of transport enterprises of the Belarusian SSR from 1971 to 1991.

Material and methods. The research basis was the materials of the funds of local authorities of the Belarusian SSR and transport departments from the Belarusian state regional archives, information from the Republican and Union periodicals. To achieve this goal, we used such methods of scientific cognition as historical-genetic, historical-systemic and historical-typological.

Findings and their discussion. The organization of competitions in various fields during the study period was a natural process. Without it, it would be impossible to advance the entire economy of the Soviet Republics.

Between 1971 and 1991 in the Union Republics, state administration bodies and party bodies tried to make the most of the possibilities of organizing competitions for employees of transport enterprises in order to increase the volume and quality of freight and passenger transportation.

As a result of the efforts of state administration bodies, party bodies and trade unions, it was mainly possible to increase the volume of freight and passenger traffic until the collapse of the USSR, improving their quality.

For these purposes, material remuneration was more closely linked to the results of the work of employees of transport enterprises; new and old approaches to setting up competition were applied and improved. Moral stimulation became more diverse, which was more closely inter-twined with the material, especially during the years of perestroika.

Conclusion. The efforts of the authorities, party bodies and trade unions of the Belarusian SSR to organize competitions among employees of transport enterprises in the period under study depended on the policy of the state, which sought to increase the volume and quality of freight and passenger transportation by intensifying labor. It was competition among transport company workers that was one of the main and effective means of increasing the intensification of their work.

Key words: transport, company, competition, organization, efforts, labor productivity

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 10–13)

Актуальность изучения организации соревнования работников транспорта Белорусской ССР состоит в том, что оно позволяет определить наиболее удачные подходы в этом направлении и показать пути преодоления сложностей в данном процессе. В целом государственная политика организации соревнования среди работников транспортных предприятий Белорусской ССР являлась одним из аспектов их послевоенной истории.

Вопросы организации соревнования среди работников предприятий Белорусской ССР сегодня могут быть отдельным предметом для научного исследования, так как они напрямую влияли на выполнение транспортом его масштабных задач по транспортировке грузов и пассажиров. Однако сегодня значимые работы такого плана отсутствуют. Из изданий, где в числе прочих вопросов конкретно разбиралась организация соревнования работников транспорта в 1971–1991 гг., можно отметить лишь работы, которые относятся к деятельности Белорусской железной дороги [1]. Но там вопросы организации соревнования не являлись основным объектом изучения.

Цель работы – определить главные направления и сложности в организации соревнования среди работников транспортных предприятий Белорусской ССР в период 1971–1991 гг.

Материал и методы. Основу для написания статьи составили материалы фондов местных органов власти Белорусской ССР и транспортных ведомств из белорусских государственных областных архивов, сведения из республиканской и союзной периодической печати. Для достижения поставленной цели нами использовались такие методы научного познания, как историко-генетический, историко-системный, историко-типологический.

Результаты и их обсуждение. Организация соревнования в различных сферах в изучаемый период было естественным процессом. Без него было бы невозможно продвижение вперед всей экономики советских республик.

Органы власти и профсоюзы Белорусской ССР требовали в 1971–1991 гг. от работников транспортных предприятий проводить соревнование по ускоренной доставке грузов, улучшению обслуживания населения, по сокращению порожних пробегов подвижного состава, простоев локомотивов, вагонов, автомобилей, судов, что естественно и делалось. Одновременно проводилось соревнование по расширению комплексной механизации погрузочно-разгрузочных работ на транспорте, по внедрению там контейнерных и пакетных перевозок, по ликвидации потерь при транспортировке грузов.

Главными целями в организации соревнования на транспорте были достижение сверхплановых погрузок, перевозки высвободенным подвижным составом, снижение себестоимости перевозок. У железнодорожников особой задачей в 1970-е гг. было обеспечение беспрепятственного пропуска поездов. Они соревновались, чтобы за счет сокращения простоев вагонов и максимального использования их грузоподъемности высвободить вагоны для новых перевозок. Актуальным было соревнование за наивысшую эффективность и качество труда на каждом рабочем месте.

Чтобы достичь поставленных целей по своевременному пропуску вперед поездов, диспетчеров на Белорусской железной дороге в 1970-е гг. обязывали заранее согласовать свои действия с клиентурой, учитывать наличие груза и порожних вагонов, четко определить время и очередность подачи цистерн на промывочно-пропарочную станцию, не терять из вида вагонников, постоянно быть в курсе дел локомотивного депо [2].

Подготовка к соревнованию тесно переплеталась в 1970–1980-е гг. с идеологической работой, которая являлась неотъемлемой частью ушедшей советской эпохи. В целях активизации проведения соревнования на предприятиях на места регулярно рассылались письма ЦК КПСС Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. В итоге передовые коллективы принима-

ли обязательства по выполнению планов какой-либо работы досрочно к памятной или юбилейной дате. Например, в сентябре 1978 г. более 150 железнодорожников-машинистов Минска дали слово задание трех лет пятилетки завершить к годовщине принятия новой Конституции СССР.

В целях повышения активности и развития инициативы рабочих при проведении соревнования каждый год на предприятиях Белорусской железной дороги в 1970-е гг. проводился ряд конкурсов – на лучший коллектив по рационализации, культуре производства, экономии топлива, по шефской работе ветеранов транспорта над молодыми железнодорожниками. Большой популярностью пользовались в Орше конкурсы на призы имени Героя Советского Союза К. Заслонова и его боевого сподвижника, ветерана депо Ф. Звонкова. Победителем первого конкурса признавалась та локомотивная бригада, которая добивалась лучших показателей в деле обеспечения безопасности движения поездов при обязательном выполнении всех объемных и качественных измерений перевозок [3]. Приз имени Ф. Звонкова вручался лучшей ремонтной бригаде.

С работниками других железных дорог СССР о соревновании в 1970–1980-е гг. заключались специальные договоры, в ходе выполнения которых проводились взаимные проверки выполнения взятых на себя обязательств. В итоге достигавшееся деловое сотрудничество соревновавшихся коллективов давало возможность творчески перенимать бесценный опыт.

Белорусские железнодорожники регулярно выступали с инициативами по развертыванию новых направлений в соревновании. Так, в марте 1978 г. они предложили организовать соревнование на магистральных СССР за бесперебойную и своевременную доставку грузов сельскому хозяйству, необходимых для своевременного проведения весенне-полевых и мелиоративных работ в колхозах и совхозах. Белорусские железнодорожники взяли обязательство за счет ускорения оборота подвижного состава и увеличения статической нагрузки вагонов на ось высвободить для дополнительной погрузки 20 тысяч вагонов [4]. Министерство путей сообщения СССР и ЦК профсоюза одобрили инициативу белорусских железнодорожников и рекомендовали ее для распространения на других магистральных.

На автотранспорте Белорусской ССР в 1970-е гг. наиболее известным было соревнование за увеличение пробега автомобилей семейства «МАЗ-500А», где победителями в 1978 г. вышли Минское городское управление грузового автотранспорта и Витебское областное управление автотранспорта. В 1979 г. работники соревновались за повышение эффективности производства и качества работы, увеличение ресурса автопарка, снижение трудоемкости технического обслуживания и ремонта автомобилей. В четвертом автокомбинате Минска Герой Социалистического Труда И.А. Белостоцкий включился в соревнование за продление срока службы автомобилей Минского автозаво-

да. Он обязался и довел пробег своего МАЗа без капитального ремонта до 300 тысяч километров [5].

Бывший партизан и фронтовик из г. Бреста В.И. Гресь первый в своем автокомбинате начал работать на «МАЗ-200» с двумя прицепами и распространил с помощью соревнования свой опыт на всю республику. Этот передовой водитель на шесть месяцев раньше срока выполнил свое пятилетнее задание 1976–1980 гг. и перевез к 1979 г. сверх плана 3650 тонн груза. За достигнутые успехи ему было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда [5, с. 54]. Передовыми водителями, добившимся высоких результатов в соревновании за увеличение межремонтного пробега автомобилей «МАЗ-500А», были Герой Социалистического Труда Н.Л. Цветков, кавалер ордена Трудового Красного Знамени Н.А. Малиновский из Минска, кавалеры ордена Трудовой Славы III степени А.А. Шпаковский из Могилева и Н.Н. Корзун из Гродно.

Моральное поощрение победителей соревнования тесно переплеталось с материальным в каждом секторе транспорта. Так, в 1978 г. за успешное выполнение заданий более 50 ремонтных рабочих и инженерно-технических работников республики были награждены значком «Отличник социалистического соревнования автотранспорта БССР» и ценными памятными подарками [5, с. 57].

Среди речников Белорусской ССР лучших результатов во Всесоюзном социалистическом соревновании добился в 1976–1979 гг. коллектив Бобруйского порта, который был награжден переходящим Красным знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ и занесен на Всесоюзную Доску почета. Успехи речников были достигнуты благодаря качественному труду работников плавсостава, рабочих портов, участков пути, инженеров и техников. Среди них отличился экипаж коммунистического труда пассажирского теплохода «Ракета-05», который возглавлял капитан, Герой Социалистического труда Н.В. Гладков, комплексная бригада Могилевского порта В.С. Ярмолича, командир земснаряда ВД-14 Мозырского технического участка пути К.Ф. Коцубо, капитан буксирного теплохода ВТ-0314 Витебского порта В.М. Авдусин, капитан теплохода «Зарница» Гродненского порта П.С. Колесник [6].

В Белорусском управлении гражданской авиации успехами в соревновании в 1970-е гг. отличился командир передового экипажа, Герой Социалистического Труда В.С. Ползунов. Более 100 человек были удостоены знака «Отличник Аэрофлота», а свыше 3 тысяч носили звание ударника коммунистического труда.

В 1980-е гг. транспортники республики продолжали развивать и использовать заложенные в соревновании возможности. Для развития соревнования смежников совместным решением коллегий министерств путей сообщения, морского флота СССР, речного флота РСФСР, автомобильного транспорта РСФСР и президиумов соответствующих ЦК профсоюзов в 1981 г. были утверждены Условия соревнования коллективов

транспортных узлов с учреждением для победителей 30 почетных дипломов. что было поддержано в Белорусской ССР [7, л. 15].

Профсоюзы республики всемерно поддерживали и развивали всесоюзные инициативы. В 1982 г. к ним относились творческое содружество моряков, железнодорожников, автомобилистов и речников Ленинградского транспортного узла; производственных коллективов Челябинской области по сокращению простоев вагонов под грузовыми операциями и обеспечению их сохранности; Московской железной дороги по ускорению перевозки грузов за счет увеличения веса и длины поездов; предприятий железнодорожного транспорта и промышленности Львовской области по эффективному использованию вагонов [8, л. 29]. С помощью данных инициатив на транспорте сокращались потери, увеличивалась производительность труда, ускорялось продвижение поездов, росли объемы перевозок.

Непременным условием соревнования транспортников стало выполнение показателей по экономии и бережливости. Большой трудовой подъем вызвало у железнодорожников одобрение инициативы коллективов предприятий Московской железной дороги, промышленности и строительства, которые в 1983 г. обязались обеспечить исправное состояние каждого отправляемого из станции вагона и контейнера [9, л. 36]. В соревновании работников Минского транспортного узла в 1987 г. родился почин под девизом «За образцовый сервис от кассы до вагона».

Транспортниками во 2-й половине 1980-х гг. был накоплен значительный опыт организации соревнования за увеличение пропускной способности пограничных железнодорожных станций и железнодорожных переходов, ускорение оборота вагонов и обработке судов, обеспечение сохранности грузов при их погрузке и разгрузке, улучшение обслуживания пассажиров на международных авиалиниях и маршрутах [10, л. 7]. Одной из главных задач в организации соревнования транспортники в 1987 г. считали усиление координации своей работы, улучшение взаимодействия с объединениями и предприятиями. Преодолению недостатков содействовало внедрение непрерывных планов-графиков на основе единого технологического процесса.

На пассажирском автотранспорте в 1980-е гг. получило широкое распространение соревнование за право быть удостоенным знака «Гарантирую отличное обслуживание», за звание образцовых экипажей, колонн, бригад. Наибольший размах это соревнование получило на пассажирских автопредприятиях Минска. На Витебском автокомбинате № 1 в 1980 г. была хорошо известна бригада А.М. Иванова. Она выступала с почином довести пробег автомобилей «МАЗ-500» с прицепами до 300 тысяч километров без капитального ремонта – что на 50 тысяч километров больше, чем было определено положением о соревновании хозяйств облавтоуправления.

На речном транспорте республики соревнование применялось, чтобы распространить метод совме-

ние профессий. На речном флоте члены практически всех экипажей в 1980-е гг. совмещали профессии палубного и машинного состава. Внедрялись бригадные формы организации труда на судоремонтных заводах, принципы хозрасчета в рабочих коллективах.

В гражданской авиации проводилось соревнование за перевыполнение плановых заданий по всем количественным и качественным показателям. Использовались методы ударных трудовых вахт в честь юбилеев освобождения Белорусской ССР от немецко-фашистских захватчиков. В 1980-е гг. применялся лозунг «Каждому рейсу – наивысшую производительность и отличное выполнение полета по нормативам летных оценок» и «За образцовый авиасервис от кассы до салона самолета». Тем не менее, необходимо отметить, что в конце перестройки (1985–1991 гг.) в условиях социально-экономического спада во всех советских республиках проведение соревнования или прекратилось или стало носить формальный характер, что было вызвано многочисленными объективными и субъективными факторами.

Заключение. Усилия органов власти, партийных органов и профсоюзов Белорусской ССР по организации соревнования среди работников транспортных предприятий в изучаемый период зависели от политики государства, которое стремилось путем интенсификации труда повысить объемы и качество грузовых и пассажирских перевозок. Именно соревнование среди работников предприятий было одним из главных и эффективных средств повышения интенсификации их труда вплоть до социально-экономического кризиса в конце перестройки.

Литература

1. Железная дорога Беларуси: История и современность / В.Г. Рахманько [и др.]; под общ. ред. В.Г. Рахманько. – Минск: ОДО «Триолета», 2001. – 488 с.
2. Молокович, В. Соревнование – это движение вперед / В. Молокович // Железнодорожник Белоруссии. – 1978. – 23 марта. – С. 2.
3. Обуховский, А. Улучшать организацию, повышать действенность / А. Обуховский // Железнодорожник Белоруссии. – 1978. – 19 янв. – С. 2.
4. Яценко, Г. Инициатива одобрена / Г. Яценко // Железнодорожник Белоруссии. – 1978. – 11 марта. – С. 1.
5. Алферчик, Н. Автотранспорту – высокую эффективность / Н. Алферчик // Коммунист Белоруссии. – 1979. – № 2. – С. 53–59.
6. Корчевский, А. Голубые магистрали республики / А. Корчевский // Политинформатор и агитатор. – 1979. – № 11. – С. 31–32.
7. Государственный архив Минской области (ГАМн) – Ф. 2. Оп. 9. Д. 3868.
8. Государственный архив Могилевской области (ГАМо) – Ф. 2933. Оп. 1. Д. 414.
9. Государственный архив Гомельской области (ГАГм). – Ф. 1950. Оп. 1. Д. 972.
10. Зональный государственный архив в г. Барановичи. – Ф. 479. Оп. 1. Д. 387.

Поступила в редакцию 08.10.2021

Физическое воспитание детей с интеллектуальной недостаточностью на территории Беларуси (древнейший период – конец XIX в.)

Новицкий П.И.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

В настоящей публикации представлен материал исследования физического воспитания в жизни детей с интеллектуальной недостаточностью на территории Беларуси в исторический период с глубокой древности до конца XIX века.

Цель статьи – ретроспективный анализ возникновения и развития адаптивного физического воспитания детей с умеренной и тяжелой интеллектуальной недостаточностью в Беларуси.

Материал и методы. Материалом исследования послужили научные и учебно-методические труды отечественных и зарубежных авторов, материалы периодической печати, а также данные статистических и законодательных документов разных лет, имеющих отношение к цели исследования. Использовались общенаучные и специально-исторические методы: анализ и синтез, системный, сравнительно-исторический, ретроспективный, проблемно-хронологический.

Результаты и их обсуждение. Длительное исключение физического воспитания из жизни лиц с умеренной и тяжелой интеллектуальной недостаточностью в разные столетия до конца XIX века, обусловлено отношением раннего христианства и монархов к лицам с инвалидностью вплоть до первых благотворительных инициатив светской власти; состоянием социально-экономического положения государства, развития науки и просвещения общества.

Заключение. На протяжении многих веков у древних славян, проживающих на территории Беларуси, лица с легкой интеллектуальной недостаточностью предположительно могли включаться в элементарные самостоятельные формы физического воспитания нормально развивающихся детей и взрослых. В жизнедеятельности лиц с умеренной и тяжелой интеллектуальной недостаточностью, какая-либо связь с физическим воспитанием, вплоть до конца XIX века полностью отсутствовала.

Ключевые слова: физическое воспитание, дети с интеллектуальной недостаточностью, отношение общества и государства, территория Беларуси, древнейший период, конец XIX века.

(Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 14–19)

Physical Education of Children with Intellectual Disability on the Territory of Belarus (from Old Times to the Late 19th Century)

Novitski P.I.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The paper presents research materials of physical education in the lives of children with intellectual disabilities on the territory of Belarus from old times up to the late 19th century.

The purpose is a retrospective analysis of the emergence and the development of adaptive physical education of children with moderate and heavy intellectual disability in Belarus.

Material and methods. The research material was scientific and methodological works by domestic and foreign authors, materials from periodicals as well as data of statistic and legal documents of different years which are connected with the research purpose. General scientific as well as special historical methods were used: analysis and synthesis, the system, the comparative historical, the retrospective, the problem chronological.

Findings and their discussion. Long term exclusion of physical training from the lives of people with moderate and heavy intellectual disability in different ages up to the 19th century was due to: the attitude of early Christians and monarchs to people with disabilities until first charity initiatives of the Soviet power, social and economic state of the country, development of science and education in the society.

Conclusion. *Over centuries ancient Slavs, who lived on the territory of Belarus, presumably involved people with light intellectual disability into elementary forms of physical education of normally developing children and adults. Lives of people with moderate and heavy intellectual disability were not connected with physical education at all until the late 19th century.*

Key words: *physical education, children with intellectual disability, the attitude of the society and the country, the territory of Belarus, old times, the late 19th century.*

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 14–19)

На протяжении многих веков отношение общества и государства к людям с нарушениями психического и (или) физического развития, особенно выраженного тяжелыми формами инвалидности, связывалось с многочисленными проблемами: в социальном взаимодействии, в правовом поле, материальном состоянии, образовании и др. Не исключением оказалась и сфера физкультурной и спортивной жизни общества, в которой полноправное и полноценное участие людей с инвалидностью практически отсутствовало вплоть до конца прошедшего столетия [1].

В отношении некоторых категорий инвалидов, в частности с тяжелыми нарушениями психического развития, возможность к получению соответствующего доступного уровня специального образования в отечественной системе обучения и воспитания детей, включая физическое воспитание, оказалась реальной лишь несколько десятилетий назад [2].

Физическое воспитание является сложной педагогической системой, органически входящей в систему более высокого порядка – образование (единный процесс воспитания и обучения). Имея собственную специфическую сущность, в то же время физическое воспитание естественно воплощает в себе общие черты функционирования сложно организованного механизма социально-педагогического процесса воспитания и обучения детей, и соответственно в историческом аспекте всегда было детерминировано его состоянием и поведением.

Обучение и воспитание детей с особенностями психофизического развития (ОПФР), в том числе с интеллектуальной недостаточностью осуществляется в Республике Беларусь и в мировой практике, в основном в сфере специального образования.

Физическое воспитание в этой системе является составным, неотъемлемым и обязательным компонентом целостного коррекционно-педагогического процесса. Именно поэтому выяснение причин наблюдавшегося долгие годы застоя в научном изучении и программно-методическом обеспечении адаптивного физического воспитания (АФВ), адаптированного к психофизическим особенностям детей с умеренной и тяжелой интеллектуальной недостаточностью (УиТИН), и одновременно выявление конструктивных идей в русле изменения состояния данной проблемы, мы стали искать в историческом контексте возникновения и развития в государстве отечественной системы специального (коррекционного) образования. Ретроспективный анализ коррекционно-педагогической практики специального образования позволит проследить динамические процессы, приведшие к современ-

ной интерпритации целей, задач и содержания в этой системе, образовательной парадигмы АФВ рассматриваемого контингента обучающихся.

В данное время научные работы с аналогичным предметом исследования нами не встречены. Имеющиеся публикации авторов (А.С. Самыличев, О.В. Яшин, 2001; В.С. Дмитриев, 2003; А.А. Дмитриев, В.М. Мозговой, Б.П. Пузанов, 2006 и др.) затрагивают вопросы истории физического воспитания в основном лиц с легкой интеллектуальной недостаточностью на территории Российской Федерации и бывшего Советского Союза (СССР) в целом.

В настоящей публикации представлен материал исследования, охватывающий исторический период возникновения и развития адаптивного физического воспитания детей с интеллектуальной недостаточностью на территории Беларуси с глубокой древности до конца XIX века.

Цель статьи – ретроспективный анализ возникновения и развития адаптивного физического воспитания детей с умеренной и тяжелой интеллектуальной недостаточностью в Беларуси.

Материал и методы. Материалом исследования послужили научные и учебно-методические труды отечественных и зарубежных авторов, материалы периодической печати, а также данные статистических и законодательных документов разных лет, имеющих отношение к предмету исследования.

Методологическую основу составили системный подход, принципы историзма и объективности. Исследование осуществлялось общенаучными и специально-историческими методами: анализ и синтез, системный, сравнительно-исторический, ретроспективный, проблемно-хронологический.

Основные термины и понятия, которыми мы оперировали в исследовании, соответствовали современной специальной терминологии, действующей в республике в сфере коррекционной педагогики (специальность 13.00.03 – Коррекционная педагогика) и адаптивной физической культуры (специальность 13.00.04 – Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры). Однако, осуществляя ретроспективный анализ литературы и документов разного времени (веков), в ряде случаев мы не только цитировали, но и пользовались оригинальными терминами и понятиями этих источников, не останавливаясь на оценке строгости соответствия их существующей в настоящее время терминологии в специальной педагогике и теории адаптивной физической культуры. Например, термином «идиоты», которым в работах авторов и

документах XVIII–XIX веков часто обобщенно назывались дети с выраженными или тяжелыми нарушениями психического развития, в современной литературе, по этическим соображениям, использовать не рекомендуется как оскорбительный и унижительный для человека. В то же время изучая источник того времени мы часто не имели оснований точно определить и подобрать эквивалентные понятия (синонимы) из современной специальной терминологии, поскольку необходимой для этого научной информацией источник не располагал. Поэтому в таких ситуациях мы не стали осуществлять «вольную интерпретацию и переводы» понятий и текстов публикаций прошедших веков, чтобы не внести в науку непоправимую путаницу, неопределенность и даже, фальсификацию статистических данных, мыслей и выводов авторов.

Результаты и их обсуждение. Физическая культура и ее процессуальная сторона: физическое воспитание – относится к числу одних из самых ранних образований в культурном развитии общества. Методики применения физических упражнений для оздоровления человека, физической подготовки воинов и атлетов спортивных состязаний существовали уже в античные времена, а эмпирическое использование различных форм организованной двигательной активности (подвижные игры, состязания) отмечается еще в жизни людей первобытного общества [3].

Рассматривая воспитание детей как общую и вечную категорию общественной жизни, высказываются предположения, что уже на ранних этапах формирования человеческого общества имело место и целенаправленное индивидуальное воспитание всех основных категорий «аномальных» детей, выражавшееся в передаче им элементарного жизненного опыта, в приучении к простейшим видам труда и выполнению основных правил поведения [4].

Предположения, что люди со *spina bifida* жили в период неолита, подкрепляются археологическими и антропологическими находками скелетов с туберкулезом и другими аномалиями позвоночника, остеомиелитом, врожденным вывихом бедра и др. (Sigerist, 1951, Венцмер, 1968) [5; 6]. Существуют некоторые свидетельства того, что люди ранних цивилизаций с тяжелыми формами инвалидности иногда доживали до зрелого возраста (Lowenfeld, 1975) [7]. Обнаружение останков древних людей, находившихся в состоянии физической инвалидности, говорит, что даже тогда казалось вероятным, что близкие должны были заботиться о своих инвалидах. Поскольку не найдены доказательства наличия приспособлений, таких как инвалидные коляски или ходунки, считается, что члены семьи, не являющиеся инвалидами, могли переносить своих близких с ограниченными возможностями с места на место [8].

В отношении древнеславянской истории развития общества это мог быть уже период матриархата, где женщина-мать («Берегиня» – у древних славян) в родовой общине занимала ведущее место и от ко-

торой зависела судьба каждого в жизни рода, в том числе отношение к тем, кто мог иметь приобретенные (увечья, ограниченные физические возможности) или врожденные нарушения психофизического развития. Такие предположения мы находим в исследованиях И.М. Бобла и И.Ю. Макавчик (2010), раскрывающих истоки дефектологических воззрений в Киевской Руси [4]. «Эти выводы о времени зарождения воспитания “аномальных детей”, – считают авторы, – “можно отнести и к Беларуси, где, по данным археологов, первые следы человека появились около 100 тысяч лет назад... Это допущение мотивируется рядом факторов:

- врожденные аномалии развития, за исключением различных уродств, не всегда обнаруживаются в момент рождения ребенка;

- нарушение функций одного из органов чувств не исключает компенсаторной деятельности сохранных анализаторов;

- даже людям, жившим по законам первобытного общества, была свойственна общественная забота о своих сородичах» [4, с. 3–4].

Следуя данной логике, вполне можно допустить, что определенная часть детей с ОПФР, особенно с легкими формами нарушений в развитии, в процессе общего воспитания могли также быть охвачены и элементарными формами физического воспитания. Они могли в процессе развития подражать («учиться») демонстрируемым взрослыми способам ползания, лазания, ходьбы, преодоления препятствий, различным манипуляциям с предметами; вместе с другими детьми без отклонений в развитии, в меру своих возможностей, участвовать в подвижных играх и развлечениях, обрядовых танцах, состязаниях, осваивать (имитировать) коллективный опыт охоты и участвовать в ней. Однако данное допущение вряд ли может касаться детей с тяжелыми формами нарушений психического и (или) физического развития, состояние и особенности которых обнаруживающиеся сразу или очень скоро после рождения делают ребенка практически беспомощным к дальнейшему приспособлению в окружающей среде и (или) без соответствующего медицинского вмешательства и постоянной специально организованной помощи со стороны родителей или взрослых. По мнению Deutsch (1949), в эти ранние времена, из-за отсутствия медицинских знаний и технологий люди с врожденными ограниченными возможностями здоровья, либо умерли вскоре после рождения от осложнений и инфекций, либо были убиты по экономическим, религиозным или евгеническим причинам [9].

Предположения о возможной практике семейного воспитания «аномальных» детей находят косвенное подтверждение в материалах, отражающих в какой-то мере положение лиц с недостатками физического и умственного развития в феодальном Древнерусском государстве (Киевская Русь) [10], в состав которого входили и земли территории современной Беларуси (IX–X вв.), известные в историографии как «западные земли Руси» [11].

Физическое развитие детей происходило преимущественно под воздействием активной трудовой деятельности, связанной с работами в земледелии, животноводстве, ремесленничестве. Свободное время, в силу своего возраста, вероятнее всего, дети проводили в играх со сверстниками. «Игрища» (пляски, хороводы, игры и состязания) с древних времен занимали важное место в жизни славян [3].

Естественно, участниками в этих играх, семейной трудовой деятельности могли оказаться и дети с легкой интеллектуальной недостаточностью, исключая, безусловно, детей с тяжелыми нарушениями развития. В феодальной Руси с 12-летнего возраста будущие дружинники включались в военную подготовку (по сути – элементарный прообраз современной специальной физической подготовки). Попадание в их число детей с выраженными признаками умственной отсталости было маловероятным.

Первые на Руси официальные документы, касающиеся слабоумных, относятся к X веку, когда князь киевский Владимир Святославич в утвержденном им в 996 году Уставе о православной церкви обязывал заботиться об убогих, нищих и юродивых. В Киево-Печерской лавре уже в XI веке было организовано убежище для слабоумных [10].

К древнерусскому периоду жизни восточных славян относится и возникновение «шпиталей» (позже, представляемых в исторических публикациях как госпитали, больницы, лечебницы, богадельни и др.), в которых презирались не только престарелые, но разного рода «калеки, слабоумные и идиоты» [12].

Поскольку в средние века преобладали принципы христианства, инвалидность и тяжелое положение людей с ограниченными возможностями рассматривались как наказание Бога, обществом практически не предпринимались попытки выяснить первопричину инвалидности, общественность выступала против вскрытия и препарирования тела человека, медицинские знания не получали развития, лечение людей с различными заболеваниями часто оказывалось малоэффективным S.E. Rubin (1995) [13].

На смену врачам приходили монахи и священники. В монастырях и больницах людей с ограниченными возможностями лечили, используя следующие методы: изгнание нечистой силы, молитва, заклинания, магические травы и возложение рук (Obermann, 1965) [14]. О каких-либо педагогических методах работы в этот период информация отсутствует.

В XIV–XVI вв. белорусские земли находились в составе Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Обобщая литературный материал, содержащий сведения о жизни в те времена слепых, глухих, «калек», «слабоумных», можно сказать, что как и в предыдущие века большинство людей с тяжелыми нарушениями психического и (или) физического развития попадали в тяжелейшие жизненные ситуации, постоянно нуждались в признании, опеке и уходе.

Многие лица находились в более благополучном положении, оставаясь в семьях или оказываясь под патронажем церкви (католической, православной, реформаторской, унитарной).

С XVI века все более активной становится благотворительная общественная деятельность (до этого призрением занимались только церкви и монастыри). На белорусских землях в благотворительную деятельность активно влились православные братства, которые также как и церкви стали создавать и содержать приюты, богадельни-шпитали и другие учреждения для признания и лечения нуждающихся в этом лиц. Вместе с тем слабоумные дети лишь иногда оказывались в числе призреваемых здесь лиц (престарелых, сирот, нищих, слепых, убогих) [15].

Во второй половине XVIII в. белорусские земли снова вошли в состав России. В этот период в России с 1775 года Екатериной II были учреждены Приказы общественного призрения, которым поручалось попечение и надзор за народными школами, сиротскими домами, госпитальными и больничными, богадельнями, домами неизлечимых больных и сумасшедших, работными и смиренными домами. Х. Замский отмечает: «Указ сыграл положительную роль в дальнейшем развитии в России лечебных учреждений, благотворительных заведений и школ. Однако для его реализации на практике делалось... очень мало» [10, с. 262]. К тому же «...указ не предусматривал открытия учреждений для слабоумных. В больницы же для душевнобольных слабоумных детей помещали редко» [10, с. 262].

По мнению И.М. Бобла и И.Ю. Макавчик, системно и глубоко изучивших историю жизни, обучения и воспитания в белорусском обществе людей с ОПФР и эволюцию развития системы специального образования в Беларуси, «...ко времени воссоединения Беларуси с Россией “аномальные” лица на территории Беларуси и России находились примерно в одинаковом положении» [4, с. 16]. Но в это же время (к концу XVIII в.) в других высокоразвитых странах (в частности Западной Европы, Америки) динамика и результаты деятельности государства и общества в процессах признания, воспитания и обучения населения с ОПФР оказались совершенно иными.

В отношении детей с интеллектуальной недостаточностью Х. Замский в «Истории олигофренопедагогики» подчеркивает, что вплоть до конца XVIII века «врачи и педагоги даже не пытались обучать слабоумных, так как считали это бесполезным» [10].

Но несмотря на укоренившийся в общественных взглядах скептицизм, среди врачей, а затем и педагогов появлялись отдельные энтузиасты, делавшие попытки признания, воспитания и обучения слабоумных детей.

Многие историографы лечебной педагогики утверждают, что впервые возможность воспитывать и обучать умственно отсталого (причем с тяжелой степенью отсталости) на практике была доказана французским

врачом-психиатром Жаном Итаром (1801), который, как утверждает Х. Замский «...убедил окружающих в том, что даже самые глубокие идиоты небезнадежны и способны к совершенствованию. Определил Ж. Итар и тот путь, которым, по его мнению, нужно следовать при воспитании идиотов, – развитие с помощью тренировочных упражнений органов чувств и моторики» [10].

Полученные Ж. Итаром результаты и его система воспитания слабоумных воодушевили врачей продолжить эту работу. В первой половине XIX века во Франции, Швейцарии, США при больницах, поддерживаемые светской властью и самостоятельно появляются первые учреждения медико-педагогического направления для слабоумных («идиотов»). В них проводились лечебно-педагогические мероприятия по развитию физических сил, моторики и главным образом, органов чувств. Позже это направление развилось в так называемую лечебную педагогику. Одновременно начинают возникать учреждения филантропически-христианского (приюты, руководимые пасторами или другими энтузиастами) и чисто педагогического направления (приюты, школы, пансионаты – под руководством педагогов), в воспитательной работе которых организованной физической активности отводится известная роль.

Так, Эдуард Сеген (1812–1880), продолжая работу Ж. Итара, открыл школу для умалишенных детей и разработал методику их обучения на основе «физиологического метода», основной фразой в изложении которого была: «Вести ребенка за руку от воспитания мускульной системы к воспитанию нервной системы и органов чувств» [16].

Деятельность Э. Сегена сыграла значительную роль во всех странах, осуществлявших обучение и воспитание умственно отсталых детей. Работая почти 30 лет в США, им был создан особый тип школ для слабоумных, которые получили название «физиологические школы Сегена». В 1846 году медико-педагогическая система была описана Э. Сегеном в книге под названием «Нравственное лечение, гигиена и воспитание идиотов». В 1903 году переведенная на русский язык книга была издана в России.

Позже (в начале XX века) на основе его методов за рубежом и в России широко распространилась педагогическая система, разработанная итальянской учительницей, психологом, ученым Марией Монтессори, вошедшая сегодня в число классических в педагогике, в том числе коррекционной. Органически составляющей частью данной системы, является гимнастика или, как обобщает М. Монтессори, – «мускульное воспитание: ...ряд упражнений, способствующих нормальному развитию физических движений (ходьба, дыхание, речь) и стимулирующих развитие ребенка отсталого или с ограниченными возможностями» [17, с. 100].

В России первые единичные учреждения, занимающиеся воспитанием и обучением умственно от-

сталых детей, стали возникать во второй половине XIX века. Это были частные, платные учреждения, дело отдельных энтузиастов. Конкретной информации о таком учреждении в этот период на территории Беларуси мы не встретили. По данным И.М. Бобла, до 1917 г. специально организованного воспитания и обучения детей с интеллектуальной недостаточностью на белорусских землях не было [4]. Аналогичное заключение (в виду отсутствия документальных подтверждений) мы делаем и в отношении физического воспитания, не исключая самостоятельного приобщения детей с легкой интеллектуальной недостаточностью, проживающих в семьях, к самостоятельному физически активному досугу и играм по месту жительства.

В начале XIX в. лишь некоторые из таких детей приобретали начатки знаний в детских приютах и домах призрения, имевших школьные отделения. Подобные заведения существовали в Витебске, Могилеве, Минске и Гродно. Программы этих заведений предусматривали усвоение материала по арифметике, географии, истории и другим учебным предметам [4]. Учебный предмет, связанный с занятиями учащихся физическими упражнениями, в учебных планах мы не находим.

Как и прежде, государство большую часть заботы о слабоумных перекладывало на плечи богоугодных организаций, частной инициативы и благотворительности. Кроме того, в Беларуси проблема усугублялась постоянным разорением белорусских земель в ходе частых военных действий, а также реакционной политикой русского самодержавия в отношении Беларуси, не имевшей своей государственности. Основная масса умственно отсталых детей здесь воспитывалась в семьях, в том числе находясь на попечении и опекунов.

Помещение многих «бродяг», «буйных и опасных для общества» («преимущественно подростков с глубоко выраженным слабоумием») в богадельни Приказов общественного призрения Могилевского, Минского, Витебского, Гродненского и Виленского, которые были учреждены по мере воссоединения отдельных частей Беларуси с Россией и осуществляли призрение и лечение, главным образом, престарелых и больных людей, было обычным явлением на территории Беларуси XIX века [4].

Неудовлетворительная постановка дела призрения и воспитания детей, находившихся в богоугодных заведениях Приказов, неоднократно подвергалась критике врачами и педагогами Беларуси.

По имеющимся в литературе данным, в единичных специальных учреждениях для «аномальных» детей в Беларуси обучалось лишь несколько десятков учащихся, в то время, когда согласно «Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.», в белорусских губерниях насчитывалось свыше 7 тысяч «аномальных» детей (0–19 лет), в том числе 1048 «умалишенных» школьного возраста (10–19 лет) [4, с. 69].

Заклучение. На протяжении многих веков у древних славян, проживающих на территории Беларуси, лица с легкой интеллектуальной недостаточностью предположительно могли включаться в элементарные самодеятельные формы физического воспитания нормально развивающихся детей и взрослых. В жизнедеятельности лиц с умеренной и тяжелой интеллектуальной недостаточностью, проживающих на «западных землях Руси», какая-либо связь с физическим воспитанием, вплоть до конца 19 века, практически отсутствовала (не подтверждается соответствующими историческими источниками).

Литература

1. Евсеев, С.П. Адаптивная физическая культура: учеб. пособие / С.П. Евсеев. – М.: Советский спорт, 2005. – 240 с.
2. Новицкий, П.И. Адаптивная физическая культура во втором отделении вспомогательной школы: учеб.-метод. пособие для педагогов / П.И. Новицкий. – Минск: Адукацыя і выхаванне, 2011. – 200 с.
3. Кун, Л. Всеобщая история физической культуры и спорта / Л. Кун. – М.: Радуга, 1982. – 401 с.
4. Бобла, И.М. История становления и развития специального образования детей с особенностями психофизического развития в Беларуси: пособие / И.М. Бобла, И.Ю. Макавич. – Минск: БГПУ, 2010. – 180 с.
5. Sigerist, H.E. A history of medicine / H.E. Sigerist. – New York, NY: Oxford University Press, 1951.
6. Venzmer, G. Five thousand years of medicine / G. Venzmer. – New York, NY: Taplinger, 1968.
7. Lowenfeld, B. The changing status of the blind / B. Lowenfeld. – Springfield, MA: Charles C. Thomas, 1975.
8. Irmo Marini, Нопин М. Graf, Michael Millington. Psychosocial Aspects of Disability. Insider Perspectives and Strategies for Counselors. Second Edition. – 2017.
9. Deutsch, A. The mentally ill in America (2nd ed.). / A. Deutsch. – New York, NY: Columbia University Press, 1949.
10. Замский, Х.С. История олигофренопедагогики. – 2-е изд. / Х.С. Замский. – М.: Просвещение, 1980. – 398 с.
11. Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т. / гал. рэд. калегія Ё.М. Ёгнаценка [і інш.] – Мінск: Навука і тэхніка, 1972–1975.
12. Юдин, Т.И. Очерки истории отечественной психиатрии / Т.И. Юдин. – М.: Медгиз, 1951. – 480 с.
13. Rubin, S.E., & Roessler, R.T. Foundations of the vocational rehabilitation process (4th ed.). / S.E. Austin, TX: Pro-Ed., 1995.
14. Obermann, C.E. A history of vocational rehabilitation in America. Minneapolis, MN: T.S. Denison, 1965.
15. Грыцкевіч, В.З. З мінулага нашае медыцыны / В.З. Грыцкевіч. – Польша. – 1969. – № 6. – С. 201.
16. Сеген, Э. Воспитание, гигиена и нравственное лечение умственно ненормальных детей / Э. Сеген. – СПб., 1903. – С. 35.
17. Монтессори, М. Дом ребенка: метод научной педагогики / М. Монтессори. – М.: Астрель: АСТ, 2006. – 269 с.

Поступила в редакцию 07.12.2021

«Мало беспартийных студентов принимают и втягивают в партию»: К истории витебского студенчества конца 1920-х гг.

Яковлева Г.Н., Дулов А.Н.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Студенты вузов и техникумов БССР, являясь неотъемлемой частью советского студенчества, были вовлечены в процессы пролетаризации высшего и среднего специального образования в СССР, адаптации к новым формам и методам обучения и усвоения новой советской идеологии. Важную роль в этом играли профессиональные организации пролетарского студенчества (Пролетстуда).

Цель исследования – на материалах анкет Пролетстуда реконструировать материальное положение, бытовые практики и общественно-политические настроения студентов г. Витебска конца 1920-х гг.

Материал и методы. В 1929 г. в ходе обследования студенчества БССР студенты ветеринарного института, пяти техникумов и витебского рабфака отвечали на вопросы анонимной культурно-бытовой анкеты ЦБ Пролетстуда ЦСПСБ. Республиканская комиссия по проведению обследования информацию об итогах прислала в Витокружском КП(б)Б. Эти документы отложились в Государственном архиве Витебской области и стали основой для исследования. В статье использовались как общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение), так и специально-исторические методы исследования (сравнительно-исторический и историко-генетический).

Результаты и их обсуждение. Анкета называлась культурно-бытовой, но часть вопросов носила политико-идеологический характер. Речь шла о реализации самокритики и демократии в учебном заведении, мнении о работе студенческих организаций и отношении студентов к общественной работе. Выяснялось отношение к национальной политике. Какие недостатки были в учебном заведении и как их устранить. Выяснялось мнение о научных работниках и преподавателях учебного заведения, были ли «идеологические вывихи», которые предлагалось показать. Подборка цитат из ответов на вышеперечисленные вопросы содержала в основном критические замечания. Полученная информация использовалась по-разному: и для устранения нарушений, и для контроля над аппаратом, и для выявления оппозиционеров, и для зондирования настроений студенчества. Ответы на вопросы, культурно-бытового характера были обобщены по каждому учебному заведению и позволяли узнать количество студентов, их социальное происхождение, религиозность и партийность, возраст, пол, состояние здоровья, условия проживания и учебы, материальное положение. По анкете можно судить о том, что тогда считалось девиантным поведением (игра в карты, курение, ругань, употребление спиртного, онанизм). Выяснялась половая жизнь и представление студентов об идеале половой жизни, их отношение к браку, пользовались ли студентки косметикой.

Заключение. К концу 1920-х гг. витебское студенчество в основном уже классово и идеологически соответствовало ожиданиям партии. Большинство студентов были настроены антиклерикально, пропитаны советской идеологией и новыми социальными представлениями. Стремилась стать членами партии, комсомола, профсоюза, что соответствовало образу «красного студенчества». Будучи убежденными общественниками, не удовлетворялись ролью студенческих профорганизаций в жизни своих учебных заведений и качествами руководителей своих профорганизаций. Часто подмечали у них карьеристские устремления. Ощущали угрозу в случае критики своих «верхов», видели давление партийных инстанций на профсоюз, его несамостоятельность.

Большинство студентов были выходцами из семей рабочих, крестьян, мелких ремесленников и торговцев из местечек, проживали только на стипендию, которая не обеспечивала их базовых потребностей. Тяжелые жилищно-бытовые условия являлись причиной возникновения серьезных межличностных конфликтов и подорванного здоровья. Все это, наряду с необходимостью постоянной подработки, влияло на качество учебного процесса. Проблема отношений между полами волновала молодежь, дискуссии на эту тему были знакомы и в провинции. Но если судить по ответам, уровень сексуальной свободы среди витебских студентов конца 1920-х гг. носил умеренный характер.

Ключевые слова: Пролетстуд, студенты, анкета, стипендия, демократия, общественная работа, критика, брак, быт, преподаватели.

(Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 20–27)

“Few Students are Involved into the Party Membership”: From the History of the Late 1920s Vitebsk Students

Yakovleva G.N., Dulov A.N.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

University and technical school students in the BSSR, as an integral part of Soviet students, were involved into the processes of proletarianization of higher and secondary special education in the USSR, adaptation to new forms and methods of teaching as well as mastering new Soviet ideology. Professional organizations of proletarian students (Proletstud) played an important part in it. The research purpose is to reconstruct the material state, everyday practices as well as social and political moods of the late 1920s City of Vitebsk students on the basis of Proletstud questionnaires.

Material and methods. In 1929 in the course of the survey of the BSSR students veterinary students as well as students of five technical schools and Vitebsk rabfac (Workers' Faculty) answered the questions within an anonymous culture and everyday life questionnaire of Proletstud Central Bureau, The Survey Republican Commission sent the survey findings to Communist Party of Belarus Vitokruzhcom (Vitebsk Committee). These documents are in the State Archive of Vitebsk Region and became the research base. Both general scientific (analysis, synthesis, comparison and generalization) and special historic research methods (the comparative historical and the historical genetic) were used in the article.

Findings and their discussion. The questionnaire was called cultural and everyday life but part of the questions was of political and ideological character. The idea was the implementation of self-criticism and democracy at an education establishment, what students thought of the work of student organizations and the student attitude to social work. The attitude to the national policy was also found out as well as the shortcomings at an education establishment and the ways to prevent them. Students were asked what they thought of the education establishment teachers and researcher, if they observed ideological “distortions” and which ones. The quotations of the replies were mainly of the critical nature. The obtained information was used in various ways: to delete violations, to control the administration, to expose the opposition and to find out student moods. Answers to culture and everyday life questions were generalized for every education establishment which made it possible to learn the number of students, their social background, their religion and party membership, age, gender, health, living and study conditions, material state. The questionnaires revealed what then was considered to be deviant behavior (playing cards, smoking, filthy language, drinking). Sexual life and students' ideas of ideal sexual life was found out as well as their attitude to marriage and whether they used make up.

Conclusion. By the late 1920s Vitebsk students mainly had suited the Party expectations from the point of view of class and ideology. Most students were anticlerical in their attitude, soaked with Soviet ideology and new social ideas. They wanted to become Party, Komsomol, trade union members, which was a typical image of “the red student”. They were committed to social life, were not satisfied with the role of student trade unions in the life of their education establishments, or with qualities of trade union leaders. They were often career oriented. When criticizing their authorities they felt threat, saw the pressure on the part of the Party authorities on trade unions, trade union dependence.

Most students came from workers, peasants, small scale businessmen and salesmen families from settlements; they lived only on their scholarships which did not satisfy their needs. Hard living conditions resulted in the emergence of serious interpersonal conflicts and health damage. All this alongside with the necessity in constant earning money influenced the quality of their academic performance. Gender relations worried young people, discussions on the topic were also common in province. According to answers sexual freedom among Vitebsk students of the late 1920s was of moderate character.

Key words: Proletstud, students, questionnaire, scholarship, democracy, social work, criticism, marriage, life, teachers.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 20–27)

Революция 1917 г. в России изменила систему образования, которая в руках партии большевиков стала средством преобразования социальной структуры общества, воспитания молодого поколения, способного строить новый мир. Пролетаризация и коммунизация состава студенчества оставалась задачей партии все 1920-е гг. Профсоюзы были частью советской политической системы, а студенческие профсоюзные секции – объединениями пролетарского студенчества, с помощью которых решались задачи изменения классового состава советского студенчества и его идеологической закалки. В 1923 г. при ВЦСПС была создана общественная организация про-

летарского студенчества – Пролетстуд с Центральным Бюро (ЦБ Пролетстуда) во главе. К 1925 г. возникли 62 объединения пролетарского студенчества по всему СССР [1]. Были созданы и республиканские ЦБ Пролетстуда. Витебское губернское бюро Пролетстуда было создано в конце 1923 г. С включением Витебской губернии в состав БССР в 1924 г. и проведения административно-территориальной реформы профсоюзные секции ветинститута и техникумов города стали подчиняться витебскому городскому бюро Пролетстуда и ЦБ Пролетстуда ЦСПСБ¹ в Минске.

¹ ЦСПСБ – Центральный совет профессиональных союзов БССР.

Материал и методы. В начале 1929 г. проводилось обследование студенчества БССР. В его рамках студентам вузов, техникумов и рабфаков была предложена анонимная культурно-бытовая анкета ЦБ Пролетстуда ЦСПСБ. В Витебске на анкету отвечали студенты ветеринарного института (ВВИ), художественного техникума (ВХТ), белорусского педагогического (ВБПТ), еврейского педагогического (ВЕПТ), кооперативного (ВКТ) и политехнического техникумов (ВПТ), витебского рабфака (рабочего факультета). Комиссия по проведению обследования информацию об итогах из Минска прислала в Витокружком КП(б)Б. Она состояла из двух частей: «Сведений о заполнивших анкеты студентах» по каждому учебному заведению и цитат из ответов на ряд вопросов. Эти материалы отложились в Государственном архиве Витебской области и стали основой для ряда выводов о витебском студенчестве конца 1920-х гг.

Цель исследования – на материалах анкет реконструировать материальное положение, бытовые практики и общественно-политические настроения студентов г. Витебска конца 1920-х гг. В статье использовались как общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение), так и специально-исторические методы исследования (сравнительно-исторический и историко-генетический).

Результаты и их обсуждение. Анкетирование – распространенная практика 1920-х гг. Периодически его проводило и ЦБ Пролетстуда по всем вузам и техникумам страны. Полученная информация использовалась по-разному: и для выявления проблем и устранения нарушений, и для контроля над руководящими органами на местах, и для выявления оппозиционеров, и для зондирования настроений студенчества. Осенью 1929 г. итоги анкетирования обсуждались в ЦБ Пролетстуда и в студенческих коллективах на местах.

Количество витебских студентов, отвечавших на анкету 1929 г., было неодинаковым в разных учебных заведениях, но их было почти 50% от общего числа обучавшихся. На анкеты отвечали юноши и девушки 16–30 лет. Анонимная анкета 1929 г. называлась культурно-бытовой, но часть вопросов носила политико-идеологический характер, цитаты именно из этих ответов были присланы в Витокружком КП(б)Б. Речь шла о реализации самокритики и демократии в учебном заведении, мнении о работе студенческих организаций и отношении студентов к общественной работе. Выяснялось отношение к национальной политике вообще и к белорусизации в частности. Интересовало авторов анкеты, чем руководствовался студент при выборе своей специальности и доволен ли ей. Какие недостатки были в учебном заведении и как их устранить. Выяснялось мнение о том, надо ли в студенческие годы вступать в брак. Вопрос «Твое мнение о научных работах и преподавателях учебного заведения. Их соответствие своему предназначению. Идеологическое содержание в их работе; если есть идеологические и другие вывихи, тогда покажи, по каким дисциплинам

и приведи наиболее яркие примеры», по нашему мнению, провоцировал студентов на доносы. Присланная подборка цитат из ответов на вышеперечисленные вопросы содержала в основном критические замечания. Для понимания выделения именно этих вопросов надо помнить контекст эпохи: развертывание индустриализации, «шахтинское дело»², начало свертывания политики белорусизации, призывы XV съезда ВКП(б) и Сталина (Иосиф Виссарионович Сталин, 1879–1953) к самокритике после разгрома оппозиции.

Ответы на вопросы, которые носили культурно-бытовой характер, были обобщены по каждому учебному заведению. Эти сведения позволяют узнать количество студентов, их социальное происхождение, религиозность и партийность, возраст, пол, состояние здоровья, условия проживания и учебы, материальное положение. Представляется неоднозначным отбор вопросов авторами анкет: если интерес к регулярности чтения газет и вида читаемых книг понятен, то почему их интересует отношение студентов только к музыке, неясно. Анкета спрашивает «где обедают» студенты, но не уточняет качества питания. По ней можно судить о том, что тогда считалось девиантным поведением (игра в карты, курение, ругань, употребление спиртного, онанизм). Выяснялась половая жизнь («нормальная–беспорядочная–воздержание») и представление студентов об идеале половой жизни с вариантами ответов: «долгосрочные отношения–случайные–воздержание–нет ответа», их отношение к браку и косметике. Предлагавшиеся вопросы и варианты ответов не во всем устраивали студентов, о чем они писали в своих комментариях («эта анкета не исчерпывающе знакомит нас с многогранной фигурой студенчества»).

Материалы анкетирования свидетельствуют о сложных материально-бытовых условиях жизни студентов. В предлагавшейся градации источников существования и сколько средств они имеют в месяц, большинство называло стипендию. Очень часто студенты определяли уровень своих доходов суммой до 18 и в 18–24 руб. [1, л. 287об.] Сумма в 18–20 руб. соответствовала размеру стипендии. Она была маленькой, к тому же ее часто дробили наполовину. Студенты получали как государственные, так и частные (с 1925 года – хозяйственные, выплачиваемые студенту каким-либо предприятием с условием последующей работы на нем студента) стипендии. Государством стипендиальный фонд выделялся только на 40% студентов. «Обеспечение студенчества стипендиями было самой острой и трудно-решаемой проблемой на протяжении 20-х гг. Как размер стипендий, так и их количество были далеки от действительных потребностей» [2]. Многие вынуждены были искать подработку. Часто это был тяжелый физический труд.

² Судебный процесс в 1928 г. в Шахтинском районе Донбасса по обвинению большой группы руководителей и специалистов угольной промышленности из ВСНХ, треста «Донуголь» и шахт во вредительстве и саботаже.

С введением классовых принципов комплектации вузов властями был утвержден и классовый принцип распределения стипендий. При ее назначении также учитывалось членство в партии, комсомоле, профсоюзе. «Пролетаризация» контингента учебных заведений города была достаточно высокой. Большинство студентов родилось в семьях рабочих и крестьян. С учетом значительного числа еврейского населения региона, объяснимо присутствие в ВЕПТ, ВБПТ, ВХТ и ВВИ выходцев из среды ремесленников и мелких торговцев. У абсолютного большинства студентов в семьях были чрезвычайно низкие доходы. Социальные предубеждения и конкуренция за стипендию давали о себе знать. Респондент ВБПТ писал: «Плохо то, что наш секретарь партиячейки знает, кто платит 30 руб. налога и защищает их, чтобы дали стипендию, и дают, а не знает тех, кто платит 6 руб. и предлагает снять» [1, л. 417]. Сложности с определением социального статуса студентов влияли на ее назначение и вызывали обиды и негодования студентов. «Но много энергии отнимает одно сознание, что ты “служащий по происхождению”, не нужен советской школе как элемент, что твою неполную стипендию каждый день готов снять профком, несмотря на то, что мать еле волочит ноги, не имея никакой абсолютно собственности, учительница с 18 лет работает не покладая рук. “Служащая”. Сначала дадим стипендию рабочим, крестьянам», – с горечью писал один из студентов [1, л. 285об.]. Многие отмечали, что стипендии назначаются несправедливо, ее могут лишить по любому поводу, в том числе политическому. «Попробуй покритиковать, останешься без стипендии», «вместо диплома пойдешь на биржу» и т.д. [1, л. 298]. «В техникуме демократии нет. Все поднимают руки, боясь, чтобы не сняли стипендию» [1, л. 295об.].

Огромной проблемой витебского студенчества оставалась нехватка мест в общежитии. Многие снимали квартиры и не получали помощи от профсоюза. Условия жизни в общежитиях были тяжелыми: шум, холод, скученность в комнатах (в ответах упоминалось проживание даже по 17 человек), нехватка освещения. «Что касается самого учебного заведения, то еще ничего, но совсем невозможное дело с жизнью и бытом студентов, особенно парней. Живем на удалении одного км от техникума, снабжение водой и светом периодическое, целыми месяцами нет уборной, теснота невероятная, распространены кражи» [1, л. 416об.]. Об общежитии ВХТ писали даже в газете «Заря Запада». В заметке с названием: «Студенческое общежитие или ночлежка?» рисовалась неприглядная картина быта тех лет: «Уже второй месяц, как молодежь со всех концов БССР учится в художественном техникуме, ютится в таком студенческом общежитии, которое похоже на ночлежку. Грязь невообразимая, теснота такая, что между койками не пройти. Полов никогда не моют. Из испорченного крана вода посто-

янно течет на пол в сенях, а оттуда – в общежитие. Вообще положение студентов тяжелое. Особенно плачевно положение у студентов 1-го курса, потому что они живут на свои средства и большинство – сыновья бедных родителей, которые не могут прислать им денег, а стипендию еще не распределили» [3, л. 126об.].

К бытовым проблемам добавлялись сложные условия учебы: нехватка помещений, мебели, учебников и учебных пособий. Неудовлетворительным было питание, многие студенты жили впроголодь. «В столовой морят голодом». «Столовка отнимает много времени – около двух часов». На вопрос о самочувствии студенты в основном отвечали – «удовлетворительное» или «плохое». У многих были проблемы со здоровьем. Конечно, профсоюзы старались проявлять заботу о здоровье студентов, выделяя материальную помощь, путевки на санаторно-курортное лечение, пытались повлиять на организацию питания, но их возможности были невелики. Отсюда и ответы анкетированных. Угнетало однообразие студенческой жизни: «Живешь, как все живут, а все не живут, а прозябают». «Работа студенческих организаций должна принять другой оборот, ибо жизнь студентов слишком однообразна, вечера по одному шаблону и неинтересные студен-там» [2, л. 415об., 412об.].

Витебские студенты – это уже советское поколение, впитавшее в себя политико-идеологические и социальные установки эпохи. Только 4 человека признали свою религиозность. Часть студентов не ответили на вопрос, можно предположить, что верующих было больше. Иначе бы не проводили показательных общественных судов над комсомольцами, отмечавшими Пасху и т.д. Но в большинстве своем их отношение к церкви очевидно. Одному не нравилось, что некоторые преподаватели «не порвали связь с религией, что выражается в посещении церквей, а также отчасти во время читки лекций» [2, л. 287об.]. Другой сигнализировал, указывая преподавателя конкретной дисциплины: «Религиозный, читает лекции так, что их никто не слушает» [2, л. 416об.]. Не нравилось студентам употребление преподавателями выражений типа «перст вместо палец», «священная истина». В ВБПТ среди недостатков указывалось, что «много студентов духовного звания» или «детей попов и крупных землевладельцев» [2, л. 417].

Студенты признавали огромную значимость общественной работы. Они занимались ликвидацией неграмотности, шефствовали над предприятиями, воинскими частями, учреждениями города, близлежащими деревнями, занимались антирелигиозной пропагандой, работали в ячейках добровольных обществ, проводили культурно-массовую работу и т.д. «Всегда нес общественную нагрузку. Общественная работа воспитывает человека-строителя социализма, это, во-первых, а во-вторых, общественная жизнь необходима», – писал студент, член КПБ [2, л. 286]. «Вообще я не был ни одного дня без общественной работы и считаю, что это дело должно быть на первом месте», – писал сту-

дент МХТ [2, л. 295об.]. Положительно воспринимая саму общественную работу, студенты критически относились к руководителям студенческих общественных организаций. Среди них много болтунов, «так называемых словохлестов» [2, л. 402об.]. «Большинство руководителей наших организаций работают с целью пробить себе карьеру». «Хорошим общественным работником считается тот, кто не работает, а только болтает» [2, л. 415]. Социальная сегрегация ощущалась и при распределении нагрузки: одних загружают по максимуму, других игнорируют, хотя они и хотели бы ею заниматься. «В общественной работе участвуют только партийцы, а беспартийные отшиблены» [2, л. 298]. «Отношение хорошее, очень хочу работать, но не дают общественной работы, т.к. не комсомолка и не получаю стипендии» [2, л. 415]. «Работать на пользу общества люблю, однако поскольку я беспартийный, то мне работы нет» [2, л. 407об.]. По мнению других, в общественной работе участвовать должен каждый, но она должна быть интересной человеку, приносить явную пользу и не мешать учебе («не путать кашу с горохом»).

Интересно, как сами студенты реагировали на те социально-классовые критерии, которые тогда определяли судьбы людей и заставляли их «подстраивать» свои корни и биографии под нужный идеал. Студенты из семей служащих, чьи доходы были чрезвычайно низки, были недовольны преимуществами рабочих и крестьян при зачислении, распределении стипендий и мест в общежитии. Студентов из крестьян не устраивали преимущества рабочих. В ВХТ студент возмущался: «В первую очередь дают стипендии бездарному неспособному к специальности сыну рабочего, чем талантливому сыну крестьянина-бедняка, которому приходится покинуть впоследствии учебное заведение, ехать домой и зарывать в землю все, что дано. Это неправильно, нужно давать в первую очередь таланту, а потом обеспечивать бездарность, ибо с него проку, что с гнилой подошвы» [2, л. 286об.]. В ВВИ, наоборот, студент написал: «Я бы сказал, что есть так называемый “деревенский уклон”, что объясняется преобладающим процентом крестьян; выпячивание роли крестьянства и замазывание роли пролетариата» [2, л. 288]. Неясность социальных критериев, низкие доходы семей всех категорий, произвольное решение инстанций, решавших вопросы, обостряли конкуренцию и не способствовали товарищеским отношениям в молодежной среде.

Ответы показали еще один парадокс социальных реалий тех лет: молодежь хочет получить образование, но при этом очевидна боязнь изменения социального статуса в результате его получения: был рабочим или крестьянином, станет служащим, что воспринималось как преграда на жизненном пути. «Я комсомолец, в партию в техникуме вступить не удастся, а после окончания тем более, потому что будешь считаться служащим, и пока из комсомола передадут в партию... А поэтому на сегодняшний день сменил бы свою квали-

фикацию на квалификацию рабочего на заводе» [2, л. 408об.]. Очевидно укоренившееся потребительское отношение к членству в партии или комсомоле для достижения жизненного успеха. Из заполнивших анкеты витебских студентов около 50% были комсомольцами и членами профсоюза, только 44 человека были членами КП(б)Б. «Мало беспартийных студентов принимают и втягивают в партию, где можно было бы углубить и расширить свои политические знания», — писал студент из ВВИ [2, л. 298]. Недоволен работой партийной и комсомольской организацией студент ВКТ. Ими «не обращается внимание на беспартийную массу и ничего не делается по приему в партию или комсомол беспартийного актива» [2, л. 407].

Не удовлетворяло многих студентов положение с самокритикой и демократией в их учебных заведениях. «У нас всякую самокритику стараются приравнять к пессимизму и уклону», — отмечал студент политехникума [2, л. 401]. В ВХТ студент из крестьян писал: «Если есть уже постановление какого-нибудь органа — райкома, союза, так, брат, лучше ничего не говори, хоть и есть о чем говорить, и есть много недостатков. Однако сразу говорят: что для вас не авторитетно это постановление, ты против. А... У тебя брат душком пахнет, уклончик какой-то имеется. И чтобы не попасть на бюро или на профком — все молчат и голосуют за то, что в корне несправедливо» [2, л. 295]. Часто в анкетах упоминают «зажим», «давление», «навязывание». Одни отмечали боязнь критиковать руководство, это потом аукнется («послезавтра тебе с процентами отомстят», «может нагореть»), другие видели зажим со стороны партийного и комсомольского бюро или райкома. Многократно отмечалось «назначенчество» вместо выборов. В ВБПТ студенты считали, что «свое особое мнение зажимается в мощные клещи». «Выборы и перевыборы предсказуемы, кандидатуры обговариваются на партийных и комсомольских собраниях и навязываются сверху». «Комсомольцы на своих собраниях не рискуют высказать мнение, несовпадающее с мнением бюро. Тут же обвинят в невыдержанности» [2, л. 414об.]. В ВВИ: «Демократии нет, ее и не может быть, ведь каждое мнение, высказанное на собрании против верхов и партийных, грозит выкидыванием из партии, а беспартийным, как идеологически испорченного элемента, — из учебного заведения» [2, л. 298].

В учебных заведениях города учились белорусы, евреи, русские, поляки. Помимо еврейского педагогического техникума, высок был процент еврейской молодежи в политехническом, кооперативном, художественном техникумах. Напряженность в межнациональных отношениях и рост антисемитизма в конце 1920-х гг. ощущается в ряде цитируемых анкет. В ВБПТ белорусы из крестьян писали, что «евреи очень свободно себя чувствуют, чуть что — зовут нас антисемитами, за заносчивость белорусы их презирают». «Относительно евреев имею некоторое недовольство, примечаю за ними недобрые отношения

к белорусам» [2, л. 415об.]. В ВХТ «левым уклоном от основной линии партии» обозначил студент поведение преподавателя обществоведения, еврея по национальности. «Когда он заподозрит кого-либо в антисемитизме, старается, чтобы дали соответствующее наказание, вплоть до исключения, не базируясь на том, что обвиняемый, может быть, приехал из деревни, не знает сущности классовой борьбы и т.д., и его исключают» [2, л. 286об.]. В анкетах немало претензий и критических замечаний и со стороны студентов-евреев. Многие подчеркивали элементы антисемитизма у преподавателей и студентов. Считали, что борьба с его проявлениями носит формальный характер. Так, комсомольский лидер ВХТ «с евреями, как парнями так и девушками, ничего общего не имеет, презирает, но на словах борется с антисемитизмом», — отмечал один [2, л. 293]. Другой студент, кандидат в члены КПБ, увидел под лозунгом коренизации антисемитские нотки («мало белорусов, много евреев») [2, л. 402].

При поддержке национальной политики в целом, многие скептически относились к белорусизации образования, предпочитали русский язык. «Национальной розни быть не должно, но белорусский язык не хлеб, можно без него», считала студентка-белоруска из крестьян. Евреями критиковалась практика зачисления еврейских детей в школы на идише, даже если родители хотели отдать их в русские или белорусские: «Нужно свободное развитие культуры и языка каждой национальности, но отнюдь не насильно заставлять человека учиться на том или ином языке при поступлении в школу» [2, л. 402].

Дискуссии тех лет по половому вопросу были известны и витебскому студенчеству. Отзвуки вольных отношений иногда проявляются в анкетных выдержках. То парень 20-ти лет отрицает брак в годы учебы, но не прочь «иметь девушку, с которой можно было бы весело проводить время», то студентка пишет о браке: «Прочного взгляда у меня нет. По-моему, без детей, которые мешают работе, это полезно, потому что по моему темпераменту у меня бывали такие моменты, когда я не могла заниматься. Теперь этого нет, т.к. работа отнимает у меня все время. 2 года назад я была со своими парнями в близких товарищеских отношениях, теперь общественная работа вытеснила это» [2, л. 417об.]. Отрицание брака в годы учебы студенты обосновали так: «Потому, что половые отношения притупляют умственные способности, и они рано связывают человека, который еще не жил по-человечески. Естественно, есть исключения». «Если взрослый человек, то надо, иначе могут прийти к онанизму и проституции и другим последствиям» [2, л. 417об.].

Тем не менее, данные анкет показывают преувеличенность представлений о сексуальной свободе тех лет. По крайней мере, к концу 1920-х гг. и среди витебских студентов, количество сексуальных контактов было не столь велико. Многие писали о ведении как реалиях своей жизни. Большинство

студентов высказывались за долгосрочные отношения, проявили ответственное отношение к браку, к проблеме рождения детей. «Брак мешает учебе. Но если влюбился, ничего не сделаешь. Очень хорошо будет, если выйдешь за любимую...» [2, л. 413об.]. «Если очень нравится девушка и без нее делается грустно, то в таких случаях я считаю возможным. Но надо обращать внимание на экономическое обеспечение» [2, л. 417об.]. «Да. Женитьба не так много отнимает времени мужчин (!), а, между прочим, делает его более спокойным. Но жениться без гроша в кармане нехорошо, даже нечестно по отношению к детям, если они будут» [2, л. 288]. Девушек волновала возможная беременность, проблема аборта, потенциальное отставание в учебе из-за домашних дел. Если принять за аксиому, что студенты отвечали честно, то совсем немногие курили и употребляли спиртное, нечасто пользовались косметикой.

В добавлении к одной из анкет писалось, что остались без внимания вопросы о дружбе и товариществе среди студенчества, о взаимоотношении полов, где много перегибов, о взгляде на девушек и на любовь. Одни презирали «игру в кавалеров и барышень» среди молодежи, определяли увлечение танцами как мещанство. Другие отмечали присутствие парням «неумение вести себя с девушками», общую «нашу бытовую некультурность». Выходя за рамки предложенных вопросов, студент-партиец в дополнении к анкете уточнял: «Важно для студентов вопрос о том, каким должен быть красный специалист, как он представляет себе свою миссию и оправдает ли он доверие пролетариата. Не станет ли часть из нас такими как шахтинцы, есть среди нас и такие, которые рисуют себе будущую “карьеру” в форме уютной квартирки и молоденькой жены, в обывательской благополучии. Материал анкет не должен остаться материалом статистики, а должен быть опубликован и стать основой широкой дискуссии среди самого студенчества, заставить задуматься над собой и исправлять массу изъянов, которые есть у нас» [2, л. 406].

У многих студентов была неудовлетворенность учебой, выбранной специальностью и перспективами в будущем. В ВПТ и ВВИ студенты отмечали недостаток клиник и лабораторий, нехватку специальной литературы, слабую связь теории с практикой. В кооперативном техникуме сквозило недовольство перспективами: «Отучился 3 года, а идешь работать счетоводом или техническим работником в канцелярию. Этому можно научить за 3–4 месяца». Пугала слабая материальная обеспеченность, нестабильность в работе. В педтехникумах отмечали плохое материальное обеспечение, тяжелый и неблагодарный труд учителя в деревне. Несмотря на попытки большевиков поднять престиж педагогического труда, очевидна его непривлекательность у многих студентов. Особенно это проявляется в ВБПТ при ответах, чем руководствовался студент при выборе специальности и доволен ли ей.

«Руководствовался тем, что сюда легче поступить, чем в другое заведение, к науке тянет, лишь бы где, только учиться». Другой учительскую науку назвал «мукой», поступил потому, что просто некуда было поступать. «Какая это специальность, учительскую я за специальность не считаю. С одной стороны, работать на благо общества – хорошее дело, однако же, мало таких людей, которые работали бы за “спасибо”, а тут приходится». «Надо учиться 4 года, а потом получать 48 руб. жалования; драть глотку по 5 часов в день нет смысла» [2, л. 417].

Студентка ВЕПТ не хотела «возвращаться в местечко, которое фактически умирает, и лучше пойти туда, где жизнь только начинается» [2, л. 413об.]. Парни-евреи подчеркивали вынужденность учебы в евпедтехникуме, используя социальные мотивы. Один хотел учиться в политехникуме, однако его, рабочего-металлиста, но беспартийного, по этой причине отправили в ВЕПТ. Другой писал, что хотел бы быть рабочим, работать на заводе, пролетаризироваться. И добавлял: «Специальность педагога в будущей перспективе обеспечивает тебя очень плохо». Третий, явно ассимилированный, тяготился всем: «Не доволен тем, что еврейский язык, еврейская среда и т.д., в какой я буду работать и в современный момент тружусь, не удовлетворяют, потому что я не привык в такой среде быть» [2, л. 413об.].

Конечно, надо учитывать специфику источника, ориентированного на выявление критических замечаний; в других, «некритических», анкетах студенты, вероятно, указывали и на желание работать в педагогической сфере, и на стремление участвовать в просвещении народных масс, и на мотив стать специалистом, востребованным обществом. Для многих окончание техникума открывало дорогу к получению высшего образования в столичных городах.

Что касается мнения студентов о преподавателях, то они достаточно критичны. Только в одном случае студент отметил: «Чтобы узнать знания того или иного преподавателя, надо знать на 50% его дисциплину, а потом критиковать. Столько я не знаю» [2, л. 287]. Учитывая специфику источника, не акцентировавшего внимание на положительных моментах в ответах студентов, можно утверждать, что были преподаватели, которые соответствовали ожиданиям студентов и требуемой квалификации. Но в анкетах упоминалось и отсутствие педагогических способностей, игнорирование современного подхода к студентам, слабые знания, захват предметов по «шкурным интересам». Одни студенты называли фамилии, другие – предметы, третьи писали о преподавателях в общих чертах. Очень активно выявлялись недостатки идеологические. К чему их стимулировал и соответствующий вопрос анкеты. Особенно много комментариев по этому поводу было в ВВИ и ВПТ. «Есть много преподавателей с антипролетарской идеологией, но из-за нехватки даже этих, приходится мириться». «Есть преподаватели с антисоветскими настроениями, как например,

профессор Макаревский³» (Макаревский Алексей Николаевич, 1863–1942). «Более менее удовлетворяют, но идеологическое содержание не соответствует нужно. Есть группа старых профессоров, которые как лекторы хороши, но плохи как строители коммунизма» [2, л. 287об.]. Студенты ВБПТ нашли у себя и «идеалистов, не согласных с Марксом», и «приспособленцев с непролетарской идеологией». Вина преподавателя литературы заключалась в том, что, будучи толстовцем, при анализе произведений Л. Толстого их марксистского анализа не делал. В политехническом техникуме отмечали: «Инженер Павлов выступает против белорусизации, говоря, что это только для политики, чтобы показать Польше и т.д.». В преподавании у многих нет идейного содержания, что среди старых специалистов «мало советски настроенных», это чуждый элемент. Вывод категоричен: «Подбор персонала ни к черту не годится. Нужны люди свои, которые бы не только проходили программу за деньги, а которые понимали бы наши интересы, нашу жизнь и наше строительство» [2, л. 403]. В ВХТ у преподавателей были старые взгляды на современность в жизни и живописи («в духе старых академиков»). Многие политически не развиты, «просто преподаватели», а не общественные работники [2, л. 286]. В ВЕПТ беспокоились об отсутствии преподавателей-коммунистов, преподавателя русской литературы клеймили как «идеалиста до мозга костей», а еврейского языка – как шовиниста и националиста. Физик, «помимо того, что он шовинист, так он еще говорит, что советская власть плохая. Нет хлеба, кто виноват – советская власть» [2, л. 413]. В ВКТ один преподаватель, «бывший офицер», не имел «современного отношения к студентам», другой «не имеет подхода к студентам, потому что сам он сын помещика и все тянет к старому» [2, л. 408]. «Не верю обществоведы. Мяконький он, толстенький и рос на конфетах, а сейчас он развивает во мне марксистские взгляды, хотя его рука ни мозолей, ни оружия не видела, а только книжечки. Да и сколько... Сам он 1909 года» [2, л. 287].

Заключение. Конечно, всесторонне охарактеризовать витебское студенчество по материалам анкет невозможно в силу их ограниченного информационного потенциала, из-за того, что трудно сказать, насколько честны были анкетированные при ответах. На анализируемые материалы огромное влияние оказало и то, кто и зачем делал выборку именно этих мнений по интересующим партию вопросам.

К концу 1920-х гг. витебское студенчество в основном классово и идеологически соответствовало ожиданиям партии. Большинство студентов были выходцами из семей рабочих и крестьян. Наличие в регионе

³ Алексей Николаевич (Николаевич) Макаревский – выпускник Харьковского ветеринарного института, революционер-народоволец, ученый, профессор. Был первым заведующим кафедрой клинической диагностики ВВИ. Возглавлял профсоюзную секцию научных работников ветеринарного института, обвиненный в реакционных, антисоветских настроениях, покинул институт. С 1929 г. – сотрудник музея им. Кропоткина в г. Москве.

широких еврейских масс обусловило присутствие среди студентов выходцев из семей мелких ремесленников и торговцев. Большинство студентов было настроено антиклерикально, пропитано новой идеологией и классовыми представлениями новой эпохи. Процент членов партии среди студентов был не высок. Многие студенты хотели вступить в партию и комсомол. Однако этот процесс не форсировался, к тому же, по анкетам чувствуется, что, стремление вступить в партию и комсомол довольно часто вытекало не из идейных убеждений, а из желания получить льготы, вытекавшие из этой принадлежности. Процент студентов, объединенных в профсоюзы, по БССР составлял только 51%, а по СССР – 75% [5, л. 15]. Эти цифры соответствуют и ситуации в витебских учебных заведениях.

Все студенты были членами многочисленных кружков, читали газеты, много времени занимала общественная работа, которую студенты признавали важной. Но отмечали ее несправедливое распределение, игнорирование беспартийной молодежи, критически относились к студенческому активу. Волновало их отсутствие свободы в деятельности профсоюза, зависимость его от партийных органов, ограниченные возможности критики руководства учебных заведений и даже руководителей своих студенческих общественных организаций, особенно для беспартийной молодежи. Были проблемы в межнациональных отношениях. Признавая правильность национальной политики, многие высказывались о нерациональности белорусизации в образовании (отсутствие учебников, преподавателей, терминологии, «умерший язык») или в русифицированном Витебском регионе.

Витебские студенты не воспринимали педагогов как наставников, обладавших непререкаемым авторитетом. Многие их претензии к руководству по организации учебного процесса можно признать справедливыми (плохое финансирование, недостаток лабораторий и клиник, нехватка помещений, оборудования и даже мебели, недостаток практики, отсталые программы). Вопросы анкеты, составленные в условиях борьбы со «старыми специалистами», новой волны по пролетаризации студенчества и создания новой советской интеллигенции в условиях индустриализации, повлияли на ответы о преподавателях. Претензии носили, прежде всего, идеологический характер: отсутствие в читаемых курсах марксистской идеологии или недостаточное владение ею самими педагогами; социальное происхождение и выводимые из него личные качества (несоответствие эпохе, антипролетарская психология, приспособленчество) и «идеологические вывихи» преподавателей. Было много претензий и академического характера: плохое владение материалом, отсутствие педагогических способностей, работа как «отбывание барщины». Часть студентов была не

удовлетворена избранной специальностью и жизненными перспективами, с ней связанными.

Материальная сторона жизни была сложной. Большинство студентов проживало на стипендию, которая не обеспечивала их базовых потребностей, и к тому же часто дробилась. Тяжелые бытовые условия являлись причиной возникновения серьезных межличностных конфликтов. Ответы студентов показали, что у многих здоровье было расшатанным. Этому способствовали высокие нагрузки, проблемы с жильем и плохое питание. Студенты проживали в скученных условиях, в не отличающихся чистотой, теплотой и освещением комнатах. Калорийность пищи в столовой была низкой. Все это, наряду с необходимостью постоянной подработки, влияло на качество учебного процесса. Профсоюзы стремились к социальной поддержке студентов, требуя увеличения размера и количества стипендий, обеспечения местами в общежитии и их надлежащего санитарного состояния, организации льготного проезда, выделяли материальную помощь и путевки на санаторно-курортное лечение, занимались вопросами организации питания. Создавались кассы взаимопомощи и кооперативы, но из-за нехватки средств их возможности были небольшими.

Проблема отношений между полами волновала молодежь, дискуссии на эту тему были знакомы и в провинции. Но если судить по ответам, уровень сексуальной свободы среди витебских студентов конца 1920-х гг. носил умеренный характер.

Литература

1. Строгалова, А. Становление и начальный этап деятельности пролетстуда (1923–1925) [Электронный ресурс] / А. Строгалова // Исторический журнал: научные исследования. – 2017. – № 5. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-nachalnyy-etap-deyatelnosti-proletstuda-1923-1925/viewer>. – Дата доступа: 10.01.2021.
2. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 10051-п. (Витебский окружной комитет КП(б)Б). Оп. 1. Д. 735 (Материалы обследования работы агпропотделов, райкомов, культпросветорганов, школ, массовой работы в коллективах КПБ. 21.11.1928–12.1929).
3. Соколов, М. Стипендиальное обеспечение студенчества вузов Беларуси в 1920-е гг. [Электронный ресурс] / М. Соколов // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навука. зб. – Мінск: БДУ, 2007. – Вып. 2. С. 61–66. – Режим доступа: <https://hist.bsu.by/images/stories/files/nauka/izdania/tif/2/Sokolov.pdf>. – Дата доступа: 12.01.2021.
4. (ГАВт.) – Ф. 2289 (Коллекция периодической печати). – Оп. 2. – Д. 1066 («Заря Запада»).
5. (ГАВт.) – Ф. 1292 (Витебский окружной совет профсоюзов). Оп. 1. Д. 292 (Протоколы заседаний Центрального и Витебского городского бюро Пролетстуда).

Поступила в редакцию 18.11.2021

Ментальность латышей в зеркале латышских народных анекдотов XIX – начала XX века

Кузнецова Т.И.

Даугавпилсский университет, Латвия

История ментальности / ментальностей является значимым направлением современной исторической науки, актуальность которого как составляющей части социальной истории лишь возрастает.

Цель статьи – на основе анализа лексического состава латышских народных анекдотов выявить некоторые особенности способа мышления / мировосприятия латышей в конце XIX – начале XX века.

Материал и методы. В работе лингвистическому анализу письменных источников подвергнут комплекс латышских народных анекдотов (5671 единица), опубликованный в 4-х томах в 1929–1930 гг.

Результаты и обсуждение. Предмет истории ментальности имеет три грани: способ мышления / мировосприятия; представления о человеке и различных явлениях мира; имеющие место быть формы и нормы поведения людей.

В данной работе исследована первая грань. Для выявления способа мышления необходим трехаспектный лингвистический анализ вербальных текстов – структурный, функциональный и структуральный. Он позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, отметим почти равное количество существительных, преимущественно антропонимически-предметных, и глаголов, среди которых практически отсутствуют формы, номинирующие ментальные, эмоциональные состояния. Доминирующими являются глаголы, указывающие на физические действия, факты бытия и акты коммуникации. Что говорит о конкретности мышления латышей. Во-вторых, характерной чертой лексического состава латышских народных анекдотов является редкость слов высокой степени обобщения. Об отмеченной конкретности мировосприятия говорит весьма редкое употребление в латышских народных анекдотах прилагательных, что составляет третью особенность лексического тезауруса этих текстов. Четвёртой особенностью лексического тезауруса латышских народных анекдотов является «анормальная» функция частей речи. В роли прилагательного часто оказываются существительные, номинирующие этническую общность. Подобные определения в очередной раз подтверждают основополагающую черту мифологического мышления – неполную выделенность человека из окружающего мира и коррелирующую с ней ограниченность и узость круга социального общения. Часто повторяющиеся прилагательные приобретают устойчивый типологический характер, указывающий на тесноту этого круга, в котором в силу пространственной близости крайне слаб интерес к другому как человеку.

Заключение. Анализ лексического тезауруса обнаруживает мифологический способ мышления латышей, для которого характерны неполная выделенность человека из окружающего мира и вытекающая отсюда конкретность. Эти черты мифологического мировосприятия свидетельствуют об ограниченности и тесноте сферы человеческих контактов, что было свойственно жизни латышей на территории Латвии того времени.

Ключевые слова: ментальность, история ментальности, источник, способ мышления / мировосприятия, лингвистический анализ, латышские народные анекдоты.

(Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 28–32)

Latvian Mentality in the Mirror of Latvian Folk Anecdotes of the 19th – early 20th Centuries

Kuznetsova T.I.

Daugavpils University, Latvia

The history of mentality / mentalities is a significant branch of modern historical science, the relevance of which as a component of social history is only increasing.

The purpose of the article is to identify some features of the mode of thinking / world perception of Latvians in the late 19th and early 20th centuries based on the analysis of the lexical composition of Latvian folk anecdotes.

Material and methods. This investigation is based on the linguistic analysis of Latvian folk anecdotes (5671 items), published in 1929–1930.

Findings and their discussion. The subject of the history of mentality has three facets: the way of thinking / perception of the world; ideas about the man and various phenomena of the world; the existing forms and norms of human behavior.

Адрес для корреспонденции: e-mail: tatjanakuznecova42@gamil.com – Т.И. Кузнецова

The paper deals with the first facet. The revelation of the mode of thinking / world perception embodied in verbal texts demands to use linguistic analysis in three aspects – structure of texts, structural and functional. It makes it possible to conclude the following. First, there is almost equal number of nouns, mainly anthroponomical and object, among which there are practically no forms which nominate mental and emotional states. Verbs, which mean physical actions, facts of being and acts of communication, prevail. This indicates the definiteness of Latvians' thinking. Secondly, the characteristic feature of the lexical composition of Latvian folk anecdotes is the fact that high degree generalization words are rare. The indicated definiteness of world perception is seen in rather rare use of adjectives in folk anecdotes, which is the third feature of the lexical thesaurus of these texts. One more, the fourth, feature of the lexical thesaurus of Latvian folk anecdotes is an abnormal function of the parts of speech. Nouns which name the ethnic community often play the role of adjectives. These definitions confirm once again the basic feature of mythological thinking – an incomplete extraction of the man from the surrounding world and the correlating limitation and narrowness of the social communication circle. Adjectives which are often repeated acquire a stable typological character, that indicates the narrowness of this circle, in which, due to space narrowness, the interest in another person as a personality is very weak.

Conclusion. *The analysis of the lexical thesaurus of Latvian folk anecdotes reveals the mythological mode of thinking of the Latvians. The incomplete isolation of a person from the surrounding world and the resulting concreteness define this way of thinking. Such features of this mode of world perception indicate narrowness and density of the sphere of human contacts, which was characteristic of the life of Latvians living in the territory of Latvia of those days.*

Key words: *mentality, history of mentality, source, way of thinking / perception of the world, linguistic analysis, Latvian folk jokes. (Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 28–32)*

История ментальности / ментальностей как направление исторической науки выкристаллизовывается в начале XX века и сохраняет свою значимость по сей день, становясь, пожалуй, всё более актуальной в качестве составляющей социальной истории, понимаемой как история взаимоотношений людей и природы, людей и людей, людей и вещей в разных сферах человеческой жизни, на разных её уровнях и в двух измерениях – физического действия и восприятия. Существеннейшим фактором, обусловившим «рождение» истории ментальности, видится «восстание масс» [1] и обнаружившееся, прежде всего, в Первой мировой войне доминирование иррационального начала в поведении людей, организуемых в массы. Это побудило, помимо психологов, историков [2] и социологов [3], обратить внимание на психологию в поисках глубинной мотивации человеческого поведения, т.е. на наличные и формируемые различными средствами коммуникации осознанные и неосознанные, но оттого не менее реальные представления людей о себе и о мире. Массовые [коллективные, бессознательные] представления и составляют предмет изучения истории ментальности, но не исчерпывают его, поскольку краеугольным камнем человеческого сознания, включая и бессознательное, является способ мышления / мировосприятия, который находит своё выражение в содержании структуры текстов, оставленных людьми и зафиксированных в письменно-визуальных формах или наблюдаемых непосредственно реактивных, автоматически проявляемых формах поведения человека в различных ситуациях. Потому предмет истории ментальности имеет три грани:

1. Способ мышления / мировосприятия.
2. Представление о человеке в различных явлениях мира.
3. Наличные, имеющие место быть нормы / формы поведения людей.

Цель статьи состоит в обнаружении некоторых черт ментальности латышей, проживающих на территории Латвии на рубеже XIX–XX веков.

Материал и методы. В работе лингвистическому анализу письменных источников подвергнут комплекс латышских народных анекдотов (5671 единица), опубликованный в 4-х томах в 1929–1930 гг.

Результаты и обсуждение. В данной работе остановимся на первой грани в исследовании ментальности. Для выявления способа мышления / мировосприятия необходимы, прежде всего, вербальные тексты и их лингвистический анализ, аспекты которого составляют, во-первых, структурный, ориентированный на построение текста, вплоть до грамматической формы слов. Во-вторых, функциональный, учитывающий, в роли каких частей речи и членов предложения оказываются слова и, в-третьих, структуральный (или контекстно-семантический), учитывающий сочетаемость слов и вытекающие отсюда смысловые оттенки (см. о языке в изучении мифологического мышления, мифа).

Весьма значимым источником для изучения ментальности латышей являются «Латышские народные анекдоты», собранные из различных источников: устных, включая рассказы очевидцев или участников каких-либо жизненных ситуаций [4, с. 386–387], и письменных, извлечённых из газетных, календарных публикаций, начиная с первых лет XIX века, и заканчивая 20-ми годами XX века. Составителем и редактором четырёхтомного издания, увидевшего свет в 1929–1930-х годах, стал Петерис Биркертс (1881–1956) – незаурядный человек, чьи интересы, занятия и оставленный им след не исчерпывают его определения как «литературоведа и фольклориста», а «написанные им тексты так своеобразны, что до сих пор надлежащим образом не интегрированы в латышскую культуру [5, с. 744], как отмечает современный исследователь. До того, как в 43-летнем возрасте Биркертс решил заняться собиранием латышского фольклора, он в 20-х годах написал первые в Латвии учебники по психологии и социологии.

Обратиться к фольклору латышей, главным образом, к пословицам и поговоркам, затем к народным анекдотам П. Биркертса побудил мучивший его вопрос: «Неужели он (наш народ) только работает, поёт

и, по возможности, мало думает. Ему важно было доказать наличие творческого гения у латышей, их способности мыслить, найти свойственную этому народу философию. Кроме того, не менее значимым для Биркертса было включение латышей в мировое культурное пространство, что привело к помещению в подготовленном к публикации четырёхтомнике народных анекдотов обширного очерка “Anekdote pasaules literatūrā” / “Анекдот в мировой литературе” [6, с. 15–50], написанного его братом, писателем и литературоведом Антоном Биркертсом. Открывая четвёртый, завершающий том, посвящённый непристойным анекдотам, П. Биркертс наметил возможные линии их изучения: «Народные анекдоты – это фольклор, который годится как исследовательский материал для фольклориста, историка и историка культуры, филолога, врача, юриста, педагога и для разных других учёных» [7, III]. Однако востребованность этих текстов учёными разного, особенно исторического, профиля неравномерна и невелика. По замечанию Г. Пакалнса, «самым популярным [многократно полностью или частично переизданным, а также наиболее исследованным] является четвёртый том, чьё содержание неприличные анекдоты» [5, с. 751]. Заметим, что для историка информативный потенциал источников не ограничивается сведениями о разнообразных жизненных реалиях с той или иной степенью частотности упоминаемых в них (в данном случае анекдотов). Как подчеркнул сам составитель сборника латышских народных анекдотов, «они имеют большое значение как документы народной психологии» [8, с. 3]. Для раскрытия же её необходимо выявление картины мира, системный характер которой обусловлен способом мышления / мировосприятия, выраженным в языке, в структуре тезауруса вербальных текстов, в слове, ибо в нём, по мысли Л.С. Выготского, «сознание отображает себя, как солнце в малой капле воды. Слово относится к сознанию, как малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу. Оно и есть малый мир сознания» [9, с. 509].

В основе способов / типов мышления, именуемых исследователями мифологическим и научно-логическим [10–14] лежит мера ощущаемой / осознаваемой дистанцированности человека от окружающего мира и себя. Последний момент характеризует самосознание. Индикаторами обособленности являются качественная однородность – неоднородность человека и природно-предметного мира и связанное с этим разделение или отсутствие его на субъект – объект. Следует, однако, иметь в виду, что в любую культурно-историческую эпоху сосуществуют, переплетаясь в определённой корреляции, ментальные установки обоих типов мышления / мировосприятия, составляющего глубинную основу поведения людей.

Опубликованные П. Биркертсом латышские народные анекдоты, количеством в 5671 единицу, записанную 869 лицами от 1565 сказителей, и относящихся по большей части к рубежу XIX–XX веков, существенно

отличаются от привычных сегодня такого рода текстов. Они не обладают высокой степенью абстрагирования, позволяющей кратко и ёмко выразить суть много- и разнообразных явлений, будучи подобны бытовым зарисовкам, способным скрасить совместные посиделки тёмными вечерами, не слишком обременёнными трудами. Типологически эти разного объёма, от одного предложения до нескольких страниц, рассказы могут быть сопоставимы со средневековыми западноевропейскими *exempla*, однако, в отличие от них латышские народные анекдоты не имеют дидактической направленности [15, с. 7]. Данные особенности этих текстов проявились в их лексическом тезаурусе, ряд черт которого, манифестирующих определённый способ мировосприятия, и определим в данной работе.

Итак, во-первых, отметим почти равное количество существительных, преимущественно антропонимически-предметных, и глаголов, среди которых практически отсутствуют формы, номинирующие ментальные, эмоциональные состояния. Доминирующими являются глаголы, указывающие на физические действия, факты бытия и акты коммуникации, например, «Es viņam uz to parādīju / Я ему на это показал...» [3, с. 346]; «Kāds kungs vēlu naktī atgriezies mājās / Некий господин поздно ночью вернулся домой...» [7, с. 445]; «Čigānam gadījies braukt ar vilcienu / Случилось цыгану ехать на поезде...» [7, с. 255]; «Maza meitene vārījusi piena putru / Маленькая девочка варила молочную кашу...» [4, с. 93]; «Muižas kungs dod saviem 24 kalpiem lasīt gada kontrakti / Управляющий помещьем даёт своим 24 слугам читать годовой контракт...» [3, с. 181]; «Kāda saimniece bijusi ļoti skopa / Некая хозяйка была очень скупой...» [4, с. 321]; «Kādu rītu vēl krēslā no krogus nācis piedzēris vecis / Каким-то утром ещё в сумерках из корчмы шёл пьяный старик...» [3, с. 257]; «Kādam baronam bijušas divas muižas / У некогo барона было два имения...» [3, с. 2017]; «Mācītājs, isklausinājot bērņus, jautājis kādam zēnam: Ko tu zini, mans bērņs? / Пастор, выслушивая детей, спросил одного мальчика: Что ты знаешь, моё дитя?» [3, с. 342]; «Reiz bijis kāds mācītājs, kas ļoti mīlējis medības. Viņš vienmēr ņēmis uz baznīcu šauteni līdz / Однажды был какой-то пастор, который очень любил охоту. Он всегда брал с собой в церковь ружьё...» [3, с. 407]; «Dzīvojis kāds vīrs ar sievu / Жил некий муж с женою...» [16, с. 133]; «Kādu vakaru puisis aizgājis uz kaimiņiem pie savas izredzētās / Каким-то вечером пошёл парень к соседям к своей избраннице...» [16, с. 217].

Подобные глаголы бытия, наличия чего-либо, акты коммуникации и физического действия демонстрируют мир как данность осязаемых, в силу минимальной дистанцированности вещей, вовлечённых в систему непрерывного и непосредственного взаимодействия, что в свою очередь отсылает к мифологическому мышлению. Во-вторых, характерной чертой лексического состава латышских народных анекдотов является редкость слов высокой степени обобщения. С этим наблюдением коррелирует замечание М. Кауд-

зитиса (1848–1926) о низком уровне «нашего газетного дела», доказательством чего является неизвестность «латышам до появления газеты *Peterburgas avīzes* / «Петербургская газета» (1862–1865) даже таких слов, как «политика», «религия», «культура», «библиотека», «манифест» и др.» [5, с. 76]. Почти не встречается номинация «человек». Хотя в текстах, относящихся к началу XX века и преимущественно имевших хождение в городской среде, заметно появление неопределённо-обобщающих обозначений, таких как «*viens cilvēks* / один человек» [7, с. 563], «*kāds vīrs* / некий мужчина» [7, с. 363], «*kāda jaunava* / некая девица» [7, с. 364], «*kāds ārsts* / некий врач» [7, с. 362], «*kāda māte* / некая мать» [7, с. 362], что свидетельствует о приращении рациональности и, соответственно, способности абстрагирования, главным образом, у латышей, живущих в городе или близ него. Однако известное обобщение не исключает социальной определённости номинируемых лиц – по полу, возрасту, социальному положению, роду занятий, месту в системе родственных отношений, этнической и локальной принадлежности. Всё это указывает на конкретность восприятия человека, которая свойственна мифологическому мышлению. Конкретность же мировосприятия умягчает антропологическое измерение человека, затрудняет понимание и приятие человеческой сущности любого социально-конкретного индивида. О конкретности явленного в анализируемых текстах мышления говорит и отсутствие типизирующих имён при наличии весьма значительного количества личных имён и прозвищ, например, «*Kārlis, Lība un Spricis tiek notiesāti uz gadu cietumā* / Карлис, Либа и Сприцис осуждены на год тюрьмы» [7, с. 217]; «*Janka stāvēja tur, Mikus tur* / Янка стоял там, Микус там» [7, с. 221]; «*Jēkabs brauc Rīgā iepirkties* / Екаб едет в Ригу за покупками» [7, с. 115]; «*Čigāns saucs Jūris Sklanda* / Цыган, называемый Юрис Скланда» [7, с. 214]; «*Žīds iet ar savu dēlēnu Meiski pastaigāties* / Жид идёт со своим сыном Мейской прогуляться» [7, с. 248]; «*Lopu tirgotājs Josels Meieršteins* / Продавец скота Йосель Мейерштейнс» [7, с. 260]; «*Vecais Ivāns* / Старый Иван» [7, с. 378]; «*Jūrīt, pasaki man* / Юрочка, скажи мне» [7, с. 416]; «*Žīds ar dēlu Joski* / Жид с сыном Йоской» [7, с. 34]; «*Kāds skroderis vārdā Zelts* / Какой-то портной по имени Золото» [7, с. 23]; «*Kad Dižkārlis [Dundagas barons] braucis pa ceļu* / Когда великий Карлис ехал по дороге» [3, с. 27]; «*Žīdu rabbīns ar savu kučieri Moški* / Жидовский раввин со своим кучером Мошкой» [3, с. 68]; «*Leiba Ičigan iesmērējis saunas ādu* / Лейба Ицигу всучил шкуру куницы» [7, с. 67]; «*Pēter, nāc no lauka* / Петер, выходи» [7, с. 406]; «*Jāni Biezumu ļaudis sauca par Sibīrijas izēdēju* / Яниса Биезуму люди звали сибирским едоком» [7, с. 531]; «*Talsos dzīvojis barons, kuru sauca par Melno Pēteri, ļoti tumšas sējas krāsas dēl* / В Талси жил барон, которого звали Чёрный Петерис из-за очень тёмного цвета кожи лица» [3, с. 89] и т.д.

Личные имена, и тем более, прозвища, избобличают ограниченность круга общения людей и частотность,

регулярность контактов в нём, откуда вытекает слабая отдиштанцированность, которая затрудняет рождение рефлексии и рациональности, возможности понимания и осознанно осмысленного поведения, предрасполагая к поведению немедленно реактивному.

Об отмеченной конкретности мировосприятия говорит весьма редкое употребление в латышских народных анекдотах прилагательных, что составляет третью особенность лексического тезауруса этих текстов. Прилагательные по сути своей всегда определяют некое качество вещей, явлений, состояний, действий и потому требуют определённой дистанции между наблюдующим / говорящим и предметом наблюдения / описанием. В рассматриваемых текстах латышских народных анекдотов, несмотря на редкость, тем не менее, прилагательные встречаются, причём, чаще всего, они выражают непосредственное впечатление – характеристику наблюдаемого впечатления человека, нередко сопряжённую с оценкой его внешнего облика, например, «*Skaista, bet slinka meita* / Красивая, но ленивая дочь» [4, с. 142]; «*Briesmīgi skaista meita* / Ужасно красивая дочь» [4, с. 104, 105, 111]; «*Nikna sieva* / Злая жена» [7, с. 531]; «*Par viņa līgavu runā, ka esot ļoti slinka* / О его невесте говорят, что она очень ленива» [4, с. 111]; «*Tas Levensteins gan bijis traks kungs* / Этот Левенштейнс был сумасшедший господин» [3, с. 71].

Подобные определения в очередной раз подтверждают основополагающую черту мифологического мышления – неполную выделенность человека из окружающего мира и коррелирующую с ней ограниченность и узость круга социального общения. Часто повторяющиеся прилагательные приобретают устойчивый типологический характер, указывающий на тесноту этого круга, в котором в силу пространственной близости крайне слаб интерес к другому как человеку.

Четвёртой особенностью лексического тезауруса латышских народных анекдотов является «анормальная» функция частей речи. Так в роли прилагательного часто оказываются существительные, особенно номинирующие этническую общность. Например, «*Zēns vaicā vācu zēnam: Ka tevī sauc?* / Мальчик спрашивает немецкого мальчика: Как тебя зовут?» [4, с. 80]; «*Reiz kāda vācu muižniece apstaigājusi kalpu mājas* / Однажды некая немецкая помещица обходила дома слуг» [4, с. 94]; «*Poļu muižnieks* / Польский помещик» [4, с. 146]; «*Leišu robežas* / Литовские пределы» [4, с. 132]; «*Krievu zaldāts* / Русский солдат» [7, с. 178]; «*Vācu madāmiņa* / Немецкая мадамочка» [7, с. 58]; «*Vācu kungs* / Немецкий господин» [7, с. 447]. Этнонимы, употребляемые в качестве прилагательных, указывают на включённость индивида в общность, принадлежность к которой определяет его качество и само существование. Таким образом, индивидуальное «я» становится, с одной стороны, тождественным этнически окрашенному «мы», но с другой – не растворяется в социально-этническом целом, сохраняя свою единичность. «Мы» при этом предстаёт не органическим целым, а совокупностью единиц.

Такое в языке воплощённое и потому выводящее на пласт бессознательного в системе сознания представление о человеке и его соотношении с разного уровня социальными общностями демонстрирует малую дистанцию между индивидом и миром, в котором он живёт.

Однако этнонимы, употреблённые в качестве прилагательных, не только указывают на человеческую общность, осознаваемую как особую и обособленную (этноним всегда является знаком очуждения), но и дают качественную характеристику тем или иным явлениям и институтам – времени, администрации, армии, вплоть до языка: «Krievu valdības laiks / Время русского правления» [7, с. 377]; «Vācu okupācijas laikā / Во время немецкой оккупации» [7, с. 386]; «Vācu laikā / В немецкое время» [7, с. 380]; «Krievu laikā / В русское время» [7, с. 172]; «Krievu un vācu zaldāti / Русские и немецкие солдаты» [6, с. 173]; «Vācu valoda / Немецкий язык» [7, с. 430–431]; «Latviešu valoda / Латвийский язык» [7, с. 429] и т.д. Это вновь говорит о конкретности мировосприятия и косвенно свидетельствует о весьма глубоком проникновении немецкого и русского начала в ткань жизни латышей. Заметим, что при переводе во всех подобных случаях следовало бы существительные-этнонимы в функции прилагательных переводить на русский язык не прилагательными, а существительными в родительном падеже множественного числа, однако это не отвечало бы нормам русского языка.

В свою очередь, прилагательные, равно как и причастия, нередко оказываются в роли существительных – антропонимов, например: «Kristītais / Крещёный» [3, с. 255]; «Vecākais / Старший» [7, с. 431]; «Vecais / Старый» [7, с. 475]; «Mazais / Малый» [7, с. 431, 388]; «Taisnie, netaisnie / Праведные / неправедные» [7, с. 523]; «Mīļais / Любимый» [7, с. 242]; «Cienīgā / Уважаемая» [7, с. 404]; «Notiesātais / Осужденный» [7, с. 477] и т.д. При этом, некие качества, позиции, состояния «застывают», превращаясь в обозначение носителя данного качества. Человек в такой ситуации предстаёт качественно определённым и неизменным, а конкретное, временное, ситуативное становится надвременным, сущностным, субстантивированным.

Ещё одной характерной чертой состава существительных в анализируемых текстах является относительная редкость отглагольных существительных, образованных от глаголов, указывающих на физические действия, например: «Gulēšana» от gulēt / спать, «Ēšana» от ēst / есть, «Skrīšana» от skriet / бежать, «Vajāšana» от vājāt / преследовать и т.д. Подобные отглагольные существительные являются обобщениями, свидетельствующими о способности человека абстрагироваться от наблюдаемых им ситуаций людского поведения и отделить само действие от актора. Отметим, что такое словоупотребление заметно в текстах, записанных в Риге и её округе. Но гораздо более частотны отглагольные существительные антропонимы, в которых манифестируется нерасторжимость действия и актора, например: «Adītāja / Вязальщица» [7, с. 438]; «Audzinātājs / Воспитатель» [7, с. 431]; «Ceļotājs / Путешественник» [7, с. 438]; «Ēdējs / Едок» [7, с. 432];

«Dziedātājs / Певец» [7, с. 403], «Spēlētājs / Игрок» [7, с. 432] и др. Что опять же демонстрирует значимость ментальных установок мифологического мышления в системе мировосприятия латышей. Причём, будучи весьма слабо отрефлексированными гуманитарной наукой в Латвии, неосознанными широкой аудиторией и транслируемыми языковыми формами, они сохраняют свою силу и в ментальности современных латышей, проявляющейся в их социально-политическом и, в частности, речевом поведении.

Заключение. Анализ лексического тезауруса латышских народных анекдотов выявил мифологический способ мышления, лежащий в основе ментальности латышей. Для него характерны неполная выделенность человека из окружающего мира и вытекающая отсюда конкретность. Такие черты мифологического мировосприятия свидетельствуют об ограниченности и тесноте сферы человеческих контактов, что было свойственно жизни латышей на территории Латвии в рассматриваемый период.

Литература

1. Франкфорт, Г. В преддверии философии / Г. Франкфорт, Г.А. Франкфорт, Д.Ж. Уилсон, Т. Якобсен. – М.: «Наука», Главная редакция Восточной литературы, 1984. – 236 с.
2. Блок, М. Короли чудотворцы: очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / М. Блок. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 712 с.
3. Latvju tautas anekdotes. – 3. sējums. – Rīgā: Literatūra, 1930. – 643 lpp.
4. Latvju tautas anekdotes. – 2. sējums. – Rīgā: Literatūra, 1930. – 591 lpp.
5. Kaudzītis, M. Atmiņas no tautiskā laikmeta / M. Kaudzītis. Rīgā: Zvaigzne ABC, 1994. – 615 lpp.
6. Birkerts, A. Anekdote pasaules literatūrā / A. Birkerts. // Latvju tautas anekdotes. – 1. sējums. – Rīgā: Literatūra, 1929. – lpp. 15–50.
7. Latvju tautas anekdotes. – 4. sējums. – Rīgā: Literatūra, 1930. – 624 lpp.
8. Birkerts, P. Priekšvārds / P. Birkerts. // Latvju tautas anekdotes / A. Birkerts. – 1. sējums. Rīgā: Literatūra, 1929. – lpp. 3–13.
9. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский // Психология. – М.: Апрель-Пресс. Эксмо-Пресс, 2002. – С. 262–510.
10. Вейнберг, И.П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока / И.П. Вейнберг. – М.: «Наука», Главная редакция Восточной литературы, 1986. – 208 с.
11. Дьяконов, И.М. Архаические мифы Востока и Запада / И.М. Дьяконов. – М.: «Наука», Главная редакция Восточной литературы, 1990. – 247 с.
12. Леви-Строс, К. Первобытное мышление / К. Леви-Строс. – М.: Терра-Книжный клуб, «Республика», 1999. – 392 с.
13. Мелетинский, Е.М. Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский. – М.: «Восточная литература» РАН, 2006. – 407 с.
14. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет // Дегуманизация искусства и другие работы. – М.: Радуга, 1991. – С. 40–476.
15. Гуревич, А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1989. – 366 с.
16. Pakalns, G. Pēteris Birkerts – ieskats biogrāfijā un mantojumā / G. Pakalns. // Latvju tautas dzīves gudrība. – Rīgā: Jāņa Rozes apg. 2020. – lpp. 744–754.

Поступила в редакцию 18.11.2021

Жилищно-арендная кооперация в Белорусской ССР в 1920-е гг.

Бураков В.Н.

Учреждение образования «Могилевский государственный университет
имени А.А. Кулешова», Могилев

Статья содержит историко-правовой анализ становления и развития жилищно-арендной кооперации в Белорусской ССР в годы новой экономической политики. Управление совместным домовладением коммунального жилищного фонда посредством арендной кооперации было направлено на сохранение государственного жилищного фонда и поддержания его в исправном состоянии.

Цель работы – изучение истории жилищной политики правительства Белорусской ССР в сфере обеспечения сохранности и эксплуатации государственного жилищного фонда посредством деятельности жилищной кооперации, а также выявление действенных правовых механизмов, которые возможно внедрить в регулирование совместного домовладения на современном этапе.

***Материал и методы.** Статья подготовлена на основе статистических данных, материалов о развитии арендных кооперативов Национального архива Республики Беларусь, также основных нормативных правовых актов 1920-х гг., регулирующих деятельность организаций совместного домовладения. Использованы историко-правовой, описательный и историко-системный методы, которые позволили выявить исторические тенденции развития жилищно-арендной кооперации в 1920-е гг.*

***Результаты и их обсуждение.** В условиях социалистической модели общественного устройства жилищно-арендные кооперативы объединяли в себе функции управления коммунальными домами, а также организации деятельности предприятий коммунального характера и досуга.*

***Заключение.** Жилищно-арендная кооперация 1920-х гг. внесла значимый вклад в восстановление и развитие жилищного хозяйства, частично взяв на себя государственные функции по содержанию и эксплуатации государственного жилищного фонда.*

***Ключевые слова:** жилищно-арендная кооперация, коммунальный жилищный фонд, общее собрание и правление жилищно-арендного кооперативного товарищества.*

(Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 33–37)

Housing and Rental Cooperation in the Belarusian SSR in the 1920s

Burakov V.N.

Education Establishment “Mogilev State S.A. Kuleshov University”, Mogilev

The article contains a historical and legal analysis of the formation and development of housing and rental cooperation in the Belarusian SSR during the years of the New Economic Policy. The management of joint home ownership of the communal housing stock through rental cooperation was aimed at preserving the state housing stock and maintaining it in good condition.

The purpose of the work is to study the history of the housing policy of the government of the Belarusian SSR in the field of ensuring the safety and operation of the state housing stock through the activities of housing cooperatives, as well as to identify effective legal mechanisms that can be introduced into the regulation of joint home ownership at the present stage.

***Material and methods.** The article is prepared on the basis of statistical data, materials on the development of rental cooperatives of the National Archive of the Republic of Belarus, as well as the main regulatory legal acts of the 1920s regulating the activities of joint home ownership companies. The historical-legal, the descriptive and the historical-system methods were used, which made it possible to identify historical trends in the development of housing and rental cooperation in the 1920s.*

***Findings and their discussion.** Under the conditions of the socialist model of social structure, housing and rental cooperatives combined the functions of managing communal houses, as well as organizing the activities of communal and leisure enterprises.*

***Conclusion.** The housing and rental cooperation of the 1920s made a significant contribution to the restoration and development of the housing economy, partially assuming state functions for the maintenance and operation of the state housing stock.*

***Key words:** housing and rental cooperation, communal housing fund, general meeting and board of housing and rental cooperative partnership.*

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 33–37)

Жилищная кооперация как добровольное объединение людей для совместной деятельности по строительству и эксплуатации жилья не является изобретением советского общества. Ее история берет начало с середины XIX века в странах Запада, когда в 1848 г. в США была образована «Лига квартиросъемщиков Нью-Йорка», в Швеции в 1872 г. возникла «Рабочая жилищная ассоциация» [1, с. 62, 109]. В конце XIX – начале XX в. жилищная кооперация в тех или иных формах существовала почти во всех странах Западной Европы. В дореволюционной России жилищные кооперативы широкого распространения не получили, но уже в конце XIX – начале XX в. действовали различные организации жильцов, участвовавшие в благоустройстве придомовой территории.

Октябрьская революция и установление советской власти на территории Беларуси обусловили радикальные преобразования всех сфер общественной жизни, включая жилищные правоотношения. Образование государственного жилищного фонда и распределение нуждающимся рабочим квартир и комнат стали причиной сосредоточения в пределах одного дома нескольких нанимателей. Это в свою очередь вызвало необходимость разработки системы управления государственным жилищным фондом посредством образования коммунальных отделов и заведующих домами. Однако расширение государственного фонда и дефицит финансовых средств привели к необходимости дальнейшего реформирования. Инициативу поддержания домов в исправном состоянии и организацию их надлежащей эксплуатации было решено передать самим нанимателям жилых помещений. Организационной формой управления совместным домовладением стали жилищно-арендные кооперативные товарищества, которые в конце 1920-х гг. обслуживали более 70% домов государственного фонда. Несмотря на значимость института жилищной кооперации в современных научных исследованиях данная тема практически не представлена, что обусловило ее актуальность.

Цель работы – изучение истории жилищной политики правительства Белорусской ССР в сфере обеспечения сохранности и эксплуатации государственного жилищного фонда посредством деятельности жилищной кооперации, а также выявление действенных правовых механизмов, которые возможно внедрить в регулирование совместного домовладения на современном этапе.

Материал и методы. Статья подготовлена на основе статистических данных, материалов о развитии арендных кооперативов Национального архива Республики Беларусь, также основных нормативных правовых актов 1920-х гг., регулирующих деятельность организаций совместного домовладения.

Использованы историко-правовой, описательный и историко-системный методы, которые позволили выявить исторические тенденции развития жилищно-арендной кооперации в 1920-е гг.

Результаты и их обсуждение. В начале 1920-х гг. стало очевидно, что государство не может удовлетворить постоянно растущее городское население жильем не только путем возведения новых и восстановления разрушенных домов, но и через выделение средств на содержание и выполнение ремонтных работ уже существующего фонда. Поиск средств, необходимых для эксплуатации и строительства жилищного сектора, привел к выводу о целесообразности образования кооперации, то есть передачи инициативы в решении жилищной проблемы самим нуждающимся. Добровольные объединения коллективов жильцов для совместной эксплуатации домовладений допускались еще с 1921 г. Однако широкого распространения данная форма кооперации не получила.

19 августа 1924 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О жилищной кооперации» [2], в котором содержались основные принципы организации и направления деятельности жилищной кооперации на территории Советского Союза. Законом допускалось образование трех типов кооперативных товариществ: жилищно-арендное кооперативное товарищество (ЖАКТ), рабочее жилищно-строительное и общегражданское жилищно-строительное кооперативное товарищество.

Жилищно-арендные кооперативные товарищества создавались с целью эксплуатации жилых домов коммунального фонда, сданных им в аренду государством в лице органов коммунального хозяйства. Срок аренды устанавливался не более 12 лет. ЖАКТ образовывалось из проживающих в домовладении граждан с минимальным количеством 10 человек. Товарищества обладали правами и обязанностями юридического лица и действовали на основе устава. Для организационной помощи правительством БССР в январе 1925 г. были разработаны типовые уставы жилищно-арендного кооперативного товарищества. Он содержал следующую информацию: наименование, цель и сферу деятельности, место правления, размер паевого, вступительного и ежемесячных взносов, условия принятия и выбытия членов, порядок и срок созыва общих собраний, состав правления и порядок его избрания, порядок составления отчетов и смет, состав ревизионной комиссии, повод и порядок ликвидации.

Средства жилищных кооперативов состояли из оборотного, запасного и специального капиталов. Они слагались из: а) вступительных и паевых взносов, размер которых определялся уставом товарищества; б) поступлений от квартирной и арендной платы за нежилые помещения; в) займов в государственных учреждениях; г) добровольных вкладов; д) иных поступлений. Каждый член товарищества должен был уплатить вступительный взнос и приобрести пай на сумму, равную стоимости отстраиваемого или ремонтируемого для него помещения. Постановлением Президиума Центрального совета профсоюзов от 29 ноября 1927 г. для членов ЖАКТов паявой взнос в зависимости от размера заработной платы состав-

лял ежемесячно от 75 копеек, при заработной плате до 30 рублей, и до 5 рублей, при заработной плате более 151 рубля ежемесячно, что соответствовало 2,5–3,3% дохода [3, л. 13].

Основным органом управления кооперативом являлось общее собрание членов товарищества, на котором избирались исполнительные органы – правление (сроком на 1 год) и ревизионная комиссия. Общее собрание проходило не реже двух раз в год, на нем утверждались план деятельности и выполнения работ, размеры взносов и паев, расценки помещений, решались организационные и текущие вопросы. Члены товарищества осуществляли управление на равных правах независимо от арендованной жилплощади. Наличие более одного пая не давало преимущества в управлении товариществом и пользовании жилыми и вспомогательными помещениями. Собрание могло исключить из своих рядов членов кооператива за нарушения обязанностей, такие как неплатеж квартирной платы, повреждение помещения, неподчинение постановлениям органов товарищества, за поведение, нарушающее нормальную жизнь жильцов и др.

Правление товарищества избиралось в составе 3-х человек постоянных членов и 2-х кандидатов. Оно осуществляло представительство жилищного кооператива, совершение сделок, ведение дел и управление деятельностью товарищества в соответствии с постановлениями общего собрания. Правление также руководило работой заведующего домовладением, разрешало конфликты между жильцами. При ЖАК-Тах могли организовываться прачечные, столовые, общие кухни и другие заведения социально-культурного типа.

Для координации деятельности и создания лучших условий развития кооперации жилищно-арендные товарищества могли объединяться в союзы на уровне города, округа и республик. Союзы жилкооперации выполняли функции: а) организацию и инструктаж нижестоящих кооперативов; б) проведение обследования и ревизий; в) осуществление юридических и строительно-технических консультаций; г) выполнение заготовок строительными и топливными материалами; д) проведение культурно-просветительской работы. Управление союзом жилищной кооперации осуществлялось через собрание уполномоченных, на котором были представлены делегаты кооперативов. На собраниях избирались правление и ревизионная комиссия.

1925 год стал периодом становления жилищно-арендной кооперации в Беларуси. Особенно интенсивное развитие она получила в городах, которые являлись крупными промышленными и административно-территориальными центрами, – в Минске и Витебске. К концу 1925 г. они концентрировали 88% всех ЖАК-Тов республики: 51 в Минске и 38 в Витебске. В остальных городах жилищно-арендная кооперация была немногочисленной: в Могилеве – 5, Слуцке – 4, Бобруйске – 2 и Орше – 1, всего 101 жилищно-арендное товарищество [4, с. 225]. Это объясняется

степенью жилищного кризиса в крупных городах. Необходимость обеспечения себя жильем и его дефицит в перенаселенных городах способствовали вступлению граждан в кооперативы.

В последующие годы количество ЖАК-Тов изменялось незначительно. В течение 1926 г. было образовано еще 16 жилищно-арендных товариществ, одно товарищество было ликвидировано, а 15 кооперативов слились в результате укрупнения. Процессы ликвидации, слияния и укрупнения маломощных и малорентабельных товариществ продолжались в 1927–1929 гг. К 1930 г. в городах БССР функционировало 82 ЖАК-Та.

Жилищно-арендная кооперация выполняла задачу по разгрузке коммунальных отделов от части государственного жилищного фонда. Это позволяло сосредоточить усилия местных органов власти на развитии коммунальных предприятий, административного сектора и благоустройства города. Уже к 1 октября 1925 г. ЖАК-Ты Минска арендовали 330 коммунальных домов, в которых проживало 14700 человек, кооперативы Витебска арендовали 285 домовладений, в которых проживало 9900 человек [5, л. 8]. Всего было кооперировано 6,42% городского населения. В отличие от жилищно-арендной кооперации РСФСР, в БССР каждый ЖАК-Т арендовал несколько домовладений. Например, в среднем по Минску на 1 кооперативное товарищество приходилось 6,5 домовладения, 288 жильцов и 65 членов кооператива [4, с. 225]. В конце 1925 г. жилищно-арендная кооперация страны занимала почти 18% государственного фонда [6, с. 36].

Передача ЖАК-Там муниципализированных жилых строений не являлась однозначным процессом. Отделы коммунального хозяйства были заинтересованы в передаче товариществам мало доходных и затратных домов. К ним относились строения, имеющие значительные разрушения и требующие проведения капитального ремонта, не имеющие торговых площадей, а также расположенные на окраине города. Позиция ЖАК-Тов в отношении арендованных домов была прямо противоположной. Эти противоречия тормозили развитие жилищно-арендной кооперации.

На общем фоне выделялось положение ЖАК-Тов Могилева, которое выгодно отличалось от арендной кооперации других городов. Местный отдел коммунального хозяйства не препятствовал передаче кооперативам домов, находящихся в нормальном состоянии, в центре города, с наличием торговых и складских помещений. Например, торговая площадь ЖАК-Тов составляла 8,5% от всей арендуемой площади. Это позволяло жилищным товариществам города иметь солидные доходы и направлять средства на расширение своей сети.

Государственная поддержка жилищно-арендной кооперации создавала условия для ее развития. На 1 января 1927 г. в БССР ЖАК-Тами было арендовано 1096 домовладений жилой площадью 430 тыс. кв.м., в которых проживало более 38 тыс. человек. На 1 января 1929 г. они арендовали более 2 тыс. домов жилой площадью в 632 тыс. кв.м. и обслуживали более

52 тыс. жителей [7, л. 32, 34]. Доля арендуемых кооперативами коммунальных домов колебалась от 83% в Минске и до 37% в Борисове.

К концу 1920-х годов ЖАКТы рассматривались правительством в качестве основной формы эксплуатации муниципального фонда. Власти ставили задачу постепенной передачи всех коммунальных домов жилищно-арендной кооперации. Для стимулирования данных процессов в 1928 г. был принят закон, в соответствии с которым ЖАКтам разрешалось продление аренды домов до 24 лет. Наиболее полно задачу правительства выполнил Гомельский коммунальный отдел, который к концу 1920-х годов передал кооперативам практически весь муниципальный жилищный фонд. В итоге к октябрю 1929 г. в БССР ЖАКТы арендовали 71% коммунальной жилой площади [8].

Непосредственная деятельность жилищно-арендных кооперативных товариществ была направлена на улучшение жилищных условий своих членов. Передача правлением кооператива жилых помещений осуществлялась по актам приема-сдачи, с подробным описанием состояния помещения и предоставленного в пользование имущества. Распределение квартир в домах осуществлялось в порядке очередности. Сначала в нее включались лица, проживающие в подвальном, чердачном помещении или имеющие менее 4 кв. м. на человека. Затем на учет ставились граждане, имеющие до 9,1 кв. м. жилплощади, а также проживающие в кухнях, проходных комнатах и т.д. При равных условиях предпочтение отдавалось трудящимся, занятым физическим трудом, перед работниками умственного труда; лицам, имеющим более низкий размер заработной платы; семейным против холостых; членам кооператива перед обыкновенными жильцами.

Тем не менее, жильцы в домах ЖАКТов испытывали дефицит жилой площади. Более 70% из них занимали жилплощадь ниже нормы. По социальному составу большинство жильцов в домах, арендуемых ЖАКтами, относилось к категории трудящихся. Лица остальных категорий занимали незначительную часть и их удельный вес постоянно уменьшался: в 1926 г. составил 2,1%, в 1929 г. – 0,8% от всех жильцов. Соотношение рабочих и служащих 1 января 1927 г. составляло около 40% каждой категории, около 19% составили лица других категорий, приравненных к трудящимся. Эти показатели были характерны для второй половины 1920-х гг.

Численность членов ЖАКТов постоянно увеличивалась в соответствии с ростом количества и расширения самих кооперативов. Если 1 января 1926 г. ЖАКТы БССР насчитывали 5958 членов, то 1 января 1927 г. – 7926 человек, а 1 января 1929 г. количество членов составило 12926 человек. Социальный состав членов жилищно-арендной кооперации был представлен рабочими и служащими. Уровень доходов членов кооперативов был невысоким. Удельный вес рабочих, получающих до 100 рублей ежемесячного дохода, составил на 1929 год 81,7% [7, л. 32].

Собственные средства жилищно-арендной кооперации БССР постоянно росли. Например, на 1 января 1926 г. они составили 17 тыс. рублей, на 1 января 1927 г. увеличились до 46 тыс. рублей [9, с. 19]. Это позволяло кооперативам поддерживать дома в исправном состоянии и осуществлять мелкий ремонт. Однако многие строения требовали проведения капитального ремонта. Для этого были необходимы вложения значительных средств, которых у ЖАКТов не было. Собственный бюджет кооперативов составлял менее 10% необходимых средств. Единственным выходом в данной проблеме были займы у государства.

Кредитование ЖАКТов производилось Белорусским банком коммунального хозяйства и жилищного строительства (Белкоммунбанк). Ссуды давались сроком на 6–18 месяцев под 10–12% годовых, что ставило товарищества в трудное финансовое положение. За 1925 год ЖАКТы взяли 108 тыс. рублей кредита, в 1926 г. – 353 тыс. рублей, в 1929 г. было выделено 600 тыс. рублей займа [9, с. 21]. Дефицит собственных средств и высокие проценты кредита сдерживали развитие жилищно-арендной кооперации. Это вызвало необходимость снижения процентной ставки кредитов. 25 октября 1928 г. постановлением ЭКОСО БССР был установлен размер процентов по долгосрочным ссудам, выдаваемым Белкоммунбанком жилищно-арендным товариществам размером в 3% годовых для производства капитального ремонта, что позволило снизить финансовое напряжение арендной кооперации. Государство предоставляло широкий круг льгот жилищно-арендной кооперации. Например, им было предоставлено преимущественное перед другими соискателями право найма муниципализированных строений.

Главная часть расходов ЖАКТов приходилась на ремонт, который, к примеру, по ЖАКтам Бобруйска составил 80%, Могилева – 67%, Минска – 63%, Витебска – 44%. В среднем расходы ЖАКТов республики составили: на ремонт – 67%, на культурно-бытовые нужды – 2,1%, на управление и эксплуатационные расходы – 31%. На 1 января 1927 г. было отремонтировано 6662 кв. м. полезной площади, из которой жилая площадь составила 5156 кв. м. [9, с. 21]. К концу нэпа кооперативные товарищества произвели ремонт практически всех арендованных домов коммунального фонда.

Для интенсивного развития жилищной кооперации к осени 1925 г. были образованы организационные бюро жилкооперации. Центром кооперации стал Белорусский союз жилищной кооперации (Белжилсоюз). Он был образован на Первом Всебелорусском съезде представителей жилищной кооперации, проходившем 25–27 ноября 1925 г. в Минске. Развитие низовой сети кооперативов создало условия для образования жилищных союзов. Они стали возникать уже с октября 1925 г. и объединяли товарищества округа. 25 октября был основан Могилевский жилищный союз, 4 ноября – Бобруйский жилсоюз, 15 ноября утвержден жилищ-

ный союз в Борисове и 30 ноября 1925 г. – в Витебске. Кооперация Минского округа координировалась Белжилсоюзом. В 1926 г. список пополнился Мозырским и Гомельским жилищными союзами, в следующем году – Оршанским союзом жилкооперации. В 1929 г. в БССР насчитывалось 8 союзов жилищной кооперации.

Окружные союзы и Белжилсоюз координировали деятельность низовых товариществ: осуществляли ревизии, оказывали помощь в организации работы и получении кредитов, заготавливали строительные материалы, организовывали ремонтные мастерские, возводили и ремонтировали дома. С их помощью государство контролировало кооперативное движение, корректируя и направляя его деятельность.

Развитие жилищной кооперации в других советских республиках вызвало необходимость образования центрального союзного органа. В результате 10 мая 1926 г. был создан Всесоюзный совет жилищной кооперации. В его состав входили представители республиканских союзов жилкооперации, профсоюзов, Народного комиссариата труда СССР и Центрального банка коммунального хозяйства и жилищного строительства.

В целом же с учетом размера территории уровень развития кооперации в БССР был сопоставим с другими союзными республиками. В ноябре 1925 г. по СССР во всех 50 жилсоюзах насчитывалось 30 тыс. ЖАКТов, объединяющих 600 тыс. членов. Они охватывали 2400 тыс. человек, что составляло 11% городского населения. На 1 ноября 1925 г. по РСФСР учтено 24 жилсоюза и 19 оргбюро жилкооперации, по УССР 20 жилсоюзов, по ЗСФСР 2 жилсоюза. В БССР в это время действовало 4 жилсоюза и 6 окрбюро жилкооперации.

Жилищная кооперация существовала не только как объединение граждан для строительства или совместной аренды домов, она стремилась сформироваться как институт, объединяющий быт членов кооператива. Примером этому является организация с 1926 г. культурно-просветительских мероприятий. Под развешивание культурно-бытового дела выделялось до 10% от прибыли. Уже в 1927 г. действовало 32 кооперативных детских площадки и 15 детских садов. В октябре 1928 г. в товариществах действовало 23 красных угла, 25 библиотек, выпускалось 33 стенгазеты, организовано 39 кружков: по ликвидации неграмотности, Осоавиахима, кройки и шитья, а также 10 прачечных [10, с. 45].

Заключение. Таким образом, жилищно-арендная кооперация 1920-х гг. внесла значимый вклад в восстановление и развитие жилищного хозяйства, частично взяв на себя государственные функции по содержанию и эксплуатации государственного жилищного фон-

да. Она исполняла роль по снабжению своих членов жильем по максимально низкой цене и на льготных условиях. Развитие данного процесса сдерживалось нехваткой средств и обострением спроса на жилье. Все же бытовые условия членов товариществ были несколько лучше условий лиц, проживающих в домах коммунального фонда.

В период свертывания нэпа власть продолжала рассматривать жилищную кооперацию как перспективное направление по обеспечению населения жильем. Это подтверждается положениями закона «О жилищной политике» от 4 января 1928 г., резолюциями XII съезда КП(б)Б 1928 г., изменениями положений Гражданского кодекса БССР. К середине 1930-х годов государственный и промышленный сектор заняли доминирующие позиции в жилищном строительстве. Кооперация перестала рассматриваться в качестве перспективного направления. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. жилищная кооперация была ликвидирована. Управление обобщественным жилищным фондом полностью перешло к местным Советам. Возрождение кооперативных товариществ произошло в 1958 г., в настоящее время они занимают доминирующие позиции в управлении многоквартирными домами, доказывая свою целесообразность и необходимость.

Литература

1. Шомина, Е.Е. Жители и дома: организация третьего сектора в жилищной сфере / Е.Е. Шомина. – М.: Ред.-изд. центр «Муницип. власть», 1999. – 260 с.
2. О жилищной кооперации: постановление ЦИК СССР, 19 авг. 1924 г. // Собр. законов и распоряжений Рабоче-крестьян. правительства СССР. – 1924. – № 5. – Ст. 60.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 333. Оп. 1. Д. 260. Циркуляры и инструкции Белжилсоюза о накоплении паевых капиталов и квартплате.
4. Жилищная кооперация СССР в 1924–25 гг. Статистико-экономический обзор. – М.: Центрожилсоюз, 1926. – 246 с.
5. НАРБ. – Ф. 31. Оп. 1. Д. 18. Доклады и ведомости коммунального хозяйства БССР на 1.10.1925 г. и обзор деятельности УКХ НКВД с 1.10.1924 г.
6. Агляд дзейнасці СНК і Эканамічнае нарады БССР. – Мінск: Выд-ва Кіраўніцтва спраў СНК, 1927. – 98 с.
7. НАРБ. – Ф. 333. Оп. 1. Д. 449. Доклады, обзоры о работе жилищной кооперации 1929 – 1930 гг.
8. О коммунально-жилищном хозяйстве и благосостоянии городов БССР: постановление СНК БССР, 2 окт. 1929 г. // Собр. законов и распоряжений Рабоче-крестьян. правительства БССР. – 1929. – № 29. – Ст. 181.
9. Жилищная кооперация в БССР: (по данным на 1-е янв. 1927 г.). – Минск: Белжилсоюз, 1927. – 66 с.
10. Белорусская ССР в цифрах. К 10-летию существования БССР. 1919–1929 гг. – Минск: Изд-во ЦСУ, 1929. – 534 с.

Поступила в редакцию 04.10.2021

Сучасная беларуская культура ў французскай гістарыяграфіі

Сцебурака А.М.

Дзяржаўная ўстанова адукацыі
“Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы”, Мінск

Артыкул прысвечаны аналізу французскай гістарыяграфіі беларускай культуры XX – пачатку XXI ст. Вылучаюцца падыходы да асвятлення пытання, найбольш запатрабаваныя тэмы, значныя публікацыі і адметнасць навуковага варыянта іх аўтараў.

Мэта артыкула – выяўленне асноўных наратываў у даследаванні культуры Беларусі ў рамках сучаснага французскага гістарычнага беларусазнаўства.

Матэрыял і метады. Крыніцай для даследавання сталі перш за ўсё публікацыі, дасяжныя ў кнігазборах, базах дадзеных, электронных бібліятэках, спецыялізаваных аналітычных рэсурсах. У артыкуле выкарыстаныя наступныя метады: гісторыка-генетычны, параўнальна-гістарычны, тыпалагічны, гісторыка-сістэмны.

Вынікі іх абмеркавання. Цягам XX – пачатку XXI ст. вылучыліся цэнтры беларусістыкі ў Францыі ў рамках гістарычных, славянскіх, мастацтвазнаўчых школ. Найбольш запатрабаванымі сталі пытанні беларускага тэатра, драматургіі і выяўленчага мастацтва; лёсу яўрэйскай культурнай спадчыны ў Беларусі; адукацыі ў звязку з праблемай ідэалагічнага ціску і дыскрымінацыяй беларускай мовы; мемарыялізацыі значных для французаў месцаў гістарычнай памяці ў нашай краіне (пераважна звязаных з вайной 1812 г.).

Заклучэнне. Беларуская культура мела другое значэнне сярод запатрабаваных тэм французскага гістарычнага беларусазнаўства, саступаючы найперш грамадска-палітычнай гісторыі. Відавочныя значныя лакуны ў французскай гістарыяграфіі беларускай культуры, якія робяць яе досыць уразлівай і несістэмнай.

Ключавыя словы: сучаснае французскае беларусазнаўства, замежная гістарыяграфія беларускай культуры.

(Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 38–41)

Contemporary Belarusian Culture in French Historiography

Stseburaka A.M.

State Education Establishment
“National Institute for Higher Education”, Minsk

The article is dedicated to the analysis of the French historiography of the Belarusian culture of the 20th - the early 21st centuries. Approaches to the coverage of Belarusian culture, the most popular topics, most significant publications and the distinctiveness of the methodology of their authors are highlighted.

The purpose of the article is to reveal the main narratives in the study of Belarusian culture within modern French historical Belarusian studies.

Material and methods. The source for the study was primarily publications available in libraries, databases, electronic libraries, specialized analytical resources. The following research methods are used in the article: historical genetic, comparative, typological and historical systemic.

Findings and their discussion. During the 20th and early 21st century centers of Belarusian studies in France have been developed within historical, Slavic and art history schools. The most popular themes were: Belarusian theater, drama and fine arts; Jewish cultural heritage in Belarus; education in connection to the problem of ideological pressure and discrimination against the Belarusian language; commemoration of the places of memory significant for the French (mostly related to the War of 1812).

Conclusion. Belarusian culture was of secondary importance among the popular topics of French historical Belarusian studies, giving way primarily to social and political history. There are apparent significant gaps in the French historiography of Belarusian culture, which make it quite vulnerable and non-systemic.

Key words: contemporary Belarusian studies in France, foreign historiography of Belarusian culture.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 38–41)

Нягледзячы на досыць невысокую цікавасць да нашай краіны, якая была характэрная літаральна да апошніх гадоў, усё ж існуе пэўная ўстойлівая традыцыя вывучэння беларускай культуры ў Францыі ў першую чаргу ва ўніверсітэцкім асяроддзі. Станаўленне французскага беларусазнаўства было звязана першапачаткова з вывучэннем непасрэдна нашай мовы і літаратуры. Так, у 1920–1930-я гг. вылучаліся славісты з Каледж дэ Франс, дзе працавалі вядомыя навукоўцы А. Мартэл і А. Мазон. Іх працы закраналі ў першую чаргу праблемы мовы, фальклору, духоўнай культуры Беларусі, што знаходзіла адлюстраванне ў публікацыі часопіса “Revue des etudes Slaves”. А ў 1929 г. А. Мартэл выдаў адну з першых паўнавартасных кніг пра Беларусь [1]. Публікацыі пра беларускую мову і культуру рэгулярна з’яўляліся ў тэматычнай навуковай перыёдыцы напрацягу ўсяго XX ст.: “Le Monde latin et le monde slave”, “Le Monde et l’art slave”, “Le Monde slave”, “Revue des études slaves” і інш.

Пэўны ўплыў на французскую гістарыяграфію аказвалі артыкулы і брашуры, падрыхтаваныя па-французску беларусамі-эмігрантамі і афіцыйнымі структурамі ў БССР ці Маскве ў 1940–80-я гг., прысвечаныя культуры Беларусі [2–5].

У апошнія дзесяцігоддзі тэматыка беларусазнаўчых даследаванняў прыкметна пашырылася, што адзначаецца айчыннымі даследчыкамі французскай гістарыяграфіі [6]. З’явіліся кнігі аб беларускіх аб’ектах архітэктурнай спадчыны са спісу UNESCO, публікацыі аб асаблівасцях выкладання гісторыі ў беларускіх школах ды ўніверсітэтах, аб яўрэйскай культурнай спадчыне, мемарыялізацыі месцаў памяці вайны 1812 г., беларускім тэатральным і выяўленчым мастацтвам.

Здабыццё незалежнасці Беларуссю ў 1991 г. стала своеасаблівым каталізатарам да пераасэнсавання гісторыі і культуры Беларусі ў Францыі. Аднак спатрэбілася нямала часу, перш чым былі дасягнуты больш-менш значныя вынікі. Новым якасным этапам у даследаванні найноўшай гісторыі Беларусі ў Францыі стаў канец 1990-х гг. – 2010-я гг., калі беларуская культура з’явілася аб’ектам доктарскіх дысертацый і асобных навуковых манаграфій [7].

Мэта артыкула – выяўленне асноўных наратываў у даследаванні культуры Беларусі ў рамках сучаснага французскага гістарычнага беларусазнаўства.

Матэрыял і метады. Крыніцай для даследавання сталі перш за ўсё публікацыі, дасяжныя ў кнігазборах, базах дадзеных, электронных бібліятэках, спецыялізаваных аналітычных рэсурсах (gallica.bnf.fr, Cairn.info, persee.fr, theses.fr і інш.). У артыкуле выкарыстаны наступныя метады: гісторыка-генетычны, параўнальна-гістарычны, тыпалагічны, гісторыка-сістэмны.

Вынікі і іх абмеркаванне. Так, у сваёй дысертацыі Ж.-П. Жантэ даследаваў сітуацыю з выкарыстаннем беларускай мовы ў перыяд 1980–1990-х гг. Аўтар зыходзіць з таго, што за абраны адцінак часу адбыліся тры змены ў моўнай палітыцы дзяржавы. Значная ўва-

га надаецца месцу беларускай мовы ў школьнай адукацыі, як выніку і адлюстраванню дзяржаўнай моўнай палітыкі. Аўтар найперш вылучыў позні савецкі перыяд, які культываваў нацыянальны і моўны нігілізм (нягледзячы на артыкулы Канстытуцыі СССР 1977 г., якія дэкларавалі роўнасць усіх саюзных моў, ды пакідалі за бацькамі права настойваць на атрыманні адукацыі іх дзецьмі толькі на рускай). Затым перыяд беларусізацыі (звязаны з прыняццем закона аб мовах 1990 г.) і пашырэннем беларускамоўнай адукацыі. Трэці этап, які пачаўся з рэферэндуму 1995 г., характарызуецца як новы віток дыскрымінацыі беларускай мовы, нягледзячы на захаванне дэ-юрэ яе дзяржаўнага статусу. Ж.-П. Жантэ канстатаваў, што ў такіх умовах беларуская мова ўсё больш губляе ўплыў у грамадстве і школе, але пры гэтым набывае ролю палітычнага і ідэйнага маркера [8].

Арыгінальны погляд на палітыку дзяржавы ў галіне гістарычнай памяці прапануе праца “Паміж Еўропай і Расіяй: Беларусь са школьных падручнікаў”. Манаграфія доктара паліталогіі Страсбургскага ўніверсітэта А. Задоры прысвечаная фарміраванню нацыянальнай ідэнтычнасці пры дапамозе школьных падручнікаў па гісторыі. Аўтар адзначае, што геаграфічнае становішча паміж Расіяй і Еўропай наклала свой адбітак на працэс ідэнтыфікацыі жыхароў краіны. Савецкія падручнікі навязвалі касмапалітычнае і класавае бачанне мінулага беларускім дзецям. У першай палове 1990-х гг. з’явіліся новыя дапаможнікі, якія спрыялі адкрыццю багатай і годнай павагі гісторыі ўласнага народа і выхоўвалі свабодную асобу. Трэцяе пакаленне падручнікаў стала адказам на дзяржаўны заказ пасля вядомых падзей сярэдзіны 1990-х гг. і адзначаных вяртаннем да многіх міфалагемаў савецкага часу, як і стварэннем новых догмаў [9].

Аналіз апошніх тэндэнцый у сферы вышэйшай адукацыі прапануе грунтоўны нарыс “Рэформы вышэйшай школы Беларусі”, дзе аўтар аргументавана даводзіць аб цяжкасцях імплементацыі новых каштоўнасцей і падыходаў праз прагу далучыцца да Балонскага працэсу, пры настойлівым кансерваванні пераасэнсаваных савецкіх элементаў метадаў працы ў ВНУ [10]. Сугучную тэму выклікаў у сферы вышэйшай адукацыі закранае П. Першо, звяртаючыся да канкрэтнага складанага выпадку – лёсу ЕГУ [11, с. 16].

У 2000 г. ва ўніверсітэце Парыж III была абароненая яшчэ адна знакавая дысертацыя, прысвечаная беларускай культуры – “Беларускія драматургі ў беларускай савецкай драматургіі: трагедыя ўлады”. В. Шыманец праз лёс беларускага тэатра канца XIX ст. – 1920-х гг. імкнулася прасачыць сталенне беларускамоўнай драматургіі, нацыянальнай культуры, мовы, грамадства ў такі зменлівы, трагічны, але і шматбацьцальны перыяд гісторыі. Яе навуковы даробак атрымаў уважальнае ў шэрагу кніг і артыкулаў. Пад кіраўніцтвам В. Шыманец у Францыі была заснаваная серыя “Беларуская калекцыя” для публікацыі сучасных навуковых даследаванняў аб Беларусі. Відавочна, што стварэнне гэтай

дадзенай серыі ў выдавецтве “Harmattan” стала найважнейшым дасягненнем у кірунку адкрыцця гісторыі і культуры Беларусі для французскага грамадства. Менавіта ў гэтай “La collection Biélorussie” пабачылі свет дзве грунтоўныя кнігі В. Шыманец пра беларускі тэатр [12; 13].

Варта прыгадаць таксама кнігу В. Шыманец “Гаворым па-беларуску: мова і культура”, падрыхтаваную ў суаўтарстве з А. Гужон, бо гэта адно з першых сучасных аб’ёмных выданняў аб беларускай мове і культуры на французскай мове. Агульныя ўводзіны ў пытанне і нарыс пра беларускае мінулае дазваляюць французскаму чытачу дастаткова добра пазнаёміцца з культурай Беларусі. Кніга змяшчае цэлы шэраг краіназнаўчых дадзеных, якія даюць уяўленне аб мове і літаратуры, у тым ліку і праз чытанне абраных урывкаў з паэзіі і прозы знакавых беларускіх аўтараў, перакладзеных на французскую мову. Практычны складнік выдання раскрываецца ў наяўнасці размоўніка (лексікон на дзве тысячы слоў), дадаткі са звесткамі аб граматыцы і лексіцы беларускай мовы [14].

Яшчэ адной цікавай французскім даследчыкам тэмай беларускай культуры з’яўляецца гісторыя мастацтва. Натуральна, існуе велізарны пласт біяграфічных выданняў, прысвечаных мастакам “Парыжскай школы” беларускага паходжання (Шагал, Суцін, Цадкін, Бакст і інш.). Аднак далёка не ўсе французскія аўтары аддаюць належнае беларускаму складніку ў іх жыцці і змесце творчасці мастакоў. Важным выключэннем з’яўляецца манаграфія К. Ле Фоль пра мастацкую школу ў Віцебску (1897–1923) [15]. Кніга абапіраецца на архіўныя крыніцы і мастацкія матэрыялы, якія адлюстроўваюць найважнейшыя аспекты гэтай знакамітай мастацкай школы. Моцным бокам кнігі з’яўляецца падрабязнае апісанне гістарычнага фону стварэння мастацкай студыі Ю. Пэна. Гэта дазволіла пазнаёміць французскага чытача са своеасаблівым становішчам габрэяў у Віцебску і Паўночна-Заходнім краі Расійскай імперыі. Другая частка кнігі прысвечаная “рэвалюцыйнаму перыяду” мастацкага вучылішча, калі з 1918 па 1923 год М. Шагал, В. Ермалаева і К. Малевіч ператварылі студыю Ю. Пэна ў свабодную мастацкую майстэрню. Тут выкладчыкі і навучэнцы эксперыментавалі з найноўшымі тэндэнцыямі ў выяўленчым мастацтве: кубізмам, футурызмам, экспрэсіянізмам, супрэматызмам. К. Ле Фоль даследуе найважнейшыя сферы дзейнасці мастацкай школы (манеру выкладання, падрыхтаваныя выставы, публікацыі, святочныя інсталяцыі і плакаты, тэатральныя пастаноўкі). Улічваючы, што аўтар спецыялізуецца на гісторыі яўрэйства, то не выпадковы акцэнт у трэцяй главе кнігі зроблены на пытанні іўдзейскага мастацтва. Аўтар разглядае ўнёсак Віцебскай мастацкай школы ў больш шырокі кантэкст “яўрэйскага мастацкага рэнесансу” ў Расійскай імперыі. Безумоўна, гэтым не вычэрпваецца тэма мастацтва ў французскім беларусазнаўстве. Прыгадаем, да прыкладу, даследаванні аб беларускім сакральным мастацтве (М. Raineri) ці архітэктурным абліччы беларускай сталіцы ў XX ст.

[16; 17]. Адметна, што кніга Ф. Белла пабачыла свет у маскоўскім выдавецтве ў 2020 г. у перакладзе з французскай мовы і стала заўважнай з’явай у асэнсаванні спадчыны канструктывізму і неакласіцызму ў архітэктуры Мінска [18]. Распрацоўваецца таксама цікавы кірунак: наяўнасць дзяржаўнай цэнзуры ў сучасным беларускім мастацтве, у прыватнасці, у альтэрнатыўнай беларускай музыцы [19]. Роля флэш-мобаў, як зладзённай формы арт-дзейнасці актывістаў грамадзянскай супольнасці [20]. Пытанні ўціску царквы і правоў веруючых ў БССР [21]. Шляхі развіцця сучаснай беларускай літаратуры і творчасць Нобелеўскай лаўрэаткі 2015 г. – С. Аляксевіч [22].

Адным з важных аспектаў беларуска-французскага культурнага супрацоўніцтва стала вывучэнне беларускіх месцаў вайны 1812 года ў кантэксце захавання гістарычнай памяці. Справай мемуарыялізацыі “Рускай кампаніі” Напалеона ў Беларусі стала займацца некалькі французскіх арганізацый (“La Fondation Napoléon”, “Souvenir napoléonien”, “Centre d’Etudes Napoleoniennes”), што падрабязна адлюстроўваецца на старонках часопісаў “Études napoléoniennes”, “Revue du Souvenir Napoléonien”. Значную ўвагу ў французскім друку прыцягнула адкрыццё некалькіх помнікаў, звязаных з данінай павагі ахвярам вайны 1812 г.: на Брылёўскім полі па ініцыятыве Ф. Бакура (1997), у Студзёны пад час перапахавання жаўнераў Вялікай арміі, знойдзеных каля в. Селішча Вілейскага раёна ў 2007 г. [23].

Надзвычай важную ролю ў раскрыцці культурнага і турыстычнага патэнцыялу любой краіны грае UNESCO. Для сучаснага французскага беларусазнаўства наяўнасць чатырох класіфікаваных аб’ектаў у нашай краіне становіцца дадатковым матывам пільнай іх увагі. Невялікая кніга французскіх аўтараў, адным з якіх з’яўляецца палітолаг П. Маршазан, які ўжо выдаў дыктоўную манаграфію “Беларусь”, прапануе французскаму чытачу досыць змястоўны нарыс аб гістарычных і прыродных скарбах краіны [24; 25]. Навуковая і аналітычная складнікі такога роду выданняў выклікаюць перадузятасць, так як часцяком маюць пераважна кампілятыўны характар. Але ўлічваючы вельмі скупую французскамоўную літаратуру пра культуру і прыроду Беларусі, нават такое сціплае выданне пачынае набываць пэўную вагу для беларусазнаўства, складаючы разам з іншымі даведнікамі і артыкуламі дадатковы пласт краіназнаўчай інфармацыі.

Заклучэнне. Такім чынам, вывучэнне беларускай культуры зараз адбываецца пераважна ў межах французскай школы гісторыі, славістыкі, культуралогіі, мастацтвазнаўства і сацыялогіі. Сярод найбольш запатрабаваных тэм вылучаюцца беларускі тэатр, выяўленчае мастацтва, архітэктура, літаратура, адукацыя і моўныя працэсы ў звязку з грамадска-палітычнымі трансфармацыямі ў Беларусі ў XX – пачатку XXI ст.

Беларуская культура мела другаснае значэнне сярод запатрабаваных тэм французскага гістарычнага беларусазнаўства, саступаючы грамадска-палітычнай

гісторыі. Падсумоўваючы, выдавочныя значныя лакуны ў французскай гістарыяграфіі беларускай культуры, якія робяць яе досыць уразлівай і несістэмнай.

Даследаванне выканана пры падтрымцы БРФФД і РФФД у рамках навуковага праекта Г20Р-011 “Сучаснае замежнае гістарычнае беларузнаўства: эвалюцыя метадалагічных падыходаў і ацэнак”.

Літаратура

1. Martel, A. Les blancs-russes: Etude historique, géographique, politique et économique / A. Martel. – Paris : A. Delpeuch, 1929. – 174 p.
2. La politique culturelle dans la République socialiste soviétique de Biélorussie / Institut de critique d'art, d'ethnographie et de folklore de l'Académie des sciences de la RSS de Biélorussie. – Paris: UNESCO, 1978. – 52 c.
3. Biélorussie: aperçu sommaire de l'histoire de la nation biélorussienne et du mouvement de libération nationale / L. Rydlevsky. – Paris, 1948. – 40 c.
4. Culture, littérature, art / O. Nechaj. – Minsk: Belarus, 1977. – 32 p.
5. Costume national biélorusse: catalogue de l'exposition “Costume national biélorusse” organisée par le Musée national de la République socialiste soviétique de Biélorussie et l'Association France–U.R.S.S. – Paris: Association France–U.R.S.S., 1981. – 53 p.
6. Калько, В.Н. Феномен белорусоведения во Франции в XX – начале XXI вв. в отечественной и французской историографии / В.Н. Калько // Весн. Палес. дзярж. ун-та. Сер. Грамадскіх і гуманітарных навук. – 2013. – № 1. – С. 9–14.
7. Сцебурака, А.М. Навуковая беларусістыка ў Францыі: 2000–2020 гг. / А.М. Сцебурака // Научные труды Республиканского института высшей школы. – Вып. 21. Ч. 3. – Минск: РИВШ, 2021. – С. 20–28.
8. Jeantheau, J.-P. Les choix linguistiques parentaux en milieu scolaire au Bélarus: Révélateurs des politiques et du conflit linguistiques (1984 à 1998): Approches statistique et historique (Thèse de doctorat) en 3 vol. / J.-P. Jeantheau. – Paris, 2001. – 196, 274, 133 p.
9. Zadora, A. Entre Europe et Russie: la Biélorussie des manuels scolaires / A. Zadora. – Paris: l'Harmattan, DL 2016. – 221 p.
10. Gille-Belova, O. Les réformes de l'enseignement supérieur en Biélorussie. Entre poids de l'héritage soviétique et influence internationale diffuse / O. Gille-Belova // Revue d'études comparatives Est-Ouest. – 2014. –1 (№ 45). – P. 55–90.
11. L'enseignement supérieur biélorussien en exil / P. Perchoc // Le Courrier des pays de l'Est – № 2006/5 (no 1057). – P. 79–83.
12. Symaniec, V. Le théâtre en Biélorussie: fin du XIXe siècle-années 1920 / V. Symaniec; préf. de M.-Ch. Autant-Mathieu. – Paris: l'Harmattan, 2003. – 315 p.
13. Symaniec, V. Mikola Piniguine, mises en scène d'un exil / V. Symaniec. – Paris: l'Harmattan, DL, 2003. – 161 p.
14. Symaniec, V. Parlons biélorussien: langue et culture / V. Symaniec, A. Goujon. – Paris: l'Harmattan, 1997. – 380 p.
15. Le Foll, C. L'école artistique de Vitebsk (1897–1923). Eveil et rayonnement autour de Pen, Chagall et Malévitch / Le Foll, C. – Paris: l'Harmattan, 2002. – 280 p.
16. Raineri, M. Icones miraculeuses de Biélorussie / M. Raineri. – Minsk: Editeur Kolas, 2013. – 124 p.
17. Белла, Ф. Минск. Архитектура столицы. 1917–1956 / Ф. Белла. – М.: Кучково поле, 2020. – 192 с.
18. Скурко, П. Тайная гісторыя мінскага праспекта / П. Скурко // Наша гісторыя. – 2021. – № 2. – С. 4–22.
19. Kryzhanouski, Y. Gouverner la dissidence. Sociologie de la censure sous régime autoritaire: le cas du rock contestataire biélorusse / Y. Kryzhanouski // Critique internationale. – 2017. – 3 (№ 76). – P. 123–145.
20. Shukan, T. Le flash-mob : forme d'action privilégiée des jeunes contestataires en Biélorussie / T. Shukan // Raisons politiques 2008. – № 1 (n 29) – P. 9–21.
21. Lapatniova, A. Administrer la religion en URSS. Le cas de la Biélorussie et de la Lituanie / A. Lapatniova // Cahiers du monde russe. – № 47/4. – P. 749–780.
22. Du bon et du mauvais usage du témoignage dans l'œuvre de Svetlana Alexievitch / G. Ackerman, F. Lemarchand // Tumultes 2009. – № 1–2 (n° 32–33), – P. 29–55.
23. Napoléon à la Bérézina, 26–29 novembre 1812 : la bataille, les ponts, la traversée, le monument du Centre d'études napoléoniennes / sous la dir. de F.É. Beaucour. – Levallois-Perret: Centre d'études napoléoniennes, 2004. – 399 p.
24. Biélorussie: Belovezhskaya Pushcha, arc géodésique de Struve, Nesvizh, Mir / L. Marchesin, P. Marchesin. – Paris: L'infini, 2011. – 126 p.
25. Marchesin, P. La Biélorussie / P. Marchesin. – Paris: Éd. Karthala, 2006. – 160 p.

Паступіў у рэдакцыю 13.12.2021

Предварительные итоги изучения поселений I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. в Витебском Подвинье

Бубенько Т.С.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

На сегодняшний день в Витебском Подвинье исследовано немногим более 20% поселений раннего железного века. Недостаточная изученность породила противоречивые точки зрения на культурную принадлежность населения региона. При этом исследователи единодушно подчеркивают особый облик материальной культуры Витебского Подвинья, которая, являясь по своей сути днепро-двинской, испытала на себе сильное влияние извне разнотрибных группировок.

Цель статьи – введение в научный оборот новых материалов, позволяющих установить время возникновения и культурную принадлежность древнейших поселений Витебского Подвинья.

Материал и методы. В основу статьи положены материалы археологических раскопок автора в Витебском Подвинье в 2016–2021 гг., архивные материалы и фондовые коллекции Института истории НАН Беларуси. Используются общесторические методы и археологические методы исследования памятников, сравнительно-типологический, картографический методы, метод перекрестных датировок, радиоуглеродный анализ (метод C-14), метод исторической реконструкции.

Результаты и их обсуждение. Геоморфологические особенности региона в сочетании с неблагоприятными климатическими условиями не способствовали заселению Витебского Подвинья вплоть до последней четверти I тыс. н.э.

Изучение наиболее значимых поселений региона позволило разработать типологию поселений, проследить эволюцию системы обороны городищ, определить конструктивные особенности жилых и производственных комплексов.

Облик материальной культуры населения Витебского Подвинья складывался под довольно сильным влиянием со стороны постоянно проникающих на ее территорию пришлых групп балтского, финно-угорского, а позже, и праславянского населения. В результате сложилась особая разновидность материальной культуры, которая впитала в себя как местные традиции, так и новации.

Заключение. Проникновение на территорию Витебского Подвинья в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. разнотрибных группировок создало предпосылки для сложения в исследуемом регионе своеобразного варианта днепро-двинской культуры, впитавшего в себя черты, характерные для различных вариантов днепро-двинской культуры, культуры штрихованной керамики и дьяковского населения. Вместе с тем ей были свойственны региональные особенности, выделяющие ее среди родственных культур.

Ключевые слова: днепро-двинская культура, городища, культурный слой, домостроительство, фортификация, хронологические индикаторы, миграции, текстильная керамика, штриховики.

(Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 42–49)

Preliminary Findings of the Study of the 1st Millennium B.C. – 1st Millennium A.D. Settlements in Vitebsk Dvina Region

Bubenko T.S.

Education Establishment “Vitebsk State P.M.Masherov University”, Vitebsk

Nowadays only a little more than 20% of early Iron Age settlements have been investigated in Vitebsk Dvina Region. The insufficient study resulted in contradictory points of view on the cultural origin of the Region inhabitants. At the same time researchers unanimously stress a special image of the material culture of Vitebsk Dvina Region which, having the Dnieper-Dvina character, was strongly influenced by different tribes from outside.

The purpose of the article is the introduction into scientific circulation of new materials which make it possible to identify the time of origin and cultural belonging of ancient settlements in Vitebsk Dvina Region.

Material and methods. General historical and archeological methods of monument research were used: the comparative typological, the map graphic, the cross dating, the radio-carbon analysis (C-14 method), the historical reconstruction method.

Findings and their discussion. The geomorphologic features of the Region combined with unfavorable climate conditions did not facilitate inhabiting Vitebsk Dvina Region until the last quarter of the 1st millennium A.D.

The study of most significant settlements of the Region made it possible to develop the settlement typology, to trace the evolution of the system of defense, to identify construction features of dwelling and production complexes.

The image of the material culture of Vitebsk Dvina Region population was strongly influenced by constantly intervening in its territory alien groups of Baltic, Finnish and later Pra-Slavic population. As a result a special type of material culture was shaped which incorporated both local traditions and novelties.

Conclusion. Intervention of various tribal groups into the territory of Vitebsk Dvina Region in the late 1st millennium B.C – early 1st millennium A.D. created prerequisites for shaping in the region of a specific variant of the Dnieper-Dvina culture which incorporated features typical of various variants of the Dnieper-Dvina culture, the culture of striped ceramics and Diakov population. At the same time, regional features were typical of it which distinguished it among other cultures.

Key words: the Dnieper-Dvina culture, settlements, cultural layer, home building, fortification, chronological indicators, migration, textile ceramics, striping.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 42–49)

Территория Витебского Подвинья в силу географического положения является контактной зоной крупнейших племенных группировок раннего железного века: днепро-двинской, штрихованной керамики и дьяковской. Роль каждой из них в этнокультурных процессах, происходящих в регионе на протяжении I тыс. до н.э. – середины I тыс. н.э., до настоящего времени не выяснена и требует серьезного изучения.

На сегодняшний день в Витебском Подвинье исследовано немногим более 20% поселений раннего железного века. Из 23 городищ, на которых проводились раскопки, лишь на нескольких зафиксированы напластования второй половины – конца I тыс. до н.э., большинство же поселений возникло не ранее рубежа – первых веков н.э.

Недостаточная изученность породила противоречивые точки зрения на культурную принадлежность населения региона. При этом исследователи единодушно указывают на особый облик материальной культуры Витебского Подвинья, которая, являясь по своей сути днепро-двинской, испытала на себе сильное влияние извне разнородных группировок.

Цель статьи – введение в научный оборот новых материалов, позволяющих установить время возникновения и историко-культурную принадлежность древнейших поселений Витебского Подвинья.

Материал и методы. В основу статьи положены материалы археологических раскопок автора в Витебском Подвинье в 2016–2021 гг., архивные материалы и фондовые коллекции Института истории НАН Беларуси. Используются общеоисторические методы и археологические методы исследования памятников, сравнительно-типологический, картографический методы, метод перекрестных датировок, радиоуглеродный анализ (метод C-14), метод исторической реконструкции.

Результаты и их обсуждение. Территория, рельеф, климат. Витебское Подвинье занимает северо-восточную и частично восточную часть современной Витебской области. Гидрографически изучаемый регион локализован в бассейне среднего течения Западной Двины на участке между реками Ловатью – Усвячей – Касплей на востоке и Оболью – Уллой – Усвейкой на западе.

На формирование современного рельефа Витебского Подвинья оказало влияние Поозерское оледенение, во время которого сформировались основные доминанты региона: Лукомльская возвышенность (ор-

шанская стадия), Витебская возвышенность (свентянская стадия), Городокская возвышенность (браславская стадия).

Значительную часть исследуемого региона занимают плоские, часто заболоченные озерно-ледниковые равнины и низменности, поверхность которых осложнена эоловыми грядами и дюнами. У подножья возвышенностей локализованы Полоцкая и Луческая и Суражская озерно-ледниковые низменности, Шумилинская и Сенненская моренные равнины, Чашникская равнина моренного и водно-ледникового происхождения, которые во время трансгрессий Балтийского моря оказывались подтопленными водой.

Частые колебания климата как в сторону похолодания, так и потепления, происходившие в течение позднего голоцена (суббореальный и субатлантический периоды), имели первостепенное значение при освоении территории древними людьми.

Коллапс, вызванный наступившим похолоданием раннего железного века (IX–VIII вв. до н.э.), сопровождающимся увлажнением и синхронной ему трансгрессией 7 Балтийского моря, привели к резкому поднятию уровня грунтовых вод и межевого уровня воды в водоемах. Редкие поселения, существовавшие в Витебском Подвинье в позднем бронзовом веке, оказались затопленными и были покинуты населением: Межа, Двухполье, Дубокрай, Бабиновичи, Старые Лавки (?). По сути, пригодными для проживания оставались лишь немногочисленные концевые отроги Городокской и Витебской возвышенностей и высокий коренной берег Западной Двины.

Вероятнее всего, поселки были перенесены на расположенные на некотором удалении от воды высокие одиночно стоящие холмы. Так поселение бронзового века на берегу оз. Сосно вполне может быть идентифицировано с нижними слоями городища Загорцы, а поселение возле д. Двухполье на берегу оз. Тиосто – с городищем возле бывшей д. Мямли.

К первой половине I тыс. до н.э. мы можем с уверенностью относить лишь поселение – Бороники, радиоуглеродная дата предматерикового слоя которого 2500±50 календарных лет, калибровочная дата укладывается в диапазон 789–465 гг. до н.э. Возможно, в этот период существовало и поселение Загорцы, в предматериковом слое которого встречены фрагменты сосудов рубежа бронзового – раннего железного

веков. Аналогии загорской керамике известны в нижних слоях городищ Анашкино (IX–VIII вв. до н.э.) и Царицино (VIII–VII вв. до н.э.) [1, с. 68, рис. 40].

В середине I тыс. до н.э. суббореальный период сменяется субатлантическим, который характеризуется дальнейшим увлажнением климата, что на фоне продолжающейся трансгрессии 7 (по А. Микляеву) Балтийского моря проявилось в повышении уровня озер, частичном затоплении низких озерных пойм и прилегающих торфяников, оформлении подводной аккумулятивной террасы [2, с. 28]. Происходит процесс эвтрофикации водоемов, мелководные озера превращаются в низинные торфяники [3, с. 18].

Геоморфологические особенности региона в сочетании с неблагоприятными климатическими условиями не способствовали заселению Витебского Подвинья вплоть до последней четверти I тыс. н.э.

Из 92 городищ, известных на территории Витебского Подвинья по достоверным источникам, немногим более десятка предварительно могут быть отнесены ко второй половине I тыс. до н.э. (рис. 1).

Топография поселений. Древнейшие городища локализованы в основном на краевых отрогах и склонах Городокской возвышенности и ее площадке, где они тяготеют к берегам небольших рек и озер. Все поселения расположены на берегах водоемов на высоких отдельно стоящих холмах (Загорцы, Жеребцы, Карловка, Мямли, Бибино, Березно, Бураково, Бескатово, Казиново, Бороники, Кострица), городище Зароново занимало доминирующий холм на озовой гряде. Форма площадки зависела от конфигурации холма, размеры поселений варьировали в пределах 1000–2000 м², исключение составляют городища Починок (644 м²) и Бороники (3100 м²).

Система обороны городищ напрямую зависела от их топографической привязки. Отсутствие укреплений на раннем этапе существования городищ вполне объяснимо, с одной стороны, значительной высотой заселяемых холмов (12–25 м) и наличием естественных крутых склонов, с другой – необходимым для возведения фортификации временным отрезком, требующим значительных людских ресурсов. Наличие культурного слоя под первоначальным валом (Загорцы – 15–20 см, Бороники – 5–10 см) наглядно иллюстрирует данное положение.

На раннем этапе вокруг площадки могли существовать частоколы и загородки из столбов и кольев, расположенные в 1–2 ряда (Бороники, Кострица, Загорцы) [4, с. 8–9]. Система ранних укреплений городища Бороники описана Г.В. Штыховым. По краю площадки поселения в землю вбивались столбы диаметром 40–60 см на глубину 0,7–0,8 м, расстояние между столбами не превышало 0,5–0,7 м [5, с. 19]. Добавим лишь, что на исследованном нами участке на склоне чуть ниже частокола был вырыт неглубокий ров (0,4–0,6 м) шириною 1,3–1,4 м, выброшенный грунт использовали для укрепления нижней части столбов ограды. В юго-восточной части городища в ходе прорезки края площадки также зафиксирован участок рва шириною 1,2–1,4 м (глубина до 0,4 м) со следами стол-

бовых ям по внутреннему краю. Подобные поселения Е.А. Шмидт относит к полуукрепленным [6, с. 27].

С ранним типом укреплений следует связывать короткие валы со стороны наиболее пологих склонов холма (Березно, Загорцы, Жеребцы, Мямли, Цари, Починок, Зароново), в ряде случаев с наименее защищенных сторон дополнительно мог быть выкопан ров (Бураково, Бибино, Бороники, Мямли, Жеребцы).

Планировочная структура и застройка поселений этого периода, к сожалению, слабо исследована, поскольку древние слои неоднократно перемещались и сильно разрушены в процессе жизнедеятельности людей. Следы застройки раннего периода удалось зафиксировать на краю площадок городищ Бураково, Загорцы, Кострица.

Наиболее архаичные жилища вскрыты в нижнем слое городища Кострица (3). Это две смежные постройки размерами 4×3 м и 5×3 м, которые составляли т.н. «длинный дом» с длиной стены 9 м. В центре каждого помещения имелся каменный очаг с подочажной ямой диаметром 1,0 и 1,5 м [4, с. 10–11]. Длинные дома располагались в одну линию по краю площадки, постройки хозяйственного и производственного назначения локализованы вне ряда жилищ ближе к центру площадки [4, с. 10–11, 20–21].

Судя по конфигурации столбовых ям, городища Бураково и Загорцы были застроены небольшими наземными постройками столбовой конструкции, которые располагались по краю площадки [7, с. 5]. Вскрытое на городище Загорцы жилище размерами 3,2×3,3 м имело в центре очаг диаметром 0,9 м, выложенный непосредственно на материке из камней небольшого диаметра.

Материальная культура нижнего слоя исследованных городищ представлена немногочисленной продукцией костяной индустрии, имеющей широкие и нечеткие датировки (наконечники стрел, проколки, тупики, долота), и керамическими комплексами, содержащими значительный процент текстильной и штрихованной керамики. Из обихода полностью исчез каменный инвентарь, однако, и следов железоделательного производства в ранних пластах не обнаружено. Узко датированные вещи в нижнем слое встречаются крайне редко, поэтому хронология поселений основывается исключительно на аналогиях с синхронными памятниками лесной полосы и пока единичных результатах радиоуглеродного анализа (С-14).

Керамика ранних городищ (Загорцы, Бескатово, Бураково, Зароново, Бороники) представлена гладкостенными, текстильными и штрихованными сосудами баночной и слабопрофилированной формы. Для горшков характерен орнамент в виде наклонной палочки, глубокие ямки-тычки, нанесенные заостренной палочкой, прочерченные и нарезные линии, расходящиеся вниз от шейки из одной точки. Названные виды орнамента наносились в равной мере на сосуды с гладкостенной, штрихованной и сетчатой поверхностью.

При безоговорочном доминировании гладкостенной посуды следует отметить присутствие в нижних слоях поселений штрихованной керамики – 6,3–11%. Удельный вес посуды с отпечатком текстиля колеблется

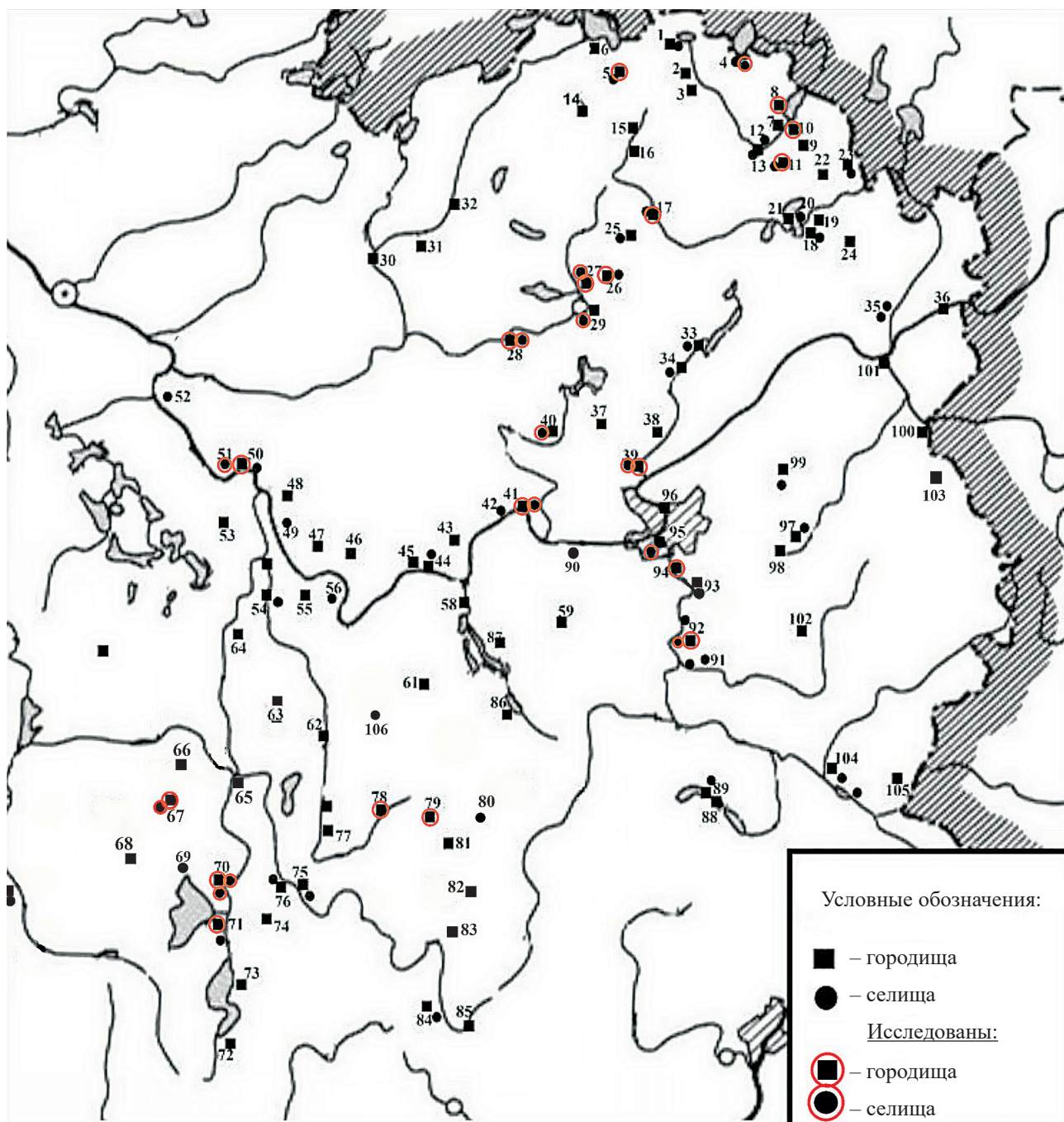

Рис. 1. Археологическая карта поселений Витебского Подвинья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.:

1 – Марченки; 2 – Шнитница; 3 – Бибино; 4 – Дорохи; 5 – Жуково; 6 – Езерище; 7 – Лялевщина; 8 – Лялевщина-Карловка; 9 – Зайково-Починок; 10 – Лялевщина-Жеребцы; 11 – Степановичи-Загорцы; 12–13 – Межа; 14 – Лахи; 15 – Терехи-Цари; 16 – Березно; 17 – Вышадки; 18 – Селезни-Мямли; 19 – Двухполье-Слобода; 20 – Двухполье; 21 – Селезни-оз. Тиосто; 22 – Советская-Куково; 23 – Борки; 24 – Малое Заборочье; 25 – Бескатово; 26 – Навый Болец; 27 – Новый Болец-Бураково; 28 – Казиново; 29 – Городок; 30 – Козьяны; 31 – Городище; 32 – Кисели-Пристань; 33 – Хоботы; 34 – Кули; 35 – Казаково; 36 – Коньки; 37 – Прудники; 38 – Дреколье; 39 – Лужесно; 40 – Зароново; 41 – Старое Село; 42 Уволоки-Крыжи; 43 – Городно; 44 – Бокишево; 45 – Синяково; 46 – Гали; 47 – Гали-Запрудье; 48 – Гусенцы; 49 – Надежино; 50 – Кордон; 51 – Илово; 52 – Филиповка; 53 – Бортники; 54 – Стрижев; 55 – Яновщина; 56 – Ворохобки; 57 – Замелочье; 58 – Черногостье-Берково; 59 – Замошенье; 60 – Дубрава; 61 – Рубеж; 62 – Застаринье; 63 – Малая Ведрень; 64 – Подрезы; 65 – Чашники; 66 – Дворец; 67 – Кострица; 68 – Есиновка; 69 – Черная Лоза; 70 – Лукомль; 71 – Старые Лавки; 72 – Черя; 73 – Гора; 74 – Рудница; 75 – Бельняки; 76 – Замочек; 77 – Пуськи-Миглевщина; 78 – Новое Село; 79 – Замошье; 80 – Сенно-оз. Богдановское; 81 – Горы-Осинка; 82 – Гончарово; 83 – Старая Белица; 84 – Городище; 85 – Соколино; 86 – Прудок; 87 – Мощены; 88–89 – Серокоротня; 90 – Каныши; 91 – Кузменцы; 92 – Мяклово; 93 – Селюты-Шапуры; 94 – Витебск-Бороники; 95–96 – Витебск; 97 – Жолнерово; 98 – Королево; 99 – Бельнковичи; 100 – Лиепино-Зайцево; 101 – Сураж; 102 – Черныши; 103 – Бураки; 104 – Бабиновичи; 105 – Выходцы-Ситно; 106 – Хизары-Андрюки.

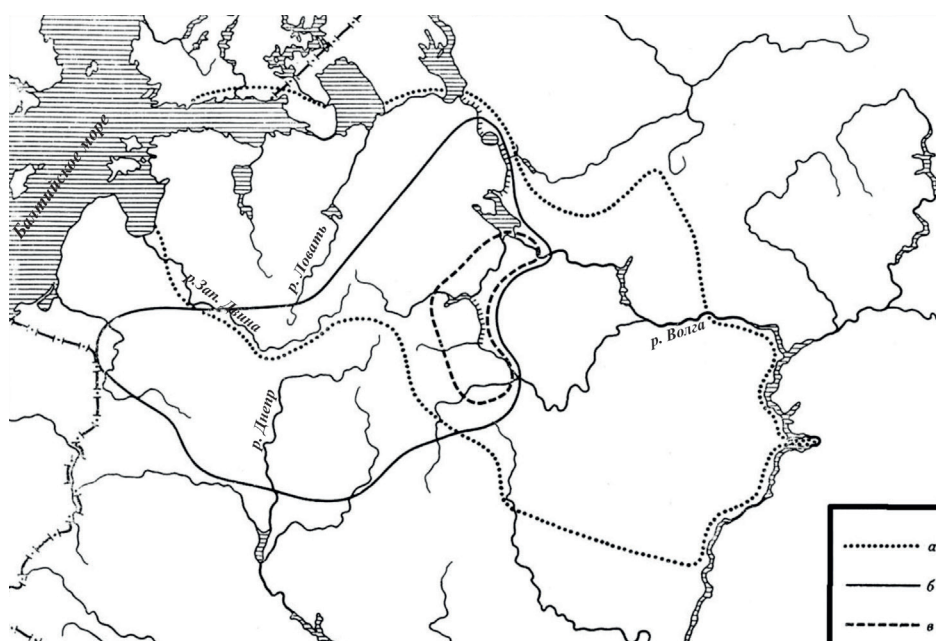

Рис. 2. Территория распространения сетчатой керамики, грузиков Дьякова типа и дьяковской культуры (по: Розенфельдт, 1974, рис. 48):

а – сетчатая керамика;
б – грузики Дьякова типа;
в – границы памятников дьяковской культуры

от 19,7–23,2% (Загорцы) до 5,0–3,7% (Бураково, Заровно, Бороники). На левобережье Западной Двины керамика с отпечатками текстиля найдена на городище Новое Село (5,5%) (р. Свечанка, приток Уллы, левый берег Западной Двины). На прочих поселениях региона она встречена в незначительном количестве и не всегда точно учтена (Березно, Бибино, Бескаатово, Мямли и др.). Присутствие в древнейших слоях керамики с отпечатком текстиля вполне закономерно, поскольку территория Витебского Подвинья входила в ареал распространения историко-культурной общности текстильной керамики, охватывающей лесную зону Восточной Европы от Эстонии и Финляндии до Прикамья (рис. 2). С середины I тысячелетия до н. э. наряду с восточным культурным импульсом в исследуемом регионе ощущается влияние с территории Латвии и Литвы носителей культуры штрихованной керамики.

По составу теста, форме и орнаментике наблюдается полное сходство керамического комплекса правобережной части Витебского Подвинья с керамикой раннего слоя городищ Чесноры, Усвяты, Жабино, Исаковщина, расположенных в непосредственной близости от границ Беларуси и некогда входивших в состав Витебской губернии. Я.В. Станкевич относит эти памятники к первой группе и датирует по вещам второй половиной I тыс. до н. э. [8, с. 19–20].

Таким образом, хронология вещевых комплексов из предматерикового слоя исследованных памятников и радиоуглеродный анализ угля из городищ Бороники и Загорцы позволяют отнести время возникновения древнейших поселений Витебского Подвинья ко второй половине I тыс. до н. э. (рис. 3).

Следующий этап заселения Витебского Подвинья приходится на конец I тыс. до н. э. – начало I тыс. н. э. и связан с малым климатическим оптимумом и начавшейся регрессией Балтийского моря. Постепенное освобождение от воды подтопленных ранее территорий привлекает сюда население из прилегающих регионов.

С Полоцкого Подвинья проникают носители западного варианта днепро-двинской культуры, в левобережную часть Витебского Подвинья начинается инфильтрация носителей смоленского варианта. С последних веков до н. э. отмечается экспансия на восток и северо-восток населения культуры штрихованной керамики [9, с. 114; 10, с. 108], поселения которой возникают возле деревень Старые Лавки, Бельняки, Соколино, Черная Лоза.

К рубежу н. э. штрихованная керамика, являющаяся визитной карточкой культуры, встречается не только на всех исследованных поселениях левого берега Западной Двины (Новое Село, Мощены, Лукомль, Мяклово, Витебск), но и проникает на правый берег реки (Старое Село, Лужесно, Бокишево, Кордон). Северная граница ее распространения фиксируется по рекам Усысе (правый приток р. Оболи) и Овсянке (Казиново, Городок, Кули, Борки). Отдельные группы штриховиков проникают глубоко в массив аборигенного населения и устраивают там свои укрепленные поселки. На таких городищах процент штрихованной керамики составляет от 17,8 % (Вышедки) до 53% (Жуково) [11, с. 73, табл. 1; 12, с. 154].

Топография поселений. Топографическая привязка городищ в период массового заселения Витебского Подвинья (конец I тыс. до н. э. – начало I тыс. н. э.) зависела от ландшафтных особенностей местности. В регионе преобладают городища на отдельно стоящих холмах (73,9 %). Здесь возможны локальные варианты: а) на берегу водоемов (рек, озер); б) при впадении небольшой реки, ручья в озеро или реку; в) в излучине реки или озера; г) на острове. Единичные поселения расположены на холмах на значительном удалении от существующих водоемов, что, однако не исключает исчезновение последних в ходе мелиоративных работ в регионе.

Второй тип топографической привязки – на одиночно стоящих высоких озовых грядах (13%). Подобные поселения занимают лишь наиболее высокую часть гряды в основном на краю, изредка в центре

- 1) Загорцы–2019. Городище. Пожар под валом-1 (верх древнейшего слоя)
Радиоуглеродный возраст BP 2140 ± 25

% area enclosed	Диапазоны дат	Относительная площадь при распределении вероятностей
68,3 (1 sigma)	cal BC 340–324	0,161
	200–148	0,625
	136–112	0,214
95,4 (2 sigma)	cal BC 348–311	0,177
	206–91	0,753
	79–53	0,070
Средняя вероятность: –168		

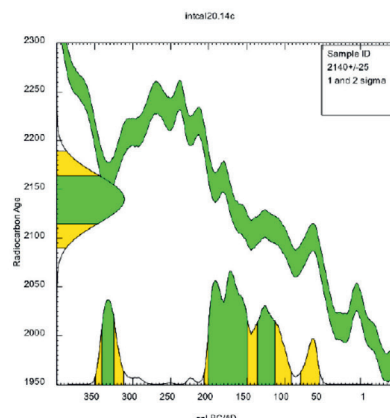
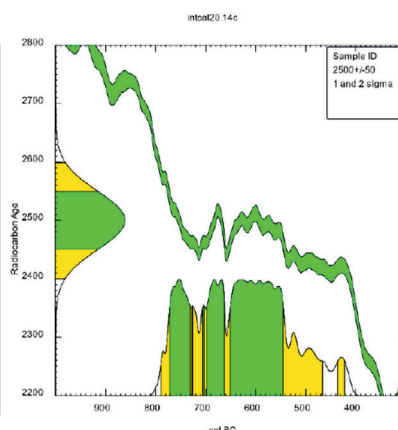

Рис. 3. Результаты радиоуглеродного анализа городищ Витебского подвинья:

- 1) Загорцы–Степановичи, Городокский район;
2) Бороники, Витебский район

- 2) Бороники–2020. Заполнение рва
Радиоуглеродный возраст BP 2500 ± 50

% area enclosed	Диапазоны дат	Относительная площадь при распределении вероятностей
68,3 (1 sigma)	cal BC 772–730	0,213
	727–725	0,004
	706–702	0,013
	698–662	0,188
	651–545	0,581
95,4 (2 sigma)	cal BC 789–465	0,982
	436–421	0,018
Средняя вероятность: –631		

оза (Гали, Гончарово, Лужесно, Кули, Гали–Запрудье, Новое Село).

В этот период в Витебском Подвинье получает распространение мысовой тип поселений (7,6%). Мысовые городища локализованы на высоких коренных берегах (Сураж, Витебск-1, Старое Село, Бокишево, Синяково, Кордон). Кроме коренного берега Западной Двины, данный тип городищ получил распространение исключительно на равнинных участках левобережья, где высокие холмы редкость. Поселения, чаще всего, обустраивали на возвышенных равнинных плато при слиянии двух рек, реки и ручья или оврага (Дворец, Рудница, Соколино). Устройство городищ на мысах высоких берегов рек в верховьях левобережных притоков Западной Двины, по мнению А.А. Егорейченко, является одной из особенностей культуры поздней штрихованной керамики [10, с. 61]. Хронологически мысовые городища датированы первыми веками н.э., в нижних слоях вышеназванных городищ действительно присутствует штрихованная керамика.

Фортификация. Традиция возведения небольших по протяженности валов со стороны пологих склонов холма сохраняется на протяжении всего периода существования городищ, однако высота укреплений и глубина рвов со временем увеличилась до 2–5 м. Получают распространение невысокие (0,5–0,7 м) кольцевые валы по краю площадок холмовых городищ, ими защищено 12% поселений.

Поселения, обустроенные на высоких краях озовых гряд и мысах, как правило, отделялись от плато широким и глубоким рвом (Дворец, Синяково) либо земляным валом и рвом (Лужесно, Новое Село, Ст. Лавки, Рудница, Соколино). Для усиления защитных качеств вал мог полукольцом огибать склоны городища (Зароново, Старое Село, Гончарово). Высота валов вокруг таких поселений достигала 1,5–3,0 м.

Небольшой процент поселений имеет довольно сложную систему обороны: вал по краю и одну-две линии валов по склону (Коньки, Жолнерово, Гали–Запрудье, Прудники). На городище Зароново зафиксировано три типа укреплений: короткие валы с торцевых сторон площадки, вал по склону и две линии валов у подножья площадки [7, с. 10]. Наличие фортификации у подножья городищ (Зароново, Казиново) не совсем объяснимо с точки защитных качеств подобных укреплений [13, с. 22; 9, с. 112].

Отсутствие культурного слоя под насыпями валов исследованных городищ этого периода исключает временной разрыв между заселением площадки и возведением укреплений.

В период расцвета продолжают существовать городища без видимых искусственных укреплений (Карловка–Лялевщина, Борки, Бескатово, Вышадки, Застаринье, Бельняки, Подрезы, Соколино). В.И. Шадыро объясняет это «надзейнай прыроднай умацаванасцю месца паселішча, што не патрабавала ад людзей пабудовы дадатковых абарончых збудаванняў»

[11, с. 16]. Первоначальные укрепления также могли быть снивелированы в результате позднейшего расширения площадки на 2–3 м, как это имело место на городищах Бураково, Загорцы, Кострица, либо распаханы (Мямли, Жеребцы, Починок, Горы–Осинка). Все это и создавало иллюзию отсутствия фортификации.

Домостроительство. Основным типом жилища на последнем этапе существования днепро-двинской культуры были однокамерные, квадратные или прямоугольные в плане строения размерами от 3–4×3 м до 5×3 м (Кострица, Бураково, Загорцы, Старое Село). В Загорцах встречены жилые постройки несколько меньших размеров, длина стен в них составляла 2,2–2,8 м. Жилища были наземными со столбовой конструкцией стен. Центральное место в помещении занимал открытый очаг, сложенный из валунного камня небольших размеров. Выделено два типа отопительных устройств: 1) очаги из камня с подочажными ямами и без них; 2) песчано-глинобитные очаги с подковообразным или кольцевидным бортиком. Большинство очагов имело подочажные ямы диаметром 1,0–1,5 м, заполненные пережженными камнями, золой, керамикой и костными остатками. Иногда в одном жилище фиксируются следы двух-трех очагов (Загорцы, Кострица) [14, с. 222].

На городище Загорцы исследована постройка столбовой конструкции со слегка углубленным в землю нижним венцом. Несмотря на небольшие размеры (2,6×2,3 м), присутствие в ней развала песчано-глинобитного очага размерами 0,9×0,7 м указывает на жилой характер сооружения. Очаг занимал не традиционное центральное место в помещении, а был смещен с сторону северной стенки, под развалом глины имелась подочажная яма. В другой постройке расчищено два небольших очага диаметром 0,4–0,55 м, по краю которых фиксировался в одном случае подковообразный, во втором – кольцевой глинобитный бортик. Глинобитный бортик, выступающий над песчаным подом, предохранял от рассыпания горящих углей и плах по полу жилищ. Подобный тип отопительных устройств известен на ранних городищах Верхнего Подвинья (Подгай, Михайловское, Жабино) [8, с. 52–53, рис. 30, 34]. На поселениях культуры штрихованной керамики данный тип отопительных устройств был доминирующим [10, с. 69].

Помимо жилищ обнаружены небольшие хозяйственные постройки столбовой конструкции, располагавшиеся вне ряда домов и имевшие несколько меньшие размеры (Кострица, Бураково, Бороники).

Производственные постройки исследованы на городищах Бураково и Кострица. На городище Бураково обнаружено два кузнечных комплекса непосредственно на площадке и фундамент сыроступной домницы на краю ближайшего к площадке рва [16, с. 343]. Почти полностью сохранившаяся домница размерами 35×45 см была обнаружена А.Н. Лявданским в валу городища Коньки (Тербахунь) [14, с. 214 мал. 4].

Металлургические мастерские, которые одновременно являлись и древними кузницами, обустраивались в отдельных постройках, расположенных вне зоны жилых сооружений, ближе к центру площадки [15, с. 170]. Это были строения столбовой конструкции

размерами от 4×3–4 м до 4×8 м, внутри каждого из них была вырыта специальная яма (глубина 0,3–0,7 м) несколько меньших размеров, чем сама постройка. В кузницах на городище Бураково найдено несколько каменных наковален, два каменных молота с перехватом, горны, от которых сохранились глиняные овальные бортики размером 0,8×1 м [16, с. 344]. На городище Кострица наковальня – камень огромных размеров – лежала на дне ямы. В заполнении ям во всех описанных постройках встречено довольно много шлаков, криц, куски оплавленных сопел, окалина [4, с. 10–11, 20–21].

Таким образом, для днепро-двинских городищ на последнем этапе их развития характерны однокамерные, квадратные и прямоугольные в плане жилые постройки столбовой конструкции. Этот тип построек просуществовал на территории Витебского Подвинья без особых конструктивных изменений до IV–V вв., когда на смену столбовым приходят постройки срубно-столбовой, а позднее срубной конструкции.

Материальная культура. Облик материальной культуры населения Витебского Подвинья в первой половине I тыс. н.э. изучен значительно лучше, чем в предшествующий период. Среди вещевых комплексов наиболее презентабельно представлены три категории вещей: керамика, которая доминирует по численности среди артефактов, железные изделия, предметы из цветного металла. Изделия из стекла, кости и камня встречаются крайне редко и ассортимент их ограничен.

Керамический материал городищ Витебского Подвинья несет на себе элементы специфического характера, которые отличают его от керамики как западного, так и смоленского вариантов днепро-двинской культуры. Так, на городищах левобережья Западной Двины (Кострица, Новое Село, Бороники, Замошье и др.) получила распространение керамика типичная для нижнего и среднего слоев городищ Смоленского Поднепровья. Это – тонкостенные слабопрофилированные сосуды, имеющие иногда орнаментацию в виде ямок и прочерченных линий, а также конусовидные неорнаментированные горшки со слабо выраженной шейкой.

Для городищ правобережной части Витебского Подвинья (Бураково, Бескатово, Зароново, Казиново, Загорцы) характерно присутствие в слое значительного количества штрихованной и текстильной керамики, которая по форме повторяет гладкостенную посуду. Слабопрофилированные сосуды встречаются чаще, чем баночные, однако, в отличие от таких же по форме сосудов Смоленщины, в верхней части они декорированы разнообразными узорами из одного-двух рядов ямочных вдавлений либо из неглубоких ямок, от которых под углом отходят прочерченные линии.

Ассортимент кузнечной продукции в основном традиционный для городищенских культур лесной полосы Восточной Европы и, в первую очередь, для днепро-двинской культуры.

Наиболее многочисленна коллекция сельскохозяйственных орудий труда: жатвенные ножи, серпы, косари, коса и фрагмент наральника, топоры. К универсальным орудиям труда отнесены ножи с горбатой и прямой спинкой.

Оружие на поселениях днепродвинцев встречается крайне редко: несколько наконечников копий и стрел, боевые топоры малых размеров.

Внушительная по численности группа железных изделий объединяет предметы одежды и туалета: сюльгамы, фибулы, посоховидные булавки, пряжки.

Украшения из железа, цветного металла, стекла встречаются в основном в единичных экземплярах и являются предметами импорта (гривна, очковидная, конусовидная и трапециевидные привески, стеклянные бусы). В особую группу объединены вещи с эмалями: треугольные ажурные фибулы и фибула-брошь из поселений левобережной части Витебского Подвинья – зоны инфильтрации южных групп населения.

Таким образом, материальная культура Витебского Подвинья представлена в основном комплексами, датируемыми первой половиной I тыс. н.э., т.е. временем, когда население испытывало довольно сильное влияние со стороны постоянно проникающих на ее территорию пришлых групп балтского, финно-угорского, а позже, и праславянского населения. В результате здесь сложилась особая разновидность материальной культуры, которая впитала в себя как местные традиции, так и новации.

Заключение. В силу ландшафтного своеобразия региона заселение Витебского Подвинья находилось в прямой зависимости от климатических условий и фактически стало благоприятным начиная с последней четверти I тыс. до н.э. Именно в это время сюда начинают проникать разнородные группировки, что создало предпосылки для сложения в Витебском Подвинье своеобразного варианта днепро-двинской культуры, впитавшего в себя черты, характерные для верхнедвинского, западного и смоленского вариантов. Присутствие как в нижних, так и в верхних слоях исследованных поселений Витебского Подвинья (Новое Село, Бороники, Зароново, Бураково, Загорцы и др.) керамики с отпечатком текстиля и ранней штрихованной посуды свидетельствует о влиянии финно-угорских и прибалтийских традиций на сложение материальной культуры основного населения Витебского Подвинья. Вместе с тем ей были свойственны региональные особенности, выделяющие ее среди родственных вариантов днепро-двинской культуры.

Таким образом, многообразие культурных традиций, фиксируемое в изучаемом регионе, является не только результатом естественного поступательного развития материальной культуры, но и указывает на значительную роль в истории населения Витебского Подвинья миграционных процессов.

Статья подготовлена в рамках выполнения Государственной программы фундаментальных исследований на 2021–2025 гг. «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», подпрограмма 12.1 «История», задание 12.1.1 «Археологическое наследие как фактор обеспечения гуманитарной безопасности белорусского общества», подзадание 12.1.1.05 «Культурно-историческое развитие Витебского Подвинья в I тыс. до н.э. – третьей четверти I тыс. н.э. в свете новых исследований в регионе».

Литература

1. Кренке, Н.А. Археология парка Царицыно: по материалам исследований экспедиции Института археологии РАН 2002–2008 гг. / Н.А. Кренке [и др.] – М.: ИА РАН, 2008. – 364 с.
2. Микляев, А.М. Каменный – железный век в междуречье Западной Двины и Ловати / А.М. Микляев // Петербург. археол. вестн. – СПб., 1995. – Вып. 9. – С. 7–39.
3. Мерзвинский, Л.М. Биологическое разнообразие Белорусского Поозерья / Л.М. Мерзвинский [и др.]. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2011. – С. 7–18.
4. Шут, К.П. Отчет о полевых археологических работах в 1965 г. / К.П. Шут // ОАНД ГНУ «Институт истории НАН Беларуси». – Минск, 1966. – Д. 257. – 74 с.: ил.
5. Штыхов, Г.В. Отчет об археологических исследованиях Полоцко-Витебского отряда в 1972 г. / Г.В. Штыхов // ОАНД ГНУ «Институт истории НАН Беларуси». – Минск, 1973. – Д. 413. – 86 с.: ил.
6. Шмидт, Е.А. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Днепро-двинские племена (VIII в. до н.э. – III в. н.э.) / Е.А. Шмидт. – М.: Прометей, 1992. – 207 с.
7. Шут, К.П. Отчет о полевых археологических работах в 1964 г. / К.П. Шут // ОАНД Ин-та истории Нац. акад. наук Беларуси. – Минск, 1965. – Д. 237. – 64 с.
8. Станкевич, Я.В. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н.э. / Я.В. Станкевич // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.–Л., 1960. – № 76. – С. 7–327.
9. Колосовский, Ю.В. Археологический комплекс около д. Казиново Городокского района Витебской области / Ю.В. Колосовский, Г.В. Штыхов // МАБ. – 2005. – Вып. 9: Древности Белоруссии (железный век и средневековье). – С. 112–121.
10. Егорейченко, А.А. Культуры штрихованной керамики / А.А. Егорейченко. – Минск: БГУ, 2006. – 207 с.
11. Шадыра, В.І. Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н.э.) / В.І. Шадыра. – Мінск: Ін-т гісторыі Нац. акад. навук Беларусі, 2006. – 150 с.
12. Колосовский, Ю.В. Керамический и вещевой комплексы городища Жуково-2 по материалам раскопок В.Н. Кузнецова в 1955 г.) / Ю.В. Колосовский, Н.Ю. Шарковская // МАБ. – 2003. – Вып. 8: Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья. – С. 153–163.
13. Штыхов, Г.В. Отчет об исследованиях в Витебской области в 1973 г. / Г.В. Штыхов // ОАНД Ин-та истории Нац. акад. наук Беларуси. – Минск, 1974. – Д. 454. – 113 с.
14. Ляўданскі, А.Н. Археалагічныя доследы ў БССР у 1933–1934 гг. / А.Н. Ляўданскі, К.М. Палікарповіч // Запіскі Беларускай Акадэміі навук. – Менск, 1936. – Кн. 5. – С. 211–223.
15. Шут, К.П. Памятники раннего железного века на севере Белоруссии / К.П. Шут // Древности Белоруссии. – Минск, 1966. – С. 166–182.
16. Шут, К.П. Исследования древнейших городищ северной Белоруссии. / К.П. Шут / Археологические открытия 1968 г. – М.: Наука, 1969. – С. 342–344.

Поступила в редакцию 15.12.2021

Базовые понятия, характеризующие объекты культурного наследия, в законодательствах БССР и Республики Беларусь

Юрчак Д.В.

Управление культуры Витебского облисполкома, Витебск

В статье отражена эволюция базовых понятий, определяющих объекты культурного наследия и закреплённых на уровне действующего законодательства в БССР и Республике Беларусь.

Цель статьи – изучить эволюцию базовых категорий в сфере охраны культурного наследия, выделив особенности формирования и основные этапы их развития за период с 1918 по 2017 г.

Материал и методы. В статье использованы нормативно-правовые акты БССР, РСФСР, СССР и Республики Беларусь, касающиеся вопросов охраны культурного наследия. В процессе обработки материала применялись общенаучные (анализ, синтез, сравнение и др.) и частные методы исследования (историко-генетический, историко-сравнительный, сравнительно-правовой, анализ нормативно-правовых актов).

Результаты и их обсуждение. За прошедшее столетие базовая категория, по отношению к культурным ценностям в отечественном законодательстве, существенно изменилась. В довоенный период широкое распространение получил термин «памятник». В послевоенный период он был заменён понятием «памятник культуры». Но в 1970-х гг. в законе стал применяться термин «памятники истории и культуры». Только в период независимости прежняя терминология под воздействием норм международного права и расширения сферы действия законодательства на нематериальное наследие изменяется. Широкое распространение получают категории «культурные ценности» и «историко-культурные ценности». Однако на бытовом уровне и в публикациях некоторые авторы продолжают ошибочно использовать базовые понятия советского законодательства.

Заключение. В отечественном законодательстве, регулирующем вопросы сохранения объектов наследия, на протяжении длительного периода с 1918 по 2017 г. произошла существенная эволюция базовых понятий, определяющих все объекты культурного наследия. При этом можно четко проследить четыре этапа, на которых в советское время по очереди друг друга сменяют категории «памятник», «памятник культуры», «памятник истории и культуры». После обретения Республикой Беларусь независимости их заменяют более широкими понятиями: «культурные ценности» и «историко-культурные ценности». Последнее способствовало вытеснению прежних советских подходов, закреплённых на уровне дефиниций, и существенной эволюции в данной сфере.

Ключевые слова: культурное наследие, историко-культурные ценности, памятник, памятники истории и культуры, законодательство.

(Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 50–55)

Basic Concepts which Characterize Objects of Cultural Heritage in the Laws of the BSSR and the Republic of Belarus

Yurchak D.V.

Culture Department of Vitebsk Region Executive Committee, Vitebsk

The article reflects the evolution of the basic concepts which define objects of cultural heritage and are fixed at the level of current legislation in the BSSR and the Republic of Belarus.

The purpose of the article is to study the evolution of basic categories in the field of cultural heritage protection, highlighting the features of their shaping and the main stages of their development for the period from 1918 to 2017.

Material and methods. The article uses normative legal acts of the BSSR, the RSFSR, the USSR and the Republic of Belarus concerning the protection of cultural heritage. While processing the material, general scientific (analysis, synthesis, comparison, etc.) and private research methods (historical-genetic, historical-comparative, comparative-legal, analysis of normative legal acts) were used.

Findings and their discussion. Over the past century, the basic category used in relation to cultural values in domestic legislation has changed significantly. In the pre-war period, the term "monument" became widespread. In the post-war period, it was replaced by the concept of "cultural monument". However, in the 1970s, the term "historical and cultural monuments" began to be used in the law. Only during the period of independence, the former terminology changes under the influence of international law and the expansion of the scope of legislation on intangible heritage. The categories of "cultural values" and "historical and cultural values" are widely used. However, at the everyday level and in publications, some authors continue to mistakenly use the basic concepts of Soviet legislation.

Conclusion. In the domestic legislation which regulates issues of the preservation of heritage objects, for a long period from 1918 to 2017, there was a significant evolution of the basic concepts defining all cultural heritage objects. At the same time, four stages can be clearly traced, at which in Soviet times the categories of "monument", "monument of culture", "monument of history and culture" replace each other in turn. After acquiring independence by the Republic of Belarus, they are replaced by broader concepts of "cultural values" and "historical and cultural values". The latter contributed to the displacement of the former Soviet approaches, fixed at the level of definitions, and significant evolution in this area.

Key words: cultural heritage, historical and cultural values, monument, historical and cultural monuments, legislation.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 50–55)

За последние три десятка лет белорусское законодательство в сфере охраны культурного наследия претерпело существенные изменения. С 1992 года базовые нормативно-правовые акты, регулирующие названные правоотношения, менялись три раза. Существенно было переработана, усовершенствована и дополнена терминология. При этом в сознании простых обывателей и, даже, в деятельности специалистов-практиков до настоящего времени широко применяются категории и термины, заимствованные из советского законодательства и не используемые на официальном уровне с первых лет независимости. В первую очередь это касается понятия «*памятники истории и культуры*», официально введенного в 1970-х гг. и просуществовавшего в базовом законе аккуратно до 1992 г. Из-за этого часто в учебной и научно-популярной литературе, в публикациях в СМИ и т.д. можно встретить фразы, понятные многим на бытовом уровне, но противоречащие действующему законодательству.

Именно такая двойственная ситуация с базовыми терминами, характеризующими культурные ценности, подтолкнула нас более детально разобраться с данной проблематикой.

Цель статьи – изучить эволюцию базовых категорий в сфере охраны культурного наследия, выделив особенности формирования и основные этапы их развития за период с 1918 по 2017 г.

Данная проблематика практически не исследовалась в отечественной науке. Исключением можно считать публикации профессора И.Э. Мартыненко [1], который специализируется на юридических аспектах сохранения историко-культурного наследия. Кроме того, вопросы терминологии в сфере охраны культурного наследия (преимущественно археологического) и ранее становились предметом исследования автора этой работы [2].

В рамках статьи будет использоваться терминология, закрепленная в Кодексе Республики Беларусь о культуре. В связи с этим весь массив объектов наследия (учтенных и неучтенных, материальных и нематериальных), находящихся на территории Респу-

блики Беларусь, будет объединяться общим понятием «*культурное наследие*», которое состоит из отдельных «*культурных ценностей*». Объекты, включенные в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь, в свою очередь объединены понятием «*историко-культурное наследие*». Все эти объекты условно также можно называть «объектами наследия», хотя данное понятие не имеет юридического закрепления в отечественном законодательстве.

Материал и методы. В основу изучения положены нормативно-правовые акты БССР, РСФСР, СССР и Республики Беларусь, касающиеся вопросов охраны культурного наследия. В процессе обработки материала применялись общенаучные (анализ, синтез, сравнение и др.) и частные методы исследования (историко-генетический, историко-сравнительный, сравнительно-правовой, анализ нормативно-правовых актов).

Результаты и их обсуждение. За последние 100 лет на белорусских землях терминология, используемая в отношении объектов наследия претерпела существенные изменения. На наш взгляд, в терминологических подходах нужно выделить несколько основных этапов, эволюционно вытекающих один из одного, но имеющих некоторые существенные отличия. Постараемся остановиться подробнее на каждом из них, что позволит проследить изменения в юридической терминологии, используемой к культурным ценностям на территории Республики Беларусь.

1-й этап (1918–1948 гг.). Выработка терминологии и доминирование категории «памятник». В первые годы советской власти объектами культурного наследия в современном понимании признавались только материальные движимые и недвижимые объекты, которые объединялись чаще всего общей категорией «*памятник*». Этот термин активно употреблялся в отношении произведений монументальной скульптуры. В первых нормативно-правовых актах новой власти он встречался в сочетаниях «*памятник искусства*» и «*памятник старины*», которые подразделялись на монументальные и вещевые («*предме-*

ты искусства и старины»). Именно такие категории активно используются в декретах Совета Народных Комиссаров РСФСР от 5 октября 1918 г. «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» и от 19 октября 1918 г. «О запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины» [3, с. 17–20]. При этом в некоторых документах встречалось и более привычное в послевоенное время сочетание «памятник культуры».

Довольно широко применялись и другие общепризнанные категории: «ценность» и «культурная ценность» (декрет Исполкома Советов Западной коммуны от 5 октября 1918 г. «О передаче культурных ценностей поместий и учреждений отделам народного просвещения и об организации их сбора, учета и охраны», постановление Временного Рабоче-Крестьянского Правительства БССР от 30 января 1919 г. «О передаче культурных ценностей науки и искусства, которые находятся в усадьбах и разных учреждениях, комиссариату просвещения и об организации их сбора, учета и охраны») [3, с. 22–25]. Все это свидетельствовало об отсутствии в законодательстве того времени единого подхода и выработанной терминологии.

В середине 1920-х гг. постепенно приоритет стал отдаваться использованию категории «памятник». В декрете Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы», принятом 7 января 1924 г. в отношении различных видов объектов культурного наследия, активно применяют различные классифицирующие названия, объединенные термином «памятник»: *памятники зодчества и археологические памятники*. При этом материальные движимые ценности также называются этим словом и классифицируются по видам: *памятники искусства и старины, клады, находки, предметы археологического значения* [4, с. 4–6]. Тот же подход прослеживается в постановлении Совета Народных Комиссаров БССР от 24 декабря 1923 г. «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства, старины, быта и местностей природы, находящихся во владении учреждений и обществ, а также частных лиц», циркулярном распоряжении наркомпроса, наркомзема и НКВД БССР от 31 августа 1924 г. о порядке применения постановления совнаркома.

Без особых изменений эти же категории перетекли в постановление Совета Народных Комиссаров БССР от 5 июля 1926 г. «О порядке охраны памятников старины, искусства, быта и природы, объявленных государственным достоянием». Здесь мы опять наблюдаем выделение трех видов недвижимых памятников: *памятников зодчества, археологии, а также памятников природы (парков и садов)*. В отношении движимого наследия музейного значения активно использовалось сочетание «памятники искусства, старины и народного быта» [3, с. 37–39].

Тем самым, с 1920-х гг. в советском законодательстве постепенно закрепились категории «памятник», которая могла использоваться в общем значении, либо в сочетании со словами, указывающими на конкретный вид памятников. При этом общей дефиниции категории памятник в законодательстве не давалось. Все эти тенденции сохранялись в довоенный период и не претерпели существенных изменений.

2-й этап (1948–1976 гг.). Использование термина «памятник культуры». В первые послевоенные десятилетия ключевой базовой категорией, используемой для обозначения объектов наследия на территории СССР, становится понятие «памятник культуры». Это нашло отражение в новом законодательстве, в первую очередь в Положении об охране памятников культуры, утвержденном постановлением Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. № 3898. В самом постановлении не дается дефиниции данному понятию, но говорится, что памятники культуры имеют научное, историческое или художественное значение. Одновременно дается четкая типология памятников культуры, которые новое законодательство разделило на 4 вида: *памятники архитектуры, искусства, археологии, а также памятники исторические*. При этом в ст. 2 положения были даны подробные перечисления, какие виды объектов наследия относятся к той или иной группе. Учет всех видов памятников должен был осуществляться на уровне советов министров союзных республик. Самые знаковые («выдающиеся») для страны памятники заносились в государственные списки памятников культуры *общесоюзного значения*, которые должны были утверждаться Советом Министров СССР [3, с. 57–58].

Особенностью послевоенного периода для советского законодательства в области охраны культурного наследия становится появление отдельных законов, регулирующих правоотношения в данной сфере. Закон БССР «Об охране памятников культуры» был принят 26 декабря 1969 года. В нем прослеживается та же тенденция относительно базового понятия объектов наследия и их типологии. Ключевым изменением терминологического характера стала замена категории «памятники исторические» более благозвучным и распространенным в настоящее время сочетанием «памятники истории». Кроме того, уточняется и разделение всех памятников культуры в зависимости от значимости на памятники общесоюзного, республиканского и местного значения [3, с. 41–42].

Вместе с эволюцией законодательства об охране культурного наследия общепринятые категории из него переключались в иные нормативно-правовые акты, в том числе регулирующие вопросы деятельности местных органов власти, градостроительства и т.д.

При этом с середины 1960-х годов наравне с понятием «памятники культуры» все большее распространение получает категория «памятники истории и культуры». Активному продвижению данного понятия содействовало постановление ЦК КПБ и Совета

Министров БССР от 19 июня 1965 года № 306 «О создании белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры». Такие же государственные общественные организации появились и в других республиках. Примечательно, что в уставе организации, утвержденном постановлением Совета Министров БССР от 16 марта 1967 г. № 69 повсеместно используется именно это словосочетание, вместо термина, закрепленного в действовавшем на тот момент постановлении и принятом чуть позже законе. Интересно и то, что в уставе общества также встречается и другая, используемая в настоящее время категория «историко-культурная ценность» [3, с. 66–68].

3-й этап (1976–1992 гг.). Использование категории «памятник истории и культуры». В середине 1970-х гг. в связи с возросшим интересом к вопросам сохранения наследия, усилением общественного контроля, выработкой новых подходов и практик охраны объектов культурного наследия встал вопрос о корректировке действующего закона. Поэтому 29 октября 1976 г. был принят Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», ставший образцом при принятии профильных законов советских республик. Именно в нем было закреплено новое базовое понятие, характеризующее все объекты культурного наследия – «памятники истории и культуры». Не исключено, что на совершенствование данной категории повлияла активная деятельность в республиках ранее образованных обществ охраны памятников истории и культуры [5].

В новом советском законе с самого начала давалась дефиниция нового базового понятия: «*памятниками истории и культуры являются сооружения, памятные места и предметы, связанные с историческими событиями в жизни народа, развитием общества и государства, произведения материального и духовного творчества, представляющие историческую, научную, художественную или иную культурную ценность*» [5].

Некоторые изменения и уточнения появились и в типологии. В частности, вместо «памятников архитектуры» были выделены «памятники градостроительства и архитектуры», что подчеркивало значение архитектурных градостроительных комплексов, включавших здания, планировку, ландшафт и т.д. Кроме того, появился еще один вид памятников истории и культуры: документальные памятники, к которым относились акты органов государственной власти и органов государственного управления, другие письменные и графические документы, кинофотодокументы и звукозаписи, а также древние и другие рукописи и архивы, записи фольклора и музыки, редкие печатные издания. В тексте закона делалась оговорка, что к памятникам истории и культуры могут быть отнесены и другие объекты, представляющие историческую, научную, художественную или иную культурную ценность. При этом сохранялось разделение всех памятников истории и культуры на памятники общесоюзного, республиканского и местного значения.

Все новеллы (нормативные нововведения) общесоюзного закона были включены в принятый в 1978 году новый Закон БССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» [6]. Именно этот нормативно-правовой акт с некоторыми изменениями регулировал вопросы сохранения культурного наследия до обретения Республикой Беларусь независимости.

Сложно однозначно ответить на вопрос, почему в новом законе отошли от прежнего общего названия культурных ценностей, используемого в советском праве. Возможно, это была общая тенденция того времени, подчеркивающая исторический характер советских памятников, свидетельствующих о ярких страницах отечественной и, прежде всего, советской истории. Ведь слово «культура» чаще всего ассоциируется с современностью, а вот уже слово «история» указывает на наследие прошлого. При этом нельзя исключать и субъективный фактор, когда кому-то в верхах при формировании названия общественной организации, занимавшейся вопросами сохранения культурных ценностей, приглянулся именно вариант с памятниками истории и культуры. Затем он прижился с учетом массового характера самой организации, а впоследствии был закреплен и нормативно. Однозначно склониться к какой-либо из версий не просто, только изучение дополнительных исторических источников может пролить свет на этот вопрос.

Насколько удачный был новый термин сказать трудно, но он оказался очень живучим, так как используется по инерции и спустя почти 30 лет после его исключения из закона. Но если оценивать новую категорию критически, то стоит обратить внимание на то, что понятие «памятник культуры» было более удачным, так как оно охватывало все виды культурного наследия, не повторяя их названия. А вот категория «памятник истории и культуры» практически созвучна такому виду наследия, как «памятник истории», что может привести к некой терминологической путанице, особенно на бытовом уровне.

4-й этап (1992 г. – по настоящее время). Использование категорий «историко-культурная ценность» и «культурная ценность». После обретения независимости в Республике Беларусь были приняты меры по совершенствованию законодательства в области охраны культурного наследия.

4 июня 1991 г. был принят закон «Аб культуры ў Беларускай ССР (позднее – ў Рэспубліцы Беларусь. – Д.Ю.)». В котором на законодательном уровне были введены и разделены такие категории, как «культурные ценности» и «историко-культурные ценности». Первые выключали в себя созданные (преобразованные) человеком или тесно связанные с его деятельностью материальные объекты и нематериальные проявления человеческого творчества, имеющие художественное, историческое, научное или иное значение. При этом историко-культурными ценностями признавались только те культурные ценности, которым в установленном порядке был придан соответ-

ствующий статус и они брались на государственный учет [7].

Получалось так, что *все объекты и нематериальные проявления творчества человека, которые имеют какое-либо значение и ценность, можно было смело приравнивать к культурным ценностям. Но только самые ценные из них, взятые на государственный учет, должны были считаться историко-культурной ценностью.* Это кардинально изменяло прежний советский подход к объектам наследия, а также вносило существенные корректировки в действующую терминологию.

13 ноября 1992 года был принят новый Закон Республики Беларусь «Об охране историко-культурного наследия». Основная категория советского права – памятники истории и культуры – полностью заменялась в базовом законе более широким понятием «историко-культурное наследие». Под этим понятием понималась совокупность отличительных итогов и свидетельств исторического и духовного развития народа Беларуси, воплощенных в историко-культурных ценностях. В свою очередь, *историко-культурные ценности – это наиболее отличительные материальные объекты и нематериальные проявления человеческого творчества, которые имеют выдающиеся духовные, эстетические и документальные достоинства и взяты под охрану государства* [8].

Почему «памятники» вдруг были заменены «наследием»? Во-первых, новая категория имеет более широкое значение и затрагивает не только материальные объекты – памятники, но распространяется и на нематериальные ценности. Во-вторых, это явная привязка к общемировой практике и международным соглашениям, в которых широко используется данная категория.

Одновременно в новом законе отказались от прежней типологии. Разделение объектов наследия на памятники археологии, архитектуры и градостроительства, истории, искусства, документальные памятники, как в то время казалось, ушло в прошлое. Сохранялось оно только в советских учетных списках до их отмены. Зато появилось разделение историко-культурных ценностей на категории («0», «1», «2» и «3»), которые для материальных объектов должны были заменить прежнее разделение памятников на объекты общесоюзного, республиканского и местного значения.

Из-за многочисленных сложностей с правоприменением Закон 1992 года 9 января 2006 года был заменен на новый, существенно переработанный по своей структуре и содержанию. В нем, в отличие от предыдущего, вновь были подробно указаны виды материальных историко-культурных ценностей, взятые преимущественно из прежнего советского законодательства и немного дополненные.

С принятием и вступлением в силу Кодекса Республики Беларусь о культуре категории «культурная ценность» и «историко-культурная ценность» были включены в новый кодифицированный нормативно-правовой акт.

Одновременно в начале XXI века из общей массы объектов наследия происходило выделение *археологического наследия*. Этот процесс подробно рассматривался автором данной статьи в прежних публикациях [2]. Базовыми понятиями этого вида культурных ценностей являются «археологические объекты» и «археологические артефакты».

Данные понятия являются новеллами белорусского права начала XXI века. В части первой ст. 123 Кодекса Республики Беларусь о культуре под археологическими объектами понимаются *недвижимые материальные объекты или их комплексы вместе с археологическими артефактами и культурным пластом (слоем), возникшие в результате жизни и деятельности человека более 120 лет назад, сохранившиеся в земле или на дне природных и искусственных водоемов, имеющие историческое, художественное, научное или иное культурное значение, которые могут соответствовать критериям для предоставления им статуса историко-культурной ценности.* Археологические артефакты – это *движимые материальные объекты, которые возникли в результате жизни и деятельности человека более 120 лет назад и находятся в культурном пласте (слое) или на дне природных и искусственных водоемов, имеют историческое, художественное, научное или иное культурное значение, могут соответствовать критериям для предоставления им статуса историко-культурной ценности, а на момент их выявления не имеют собственника* [9].

Памятниками археологии (ранее привычная категория для исследователей и обывателей) в действующем законодательстве признаются только те археологические объекты и артефакты, которые включены в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь. Хотя многие обыватели и даже специалисты по традиции продолжают использовать эту категорию в отношении всех археологических объектов, что юридически неправильно.

Таким образом, в настоящее время многие понятия, характеризующие объекты культурного наследия, имеют закрепленное в законодательстве определение, а их неправильное использование в нормативных документах может иметь и юридические последствия. Хотелось бы, чтобы правильно эти термины употреблялись также в научной, учебной, научно-популярной литературе, в СМИ. Применение ранее существующих понятий также допустимо, но по отношению к конкретному историческому периоду. Также уместно использование и таких распространенных категорий, как «памятник истории» и «памятник археологии», но только к тем объектам наследия, которые включены в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь и относятся к соответствующему виду ценностей. А вот понятия «памятник культуры» в действующем законодательстве исчезло и его уместно заменять на более точную и официально закрепленную категорию «культурная ценность» (для объектов, включенных в Государственный список

историко-культурных ценностей Республики Беларусь, – «историко-культурная ценность»).

Заключение. В отечественном законодательстве, регулирующем вопросы сохранения объектов наследия, на протяжении длительного периода с 1918 по 2017 г. произошла существенная эволюция базовых понятий, определяющих все объекты культурного наследия. При этом можно четко проследить четыре этапа, на которых в советское время по очереди друг друга сменяют категории: «памятник», «памятник культуры», «памятник истории и культуры». После обретения Республикой Беларусь независимости их заменяют более широкими понятиями «культурные ценности» и «историко-культурные ценности». Последнее способствовало вытеснению прежних советских подходов, закрепленных на уровне дефиниций, и существенной эволюции в данной сфере.

Литература

1. Мартыненко, И.Э. Правовая охрана историко-культурного наследия: учеб. пособие для студентов гуманитарных специальностей учреждений, обеспечивающих получение высшего образования / И.Э. Мартыненко. – Гродно: Гродн. гос. ун-т, 2005. – 343 с.; Мартыненко, И.Э. Понятие и состав историко-культурного наследия Республики Беларусь / И.Э. Мартыненко // Культура: управление, экономика, право. – 2014. – № 3. – С. 20–26.
2. Юрчак, Д.В. Эволюция базовых понятий, характеризующих археологическое наследие в законодательствах БССР и Республики Беларусь / Д.В. Юрчак // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сб. науч. ст. – Витебск, 2020. – Т. 31. – С. 80–86.
3. Советское законодательство о памятниках истории и культуры: сборник документов и материалов (1917–1972 гг.). – Минск: Полымя, 1972. – 430 с.
4. Декреты и инструкция об учете и охране памятников искусства, старины и природы / Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины Главного управления научных, научно-художественных и музейных учреждений Народного комиссариата просвещения. – М., 1924. – 31 с.
5. Об охране и использовании памятников истории и культуры: Закон СССР от 29 октября 1976 // Законодательная база Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakonbase.ru/content/base/26778> – Дата доступа: 15.09.2021.
6. Закон Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі “Аб ахове і выкарыстанні помнікаў гісторыі і культуры”. – Мінск: Беларусь, 1978. – 64 с.
7. Аб культуры ў Рэспубліцы Беларусь: Закон Беларускай ССР ад 4 чэрвеня 1991 г. № 832-XII // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
8. Об охране историко-культурного наследия: Закон Респ. Беларусь, 13 нояб. 1992 г., № 1940-XII // Ведомости Верховного Совета Респ. Беларусь. – 1992. – № 30. – ст. 504.
9. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры ад 20 ліпеня 2016 г. № 413-З: прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрв. 2016 г.: адобр. Саветам Рэсп. 30 чэрв. 2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

Поступила в редакцию 16.12.2021

Косовский кризис в повестке российско-американских отношений (1998–1999 гг.)

Косов А.П.

Учреждение образования «Белорусский государственный университет», Минск;
Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Косовский кризис 1998–1999 гг. стал причиной первого открытого столкновения России и США в постбиполярный период. Он серьезноотяготил российско-американские отношения. В 1990-е гг. Москва рассчитывала на уважение ее мнения со стороны Вашингтона при решении актуальных проблем мировой политики, претендуя тем самым на статус великой державы. Однако ход кризиса показал обратное: США решили действовать без особой оглядки на Россию. Американское руководство рассчитывало, что Соединенные Штаты сумеют управлять реакцией РФ. Как видим, американцы оказались правы: Кремль недолго позлился, а затем пошел на восстановление деловых отношений с Соединенными Штатами. Тем самым агрессия НАТО против СРЮ показала беспомощность России на мировой арене.

Цель статьи – показать реакцию Российской Федерации на действия США на Балканах в период Косовского кризиса 1998–1999 гг.

Материал и методы. Публикация основывается на работах российских и американских авторов, посвященных взаимоотношениям РФ и США, а также проблемам региональной безопасности на Балканах в 1990-е гг. с использованием общенаучных и специально-исторических методов исследования.

Результаты и их обсуждение. Дестабилизация ситуации на Балканах в конце 1990-х гг. стала серьезным вызовом для ельцинской России, стремящейся стать частью западного мира. Ведь Косовский кризис продемонстрировал серьезные расхождения внешнеполитических линий Москвы и Вашингтона: если администрация Клинтона была уверена, что использует военную силу в гуманитарных целях, защищая косоваров от «геноцида» сербов, то российское руководство считало, что США и НАТО попытались агрессией против Югославии укрепить свое лидерство в постбиполярном мире. Однако в ответ на действия НАТО Москва ограничилась лишь словесной риторикой в адрес Вашингтона и Брюсселя, которую американское руководство, по сути, не воспринимало всерьез, и демонстративной акцией Е.М. Примакова, прервавшего свою поездку в США, а также внезапным марш-броском российских десантников из Боснии с целью захвата аэродрома в Приштине на заключительном этапе кризиса. Конечно, противопоставить Западу что-либо серьезное тогдашняя Россия не могла. На то не было ни сил, ни средств, ни политической воли высшего руководства страны. Очевидно, что в конце 1990-х гг. Россия не располагала в полном объеме военными и дипломатическими средствами противодействия Западу. «Разворот» Е.М. Примакова над Атлантикой стал максимумом того, что можно было сделать, чтобы продемонстрировать американцам свою негативную реакцию на применение военной силы против Югославии. Правда, и данный поступок главы правительства РФ был вскоре нивелирован Б.Н. Ельциным, пошедшим на уступки Западу. Однако «разворот» Е.М. Примакова над Атлантикой имел отложенный, кумулятивный эффект, предопределивший дальнейшее развитие российско-американских отношений. Тем самым Косовский кризис окончательно подвел черту под романтическим периодом российско-американских отношений. Военная операция НАТО против СРЮ имела негативные последствия для их дальнейшего развития. Своими действиями Вашингтон открыто указал Москве, что Америка не собирается считать Россию равной себе и делить с ней ответственность за судьбу постбиполярного мира, а намерена поступать так, как американцы посчитают нужным.

Заключение. Сделан вывод о том, что политика России в отношении урегулирования Косовского кризиса во многом зависела от взаимоотношений с Соединенными Штатами в 1990-е гг. Москва, не поддерживая силовой вариант решения данной проблемы, навязываемый мировому сообществу Вашингтоном, была вынуждена маневрировать. С одной стороны, российское руководство, стремившееся сделать страну частью западного мира, не намеревалось вступать из-за Югославии в конфронтацию с США. С другой стороны, Б.Н. Ельцин и его ближайшее окружение, осознавая резко негативную реакцию на агрессию НАТО против СРЮ российского общества и политических кругов, в условиях острой внутривнутриполитической борьбы должны были делать резкие заявления в адрес Запада. Это вело к колеблющимся, противоречивым и непоследовательным шагам Москвы, что отвечало американским интересам. Таким образом, Косовский кризис 1998–1999 гг. продемонстрировал падение реального веса России в мировой политике.

Ключевые слова: Россия, США, НАТО, СРЮ, российско-американские отношения, Косовский кризис, Балканы.

(Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 56–64)

Kosovo Crisis in the Russian-American Relations (1998–1999)

Kosov A.P.

Education Establishment "Belarusian State University", Minsk
Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Kosovo crisis of 1998–1999 was the reason for the first open collision between Russia and the USA in the post-bipolar period. It seriously aggravated Russian-American relations. In the 1990s Moscow believed that its opinion would be respected by Washington in solving current world policy problems, and thus considered to have the status of a great power. However the course of the crisis showed the opposite: the USA decided not to take Russia into account. American leadership believed that the United States would manage the reaction of RF. As can be seen Americans appeared to be right: Kremlin was angry for a short period and then restored business relations with the United States. Thus NATO's aggression against SRJ manifested Russia's helplessness in the world arena.

The purpose of the article is to show the reaction of the Russian Federation to the actions of the USA in Balkan during Kosovo crisis of 1998–1999.

Material and methods. *The publication is based on works by Russian and American authors which center round the relations between the RF and the USA as well as the issues of Balkan regional security in the 1990s using general scientific and special historical research methods.*

Findings and their discussion. *Destabilization of the Balkan situation in the late 1990s became a serious challenge for the Yeltsin Russia which was eager to become a part of the Western world. Since Kosovo crisis demonstrated serious discrepancies between the foreign policy lines of Moscow and Washington: if Clinton administration was sure that it used military force with humane purposes by protecting Kosovo people from the genocide of the Serbs, Russian leadership believed that the USA and NATO used the aggression against Yugoslavia for strengthening its leading position in the post-bipolar world. However, in response to NATO actions Moscow used only verbal rhetoric addressing Washington and Brussels, which American authorities did not take seriously, as well as demonstrative interruption by E.M. Primakov of his visit to the USA and a sudden march of Russian marine corps from Bosnia to capture Pristina aerodrome at the final stage of the crisis. The Russia of those days certainly could not seriously oppose the West. It had neither force nor money nor political will of the country administration. Russia did not have military or diplomatic tools to oppose the West in the late 1990s. E.M. Primakov's "U-turn" over the Atlantic was maximum what could be done to demonstrate Russia's negative reaction to America's using military force against Yugoslavia. At the same time, this act of the Head of Government of the RF was soon made insignificant by B.N. Yeltsin who yielded to the West. However, E.M. Primakov's "U-turn" over the Atlantic had a delayed (cumulative) effect which conditioned the following development of the Russian-American relations. So Kosovo crisis concluded the romantic period of Russian-American relations. The NATO military operation against SRJ had negative effects for their further development. By his actions Washington openly showed Moscow that America is not going to consider Russia its equal and share with it the responsibility for the destiny of the post-bipolar world but that it is going to do what Americans think proper to do*

Conclusion. *Conclusion is made that Russia's policy regarding Kosovo crisis depended much on the relations with the United States in the 1990s. Moscow, which did not support the force variant of the solution of this problem imposed by Washington, had to maneuver. On the one hand, Russian leadership which tried to make the country part of the Western world was not going to confront the USA because of Yugoslavia. On the other hand, B.N. Yeltsin and his close surrounding, aware of the Russian society and political circles' negative reaction to NATO's aggression against the SRJ, had to make sharp statements addressing the West. This led to Moscow's hesitant, contradictory and inconsistent steps which played right into Americans' hands. Thus, Kosovo crisis of 1998–1999 demonstrated the decline of Russia's real weight in the world policy.*

Key words: *Russia, the USA, NATO, SRJ, Russian-American relations, Kosovo crisis, Balkans.*

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 56–64)

В конце 1990-х гг. обострился этнический конфликт в Косово, населенном албанцами и сербами. Косово занимало 20% территории Сербии и имело важное культурно-историческое значение для сербов. Именно здесь в 1389 г. состоялась известная Косовская битва. Однако албанцы составляли большинство населения края. Еще с конца 1980-х гг. они требовали от сербского руководства расширения своих прав. Примерно до 1996 г. ситуация в Косово была крайне нестабильной, но без масштабных вооруженных столкновений между сербами и албанцами. Но подписание в ноябре 1995 г. Дейтонских соглашений, положивших конец вооруженному противо-

стоянию в Боснии и Герцеговине, показало слабость международных позиций СРЮ. Это стало сигналом для активизации албанских сепаратистов в Косово. Они стали создавать свои структуры управления и игнорировать Белград. В накаляющейся обстановке Запад однозначно встал на сторону косоваров, а Россия посылала сигналы президенту СРЮ С. Милошевичу о поддержке сербов. Тем самым косовская проблема шаг за шагом становилась серьезным раздражителем в отношениях Москвы и Вашингтона.

Цель данной статьи – показать реакцию Российской Федерации на действия США на Балканах в период Косовского кризиса 1998–1999 гг.

Материал и методы. Представленная работа написана на основе публикаций российских и американских авторов – К.Н. Брутенца, Е.Ю. Гуськовой, Б.Н. Ельцина, И.С. Иванова, В.А. Кременюка, Е.М. Примакова, А.К. Пушкова, Дж. Голдгейера и М. Макфола, Дж. Мэтлока, А. Стент, С. Тэлботта и др., в которых рассмотрены перипетии взаимоотношений между Россией и США в 1990-е гг.

Методологической основой исследования стала совокупность научных принципов (историзма, объективности и системности). В процессе написания статьи использовались общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, обобщение) и специально-исторические (историко-сравнительный, историко-типологический, историко-генетический) методы исследования, позволившие показать атмосферу российско-американских отношений в условиях Косовского кризиса 1998–1999 гг.

Результаты и их обсуждение. Активизация албанских сепаратистов в Косово, включая вооруженные действия боевиков Освободительной армии Косово (ОАК) против сербских военнослужащих и полицейских, привела в 1998 г. к ответному применению силы со стороны СРЮ. В октябре 1998 г. югославскими силами безопасности удалось очистить край от многочисленных бандформирований. ОАК оказалась на грани поражения. Однако в ситуацию решил вмешаться Запад. Разумеется, не могла остаться в стороне от разрешения Косовского кризиса и Российская Федерация. Сначала в косовском вопросе российская дипломатия чувствовала себя несколько неуверенно. Сказывалось желание Москвы не обострять из-за Югославии отношения с США. Но по мере усиления давления американцев на Белград в Москве становилось все более очевидным, что за американскими декларациями о защите прав этнических меньшинств скрывается стремление Вашингтона диктовать свои условия суверенным государствам. Одним из твердых противников силового разрешения Косовского кризиса в российском руководстве был Е.М. Примаков. В апреле 1998 г. он выступил против попыток отделения Косово от Сербии и против размещения в крае «иностранных войск под чьим бы то ни было флагом». Итак, российская дипломатия подошла к пониманию возросшей опасности альянса, получившего права на бесконтрольную деятельность без одобрения СБ ООН. Поэтому Е.М. Примаков был решительно против любого военного вмешательства в косовский конфликт, однако противостоять этому так и не смог [1, с. 36].

Вашингтон и Москва стали активно обсуждать ситуацию вокруг Косово. Для решения косовской проблемы была создана Международная контактная группа в составе США, ЕС и России. Вашингтон инициировал обсуждение ситуации в крае в СБ ООН в виде обвинений сербов в геноциде. Американцы стали склоняться к силовому решению проблемы путем принуждения С. Милошевича к продиктованным Западом условиям. Главным сторонником использования во-

енной силы против СРЮ в администрации Клинтона была госсекретарь М. Олбрайт, которая считала, что боевые действия на Балканах будут непродолжительными [2, р. А1, 16]. Как известно, она оказалась права: кампания НАТО продолжалась только 72 дня.

В сентябре 1998 г. в ходе встречи на высшем уровне в Москве Б.Н. Ельцин и Б. Клинтон обсудили ситуацию в Косово, после чего 23 сентября 1998 г. СБ ООН принял резолюцию 1199 с призывом к прекращению огня, выводу из края югославских подразделений и допуску представителей неправительственных гуманитарных организаций [3, с. 304]. 2 октября 1998 г. была принята еще одна резолюция СБ ООН с требованием вывода югославских войск из края. Одновременно НАТО пригрозило осуществить бомбардировку СРЮ, если сербы не прекратят полицейские операции в Косово. В итоге С. Милошевич был вынужден уступить. Белград пошел на все условия Контактной группы. Однако нормализации ситуации в крае не произошло.

Угрозы американцев о возможном применении силы против Югославии вызвали недовольство Москвы. 5 октября 1998 г. в телефонном разговоре с Б. Клинтоном Б.Н. Ельцин сообщил, что любое применение силы Западом против СРЮ неприемлемо [3, с. 304]. Ставший в сентябре 1998 г. министром иностранных дел И.С. Иванов продолжил курс Е.М. Примакова на сохранение территориальной целостности Югославии. Он выступил категорически против применения силы в урегулировании проблем края. Новый министр в этом вопросе получил поддержку всех ветвей российской власти, что повлияло на предотвращение в октябре 1998 г. военного вмешательства НАТО. Москва дала четко понять, что не поддержит действия Вашингтона, а в случае вынесения Соединенными Штатами вопроса о проведении военной операции на обсуждение СБ ООН применит право вето [4, с. 277]. Помешав нанесению спланированных воздушных ударов, Россия неожиданно для Запада в условиях тяжелейшего экономического кризиса нарушила ритм выполнения натовских планов. Казалось, что Россия впервые смогла стать контрбалансом негативных тенденций в системе международных отношений, как об этом не раз заявлял Е.М. Примаков, ставший главой правительства [1, с. 36].

В январе 1999 г. после обнаружения 45 трупов албанцев в селе Рачак на юге Косово глава работавшей в крае миссии ОБСЕ американец У. Уокер без проведения расследования обвинил сербское руководство в «геноциде» мирных албанцев. Вашингтон незамедлительно предъявил Белграду несколько ультиматумов. В ответ Белград объявил У. Уокера персоной нон-грата.

В создавшейся ситуации требовались очередные политико-дипломатические усилия по ее разрешению. В результате в феврале–марте 1999 г. в Рамбуйе под Парижем состоялось два раунда переговоров Контактной группы при участии сербской и албанской делегаций. По ходу переговоров Запад предъявил СРЮ ультима-

тум – дать согласие на размещение в Косово 30-тысячного контингента НАТО. Отказ Белграда от подписания предложенных военных приложений был использован американцами в качестве повода для начала военной операции против Югославии. Очевидно, что конференция в Рамбуйе, курировавшаяся лично М. Олбрайт, проводилась с тем расчетом, чтобы продемонстрировать миру нежелание Белграда решать косовский конфликт путем политического урегулирования.

Позиция России в переговорном процессе по косовской проблеме была достаточно противоречивой. Во многом это объясняется тем, что она формировалась под влиянием внутренних факторов, имевших к событиям на Балканах лишь косвенное отношение. Она служила не для обеспечения национальных интересов страны на международной арене, а в основном для удовлетворения различными группировками политической элиты России своих интересов внутри страны. В этом контексте и следует рассматривать восприятие российским истеблишментом косовской проблемы [5, с. 252]. Поэтому, с одной стороны, Москва долго поддерживала применение «мер воздействия» на Югославию, полагая, что Белград «не может противостоять международным стандартам», отклонила просьбу СРЮ рассмотреть в СБ ООН угрозы НАТО нанести воздушные удары по ее территории, не возражала против максимально широкого статуса автономии «с выходом на федерацию», что приближало Косово к созданию республики. С другой стороны, российское руководство придерживалось мнения, что вмешательство во внутренние дела суверенного государства требует особой процедуры прохождения в СБ ООН, для которой единодушие постоянных членов является неременным условием. Министр иностранных дел России И.С. Иванов упорно обличал амбициозные попытки НАТО вмешаться в югославские дела без санкций СБ ООН [1, с. 35, 37]. Возможно, прав бывший посол США в СССР Дж. Мэтлок мл. в том, что «если бы не произошло расширения НАТО (причем именно в той форме, в какой оно произошло), российское правительство было бы гораздо более расположено оказать нажим на Слободана Милошевича, чтобы он договорился с косоварами, а в случае неудачи такой попытки – поддержать резолюцию ООН о военном вмешательстве» [6, с. 209].

Россия до последнего делала все, чтобы не поссориться с Западом из-за Косово. Вот как комментировал политику страны представитель МИД РФ В.О. Рахманин: «Для нас отношения с США имеют важное значение. Стратегические цели российской и американской дипломатии на Балканах совпадают» [7, с. 1]. Однако администрация Клинтона избрала силовой вариант решения косовской проблемы, не взирая на протесты Москвы. Верх в Вашингтоне одержали силы, выступающие за войну. Например, осуществлявший политику США на Балканах заместитель госсекретаря Р. Холбрук не желал координировать свои действия с Москвой и был настроен на силовое решение косов-

ской проблемы [4, с. 276]. Республиканцы в Конгрессе, являвшиеся противниками использования вооруженных сил США за рубежом, одобрили военную операцию против СРЮ, поскольку сохранение американского влияния в Европе отвечало национальным интересам Америки как единственной сверхдержавы в постбиполярном мире. Правда, палата представителей отвергла предложение администрации послать наземные войска в Косово [8, с. 648]. Тем самым, начав 24 марта 1999 г. военную операцию против СРЮ, США продемонстрировали России, что она окончательно утратила способность влиять на ход мировой политики.

Агрессия НАТО против Югославии привела к возмущению и даже ярости многих россиян. В стране поднялась мощная волна державнических настроений. Российский истеблишмент, включая коммунистов, националистов, либералов, воспринял военную операцию против Югославии в реалистическом ключе – как выигрыш США и проигрыш РФ [9, р. 7]. Большинство граждан РФ восприняли действия НАТО не как гуманитарную акцию, а как агрессию со стороны Соединенных Штатов и их союзников. Возле посольства США в Москве начались антиамериканские акции. Согласно данным РОМИР, 46,3% респондентов считали, что виновниками конфликта являются американцы. После начала бомбардировок Югославии 90% россиян признали их ошибкой, а 65% населения России и вовсе назвали альянс агрессором. Правда, 30% опрошенных полагали, что в одинаковой степени в дестабилизации ситуации в крае виноваты и С. Милошевич, и албанские сепаратисты [3, с. 308–309; 10, с. 449].

24 марта 1999 г. практически все российские СМИ охватили антинатовские настроения. В МИД РФ начались разговоры относительно «адекватных мер», а в Министерстве обороны – о возможности силового ответа. Начальник Управления международного сотрудничества Министерства обороны РФ генерал-полковник Л.Г. Ивашов назвал НАТО «преступной организацией» [11, с. 112]. Политики всех мастей пытались набрать очки на косовском конфликте. Многие парламентарии выступили в пользу принятия «энергичных» мер Москвы по защите сербов. «Горячие головы» в России призывали россиян записываться добровольцами на Балканы, предоставить Белграду средства ПВО, а некоторые предлагали даже послать на помощь сербам российские войска, что привело бы к полномасштабному столкновению с НАТО. Госдума принимала резолюцию за резолюцией. Думские коммунисты вели активные переговоры со С. Милошевичем о создании военно-стратегического союза двух государств. Активно стал обсуждаться даже проект вхождения Югославии в союз России и Беларуси [12, с. 258–259]. А отдельные депутаты Госдумы предлагали отдать под суд генсека альянса Х. Солану за агрессию против СРЮ [11, с. 112].

Что касается российского руководства, то в связи с агрессией НАТО против СРЮ оно оказалось в

непростой ситуации. Б.Н. Ельцин, Е.М. Примаков и И.С. Иванов были вынуждены вести сложную игру. По внутривластным соображениям они делали грозные заявления в адрес Вашингтона и Брюсселя, но одновременно старались не испортить окончательно отношения с Западом. Так, 24 марта 1999 г. Б.Н. Ельцин во время телефонного звонка заявил Б. Клинтону, что для разрешения Косовского кризиса нужно действовать политико-дипломатическими средствами, а не военным путем [3, с. 307]. Война против СРЮ, как справедливо отмечал американец А.К. Пушкин, разломала сознание Б.Н. Ельцина. С одной стороны, он еще жил иллюзией «партнерских отношений» с Западом. С другой стороны, президент РФ понимал, что не может поддержать США и НАТО, поскольку российская общественность его не поймет [13, с. 153]. По словам Б.Н. Ельцина, российское руководство не симпатизировало С. Милошевичу, но при этом не разделяло силовых подходов Запада к решению балканской проблемы. Он считал, что позиция Б. Клинтона применить силу в отношении «последнего коммунистического диктатора» С. Милошевича была ошибочной. Однако президент России так думал вовсе не из-за симпатий к сербскому лидеру, а совсем по другим причинам. Б.Н. Ельцин аргументировал свою точку зрения американскому коллеге следующим образом: «Народ наш теперь будет очень плохо относиться к Америке и НАТО. Я помню, с каким трудом менял отношение простых людей и политиков здесь, в России, к США и Западу. Было очень трудно, но мне это удалось. И теперь все это терять?» [12, с. 256]. Тем самым Б.Н. Ельцин рассматривал начало бомбардировок Югославии сквозь призму внутривластной борьбы в России. Он опасался, что коммунисты и националисты могут использовать балканскую карту в своих интересах, сыграв на панславянских чувствах россиян. Именно поэтому Б.Н. Ельцин был против военной акции НАТО [12, с. 258]. Учитывая настроения российской общественности, 25 марта 1999 г. он был вынужден охарактеризовать начавшуюся военную операцию против Югославии следующими словами: «Фактически речь идет о попытке НАТО вступить в XXI век в униформе мирового жандарма. Россия с этим никогда не согласится» [12, с. 257].

По словам министра иностранных дел РФ И.С. Иванова, Югославия не представляла угрозы региональной стабильности, а истинным мотивом Вашингтона была попытка утверждения однополярного мира по-американски [14, с. 69]. Глава МИД РФ назвал действия НАТО против СРЮ «самой вопиющей агрессией в Европе со времен Второй мировой войны» [3, с. 301]. При этом никаких силовых действий в защиту сербов Россия предпринимать не собиралась. Для страны «в равной степени неприемлемы как неоправданные уступки в ущерб собственным интересам, так и сползание к конфронтации с США» [15, с. 14]. Тем более что РФ была не готова идти на обострение с Америкой. И.С. Иванов считал, что ли-

ния Москвы, направленная на осуждение бомбардировок и призыв к переговорам, оказалась единственно правильной. По его мнению, вскоре Запад увидел, что без России ему косовскую проблему не решить [16, с. 482]. Глава президентской администрации А.С. Волошин на закрытой встрече с представителями СМИ признал, что МИД «слишком заигрался с Милошевичем» и это наносит ущерб национальным интересам страны [17, с. 246]. Интересно и мнение тогдашнего секретаря Совета безопасности РФ В.В. Путина, который считал, что не стоит заикливаться на Югославии. В первую очередь нужно решать свои проблемы, а не идти на обострение конфронтации с Западом [16, с. 482].

Американцы гневную риторику из Москвы воспринимали довольно спокойно. Они считали, что угрозы русских были пустыми по сути, поскольку в конечном итоге Россия всегда принимала действия Вашингтона вне зависимости от того, нравились они им или нет [3, с. 323]. Так, курирующий российское направление внешней политики США первый заместитель госсекретаря С. Тэлбот хорошо понимал имеющуюся разницу между тем, что русские говорят американцам приватно, и тем, что руководство РФ порой вынуждено говорить публично [18, с. 410–411].

Намного более резонансным, нежели гневная риторика в адрес Запада из уст Б.Н. Ельцина и И.С. Иванова, стало решение Е.М. Примакова, направляющегося с визитом в США на заседание российско-американской комиссии по сотрудничеству, развернуть самолет над Атлантикой в знак решительного протеста против военной операции НАТО. 23 марта 1999 г. премьер-министр РФ вылетел в Вашингтон. России и США нужно было решить целый ряд проблем: обсудить экономические и научно-технические связи, инвестиции, состояние мировых рынков и т.д. Российская делегация основательно готовилась к этой встрече, поскольку Москва была заинтересована в углублении двустороннего сотрудничества [4, с. 274]. Кроме того, на повестке дня стоял вопрос о получении РФ займа МВФ в размере 15 млрд долл. [19, с. 1].

Отправляясь на встречу с вице-президентом А. Гором, Е.М. Примаков рассчитывал, что американское руководство не будет ставить его в сложное положение, начав военную операцию против СРЮ именно тогда, когда он будет наносить визит в Соединенные Штаты. Тем более что Вашингтон также подчеркивал важность предстоящей встречи. Однако премьер-министр РФ переоценил дипломатичность американцев [4, с. 278].

После звонка А. Гора на борт самолета главы российского правительства о начале военной акции НАТО против Югославии Е.М. Примаков приказал развернуться и возвращаться в Москву. Вице-президенту США свое решение он прокомментировал следующим образом: «Я не могу начинать визит в США и не могу делать посадку на американской террито-

рии» [20, с. 296]. Премьер-министр подчеркнул, что решением начать бомбардировки сербских позиций Вашингтон поставил под удар все достигнутое в отношениях между РФ и НАТО, а также ратификацию Договора СНВ-2 [21, с. 151]. По его словам, Москва понимает всю важность российско-американского сотрудничества, но не собирается покорно воспринимать действия США [4, с. 292].

Конечно, в поступке Е.М. Примакова был эмоциональный момент, обусловленный негодованием по поводу безответственного поведения американцев. Он понимал, что военная операция против СРЮ не решала проблему Косово, а лишь усугубляла ситуацию на Балканах [4, с. 280]. Согласимся с известным американистом В.А. Кременюком в том, что «разворот над Атлантикой» Е.М. Примакова сыграл в развитии российско-американских отношений важную роль. Во-первых, он поставил точку в имевших место наивных мечтах о том, что Запад с восторгом примет Россию в свои ряды. Во-вторых, стало очевидным, что США будут всячески препятствовать возрождению России, поскольку Вашингтон по-прежнему видел в ней потенциальную угрозу [4, с. 290–291].

В самый разгар бомбардировок Югославии, в апреле 1999 г., Москва предприняла очередную попытку урегулирования кризиса политико-дипломатическим путем. 14 апреля 1999 г. В.С. Черномырдин, имевший не совпадающую с приматовской позицию относительно Косовского кризиса, был назначен спецпредставителем президента по югославскому урегулированию. Агрессия НАТО против Югославии серьезно усилила в российском обществе антизападные настроения, и Б.Н. Ельцин опасался, что Е.М. Примаков вполне мог объединить ту часть политической элиты страны, которая была не прочь бросить вызов Западу [12, с. 270]. Это очень беспокоило российского президента, который увидел в его лице прямого конкурента. По свидетельству самого Б.Н. Ельцина, при назначении В.С. Черномырдина было сильное давление со стороны представителей МИДа, которые считали, что для такого рода переговоров необходим дипломат со стажем, высокого ранга, может быть, замминистра иностранных дел [12, с. 260]. Либералы, напротив, говорили, что в связи с обострением отношений с Западом возглавить российскую миссию должен известный политик, которого там уважают. В окружении Ельцина, наоборот, надеялись на восприятие Западом В.С. Черномырдина как партнера, который поможет России сохранить лицо [17, с. 248]. Сам Б.Н. Ельцин считал, что у В.С. Черномырдина был огромный вес и авторитет как в Югославии, так и у американской политической элиты [12, с. 260]. Поэтому Кремль рассчитывал на то, что экс-премьер, с одной стороны, сумеет «смягчить» американцев, а, с другой — окажет необходимое давление на С. Милошевича [16, с. 487]. Тем самым, назначая В.С. Черномырдина, Б.Н. Ельцин отказался от приматовской альтернативности, обеспечив себе благоприятные условия для

участия в Кельнском саммите «большой восьмерки» в июне 1999 г. [22, с. 65–66].

Приступив к исполнению своих обязанностей спецпредставителя, В.С. Черномырдин практически сразу же заявил, что Москве не стоит «брюцать оружием», а С. Милошевичу не стоит рассчитывать на помощь России [17, с. 246]. По признанию Б.Н. Ельцина, главной целью В.С. Черномырдина было склонение сербов к переговорам с Западом. Он жестко давил на С. Милошевича, давая ему понять, что военной поддержки от России не будет, а ресурсы политической поддержки со стороны Москвы уже исчерпаны. А от американцев В.С. Черномырдин пытался добиться передачи политического механизма урегулирования Косовского кризиса в СБ ООН. Он дважды летал в США, где вел переговоры с Б. Клинтоном и А. Гором. В результате, восемь условий капитуляции, согласованных со С. Милошевичем, хотя и в измененном виде, попали в резолюцию ООН. По мнению Б.Н. Ельцина, капитуляция Югославии перестала быть унижительной для Белграда. Она была оформлена как резолюция СБ ООН [12, с. 263–264]. Очевидно, что в сложившейся ситуации Кремль решил ради С. Милошевича не портить окончательно отношения с США и европейскими государствами. В.С. Черномырдин, по сути, сдал все позиции РФ западным партнерам. Как отмечал политолог А.К. Пушкин, возможно, тактику смыкания с позицией Запада он выбрал из собственных расчетов, а, возможно, на это его нацелил сам Б.Н. Ельцин, исходя из того, что в конце концов югославский кризис будет преодолен и Москве не стоит из-за Белграда ссориться с западными странами [13, с. 157–158].

Представители Министерства обороны и Министерства иностранных дел РФ высказали целый ряд замечаний относительно деятельности президентского спецпредставителя по урегулированию ситуации на Балканах [17, с. 262]. Так, во время переговоров против В.С. Черномырдина выступил представлявший Министерство обороны генерал-полковник Л.Г. Ивашов, который посчитал согласованный В.С. Черномырдиным со спецпосланником генсека ООН экс-президентом Финляндии М. Ахтисаари и заместителем госсекретаря США С. Тэлботтом документ неприкрытым ультиматумом Белграду, создававшим потенциальную угрозу территориальной целостности Югославии, и отказался его подписывать [16, с. 488]. В Госдуме с подачи левых фракций появился проект постановления, в котором деятельность В.С. Черномырдина по урегулированию Косовского кризиса объявлялась «противоречащей национальным интересам России», поскольку неопытный в международных делах экс-премьер сдал все позиции Западу [4, с. 293]. Так, лидер КПРФ Г.А. Зюганов назвал В.С. Черномырдина предателем. Даже член либеральной партии «Яблоко» и бывший российский посол в США В.П. Лукин заявил о профессиональной некомпетентности бывшего главы российского правительства [17, с. 265]. Тем не менее, несмотря на то, что В.С. Черномырдин не

снискал лавров главного миротворца, он добился того, что Россия не втянулась в прямую конфронтацию с Западом [17, с. 259].

9 июня 1999 г. сербские представители и командование сил НАТО подписали соглашение о прекращении огня и выводе правительственных войск из Косово, взамен которых в край был введен натовский контингент. При этом позиция Кремля по Балканам не вызвала у Вашингтона желания отблагодарить Россию, поспособствовавшую завершению боевых действий. Американцы самым энергичным образом отвергли попытки Москвы получить под временный контроль небольшую территорию Косова в целях защиты сербского меньшинства края [8, с. 489]. Подобное пренебрежительное отношение, в первую очередь, задело российских военных, настроенных антинатовски. У них (в частности, у представителя Министерства обороны РФ при НАТО генерала В.М. Заварзина) возникла идея использовать российских миротворцев из Боснии для захвата международного аэродрома в Приштине [17, с. 267]. Далее события развивались следующим образом. 11 июня 1999 г. в 11.00 Б.Н. Ельцин был проинформирован начальником Генштаба генералом А.В. Квашниным о плане марш-броска десантников в Приштину, а уже спустя полчаса колонна российских военнослужащих начала свое выдвижение. В Москве, в том числе и в самом Министерстве обороны, не было единства относительно необходимости проведения данной акции, однако отдельные военные, настроенные крайне враждебно к НАТО, в первую очередь генерал Л.Г. Ивашов, сумели ее реализовать. Что удивительно, МИД вначале был не в курсе о нюансах ее проведения. Министр иностранных дел И.С. Иванов был вынужден оправдываться перед прилетевшим в Москву С. Тэлботтом, требовавшим от российской стороны объяснений: почему колонна российских войск вошла в Косово [23, с. 404]. Мидовцы заверяли американцев, что случайное пересечение десанниками границы края является недоразумением. У представителей Вашингтона сложилось впечатление, что российские военные вышли из-под контроля: ни министр иностранных дел И.С. Иванов, ни министр обороны И.Д. Сергеев не имели реального представления о происходившем [3, с. 319].

Однако уже буквально на следующий день, 12 июня 1999 г., тон общения российского руководства с американской стороной изменился: операция в Приштине была оценена как крупный военно-политический успех, поднявший престиж России и обеспечивший ей более надежные позиции за столом переговоров [16, с. 500]. Российские десантники смогли закрепиться по периметру аэродрома Златина раньше, нежели подошедшие туда британцы. Командир британского подразделения генерал М. Джексон отказался выполнять приказ командующего силами НАТО американца У. Кларка «выбить русских с территории аэродрома» [24, р. 392]. Американский генерал считал, что русским нужно указать их место, не позволив укрепить

позиции в данном регионе [24, р. 395]. Очевидно, что если бы на месте британского генерала М. Джексона оказался другой командир, который беспрекословно выполнил приказ У. Кларка, дело могло дойти до вооруженного столкновения.

Сторонники захвата аэродрома Златина из числа представителей Министерства обороны РФ планировали переброску по воздуху на Балканы подкреплений из России, но не смогли получить разрешение на пролет через воздушное пространство Венгрии, Болгарии и Румынии. К слову, данные страны сделали это по настоятельной рекомендации США [3, с. 319]. По словам С. Тэлботта, В.В. Путин, с которым он встретился в тот же день, 12 июня 1999 г., якобы сказал ему о том, что за броском на приштинский аэропорт стояли «ястребы» в российском руководстве, которые своим поступком нанесли ущерб отношениям между РФ и США, однако он минимальный по сравнению с тем ущербом, который НАТО нанесло своими бомбардировками Югославии престижу Б.Н. Ельцина [23, с. 406].

В результате акция военных не принесла РФ никаких дивидендов. Оправившись от первоначального шока, Запад не смягчил свою позицию на переговорах с Москвой: никакого отдельного сектора в Косове и подчинение российского контингента общему командованию НАТО [17, с. 267–269]. Тем не менее российские военнослужащие продемонстрировали Западу, что несмотря на ослабление страны, армия не утратила боеспособности и способна выполнять поставленные задачи.

Несомненно, косовская проблема оказала важное влияние на российско-американские отношения. Попытка Вашингтона убедить Москву пойти навстречу в Косовском вопросе провалилась. Агрессия НАТО против СРЮ подорвала доверие между Москвой и Вашингтоном. Кремль не ожидал, что Запад решится на проведение военной операции на Балканах без санкции СБ ООН. Однако Североатлантический альянс, ведомый Вашингтоном, пошел на гуманитарную интервенцию в обход СБ ООН, где Москва обладала правом вето. Воздушная операция НАТО против Югославии – «Союзническая сила» – стала первой попыткой Запада осуществить на практике новую международно-правовую доктрину, усмотрев наличие «гуманитарной катастрофы» в Косово. В результате отношения по линии Россия – НАТО были заморожены почти на два года, что свидетельствовало о негативной реакции Москвы на действия западных партнеров. При этом во время Косовского кризиса проявилась противоречивость позиции России в том, хочет ли она быть на стороне Запада или играть особую роль на Балканах [14, с. 69]. Видим, что весной 1999 г. на протяжении двух самых трудных для СРЮ месяцев действия высшего российского руководства были непоследовательными, колеблющимися и неуверенными, приведшими к тому, что Россия выступила в роли инструмента давления на Югославию по натовскому варианту [1, с. 38].

В середине июня 1999 г. Б.Н. Ельцин приехал в Кельн на саммит «большой восьмерки», тем самым поддержав своим присутствием результаты войны против СРЮ, которые были отнюдь не в пользу РФ [13, с. 161]. По словам самого Б.Н. Ельцина, «20 июня 1999 г. в Кельне мы сделали первый шаг навстречу Западу после югославского кризиса» [12, с. 340]. Он был уверен, что Россия дала возможность НАТО с достоинством выйти из Косовского кризиса, решительно отказавшись от возобновления Холодной войны с Западом. «Именно этот вздох облегчения и прозвучал наконец в Кельне» [12, с. 341]. Очевидно, что для президента России на первом месте было себялюбие, а не национальные интересы. Он хотел быть равным среди лидеров ведущих держав мира. Б.Н. Ельцин затратил слишком много усилий для вхождения в «большую восьмерку». Б. Клинтон пошел на преобразование «семерки» в «восьмерку» только для того, чтобы предоставить российскому президенту возможность почувствовать свою важность и принадлежность России к Западу [3, с. 315]. С этой целью в Кельне Б. Клинтон не скупился на похвалы в адрес Б.Н. Ельцина [3, с. 321]. Поэтому из своего визита в Кельн российский президент не извлек никакой выгоды для страны, в частности, списания части внешнего долга России. «Дружба» Б.Н. Ельцина с его западными коллегами обернулась лишь унижением РФ. Москва не смогла поддержать своего потенциального союзника, что стало еще одним ударом по великодержавным амбициям ельцинской России. Вполне возможно, как подчеркивал В.А. Кременюк, силовое решение косовской проблемы было принято Вашингтоном в целях оказания давления на РФ, которая с приходом в большую политику Е.М. Примакова попыталась выстроить ось «Москва – Дели – Пекин» для уравнивания влияния Запада в постбиполярном мире [4, с. 286].

Нужно признать, что Россия и США так и не стали партнерами, несмотря на предоставление РФ членства в «большой восьмерке». Позднее, сам Б.Н. Ельцин признал, что после бомбардировок Югославии рухнул весь послевоенный уклад жизни, рухнули все правила, которые были установлены ООН [12, с. 254]. На последней официальной встрече Б.Н. Ельцина и Б. Клинтона во время саммита ОБСЕ в Стамбуле в ноябре 1999 г. российский президент подверг Запад жесткой критике, обвинив Вашингтон в агрессии против Югославии. Президент США в долгу не остался. Тем самым, как справедливо пишет А. Стент, шоу Билла и Бориса завершилось [14, с. 72–73].

После Косовского кризиса в России начался процесс переосмысления внешнеполитических приоритетов страны. Российское руководство отказалось от безоговорочной поддержки западных инициатив в надежде на скорую интеграцию страны в «западный мир». И стало еще активнее продвигать идею многополярного мира. В беседе с госсекретарем М. Олбрайт во время ее визита в Москву в конце января – начале февраля 2000 г. и.о. президента В.В. Путин подчеркнул, что РФ не

приемлет ситуацию, когда США ставят свои интересы выше принципов международного права. Поэтому Москва отвергает попытки Запада поставить гуманитарную интервенцию выше суверенитета и территориальной целостности, поскольку это ведет к ревизии основ всего международного правопорядка [25, с. 65–66].

Заключение. Таким образом, политика РФ в отношении урегулирования Косовского кризиса 1998–1999 гг. полностью зависела от уровня российско-американских отношений. Руководство России, принимая те или иные шаги на Балканах до агрессии НАТО против СРЮ, всегда ориентировалось на возможную реакцию США. Тем самым Москва выступала ведомым Вашингтона. Соединенные Штаты, почивая на лаврах победителей в Холодной войне, своим поведением на Балканах указали Российской Федерации ее истинное место в постбиполярном мире. И на то, нужно признать, у американцев были все основания. Политические круги США воспринимали Россию как поверженного врага. Согласно американскому взгляду на мир, слабая Россия должна безропотно принимать все действия Запада, если Москва хочет стать частью «цивилизованного», т.е. западного мира. Поэтому Вашингтон был раздражен, что в конце 1990-х гг. русские все чаще стали публично демонстрировать свое несогласие с американской позицией по ряду ключевых проблем мировой повестки. Неудивительно, что, не добившись от Москвы принятия западного варианта дипломатического решения косовской проблемы, американцы решили проигнорировать Россию и поставить ее перед свершившемся фактом. По их убеждению, военная операция против СРЮ должна была не только «наказать» С. Милошевича, но и указать РФ ее место.

Агрессией против СРЮ НАТО грубо нарушило принципы международного права, на которых строилась Ялтинско-Потсдамская система международных отношений. Вмешавшись во внутренние дела суверенного государства, США вызвали всплеск антиамериканских настроений в России, которые было вынуждено учитывать прозападно настроенное высшее руководство страны. Тем самым Косовский кризис 1998–1999 гг. серьезно подорвал доверие в российско-американских отношениях. В действиях Вашингтона Москва увидела стремление США к слому системы международного права при полном игнорировании позиции России. Поэтому ставший вскоре президентом РФ В.В. Путин стал постепенно перестраивать российскую внешнюю политику.

Работа выполнена в рамках НИР 1.06.4 «Западный вектор внешней политики Республики Беларусь и Российской Федерации в условиях геополитической трансформации современного миропорядка» (науч. рук. – к.и.н., доц. А.П. Косов) по заданию 12.1.6 «Всеобщая история, международные отношения и геополитика» подпрограммы 12.1 «История» ГПНИ 12 «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» (ГР 20210496 от 1.04.2021).

Литература

1. Гуськова, Е.Ю. Продолжающийся балканский кризис и политика России / Е.Ю. Гуськова // Обозреватель. – 1999. – № 12. – С. 34–40.
2. Lipman, T.W. Albright Misjudged Milosevich on Kosovo / T.W. Lipman // Washington Post. – 1999. – September 21. – P. A1, 16.
3. Голдгейер, Дж. Цель и средства. Политика США в отношении России после «холодной войны» / Дж. Голдгейер, М. Макфол. – М.: Междунар. отношения, 2009. – 520 с.
4. Кременюк, В.А. Уроки холодной войны / В.А. Кременюк. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 319 с.
5. Косово: международные аспекты кризиса / под ред. Д. Тренина и Е. Степановой. – М.: Гендальф, 1999. – 309 с.
6. Мэтлок мл., Дж. Сверхдержавные иллюзии. Как мифы и ложные идеи завели Америку не в ту сторону – и как вернуться в реальность / Дж. Мэтлок мл. – М.: Междунар. отношения, 2011. – 384 с.
7. Сысоев, Г. Бомбардировки будут продолжаться столько, сколько Милошевич хочет, чтобы мы их продолжали / Г. Сысоев // Коммерсантъ. – 1999. – 24 марта. – С. 1.
8. Уткин, А.И. Американская империя / А.И. Уткин. – М.: Эксмо, 2003. – 736 с.
9. Lynch, A. The Realism of Russia's Foreign Policy / A. Lynch // Europe-Asia Studies. – 2001. – January. – Vol. 53, № 1. – P. 7–31.
10. Шевцова, Л.Ф. Режим Бориса Ельцина / Л.Ф. Шевцова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 535 с.
11. Россия и США после «холодной войны» / Ю.П. Давыдов [и др.]; отв. ред. В.А. Кременюк. – М.: Наука, 1999. – 143 с.
12. Ельцин, Б.Н. Президентский марафон: Размышления, воспоминания, впечатления... / Б.Н. Ельцин. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2008. – 383 с.
13. Пушков, А.К. Глобальные шахматы. Русская партия / А.К. Пушков. – М.: Эксмо, 2018. – 352 с.
14. Стент, А. Почему Америка и Россия не слышат друг друга? Взгляд Вашингтона на новейшую историю российско-американских отношений / А. Стент. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 464 с.
15. Иванов, И.С. Внешняя политика России и мир. Статьи и выступления / И.С. Иванов. – М.: МГИМО (У); РОССПЭН, 2000. – 352 с.
16. Млечин, Л. Секреты российской дипломатии. От Громыко до Лаврова / Л. Млечин. – М.: Аргументы недели, 2020. – 608 с.
17. Как Чернобырдин спасал Россию / под ред. В. Дорофеева; ред.-сост.: А. Соловьев, В. Башкирова. – М.: Коммерсантъ: Эксмо, 2011. – 352 с.
18. Брутенц, К.Н. Закат американской гегемонии / К.Н. Брутенц. – М.: Междунар. отношения, 2009. – 512 с.
19. Бородулин, В. 15 000 000 000 долларов потеряла Россия благодаря Примакову / В. Бородулин // Коммерсантъ. – 1999. – 24 марта. – С. 1.
20. Примаков, Е.М. Минное поле политики / Е.М. Примаков. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 361 с.
21. Примаков, Е. Восемь месяцев плюс... / Е. Примаков. – М.: Мысль, 2002. – 239 с.
22. Каширина, Т.В. Проблема ограничения и сокращения стратегических вооружений в американо-советских / российских отношениях в 1969–2010 годах: монография / Т.В. Каширина. – Воронеж: Изд.-полиграф. центр «Научная книга», 2013. – 593 с.
23. Тэлботт, С. Билл и Борис. Записки о президентской дипломатии / С. Тэлботт. – М.: Городец, 2003. – 528 с.
24. Clark, W.K. Waging Modern War: Bosnia, Kosovo, and the Future of Combat / W.K. Clark. – N.Y.: Public Affairs, 2001. – LXI+479 p.
25. Назария, С.М. Косовский кризис и международное право / С.М. Назария // Моск. журн. междунар. права. – 2004. – № 3. – С. 48–66.

Поступила в редакцию 16.12.2021

Да пытання аб часе заснавання Краснаполля

Мяцельскі А.А.

Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск

Пытанні ўзнікнення і першапачатковых крокаў таго ці іншага населенага пункта з'яўляюцца адной з найцікавейшых задач гістарычнай навукі. Часам здараецца, што аднойчы прапанаваная кімсьці дата першага згадвання ў пісьмовай крыніцы населенага пункта замацоўваецца, хаця пры бліжэйшым навуковым разборы дакумента аказваецца, што ён не мае ніякага дачынення да нас паселішча, якое нас цікавіць.

Мэта артыкула – вывяясненне часу ўзнікнення сучаснага гарадскога пасёлка Краснаполля Магілёўскай вобласці.

Матэрыял і метады. Для напісання артыкула выкарыстаны матэрыялы, выяўленыя ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі, Дзяржаўным гістарычным архіве Літоўскай Рэспублікі, Нацыянальным архіве Польшчы ў Кракаве, Расійскім дзяржаўным архіве старажытных актаў. Пры распрацоўцы пытання выкарыстоўваліся як агульнагістарычныя і археалагічныя метады, так і спецыяльна-гістарычныя: гістарычнай рэканструкцыі, картаграфічны.

Вынікі і іх абмеркаванне. На падставе аналізу як археалагічных, так і пісьмовых крыніц, атрыманых у розных архівах высветлена, што паселішча на месцы г.н. Краснаполле існавала ў XI–XIII стст., аднак бесперапынна да сённяшняга дня паселішча пад назвай Краснаполле існуе на сучасным месцы з пачатку XVIII ст. і, верагодна, было заснавана ў выніку сацыяльна-эканамічнага развіцця рэгіёна.

Заклучэнне. Вёска Краснаполле ўзнікла ў 10–20-х гадах XVIII ст. у выніку сацыяльна-эканамічнага развіцця рэгіёна, якое актывізавалася пасля заключэння ў 1686 г. “Вечнага міру” Рэчы Паспалітай з Расіяй. Менавіта ён даў ітуршок для асваення памежжя як з рускага боку, так і з боку Рэчы Паспалітай.

Ключавыя словы: курганны могільнік, вёска, мястэчка, Рэч Паспалітая, Прапойскае староства, XVIII ст.

(Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 65–69)

To the Issue of the Time of the Foundation of Krasnopolye

Miatseŭski A.A.

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk

The issues of the origin and initial steps of a particular settlement are one of the most interesting tasks of historical science. Sometimes it happens that once someone suggested the date of the first mention of a settlement in a written source is fixed, although with the closest scientific analysis of the document it turns out that it has nothing to do with the settlement we are interested in.

The purpose of the article is to find out the time of the emergence of the modern urban settlement of Krasnopolye, Mogilev Region.

Materials and methods. The materials found in the National Historical Archive of Belarus, the State Historical Archive of the Republic of Lithuania, the National Archive of Poland in Krakow, the Russian State Archive of Ancient Acts were used. When developing the issue, both general historical and archaeological methods and special historical methods were used: historical reconstruction, cartographic.

Findings and their discussion. Based on the analysis of both archaeological and written sources obtained in various archives, it has been established that the settlement on the site of Krasnopolye existed in the XI–XIII centuries, however, continuously until today, a settlement called Krasnopolye has existed on the present site since the beginning of the XVIII century and was probably founded as a result of the social and economic development of the region.

Conclusions. The village of Krasnopolye arose in the 10–20-ies of the XVIII century as a result of the social and economic development of the region, which intensified after the conclusion of the “Eternal Peace” of the Polish-Lithuanian Commonwealth with Russia in 1686. It was it which gave an impetus to the development of the borderland both from the Russian side and from the Polish-Lithuanian Commonwealth.

Key words: burial mound, village, town, Polish-Lithuanian Commonwealth, Propoisk region, XVIII century.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 65–69)

Пытанні ўзнікнення і першапачатковых крокаў таго ці іншага населенага пункта з’яўляюцца адной з найцікавейшых задач гістарычнай навукі, бо менавіта з асобных фрагментаў складаецца агульны арнамент таго ці іншага малюнка, у тым ліку і гісторыі краю. Часам здараецца, што аднойчы прапанаваў кімсьці дата першага згадвання ў пісьмовай крыніцы населенага пункта замацоўваецца, хаця пры бліжэйшым навуковым разборы дакумента аказваецца, што ён не мае ніякага дачынення да паселішча, якое нас цікавіць. Такая сітуацыя склалася сёння і ў адносінах да даты першага згадвання Краснаполля, цэнтра Краснапольскага раёна Магілёўскай вобласці.

Мэта артыкула – высвятленне часу ўзнікнення сучаснага гарадскога пасёлка Краснаполля Магілёўскай вобласці.

Матэрыял і метады. Для напісання артыкула выкарыстаны матэрыялы, выяўленыя ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі, Дзяржаўным гістарычным архіве Літоўскай Рэспублікі, Нацыянальным архіве Польшчы ў Кракаве, Расійскім дзяржаўным архіве старажытных актаў. Пры распрацоўцы пытання выкарыстоўваліся як агульнагістарычныя метады, так і спецыяльна-гістарычныя: гістарычнай рэканструкцыі, картаграфічны.

Вынікі і іх абмеркаванне. У гісторыі пытання ўзнікнення Краснаполля на сённяшні дзень склалася даволі парадаксальная сітуацыя, калі гэтае пытанне цікавіць у асноўным мясцовых краязнаўцаў, а вось гісторыкі не ўдзяляюць пэўнай увагі дадзенаму пытанню. Таму сёння існуе шмат варыянтаў аднаго і таго ж падання, якое зводзіцца да таго, што Краснаполле ўзнікла недзе падчас руска-шведскай вайны (1700–1721) і час ад часу гучыць інфармацыя, што дата першага згадвання Краснаполля ў пісьмоўных крыніцах адносіцца да 1708 г., намякаючы на падзеі кампаніі 1708–1709 гг. гэтай вайны, якія адбываліся на ўсходзе Рэчы Паспалітай.

Згодна з агульнапрынятым паданнем, паселішча атрымала сваю назву ад жорсткіх баёў паміж шведамі і рускімі войскамі, верагодна, маючы пад увагай колер зямлі ад пралітай крыві [1, с. 57; 2, с. 237; 3, с. 47], хаця, між іншым, гісторыя не ведае пра якія-небудзь баі паміж рускімі і шведскімі войскамі на левабярэжжы Сожа. Пасля бітвы каля в. Лясная, а потым і пад Прапойскам (1708), шведскія і рускія войскі рушылі ў бок Украіны, не ўступаючы ў сур’ёзныя сутыкненні.

Час ад часу ў пытанні аб паходжанні назвы Краснаполля гучыць і другая версія, што калісьці Краснаполле падзялялася на дзве часткі. Другая частка мела назву Маластоўка – тут як быццам бы была стаўка (стаянка) рускага цара Пятра I [4, с. 8], і такім чынам, паданне зноў спрабуе нас аднесці да часоў 1708–1709 гг. Але і гэтая версія не спрацоўвае, бо вёска Маластоўка з’яўляецца на старонках пісьмоўных крыніц толькі ў інвентары Прапойскага староства 1765 г., а да гэтага яна невядома. У вёсцы на той час было 43 заселеныя плацы і 3 пустыя – незаселеныя

[5, арк. 19 адв.–20]. Сваю назву вёска Маластоўка, магчыма, атрымала ад спалучэння слоў “малы ставок”, запруда і г.д. – на рэчцы Ільніч, дзе быў млын [4, с. 8].

У паходжанні назвы паселішча Краснаполле зрэдку сустракаецца і больш праўдападобнае тлумачэнне: ад старадаўняга сэнса слова “красны” – прыгожы. Таму назву паселішча, хутчэй за ўсё, атрымала ад прыгожа апрацаваных палёў [4, с. 8].

Дык калі ж у рэальнасці магло ўзнікнуць паселішча на тэрыторыі Краснаполля, і калі яно ўпершыню трапляе на старонкі пісьмоўных крыніц?

Археалагічныя даследаванні помнікаў сярэднявечча, якія праводзіліся ў бліжэйшым наваколлі сучаснага Краснаполля пачынаючы з канца XIX ст., паказалі, што рэгіён быў асвоены радзімічамі ўжо ў XI–XII стст. Недаследаваны курганны могільнік XI–XIII стст. з 24 курганаў існаваў у канцы XIX ст. на левым беразе р. Тур’я, на паўночна-усходнім ускрайку сучаснага гарадскога пасёлка, каля былога фальварка Краснаполле [6, с. 48; 7, с. 124]. Побач з гарадскім пасёлкам, у сучаснай в. Сідараўка ў XIX ст. існавала 36 курганаў, з якіх пяць было даследавана і ўстаноўлена, што пахаванні ў іх выкананы па абрадзе інгумацыі і датуюцца XI–XII стст. [6, с. 69–71; 7, с. 138; 8, с. 63].

Існаванне раней курганнага могільніка на тэрыторыі сучаснага гарадскога пасёлка і курганнага могільніка ў в. Сідараўка сведчыць пра тое, што недзе побач з імі былі і паселішчы, жыхарам якіх могільнікі належалі. Археалагічныя яны пакуль не выяўлены, але іх пошукі трэба весці ўздоўж рэчак, якія былі не толькі воднымі артэрыямі, але і крыніцамі вады. Назва гэтых паселішчаў XI–XIII стст. гісторыя не захавала, але іх існаванне на тэрыторыі сучаснага Краснаполля не выклікае сумнення. Таму паселішча на месцы сучаснага Краснаполля пачало фарміравацца, як мінімум, з XI–XII стст. Але ці працягвала існаванне гэтае паселішча ў XIV–XV стст. пакуль невядома, бо археалагічна яно не выяўлена, а ў пісьмоўных крыніцах не згадваецца.

У XVI–XVII стст. гэты рэгіён быў спрэчнай тэрыторыяй і зонай баявых дзеянняў паміж рускімі і літоўскімі войскамі амаль падчас кожнай са шматлікіх войнаў паміж Рускім царствам і Рэччу Паспалітай, дзе вёскі бясконца гарэлі і рэдка траплялі на старонкі пісьмоўных крыніц. Таму і Краснаполле не згадваецца ў пісьмоўных крыніцах XVI – першай паловы XVII ст. сярод вёсак Прапойскага староства – воласці, у склад якога ўваходзіла гэтая тэрыторыя, пачынаючы з адміністрацыйна-тэрытарыяльнай рэформы, праведзенай у Вялікім Княстве Літоўскім у 1565–1566 гг. Магчыма, тое паселішча, якое існавала тут у XI–XII стст., было знішчана падчас гэтага ліхалецця.

Сярэдзіна XVII ст. таксама была катастрофічнай для ўсходніх раёнаў ВКЛ у сувязі з вайной Рускага царства з Рэччу Паспалітай 1654–1667 гг., у выніку якой размешчанае побач Мсціслаўскае ваяводства страціла амаль 70% насельніцтва, а ў Рэчыцкім павеце, куды ўваходзіла Прапойскае староства, было знішчана

да 80% насельніцтва [9, с. 9, 19, 22], і фактычна другая палова XVII ст. была перыядам адраджэння края пасля вайны [10, с. 269–270].

Працэс адраджэння ўсходніх раёнаў Рэчы Паспалітай паскорыўся пасля заключэння ў 1686 г. “Вечнага міру” паміж Рэччу Паспалітай з Рускім царствам, пасля якога пачалося адносна мірнае асваенне памежжа як з боку Варшавы, так і з боку Масквы. Але ў інвентарах Прапойскага староства 1676, 1677 і 1682 гг. не згадваецца ні вёска, ні слабада Краснаполле, што адзначае адсутнасць аднайменнага паселішча ў гэты час. Крыніцы згадваюць тут толькі існуючыя да сённяшняга дня вёскі Сабалі, Усцінавічы, Палуж-1-я, і зніклыя ў XX ст. вёсак Галоўчыцы, Бакунавічы, Чудзяны (Чэрыкаўскі раён), вёскі Бірулі, Валынцы, Горна (Краснапольскі раён). А ўсяго ў Прапойскім старостве ў 1682 г. было 261 дым [11, с. 24, 29, 54; 12, с. 215, 216; 13, арк. 147адв. – 152адв., 163адв., 211–214].

Узнікненне новых вёсак і асваенне памежных рэгіёнаў асабліва паскорылася з другога дзясяцігоддзя XVIII ст., пасля завяршэння на ўсходзе Рэчы Паспалітай кампаніі 1708–1709 гг. падчас Паўночнай вайны Расіі са Швецыяй, у якой Рэч Паспалітая была саюзнікам Расіі. У русле гэтай кампаніі час ад часу і ўзнікае дата 1708 г., якую лічаць за дату першага згадвання ў пісьмовых крыніцах Краснаполля [3, с. 36–37].

Сапраўды, 5 студзеня 1732 г. расійская імператрыца Ганна Іаанаўна надала падстолю літоўскаму Антонію Міхалу Патоцкаму на памежжы Рэчы Паспалітай з Расіяй некаторыя землі, якія раней набыў расійскі князь і граф, фаварыт імператара Пятра I А.Д. Меншыкаў. Сярод іх згадваецца і маёмасць Краснаполле [14, с. 149–150]. А дата 1708 г. усплывае ў дадзенай сітуацыі ў сувязі з ваеннай кампаніяй 1708–1709 гг. на ўсходзе Рэчы Паспалітай, пасля якой кароль Аўгуст II Моцны падараваў некаторыя памежныя вёскі А.Д. Меншыкаву ў знак падзякі за актыўны ўдзел у баявых дзеяннях.

Аднак у дадзеным выпадку ў крыніцы непасрэдна ўказана, што гэта населены пункт Мсціслаўскага ваяводства, у той час, як сучасны цэнтр Краснапольскага раёна знаходзіўся на тэрыторыі Прапойскай воласці Рэчыцкага павету Менскага ваяводства. З гэтага вынікае, што ў крыніцы гаворка ідзе абсалютна пра іншы аднайменны населены пункт, які і да сённяшняга дня існуе ў Шумяцкім раёне Смаленскай вобласці Расіі на р. Іпуць, а да першага падзелу Рэчы Паспалітай 1772 г. знаходзіўся ў складзе гэтай дзяржавы на самай мяжы з Расіяй. Таму дата 1708 г. не мае ніякага дачынення да вивучаемага аб’екта.

На сённяшні дзень цікавы нам населены пункт Краснаполле ўпершыню згадваецца толькі ў інвентары Прапойскага староства, складзенага 15 студзеня 1741 г. Вёска Краснаполле была ў складзе Засожскай воласці Прапойскага староства, у ёй на той час налічвалася

16 гаспадарак і быў млын [15, арк. 137–144]. Мяркуючы па колькасці гаспадароў, гэта быў адным з самых вялікіх населеных пунктаў войтаўства і таму не дзіўна, што яна ўжо ў той час выступала ў якасці пэўнага цэнтра акругі: у ім знаходзілася царква, якую прапойскі стараста Мікалай Вышыньскі 20 студзеня 1744 г. перавёў у падпарадкаванне грэка-каталіцкім іерархам [16, с. 381]. Улічваючы, што вёска Краснаполле ўжо выплочвала падаткі, то паселішча ўзнікла не менш за 10–15 год да яе згадкі ў крыніцы, не пазней за 1726–1730 гг., бо звычайна для новазасвоенага паселішча давалі “слабаду” – вызваленне ад выплаты падаткаў для таго, каб жыхары маглі адбудавацца, пачаць весці гаспадарку, на 10 год.

Гэтаму не прэчача і археалагічныя даследаванні. Археалагічная шурфоўка, праведзеная ў цэнтры сучаснага гарадскога пасёлка ў 2005 г., не выявіла тут матэрыялы раней за пачатак XVIII ст. [17, с. 8–9]. З улікам праведзенай археалагічнай шурфоўкі і выяўленага ўжо пасля іх правядзення плана Краснаполля 1784 г., найбольш перспектыўным для далейшага пошука слядоў Краснаполля XVIII ст. а, магчыма, і больш ранняга часу, трэба лічыць раён, абмежаваны сучаснымі вуліцамі Наберажнай, Маякоўскага, Ленінскай і гарадскім скверам. На час правядзення шурфоўкі ў 2005 г. археалагічных даследаванняў у прапанаваных месцах не былі магчымымі, таму што тэрыторыя была занята засеянымі агародамі.

Магчымасць узнікнення Краснаполля ў 10–20-х гадах XVIII ст. укладваецца ў агульны і магутны працэс асваення памежжа, які распачаўся на пачатку XVIII ст. як з боку Расіі, так і Рэчы Паспалітай пасля заключэння ў 1686 г. “Вечнага міру” паміж Рускім царствам і Рэччу Паспалітай [10, с. 270–277; 18, с. 121–129].

Наступныя інвентары, якія захаваліся ў Прапойскім старостве 1750 і 1751 гг., паказваюць нам як паступовы рост колькасці насельніцтва, так і рост агульнай колькасці населеных пунктаў у старостве, што сведчыць пра асваенне краю.

Хоць і зараз Прапойск заставаўся невялікім мястэчкам, у якім на старасцінскіх плячах пражываў толькі 101 жыхар, але зараз у старостве было ўжо 39 вёсак і 9 слабадаў. Аднак паселішчы не былі вялікімі. У сярэднім у іх налічвалася 12–15 гаспадарак [13, арк. 155–185].

Рост колькасці населеных пунктаў і насельніцтва адбываўся і ў Засожскім войтаўстве Прапойскага староства, дзе ў 1751 г. налічвалася 23 вёскі з 342-ма гаспадаркамі. Прычым, улічваючы, што ў вёсках Прапойскага староства ў гэты год налічвалася 639 гаспадарак, то Засожская воласць была адным з самых заселеных рэгіёнаў адміністрацыйна-гаспадарчай адзінкі.

Краснаполле паступова развівалася. Ужо ў інвентары Прапойскага староства ад 7 мая 1750 г. у вёсцы згадваецца 30 дымоў, млын на 1 кола, і мяркуючы па прозвішчах жыхароў, яны былі хрысціянамі [11, арк. 227адв.].

У 1751 г. у Краснаполлі налічваліся тыя самыя 30 гаспадарак што і год назад, што складала амаль 9% гаспадарак войтаўства, і дзейнічаў млын [15, арк. 180]. Паступовае ўцягванне рэгіёна ў гандлёвыя сувязі выклікала неабходнасць мець у старостве не толькі адзін гандлёва-рамесны цэнтр, якім быў Прапойск, але і шэраг іншых, якія становіліся бы своеасаблівым мостам паміж вёскай і цэнтрам акругі. Тым болей, што Засожскае войтаўства ўяўляла сабой пэўны адміністрацыйна-гаспадарчы комплекс староства, размешчаны абасоблена за Сожам, якому ўжо быў патрэбны свой аб'яднаўчы цэнтр, бо акрамя Прапойска, астатнія бліжэйшыя рамесна-гандлёвыя цэнтры адносіліся да іншых адміністрацыйных адзінак Рэчы Паспалітай: Чэрыкаў быў у складзе Віцебскага ваяводства, Касцюковічы ў складзе Мсціслаўскага.

Верагодна, удалае размяшчэнне вёскі Краснаполле на гандлёвым шляху, занятак пэўнай колькасці насельніцтва паселішча гандлем, яго значнасць па колькасці насельніцтва ў параўнанні з іншымі вёскамі паспрыяла таму, што ў 1754 г. з каралеўскай канцылярыі выходзіць прывілей аб наданні мястэчку Краснаполлю правоў на 4-х ярмарак ў год. Першая ярмарка павінна была адбыцца 20 верасня, другая – 1 снежня, трэцяя – у чацвёртую нядзелю па “рускаму Раству”, чацвёртую на “зялёныя” святкі рускія [19, арк. 557–538].

З гэтага дакумента становіцца зразумелым, што недзе паміж 1751 і 1754 гг. Краснаполле атрымала прывілей на заснаванне на падставе вёскі мястэчка, які пакуль не выяўлены і, такім чынам, паступова Краснаполле пачало пераўтварацца ў невялікі адміністрацыйны і рамесна-гандлёвы цэнтр у Засожскім войтаўстве Прапойскага староства.

Пераўтварэнне вёскі ў мястэчка садзейнічала яго далейшаму развіццю. Ужо ў інвентары Прапойскага староства 1765 г. згадваецца, што ў мястэчку Краснаполле было 128 дамоў, 3 млыны і фолыш. Адбыліся значныя перамены і па канфесійнаму складу насельніцтва Краснаполля: зараз тут было 54 хрысціянскіх і 72 яўрэйскія дамы [5, арк. 20адв.–24]. І гэта не было малым мястэчкам таго часу, бо ў мястэчку Гейшын (суч. в. Гайшын Слаўгарадскага раёна), якое ўваходзіла ў склад Новабыхаўскага войтаўства Быхаўскага графства, у 1758 г. налічваўся 71 дым (58 хрысціянскіх і 13 яўрэйскіх), у якіх пражывалі 204 мужчыны і 144 жанчыны (348 чалавек). У мястэчку былі карчма, млын і адзначаецца, што яго жыхары вольны ад выканання усякіх павіннасцяў акрамя рамонту мастоў і грэбель. Апошняя, падкрэсліваецца, яны павінны выконваць іх згодна “звычайу даўніх” [20, арк. 80–81; 21, арк. 308 адв.–311].

Мал. План Краснаполля пасля яго ўваходу ў склад Расійскай імперыі

Пасля першага падзелу 1772 г. Рэчы Паспалітай і ўваходу яе ў склад Расійскай імперыі, у 1774 г. Прапойскім староствам пражывалі разам 4265 чалавек, з якіх 3172 былі перададзены расійскаму віцэ-канцлеру Галіцыну, а астатнія – у арэнду розным асобам [22, с. 88].

Уяўленне аб Краснаполлі пасля яго ўваходу ў склад Расійскай імперыі даюць не толькі яго план, зняты падчас Генеральнага межавання, праведзенага ў 1784 г. [23] (мал.), але і статыстычная інфармацыя аб яго стане.

Згодна з планам, Краснаполле мела рэгулярную квартальную забудову, рынкавую плошчу, на якой ста-яла царква. Аднак у параўнанні з інвентаром 1765 г. у Краснаполлі рэзка скарацілася колькасць насельніцтва, што пакуль не паддаецца тлумачэнню. Паводле статыстычных звестак, у 1784 г. у Краснаполлі налічвалася толькі 40 двароў у якіх пражывала 199 чалавек, а ў размешчанай побач в. Маластоўцы было 20 двароў і пражывала 157 чалавек [24, с. 111]. Што стала прычынай такога змянення колькасці двароў у параўнанні з 1765 г., незразумела.

Тым не менш Краснаполле і надалей заставалася невялікім мястэчкам у Чэрыкаўскім уездзе Магілёўскай губерні, і застаецца адміністрацыйна-гаспадарчым цэнтрам сучаснага Краснапольскага раёна Магілёўскай вобласці.

Заключэнне. Аналіз пісьмовых крыніц паказвае, што вёска Краснаполле ўзнікла ў 10–20-я гады XVIII ст. і гэта было выклікана сацыяльна-эканамічным развіццём рэгіёна, якое актывізавалася пасля заключэння ў 1686 г. “Вечнага міру” Рэчы Паспалітай з Расіяй. Менавіта ён даў штуршок для асваення памежжа як з рускага боку, так і з боку Рэчы Паспалітай.

Літаратура

- Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Краснапольскага раёна. – Мінск: КП “Паліграффармленне”, 2001. – 574 с.
- Гарады і вёскі Беларусі: Энцыклапедыя: у 8 т. / рэдкал.: Т.У. Бялова (дырэктар) [і інш.] – Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2009. – Т. 6. Кн. 2. Магілёўская вобласць. – 592 с.
- Лабаноўскі, Л.В. Бацькаўшчына (Гісторыя Краснапольшчыны ў пытаннях і адказах) / Л.В. Лабаноўскі. – Мазыр: Выдавецкі дом “Белы Вецер”, 2004. – 360 с.
- Леса і людзі Краснапольшчыны. Справочна-інфармацыйны матэрыял. – Краснаполле, 2009. – 104 с.
- Дзяржаўны гістарычны архіў Літоўскай Рэспублікі. Ф. Старажытныя акты. Адз. зах. 3803. – Інвентар Прапойскага староства 1765 г.
- Копытин, В.Ф. Археологическая карта Краснопольского района Могилевской области / В.Ф. Копытин. – Могилев, 1996. – 124 с.
- Копытин, В.Ф. Свод памятников археологии Чернобильской зоны Могилевской области / науч. ред. Г.В. Штыхов / В.Ф. Копытин. – Могилев: Изд-во МГУ им. А.А. Кулешова, 1998. – 241 с.
- Сведения 1873 года о городищах и курганах. Могилевская губерния // Известия археологической комиссии. – СПб., 1903. – Вып. 5. – С. 29–64.
- Morzy, J. Kryzus demograficzny na Litwie i Białarusi w 1 połowie XVII w. / J. Morzy / Uniwersytet im. A. Mickiewicza w Poznaniu; Wydział Filozoficzno-Historyczny. Seria Historia. – Poznań, 1965. – N 21. – 405 s.
- Мяцельскі, А.А. Мсціслаўскае княства і ваяводства ў XII–XVIII стст. / А.А. Мяцельскі. – Мінск: Беларус. навука, 2014. – 664 с.
- Рапановіч, Я.Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Магілёўскай вобласці / Я.Н. Рапановіч / рэд. П.П. Шуба. – Мінск: Навука і тэхніка, 1983. – 240 с.
- Список населённых мест Могилевской губернии / под ред. Г.П. Пожарова. – Могилев: Губ. типография, 1910. – 250 с.
- Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 694. Воп. 4, Адз. зах. 1556. – Королёвские листы поданным Чечерской волости. – 246 с.
- Акты Виленской археографической комиссии. – М.: «Книга по требованию», 2018. – Т. 13. Акты Главного Литовского трибунала. – 493 с.
- Archiwum Państwowe w Krakowie. Oddział I. Archiwum Młynarskiego Chodkiewiczów. Signatura 1020.
- Бантыш-Каменский, Н.Н. Исторические известия о возникшей в Польше унии с показанием начала и важнейших, в продолжении оной через два века приключений, паче же о бывшем от Римлян и Униатов на благочестивых тамошних жителей гонений / Н.Н. Бантыш-Каменский. – М.: Синодальная типография, 1805. – 387 с.
- Справаздача Мяцельскага А.А. пра праведзены ў 2005 г. археалагічныя даследаванні ў Краснапольскім раёне Магілёўскай вобласці // Архіў навуковай археалагічнай дакументацыі Інстытута гісторыі НАН Беларусі. Арх. спр. № 2307.
- Крашенинников, В.В. Брянский уезд в XVI – первой половине XIX в. (ист.-географ. обзор) / В.В. Крашенинников // Из истории Брянского края: материалы юбилейной ист.-краевед. конф., посвящ. 50-летию образования Брянской области и 50-летию Победы в Великой Отечественной войне / Администрация Брянской обл. [и др.], Брянск, 23 марта 1995 г. – Брянск: Изд-во Брянск. гос. пед. ун-та им. акад. И.Г. Петровского, 1995. – С. 121–129.
- НГАБ. – КМФ-18, В. 1, адз. зах. 179. Арк. 557–558.
- Biblioteka Cartoryskich w Krakowie. Dział rękopisów. Signatura 9113.
- Biblioteka Cartoryskich w Krakowie. Dział rękopisów. Signatura 9115.
- Жукович, В. Сословный характер населения западной России в царствование Екатерины II. Дворянство восточной Белоруссии / В. Жукович // Журнал Министерства народного просвещения. – 1915. – часть 55, январь. – С. 76–109.
- Расійскі дзяржаўны архіў старажытных актаў. – Ф. 1354. В. 245/1. Адз. зах. К-8, галка чырвоная. – план местечка Краснаполле 1784 г.
- Анішчанка, Я.К. Генеральнае межаванне ў Беларусі. Дапаўненне да кнігі “Генеральнае межаванне ў Беларусі” / Я.К. Анішчанка. – Магілёў-Горкі, 2002. – 120 с.

Паступіў у рэдакцыю 15.12.2021

История стала судьбой: профессор Ирина Ромуальдовна Чикалова

Дулов А.Н.*, Волкова О.А.**

*Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

**Учреждение образования «Белорусский государственный университет физической культуры», Минск

Известный белорусский ученый, профессор, доктор исторических наук, профессор Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка и ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси Ирина Ромуальдовна Чикалова в этом году отмечает свой юбилей.

Цель статьи – проследить основные вехи научной биографии и продемонстрировать вклад Ирины Ромуальдовны Чикаловой в историческую науку.

Материал и методы. Источниками для написания работы послужили биографические сведения, размещенные на официальных сайтах научных и учебных заведений, интервью с профессором И.Р. Чикаловой, труды ученого. Применялись методы анализа и синтеза, историко-генетический, историко-системный, историко-биографический методы и методы устной истории.

Результаты и их обсуждение. Ирина Ромуальдовна Чикалова родилась в Минске, еще школьницей увлеклась историей, с отличием окончила исторический факультет Минского государственного педагогического института имени А.М. Горького. После защиты кандидатской диссертации стала преподавать в Белорусском государственном педагогическом университете имени Максима Танка. Стажировалась в Шленском (Катовицы) и Ягеллонском университетах, окончила магистратуру в Йоркском университете (Англия). В 1997 г. поступила в докторантуру по специальности «Всеобщая история», проведя ее первых два семестра в Ратгерском университете (США). Таким образом, сбор материалов для своей будущей диссертации «Гендерная политика ведущих партий США и Великобритании в 1970–1990-е годы», находящейся на междисциплинарном стыке социологии политики, всеобщей истории и гендерной истории, она провела непосредственно в университетах и научных центрах стран изучения. В 2001 г. защитила докторскую диссертацию, вскоре стала профессором кафедры всеобщей истории БГПУ, неизменно работает на этой кафедре, которая после реорганизации стала именоваться кафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории. С 2013 года профессор И.Р. Чикалова является также ведущим научным сотрудником Института истории НАН Беларуси.

Ирина Ромуальдовна одна из первых на постсоветском пространстве стала работать в русле методологии женской и гендерной истории. Тема представления женского персонального, общественного и политического опыта проходит через все крупные публикации ученого. И.Р. Чикалова выступила руководителем научной школы в рамках этого направления. С 2010-х гг. Ирина Ромуальдовна все больше расширяет диапазон как научных тем, так и методологических подходов. Ученый изучает историю дореволюционного российского англоведения и американистики, открывает новые для себя методологические области интеллектуальной истории и интеллектуальной культуры, а также исторической имагологии.

За годы работы И.Р. Чикаловой опубликовано более 260 работ, в том числе шесть единоличных монографий, многочисленные главы в коллективных трудах. В соавторстве с Р.А. Чикаловым ею созданы учебное пособие, учебник и хрестоматия по дисциплине «Новая история стран Европы и Америки в XIX – начале XX в.», которые широко используются в высшей школе Беларуси, России и Украины. Ирина Ромуальдовна внесла вклад в становление и развитие школьного и университетского исторического образования Республики Беларусь.

Заключение. Профессор Ирина Ромуальдовна Чикалова стала одним из пионеров новых научных направлений в белорусской историографии: истории женщин и гендерной истории, интеллектуальной истории, исторической имагологии. Ее труды востребованы как в нашей стране, так и за рубежом. Ученый является блестящим педагогом, яркие и содержательные лекции и учебники которого пользуются популярностью у студентов, пробуждают у них интерес к исследовательской деятельности, а также талантливым научным руководителем, умеющим раскрыть потенциал, вдохновить и поддерживать своих учеников в науке и в жизни.

Ключевые слова: И.Р. Чикалова, всеобщая история, история женщин, гендерная история, историография, англоведение, американистика, интеллектуальная история, историческая имагология.

(Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 70–77)

History Became Life: Professor Irina Romualdovna Chikalova

Dulov A.N.*, Volkova O.A.**

*Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

**Education Establishment "Belarusian State University of Physical Education", Minsk

Irina Romualdovna Chikalova, an outstanding Belarusian scholar, Professor, Dr.Sc. (History), Professor of Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University and a leading researcher of Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, is celebrating her jubilee this year.

The purpose of the article is to trace main milestones of the scientific biography and to present Irina Romualdovna Chikalova's contribution to the science of history.

Material and methods. *The research sources were the biography data from the official sites of education and research establishments, interviews with Professor I.R. Chikalova, the scholar's works. Methods of analysis and synthesis, the historical genetic, the historical system, the historical biographic as well as methods of oral history were used.*

Findings and their discussion. *Irina Romualdovna Chikalova was born in Minsk; while still at school she was interested in history and graduated from Maxim Gorki Minsk State Pedagogical Institute History Faculty with distinctions. After defending her PhD dissertation, she started teaching at Maxim Gorki Belarusian State Pedagogical University. She did upgrading courses at Shlenski (Katovitsy) and Yagellonski Universities, did Master's Degree at the University of York (England). In 1997 she did her Doctoral Degree in General History spending first two terms at Ratger University (the USA). Thus, she gathered the material for her dissertation "Gender policy of the leadings parties of the USA and Great Britain in the 1970s – 1990s", which is at the interdisciplinary juncture of social sciences, politics, general history and gender history, directly at the universities and research centers of the countries of the study. In 2001 she defended Doctoral Dissertation and soon became Professor of Department of General History of BSPU, has been working at the Department, which after reorganization became Department of General History and Methods of Teaching History. Since 2013 Professor I.R. Chikalova has been the Leading Researcher of the Institute of History of the NASc of Belarus.*

Irina Romualdovna was one of the first in post-Soviet space who started work on methodology of female and gender history. The topic of presenting female personal, social and political experience can be traced in all scholar's publications. I.R. Chikalova was the leader of the research school within this direction. Since the 2010s Irina Romualdovna has been expanding the range of both scientific topics and methodological approaches. The scholar has been studying the history of pre-Revolutionary English and American studies in Russia, reveals new for herself methodological fields of intellectual history and intellectual culture as well as historical imagology.

During the years of work I.R. Chikalova has published more than 260 papers, including six personal monographs, multiple chapters in collective works. As a co-author with R.A. Chikalov she created a manual, a textbook and "New history of European and American countries in the 19th – early 20th centuries" chrestomathy which are widely used at universities of Belarus, Russia and Ukraine. Irina Romualdovna contributed into the development of school and university historical education of the Republic of Belarus.

Conclusion. *Professor Irina Romualdovna Chikalova was one of the pioneers of new scientific directions in Belarusian historiography: female history and gender history, intellectual history, historical imagology. Her works are in demand both in our country and abroad. The scholar is a brilliant teacher, bright and profound lectures of whose are popular with students, inspire their interest in research, and a talented supervisor, who can reveal the potential, inspire and support her students in research and life.*

Key words: *I.R. Chikalova, general history, female history, gender history, historiography, English studies, American studies, intellectual history, historical imagology.*

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 70–77)

Известный белорусский ученый, профессор, доктор исторических наук, профессор Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка и ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси Ирина Ромуальдовна Чикалова в этом году отмечает свой юбилей. В статье нашли отражение основные вехи творческой биографии и продемонстрирован вклад Ирины Ромуальдовны Чикаловой в историческую науку.

Материал и методы. Источниками для написания работы послужили биографические сведения, размещенные на официальных сайтах научных и учебных заведений, интервью с профессором И.Р. Чикаловой, труды ученого. Применялись методы анализа и синтеза, историко-генетический, историко-системный, историко-биографический методы и методы устной истории.

Результаты и их обсуждение. Ирина Ромуальдовна – уроженка Минска, где окончила среднюю школу имени Янки Купалы № 19. Еще школьницей увлеклась историей, участвовала в археологических раскопках, проводившихся на территории минского замчища. И это не случайно: она училась в единственном в республике специализированном классе с углубленным изучением истории у одного из самых неординарных учителей города Н.С. Алукер, которая передала своей ученице знания, критическое мышление, стремление к расширению кругозора. Ирина Ромуальдовна с огромным уважением и теплотой вспоминает о своем учителе истории: «Класс с историческим уклоном в нашей школе был открыт благодаря усилиям и настойчивости легендарного педагога Нелли Семеновны Алукер. Она была не просто известным преподавателем истории, но человеком и личностью с большой буквы.

Умная, отважная, бескорыстная, всегда готовая прийти на помощь, заступиться и словом, и делом. Своим примером она приучала нас, своих ближайших учеников, не бояться быть собой, критически мыслить и творчески жить. Жизнь в ее маленькой квартире была ключом, а дверь в нее не закрывалась – большие и маленькие компании новых и бывших учеников притягивала туда, как магнитом, атмосфера интеллектуального клуба. Прекрасно разбираясь в литературе и искусстве, она пробудила у многих из нас интерес не только к истории, но к современному искусству, поэзии и театру. И я хочу, чтобы имя моего школьного учителя истории, выпускницы истфака БГУ 1950 г. Нелли Семеновны Алукер не было забыто» [1].

Забегая вперед, обратим внимание на то, что все свои книги Ирина Ромуальдовна посвящает памяти своей бабушки, уроженки печально известной деревни Росица (современный Верхнедвинский район Витебской области), Констанции Станиславовны Былинко (1912–1984). Преклонение перед ее стойкостью и благодарностью к ней историк пронесла через всю свою жизнь: *«Мужественная, принципиальная, выдержанная, бесконечно добрая и человечная, умевшая ценить дружбу и умевшая прощать. Она стоически прошла через все возможные испытания, которые послал на человека XX век, выжила сама, дала возможность выучиться сыну, обрела особенную мудрость и сохранила свет в своей душе и надежду на справедливость. Лучшим, что есть во мне, я обязана ей. В скромных жилищах ее, а поменять их пришлось немало, главное место всегда занимали книги, которые она собирала и читала при любых обстоятельствах, невзирая на тотальную бедность и лихолетья. В них она, деревенская девочка из Росицы, что на Витебщине, сумевшая благодаря огромному стремлению закончить семилетку, расположенную в десяти километрах от родного дома, в деревне Сарья, находила и опору, и свет в любых, самых тяжелых, жизненных обстоятельствах. Литературная классика из ее собрания, которую она помнила в деталях, была моим первым чтением» [1].*

Одновременно с программой средней школы в 1978 г. было завершено обучение на трехгодичных курсах английского языка при Центральном доме офицеров, на которых учились люди разного возраста – от школьников до научных работников, некоторые из них приобрели узнаваемость и известность в будущем, как например, доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Республики Беларусь Ф.М. Чудаков. Преподавали там первоклассные специалисты по знаменитому учебнику английского языка Натальи Александровны Бонк, многократно переиздававшемуся и дополнявшемуся. *«Этот учебник, в профессиональной среде считающийся лучшим для самостоятельного обучения, – говорит Ирина Ромуальдовна, – и сегодня стоит на моей книжной полке» [1].* Знание английского языка пригодится в будущей учебе и в научной работе.

Ирина Ромуальдовна с отличием окончила исторический факультет Минского государственного педагогического института имени А.М. Горького по специальности «История и иностранный язык (английский)». Получив диплом, три года молодая выпускница набиралась преподавательского опыта в минском профессионально-техническом училище часовщиков № 10. Затем последовала учеба в аспирантуре альма-матер, успешная защита в 1990 г. в совете по защите диссертаций БГУ кандидатской диссертации по теме, теснейшим образом связанной как с научными интересами ее руководителя, профессора Виталия Михайловича Фомина, так и с первым рабочим местом, – «Подготовка квалифицированных рабочих в профессионально-технических училищах Белорусской ССР (1976–1985)».

После окончания аспирантуры в 1990 г. Ирина Ромуальдовна приступила к преподавательской работе в Белорусском государственном педагогическом университете имени Максима Танка. С самого первого дня ей пришлось вести занятия по дисциплинам, которые в независимой Беларуси находились в стадии разработки учебного обеспечения: полный курс «Истории Беларуси» для слушателей факультета довузовской подготовки, «История культуры Беларуси», «История мировой художественной культуры». Все эти дисциплины были по-настоящему новыми для системы высшего образования молодой республики, которая только начала разрабатывать собственную образовательную политику.

Ирина Ромуальдовна смогла успешно работать в быстро меняющихся обстоятельствах, осваивая научную литературу и сочетая преподавание и разработку учебных материалов нового поколения. По заданию Министерства образования Республики Беларусь она организовала и возглавила проект «Культура Беларуси в контексте европейской культуры». Результатом его реализации стали первые в республике учебные программы «История мировой художественной культуры» (1991) и «Гісторыя культуры Беларусі: прыкладная праграма курса», опубликованная «Беларускім гістарычным часопісам» (1993) [2], другие публикации методической направленности, подготовленные в интересах перевода преподавания гуманитарных дисциплин на белорусский язык. В годы работы на факультете довузовской подготовки Ирина Ромуальдовна получила ученое звание доцента (1994), прошла стажировки в Шленском (Катовицы) и Ягеллонском университетах, закончила магистратуру в Йоркском университете (1996, Англия).

Поступление в магистратуру Йоркского университета состоялось по рекомендации профессора Шленского университета Казимера Шленчки. С благодарностью вспоминает о нем Ирина Ромуальдовна: *«Выдающийся философ, “польский Джон Милль”, всегда открытый новым идеям и направлениям, будь то в науке или культуре, готовый помогать и делиться знаниями, более двадцати лет назад открыл мне новый*

взгляд на культуру и стал моим интеллектуальным наставником, без встречи с которым моя профессиональная биография сложилась бы совсем иначе. Его будущая книга *“Феминизм. Идеологии и социальные концепции современного феминизма”*, существовавшая тогда еще только в рукописи на польском языке, открыла для меня явление, изучению которого я посвятила несколько последующих лет. По его настоятельному совету и была предпринята моя поездка в Великобританию с целью узнать больше о практиках инкорпорирования эгалитарных идей в политическую и повседневную действительность этой страны. Он подсказал мне и идею для будущего докторского исследования» [1].

Но сначала была поездка в Йоркский университет для годичного обучения в магистратуре. Ирина Ромуальдовна вспоминает: *«Мое пребывание в Йоркском университете в середине 1990-х годов было тесно связано с ежедневным общением и обменом идеями с доктором политических наук, доцентом департамента политологии Кейтом Алдерманом, который стал для меня основным научным консультантом по вопросам британских электоральных практик и партийных политик и просто хорошим другом. Моя самая первая англоведческая публикация появилась в 1997 г. в журнале “Representation. Journal of Representative Democracy” в соавторстве с Кейтом. Так было положено начало моим изысканиям в области изучения Великобритании. Работа, начатая в Йоркском университете, продолжилась в Ратгерском университете в США, выкристаллизовалась в книгу и защищенную докторскую диссертацию. Кейт Алдерман ушел из жизни, но его портрет, подаренный перед отъездом из Йорка, стоит за стеклом моего книжного шкафа и всегда напоминает о нем – моем консультанте и друге»* [1].

В 1997 г. Ирина Ромуальдовна сделала решительный шаг в своей научной и педагогической карьере, поступив в докторантуру БГПУ по специальности «Всеобщая история» (научный консультант профессор Геннадий Аркадьевич Космач), проведя ее первых два семестра в Ратгерском университете (США). Таким образом, сбор материалов для своей будущей диссертации «Гендерная политика ведущих партий США и Великобритании в 1970–1990-е годы», находящейся на междисциплинарном стыке социологии политики, всеобщей истории и гендерной истории, ученый провела непосредственно в университетах и научных центрах стран изучения. В 2001 г. в Совете по защите диссертаций БГУ защитила докторскую диссертацию и одновременно вошла в преподавательский состав кафедры всеобщей истории БГПУ, которой с 1993 г. руководил профессор Г.А. Космач. С 2002 г. она была избрана на должность профессора кафедры, в 2006 г. ей было присвоено звание профессора. С тех пор И.Р. Чикалова неизменно работает на этой кафедре, которая после реорганизации стала именоваться кафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории.

С конца 1990-х гг. Ирина Ромуальдовна активно включилась в подготовку учебной базы нового поколения для студентов высших учебных заведений. В соавторстве с Р.А. Чикаловым ею создан учебно-методический комплекс по дисциплине «Новая история стран Европы и Америки в XIX – начале XX в.». В него вошли учебное пособие «Западная Европа и Соединенные Штаты Америки (1815–1918 годы)» [3], учебник «Новая история стран Европы и Северной Америки (1815–1918)» (2005, 2009, 2013) [4–6] и хрестоматия «Страны Западной цивилизации. XIX – начало XX в.» (2010) [7]. Данные книги широко используются как в учреждениях высшего образования республики, так и за ее пределами: факультеты и кафедры ряда университетов России и Украины включили их в списки обязательной или дополнительной литературы для подготовки к экзаменам и семинарским занятиям на бакалаврских и магистерских программах.

Все годы ее верный друг и единомышленник Ромуальд Александрович Чикалов, на протяжении пятнадцати лет возглавлявший кафедру всеобщей истории БГПУ (1978–1993), а затем вплоть до 2005 г. работавший ее доцентом, рядом с Ириной Ромуальдовной: *«Быть исследователем, получать радость и удовольствие от научной поисковой работы с юных лет я училась прежде всего у него. Став исследовательскими и творческими соавторами, мы вместе опубликовали несколько учебников и учебных пособий для студентов-историков по истории стран Европы и Америки XIX – начала XX вв., которыми можем гордиться. Но во всех случаях Ромуальд Александрович – и первый читатель моих текстов, и главный критик, и незаменимый помощник во всех начинаниях»*, – говорит Ирина Ромуальдовна [1].

Знакомство с перечнем публикаций И.Р. Чикаловой свидетельствует о разнообразии ее научных интересов, тематика которых постоянно расширяется. То же можно сказать и об освоении ею новых методологий исторического исследования и применении их инструментария в научной практике. Ирина Ромуальдовна одна из первых на постсоветском пространстве стала работать в русле методологии женской и гендерной истории, опубликовав разделы в Национальном отчете «Женщины Беларуси в зеркале эпохи» (1997) [8], в учебном пособии «Введение в гендерные исследования» (2001) [9], три выпуска сборников научных статей международного коллектива авторов «Женщины в истории: возможность быть увиденными» (Минск, 2001, 2002, 2004) [10], статьи для новых энциклопедических изданий, множество статей в научной периодике, в том числе, зарубежной [11–14], а также приняв участие в переводе на русский язык пятитомника «История женщин на Западе» (2005–2015) [15]. Ей принадлежит раздел «Женщины в органах государственной власти и управления» в пятом томе «Истории белорусской государственности» (Минск, 2020) [16]. Тема представления женского персонального, общественного

и политического опыта проходит через все ее крупные публикации – от учебника по Новой истории до монографий. Она фактически выступила руководителем научной школы в этом направлении. Три ее ученика защитили кандидатские диссертации по разным аспектам женской истории: А.Н. Дулов «Женщины Советской Беларуси в общественно-политической жизни и материальном производстве (20-е годы XX века)» (2006), О.А. Волкова «Общественно-политическое движение женщин в Санкт-Петербурге и Москве в годы Первой российской революции» (2009), О.Л. Помалейко «Социально ориентированная общественная деятельность женщин в Беларуси на рубеже XIX–XX вв.» (2021).

С 2010-х гг. Ирина Ромуальдовна все больше расширяет диапазон как научных тем, так и методологических подходов и приемов. Значительное влияние на нее в этом отношении оказало личное знакомство с российскими англоведами, в том числе с ныне академиком Аполлоном Борисовичем Давидсоном. *«Благодаря импульсу, полученному от него и дальнейшего общения с ним, – говорит Ирина Ромуальдовна, – я полностью развернула свой исследовательский интерес, ушла в новую для себя область и никогда об этом не пожалела. Так начались мои поиски антикварных книг, и я надолго “заболела” темой забытых англоведов. Аполлон Борисович читал самый первый, далеко не заверченный и не совершенный во многих отношениях вариант рукописи будущей книги “Англоведение в императорской России в именах и публикациях”, на протяжении лет публиковавшейся частями в различных научных журналах и сборниках, в результате вышедшей в Санкт-Петербурге в издательстве “Алетейя”. Первые советы по улучшению текста рукописи я получила именно от него»* [1]. С тех пор Ирина Ромуальдовна поставила на систематическую основу изучение истории дореволюционного российского англоведения [17–23; 28–33], а затем – и американистики [24–27; 30].

Новую для себя методологическую область интеллектуальной истории и интеллектуальной культуры Ирина Ромуальдовна открыла под влиянием научных трудов, принадлежащих перу историка-методолога, Президента Российской ассоциации интеллектуальной истории, члена-корреспондента РАН Лорины Петровны Репиной, работавшей тогда заместителем директора Института всеобщей истории РАН. О ее роли в своей научной судьбе Ирина Ромуальдовна говорит с благодарностью и теплотой: *«Поддержание на протяжении многих лет постоянной связи, проявление заинтересованного отношения к моей работе, чтение и рецензирование рукописи монографии “Великобритания: осмысление исторического опыта в Российской империи”, несмотря на огромную загруженность, – все это Лорина Петровна делала искренне и дружески. Наиболее значительные публикации в новом направлении мною были сделаны на страницах редактируемого ею журнала “Диалог со временем” и в*

изданной под ее редакцией коллективной монографии “Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время”» [1].

Начиная с 2006 г. Ирина Ромуальдовна – постоянный руководитель научных подразделений Государственных программ научных исследований («История и культура»). Среди них – «Социально-экономический и политический реформизм в новое время: опыт и проблемы», «Партии и общественные объединения стран Европы в социально-политических процессах последней трети XIX – начала XX века», «Англо-саксонский мир (экономика, политика, социум): итоги изучения в Российской империи (1801–1917)», «“Долгий девятнадцатый век” в истории европейских стран: исследовательские парадигмы и научные итоги изучения советской историографией (1918–1990 гг.)». Она неоднократно руководила научными проектами, поддержанными БРФФИ.

За годы работы И.Р. Чикаловой сделано более 260 публикаций, среди них несколько изданий упомянутого учебника, шесть единоличных монографий, многочисленные главы в коллективных трудах. Назовем только единоличные книги в последовательности их выхода в свет: «Партии и власть в США и Великобритании: гендерная политика в 1970–1990-е годы» (2000) [34]; «Англоведение в императорской России в именах и публикациях (1801–1917)» (2013) [31]; «Партии, профессиональные союзы, женские организации во Франции, Германии, Великобритании (1815–1914)» (2015) [35]; «Великобритания: изучение в Российской империи (XIX – начало XX в.)» (2017) [32]; «Великобритания: осмысление исторического опыта в Российской империи (XIX – начало XX в.)» (2018) [33]. Новая монография Ирины Ромуальдовны – «(Не) забытая война: Первая мировая война в публикациях документов, публицистике, воспоминаниях и исследованиях современников (1914–1941 гг.)» выходит в издательстве «Беларуская навука» [36]. Рассматриваемый в книге период является важнейшим этапом публикации источников разных типов и видов, заслуживающих включения в современный научный оборот и работы по сохранению памяти о «забытой» войне. Появлению книги предшествовали статьи и разделы по проблеме в коллективных монографиях [37–39].

В 2013 г. Ирина Ромуальдовна была приглашена на работу в Институт истории, которую она с тех пор успешно сочетает с преподавательской деятельностью. И.Р. Чикалова поддерживает связи с научными (Институт всеобщей истории РАН) и высшими учебными заведениями (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Курский государственный университет, Марийский государственный университет, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Северо-Восточный государственный университет) Российской Федерации. Является постоянным

участником конференций, проводимых российскими университетами и Институтом всеобщей истории РАН в содружестве с Российской ассоциацией британских исследований, Российским обществом интеллектуальной истории, а также Центром истории межкультурных коммуникаций стран Запада и Востока, работающим на базе названного института под руководством доктора исторических наук, профессора Т.Л. Лабутиной. *«Еще до того, как состоялось мое личное знакомство с Татьяной Леонидовной, – отмечает Ирина Ромуальдовна, – ее книги и статьи, посвященные российско-британским связям, взаимным образам и представлениям двух народов друг о друге, многому меня научили. И сегодня она является для меня доброжелательным наставником и другом»* [1]. Благодаря этому сотрудничеству ученый органично вошла в состав авторов многочисленных сборников статей и материалов конференций, коллективных монографий, подготовленных в ИВИ РАН на протяжении 2019–2021 гг. [29; 30; 38; 39]. В настоящий момент под эгидой Института всеобщей истории РАН готовится новая коллективная монография с участием И.Р. Чикаловой «Дипломатия и дипломаты: Из истории международных отношений стран Запада, Востока и России».

Высокий научный авторитет позволил И.Р. Чикаловой получить приглашение войти в состав редакционных коллегий шести научных журналов, издаваемых университетами Российской Федерации: «Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина»; «Ученые записки Орловского государственного университета»; «Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета»; «Запад – Восток: научно-практический ежегодник»; «Вестник Омского университета», (серия «Исторические науки»); «Вестник Северо-Восточного государственного университета», (серия «История»). Помимо этого, является членом редакционных коллегий двух сборников научных статей, включенных в перечень изданий для опубликования результатов диссертационных исследований, утвержденный ВАКом Беларуси: «Современная молодежь и общество» и «“Долгий XIX век” в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории».

На протяжении десяти лет Ирина Ромуальдовна являлась членом экспертного совета по истории ВАКа Республики Беларусь (2006–2015). В настоящее время она – член Совета по защите диссертаций при ГНУ «Институт истории Национальной академии наук Беларуси», член проблемного совета по историческим наукам БГПУ, регулярно выступает в качестве оппонента, а также эксперта от оппонирующей организации по кандидатским и докторским диссертациям.

Ирина Ромуальдовна была членом научного коллектива по разработке концепции школьного исторического образования, стандартов и программ по истории для общеобразовательных учреждений. Воз-

главляя на общественных началах секцию истории и обществоведения Научно-методического совета при Министерстве образования Республики Беларусь (2004–2012), несколько лет координировала процесс научно-методической экспертизы учебной литературы для школ.

Плодотворно сотрудничает И.Р. Чикалова с Витебским государственным университетом имени П.М. Машерова. На протяжении ряда лет она была членом редколлегии сборника научных трудов «Ученые записки УО “ВГУ имени П.М. Машерова”». Входит в состав оргкомитета и редколлегии сборника материалов международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы источниковедения», которая проводится с 2011 г. и является крупнейшим на постсоветском пространстве научным форумом в данной области. Ирина Ромуальдовна выступила одним из ответственных редакторов основательного сборника статей «Соединенные Штаты Америки: история, политика, культура» (2018) [40], подготовка которого была осуществлена совместными усилиями историков Витебского государственного университета и Института истории НАН Беларуси. Традиционно является председателем Государственной аттестационной комиссии по аттестации выпускников аспирантуры ВГУ имени П.М. Машерова по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Каждый, кто хоть однажды общался с И.Р. Чикаловой, ощутил силу и яркость этого человека. Ирина Ромуальдовна – харизматичная личность. Строгая, деловая, требовательная, соблюдающая дистанцию в общении, и в то же время очень добрая, внимательная, тактичная, надежная, глубоко порядочная. Хорошо знают эти качества Ирины Ромуальдовны ее ученики – те, кому посчастливилось пройти «школу Чикаловой». И.Р. Чикалова – талантливый наставник молодых ученых. Ею подготовлено четырнадцать магистров в области истории и культурологии. Под ее руководством успешно защищены четыре кандидатские диссертации (А.Н. Дулов, О.А. Волкова, О.Л. Помалейко, А.А. Денисевич). Ученики Ирины Ромуальдовны – ее бывшие студенты, магистранты, аспиранты – успешно работают в высших учебных и научных учреждениях республики.

Заключение. Жизнь Ирины Ромуальдовны Чикаловой – образец служения музе Клио. Труды историка получили высокую оценку и востребованы как в Беларуси, так и за рубежом. Она – одна из пионеров в разработке новых научных направлений в отечественной историографии (истории женщин и гендерной истории, интеллектуальной истории, исторической имагологии), блестящий педагог, яркие и содержательные лекции и учебники которого пользуются популярностью у студентов, пробуждают у них интерес к исследовательской деятельности, безусловно, талантливый научный руководитель, умеющий раскрыть потенциал, вдохновить и поддержать своих учеников в науке и в жизни.

Ирина Ромуальдовна встретила свой юбилей в расцвете научных сил, полна творческих планов. Редакция нашего сборника, коллеги, ученики, друзья сердечно поздравляют ученого и желают ей крепкого здоровья, счастья, долголетия, осуществления задуманного и новых достижений на благо исторической науки нашей страны.

Литература

1. Дулов, А.Н. Интервью с доктором исторических наук, профессором Ириной Ромуальдовной Чикаловой. Август 2021 г. // Личный архив А.Н. Дулова.
2. Чыкалава, І.Р. Гісторыя культуры Беларусі: прыкладная праграма курса (факультатыва) / І.Р. Чыкалава // Беларус. гіст. часопіс. – 1993. – № 3. – С. 82–100.
3. Чикалов, Р.А. Западная Европа и Соединенные Штаты Америки (1815–1918 годы): учеб. пособие для студентов исторических факультетов университетов / Р.А. Чикалов, И.Р. Чикалова. – Минск: Тесей, 2000. – 504 с.
4. Чикалов, Р.А. Новая история стран Европы и США (1815–1918 годы): учеб. пособие для студентов исторических факультетов университетов / Р.А. Чикалов, И.Р. Чикалова. – М.: Высш. шк., 2005. – 551 с.
5. Чикалов, Р.А. Новая история стран Европы и Северной Америки (1815–1918): учебник для студентов исторических факультетов университетов / Р.А. Чикалов, И.Р. Чикалова. – Минск: Высш. шк., 2009. – 686 с.
6. Чикалов, Р.А. Новая история стран Европы и Северной Америки (1815–1918): учебник для студентов исторических факультетов университетов. – 2-е изд., испр. / Р.А. Чикалов, И.Р. Чикалова. – Минск: Высш. шк., 2013. – 686 с.
7. Страны западной цивилизации. XIX – начало XX в. Хрестоматия / авт.-сост.: И.Р. Чикалова, Р.А. Чикалов. – Минск: Высш. шк., 2010. – 428 с.
8. Чикалова, И.Р. Женщины Беларуси в исторической ретроспективе / И.Р. Чикалова, В.М. Ковтун, В.И. Новицкий // Женщины Беларуси в зеркале эпохи. Национальный отчет. – Минск: Представительство ООН/ПРООН в Республике Беларусь, 1997. – С. 14–25.
9. Чикалова, И. Гендерная проблематика в политической теории / И. Чикалова // Введение в гендерные исследования: учеб. пособие / под ред. И. Жеребкиной. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 80–106.
10. Женщины в истории: возможность быть увиденными: сб. науч. ст. / под ред. И.Р. Чикаловой. – Минск: 2001, 2002, 2004. – Вып. 1–3.
11. Alderman, K. Increasing Women's Representation in the Labour Party / K. Alderman, I. Tchikalova // Journal of Representative Democracy (Representation. Journal of the McDougall Trust). – Volume 34, Issue 3–4. – Autumn 1997. – P. 226–232.
12. Чикалова, И.Р. Политические партии и проекты гендерных реформ в США / И.Р. Чикалова // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М.: ИВИ РАН, 2007. – № 19. Спец. вып.: Индивид, общество, власть в контексте гендерной истории. – С. 377–402.
13. Чикалова, И.Р. Гендерная политика британских консерваторов и лейбористов в последней трети XX века / И.Р. Чикалова // Социальная история. Ежегодник–2007. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 273–300.
14. Чикалова, И.Р. Складывание женской политической элиты в США и политика в вопросах гендерного равенства (1970-е – 1990-е гг.) / И.Р. Чикалова // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. – М.: ИВИ РАН, 2008. – Вып. 16. – С. 127–145.
15. История женщин на Западе: в 5 т. / под общ. ред. Жоржа Дюби и Мишель Перро. – СПб.: Алетейя, 2005–2015. – Т. 5: Становление культурной идентичности в XX столетии / ред. тома: Франсуаза Тебо; пер.: Н.Л. Пушкарева, И.Р. Чикалова [и др.]. – СПб.: Алетейя, 2015. – 622 [1] с.
16. Чикалова, И.Р. Женщины в органах государственной власти и управления / И.Р. Чикалова // История белорусской государственности: в 5 т. Национальная государственность на переломе эпох (вторая половина XX – начало XXI в.) / А.А. Коваленя [и др.]; отв. ред. тома Н.В. Сметхович; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларус. навука, 2020. – Т. 5. – С. 529–550.
17. Чикалова, И.Р. Профессор Павел Григорьевич Мижурев: российский англовед и либерал / И.Р. Чикалова // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М.: ИВИ РАН, 2011. – Вып. 34. – С. 5–30.
18. Чикалова, И.Р. Забытые имена и книги российского англоведения / И.Р. Чикалова // Отечественное англоведение XIX–XX в. собр. статей. Серия «Историк и общество» / отв. ред. М.П. Айзенштат. – М.: ИВИ РАН, 2012. – С. 7–55.
19. Чикалова, И.Р. Белорусский «след» в изучении Англии в императорской России / И.Р. Чикалова // Вестн. Рязан. гос. ун-та имени С.А. Есенина. – 2012. – Вып. 2(35). – С. 37–56.
20. Чикалова, И.Р. Англоведение в России: зарубежные труды по экономической и социальной истории Англии в оценке российской критики на рубеже XIX–XX вв. / И.Р. Чикалова // Запад – Восток: научно-практ. ежегодник. – № 5. – Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2012. – С. 117–140.
21. Чикалова, И.Р. Труды по социальному развитию Англии в переводах с иностранных языков в России на рубеже XIX–XX вв. / И.Р. Чикалова // Изв. Саратов. ун-та. Сер. История. Международные отношения. 2012. – Вып. 2. – Т. 12. – С. 83–91.
22. Чикалова, И.Р. Ольга Алексеевна Новикова: «неофициальный агент русского правительста» в Лондоне / И.Р. Чикалова // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М.: ИВИ РАН, 2015. – Вып. 50. – С. 268–286.
23. Чикалова, И.Р. Забытый лондонский корреспондент российских журналов Семен Исаакович Рапопорт (1858–1934) / И.Р. Чикалова // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М.: ИВИ РАН, 2017. – Вып. 60. – С. 69–89.
24. Чикалова, И.Р. П.А. Тверской: очерки американской жизни в российских общественно-политических журналах / И.Р. Чикалова // Американистика: Актуальные подходы и современные исследования: межвуз. сб. науч. трудов / под ред. Т.В. Алентьевой, М.А. Филимоновой. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2016. – Вып. 8. – С. 350–371.
25. Чикалова, И.Р. У истоков российской американистики: Алексей Васильевич Бабин (1866–1930) и его труд «История Северо-Американских Соединенных Штатов» / И.Р. Чикалова // Американистика: Актуальные подходы и современные исследования: межвуз. сб. науч. трудов / под ред. Т.В. Алентьевой, М.А. Филимоновой. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2017. – Вып. 9. – С. 271–293.

26. Чикалова, И.Р. Основоположник российской американистики Павел Григорьевич Мижух (1861–1931) / И.Р. Чикалова // *Американистика: Актуальные подходы и современные исследования: межвуз. сб. науч. трудов* / под ред. Т.В. Алентьевой, М.А. Филимоновой. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2020. – Вып. 12. – С. 405–437.
27. Чикалова, И.Р. У истоков российской американистики: Николай Андреевич Бородин (1861–1937) / И.Р. Чикалова // *Американистика: Актуальные подходы и современные исследования: межвуз. сб. науч. трудов* / под ред. Т.В. Алентьевой, М.А. Филимоновой. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2021. – Вып. 13. – С. 383–405.
28. Чикалова, И.Р. Опыт интеллектуального трансфера: иностранная книга об Англии в России (1861–1917) / И.Р. Чикалова // *Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время: монография* / под ред. Л.П. Репиной; Ин-т всеобщей истории РАН. – М.: Аквилон, 2014. – С. 469–530.
29. Чикалова, И.Р. История Великобритании XIX – начала XX веков в советской новистике: темы, историки, труды / И.Р. Чикалова // *Англоведение в современной России: монография* / отв. ред. М.П. Айзенштат, Т.Л. Лабутина. – М.: ИВИ РАН, 2019. – С. 348–357.
30. Чикалова, И.Р. «Глубоко различны те условия, в которых приходится действовать...»: системы образования в США и Великобритании. Взгляд из России (конец XIX – начало XX вв.) / И.Р. Чикалова // «Свой» / «Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России: монография / отв. ред. Т. Л. Лабутина; Ин-т всеобщей истории РАН. – СПб.: Алетейя, 2019. – С. 426–444.
31. Чикалова, И.Р. Англоведение в императорской России в именах и публикациях (1801–1917): монография / И.Р. Чикалова. – СПб.: Алетейя, 2013. – 392 с.
32. Чикалова, И.Р. Великобритания: изучение в Российской империи (XIX – начало XX века): монография / И.Р. Чикалова. – СПб.: Алетейя, 2017. – 576 с.
33. Чикалова, И.Р. Великобритания: осмысление исторического опыта в Российской империи (XIX – начало XX века): монография / И.Р. Чикалова; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларус. навука, 2018. – 414 с.
34. Чикалова, И. Партии и власть в США и Великобритании: гендерная политика в 1970–1990-е годы: монография / И. Чикалова. – Минск: Тесей, 2000. – 288 с.
35. Чикалова, И.Р. Партии, профессиональные союзы, женские организации во Франции, Германии, Великобритании (1815–1914) / И.Р. Чикалова. – Минск: Беларус. навука, 2015. – 392 с.
36. Чикалова, И.Р. (Не)забытая война: Первая мировая война в публикациях документов, публицистике, воспоминаниях и исследованиях современников (1914–1941 гг.): монография / И.Р. Чикалова; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларус. навука, 2022. – 426 с.
37. Чикалова, И.Р. От “носителя идеалов культуры” к “варвару XX столетия”: трансформация образа немца в России в ходе Первой мировой войны / И.Р. Чикалова // *Война в человеческом измерении: идеология, психология, повседневность, историческая память* / отв. ред. О.В. Белоусова, Е.С. Сенявская. – СПб.: Алетейя, 2021. – С. 149–159. (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 194. Сер. II: Исторические исследования, 129).
38. Чикалова, И.Р. Союзники и враги: образы англичан и немцев в восприятии российского общества в годы Первой мировой войны / И.Р. Чикалова // «Свои» и «Другие»: взаимодействие и восприятие культур Запада и России / отв. ред. Т.Л. Лабутина; Ин-т всеобщей истории РАН. – СПб.: Алетейя, 2020. – С. 316–341.
39. Чикалова, И.Р. «Другие», но «Свои»: Бельгия и Франция в зеркале российской печати военных лет (1914–1917) / И.Р. Чикалова // «Свой», «Другой», «Чужой». История взаимодействия и противостояния Запада, Востока и России / отв. ред. Т.Л. Лабутина; Ин-т всеобщей истории РАН. – СПб.: Алетейя, 2021. – С. 502–526.
40. Соединенные Штаты Америки: история, политика, культура: сб. науч. ст. / Национальная академия наук Беларуси [и др.]; редкол.: А.А. Коваленя (гл. ред.), И.Р. Чикалова (отв. ред.), А.П. Косов (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2018. – 277 с.

Поступила в редакцию 16.12.2021

Образовательная политика Турции в Северном Курдистане в 1923–2021 гг.

Величко Н.В., Лузгина И.О.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

На протяжении всей истории Турецкой Республики Северный Курдистан являлся наиболее отсталым ее регионом. Это проявлялось, в том числе, в низком уровне грамотности населения. Значительная часть курдов десятилетиями не была вовлечена в систему турецкого народного образования. Данная ситуация препятствовала ассимиляции турецких курдов, усложняя возможность разрешения «курдского вопроса» в стране.

Цель статьи – проследить генезис и определить результаты турецкой образовательной политики в Северном Курдистане в 1923–2021 гг.

Материал и методы. Работа проведена на основе научных публикаций турецких и российских исследователей, изучавших вопросы образовательной политики в турецком Курдистане. Помимо этого, проводился анализ законодательных документов, прежде всего, турецких Конституций 1924 г. и 1982 г., в которых оговаривались образовательные вопросы. При написании работы были использованы методы сравнительного анализа, описательный, историко-генетический, а также историко-системный.

Результаты и их обсуждение. Ко времени распада Османской империи уровень образования в стране находился на низком уровне. По этой причине вставший во главе нового турецкого государства М.К. Ататюрк, видевший в популяризации образования способ решения многих проблем, уделял особенное внимание его развитию. Однако в отношении турецкого Курдистана М.К. Ататюрком проводилась несколько отличная от остальной страны политика. Курдское миноритарное сообщество планомерно ассимилировалось, главным орудием чего являлось вовлечение курдов в систему туркоязычного образования. Данная политика за некоторыми исключениями проводилась в регионе на протяжении практически ста лет и продолжается до настоящего времени.

Заключение. Со времени руководства М.К. Ататюрка образовательная политика Турции служит одним из инструментов ассимиляции в отношении курдов. За это время большую часть курдов удалось не только приобщить к системе всеобщего образования, но и интегрировать в турецкое общество. Однако из-за ряда факторов, среди которых остается лингвистический барьер, турецкий Курдистан продолжает оставаться регионом с наименьшими показателями по стране по степени вовлеченности детей в систему образования.

Ключевые слова: Турция, М.К. Ататюрк, кемализм, Курдистан, турецкий Курдистан, образовательная политика, политика ассимиляции, курды, курдский вопрос, Партия справедливости и развития.

(Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 78–83)

Educational Policy of Turkey in Northern Kurdistan in 1923–2021

Velichko N.V., Luzgina I.O.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Throughout the history of the Turkish Republic, Northern Kurdistan has been its most backward region. This was manifested, among other things, in the low level of literacy of the population. A significant part of the Kurds has not been involved in the Turkish public education system for decades. This situation impeded the assimilation of Turkish Kurds, making it difficult to resolve the “Kurdish issue” in the country.

The goal is to trace the genesis and determine the results of Turkish educational policy in Northern Kurdistan in 1923–2021.

Material and methods. The study was conducted on the basis of scientific publications of Turkish and Russian researchers who studied educational policy issues in Turkish Kurdistan. In addition, an analysis of legislative documents was carried out, primarily the Turkish Constitutions of 1924 and 1982, which stipulated educational issues. When writing the work, the method of comparative analysis, the descriptive method, the historical-genetic method, as well as the historical-systemic method were used.

Findings and their discussion. By the time of the collapse of the Ottoman Empire, the level of education in the country was low. For this reason, the new Turkish leader M.K. Ataturk, who saw the popularization of education as a way to solve many problems, paid special attention to its development. However, regarding Turkish Kurdistan, M.K. Ataturk's policy was somewhat different from the rest of the country. The Kurdish minority community was systematically assimilated, the main instrument of which was the involvement of the Kurds in the system of Turkish-speaking education. This policy, with some exceptions, was carried out in the region for almost a hundred years and continues to this day.

Conclusion. Since M.K. Ataturk's leadership the educational policy in Turkey has served as one of the instruments of assimilation regarding the Kurds. During that time, most of the Kurds managed not only to be introduced to the general education system, but also to integrate into Turkish society. However, due to a number of factors, among which is the linguistic barrier, Turkish Kurdistan continues to be the region with the lowest indicators in the country in terms of the degree of involvement of children in the education system.

Key words: Turkey, M.K. Ataturk, Kemalism, Kurdistan, Turkish Kurdistan, educational policy, assimilation policy, Kurds, Kurdish issue, Justice and Development Party

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 78–83)

Курдский вопрос является актуальным на протяжении всей истории Турецкой Республики. Земли, населенные курдами, занимают 1/5 территории всей Турции. В их недрах содержится немалое количество полезных ископаемых, поэтому для Турции желательно сохранять эти территории в своем составе. На протяжении практически ста лет образование служит одним из инструментов ассимиляции и отуречивания курдов – самого быстрорастущего этноса Турецкой Республики.

Вопросы развития образования в турецком Курдистане разрабатывались как турецкими (В. Demirtaş, Н. Aytemur), так и российскими (Н.З. Мосаки) исследователями. Первые рассматривали турецкую ассимиляционную политику преимущественно в положительном ключе, указывая на позитивность образовательных перемен в курдской части турецкого социума, вторые давали более острые оценки турецкой политике. Ценная информация для понимания образовательной ситуации в Турции содержится в трудах советских (Р.С. Даниелян) и российских (Т.В. Коротко) исследователей. Также обращают на себя внимание работы российских специалистов, рассматривающих национальный вопрос в Турции и детально выделяющих курдскую проблему (Л.В. Савинов, Н.Р. Шестаков, Т. Абак, А.О. Победоносцева, В.А. Аватков). В данных исследованиях содержится информация о контексте и направлениях, в которых турецким руководством проводилась образовательная политика в отношении курдов.

Цель статьи – проследить генезис и определить результаты турецкой образовательной политики в Северном Курдистане в 1923–2021 гг.

Материал и методы. Исследование проведено на основе анализа законодательных документов, прежде всего, текстов турецких Конституций 1924 г. и 1982 г., в которых оговаривались образовательные вопросы. Кроме законодательных документов, актуальная информация по вопросу образования в турецком Курдистане содержится в новостях турецких информационных агентств, а также в документации ООН. Теоретико-методологическую основу данной работы составили современные представления о принципах, функциях, методах и методике исторического исследования. Так, принципами, на которые опирались

авторы, являлись системность, объективность и историзм. При написании работы были использованы как общенаучные методы синтеза, описания и сравнительного анализа, так и специально-исторические историко-генетический и системно-исторический. В совокупности со сравнительным анализом, метод синтеза позволил получить представления о связях между турецкой политикой в отношении курдов в Юго-Восточной Анатолии и образовательной политикой, проводящейся по всей стране. В то же время методы описания, а также историко-генетический и системно-исторический методы позволили проследить генезис турецкой политики в области образования в отношении курдов.

Результаты и их обсуждение. Корни общетурецких проблем системы народного образования уходят в период Османской империи. До начала XX в. образовательная деятельность велась, в основном, через расположенные в городах медресе [1, с. 57]. С XIX в. их дополняли государственные и частные, прежде всего, иностранные миссионерские школы, где обучались как христиане, так и мусульмане. К моменту образования Турецкой Республики в 1923 г. всего лишь 10% населения молодого государства (и всего 3% женщин) было грамотным [2, с. 64–65].

Формирование особой образовательной политики в турецком Курдистане при М.К. Ататюрке. Всеобщая неграмотность была одной из основных проблем, вставших на пути турецкой модернизации. По этой причине М.К. Ататюрк, взявший на себя руководство турецким государством в критический момент, придавал огромное значение развитию образования.

Вопрос об обязательном начальном образовании для всех граждан страны был закреплен в основном законе молодой Турецкой Республики – Конституции 1924 г. (статья 87) [3]. Сразу за ее принятием был составлен ряд законодательных актов (инкилабов, от тур. *Inkilab* – революция), провозглашавших школьное образование светским, бесплатным и общедоступным. Большинство религиозных и иностранных школ было закрыто. Все учебные заведения переходили под контроль Министерства национального просвещения Турции [1, с. 58].

Ситуация с образованием в турецком Курдистане выглядела еще сложнее. Курды находились на племенной форме организации общества, ведя полукоче-

вой образ жизни, что усложняло посещаемость школ курдскими детьми. Помогая своим родителям в ведении сельского хозяйства и в животноводстве, курдские дети получали традиционное образование, которое им давала семья. Большинство представителей курдского этноса владело лишь одним из курдских языков на устном уровне.

Еще в годы Войны за независимость (1919–1923) М. Кемаль, нуждаясь в курдской поддержке, обещал им автономию. Однако, привлекая их на турецкую сторону, он мог апеллировать лишь к общей мусульманской идентичности. Согласно ей, турки и курды являлись братскими народами, следовательно, предоставлять независимость последним не требовалось [4].

Тем не менее курдам кемалистами были обещана автономия в рамках нового турецкого государства. 10 февраля 1922 г. Великое национальное собрание Турции приняло Закон об автономии. Согласно ему, официальным языком делопроизводства в автономии должен был оставаться турецкий. Но на курдском языке должно было начаться преподавание в школах, юридических и медицинских факультетах, которые планировалось открыть в автономии. Генерал-губернатор имел право поощрять использование курдского языка при условии, что он не станет официальным языком краевого делопроизводства в будущем [4].

С заключением Лозаннского договора в 1923 г. руководство страны перестало придерживаться данных курдам обещаний, поскольку угроза обособления Северного Курдистана от Турции миновала. Власти избрали стратегию ассимиляции курдского этнического сообщества, а образование в турецкой школе организовывалось исключительно на турецком языке.

В новой модели турецкого государства, создаваемой М.К. Ататюрком, на первый план была выдвинута связь между языком и нацией. Так, М.К. Ататюрк заявлял: «Тот, кто говорит, что принадлежит турецкой нации, должен, прежде всего, и обязательно говорить на турецком языке. Если человек, который не говорит на турецком языке, утверждает о своей приверженности турецкой культуре, турецкому обществу, то будет не очень верно доверять его искренности» [5, с. 41–42]. Позже эта мысль обрела конкретную форму в «Доктрине шести стрел», закрепившись в 1937 г. в Конституции [6, с. 136].

«Вторая стрела» Ататюрка – национализм (от тур. *Milliyetçilik*) – определяется как идеал нации-государства (nation-state). Национализм представлял собой модель построения политической нации в границах Турецкой Республики. Нация виделась Ататюрком как общность всех граждан страны, а не только турок, однако на основе турецкого этнического самосознания. Нетурецкие этносы, проживающие в стране, подлежали ассимиляции [6, с. 136].

Данная доктрина реализовывалась и в отношении курдского этноса. После подавления в 1925 г. восстания шейха Саида, которое считается прокурдским, власти перешли к политике полной ассимиляции кур-

дов. Часть племен была насильно переселена в Западную и Центральную Анатолию, часть наделена землей в местах традиционных кочевков с целью их перевода на оседлый образ жизни [5, с. 42]. После этого власти перешли к вопросам обеспечения начальным образованием курдских детей, что также являлось частью политики ассимиляции.

20 ноября 1928 г. был принят закон об открытии в Республике «национальных школ» [1, с. 58]. Затем власти занялись решением проблемы организации всеобщего начального образования в Юго-Восточной Анатолии (турецком Курдистане). Отчеты Службы национальной безопасности за 1928 г. говорили о крайне низкой обеспеченности региона школами. Так, в иле (области) Элязыг «начальную школу посещают 3544 человека, а среднюю школу – около 300 человек. Однако количество детей в возрасте образования в провинции составляет более 30 000 человек» [2, с. 66].

Для решения проблемы образования в регионе требовалось не только увеличить количество новых школ, было необходимо также повысить численность преподавательского состава. Для этого в 1930 г. в Эрзуруме было начато возведение единственной в регионе школы по подготовке учителей [2, с. 72]. Однако вплоть до 1937 г. рост начальных школ оставался невысоким, равно как и количество работавших в них учителей было недостаточным. Если в западной части страны на одного учителя в среднем приходилось 38 учеников, то на юго-востоке – 66 [2, с. 70–71].

Одним из решений проблемы нехватки школ и учителей было укрупнение имевшихся школ. Как показывает статистика, в период 1930-х гг. в некоторых восточных илах число школ уменьшилось по сравнению с концом 1920-х гг., но количество учеников в этих илах увеличилось [2, с. 70]. Причинами такой ситуации иногда были дефицит денежных средств для строительства новых школ или нехватка учителей для их наполнения. В этой связи в 1930-х гг. бедных либо осиротевших детей с Юго-Востока отправляли на учебу в школы Стамбула, Анкары и Измира [2, с. 75].

Еще одно решение проблемы образования в турецком Курдистане властями виделось в создании школ-интернатов (*leyli*) для детей-курдов из сельской местности. Особое внимание в таких интернатах уделялось обучению курдских девочек. Для привлечения детей в подобные заведения им предоставлялось бесплатное питание, учебники и одежда [2, с. 77]. Поощрения касались не только детей, но и учителей, отправлявшихся преподавать на Юго-Восток. Им была обещана повышенная зарплата [2, с. 79]. Хотя нередко эти учителя получали зарплату с большой задержкой [2, с. 81].

Развитие образования в турецком Курдистане в 1940–1990-е гг. Со смертью Ататюрка в 1938 г. политика властей в отношении курдов, в том числе в вопросах их образования, не изменилась. В 1950-е гг. была создана система специальных школ «*yatılı*» (подобие интернатов) в различных частях турецкого Кур-

дистана. Школы больше напоминали военные базы, служа инструментами ассимиляции курдских детей. В каждой из них обучалось 1,5 тыс. учащихся, которые с 6–7 до 18 лет на протяжении девяти месяцев были оторваны от своих семей. Большая часть нынешней курдской туркоязычной бюрократии – выпускники этих школ [7, с. 94].

Несмотря на свой противоречивый характер, система школ «*yatılı*» позволяла курдским детям получать хоть какое-то образование. Ведь обычными школами даже к 1960-м гг. не было обеспечено около половины курдских вилайетов Турции [8, с. 171]. Данная ситуация ярко отразилась по результатам переписи 1965 г. Согласно ей, доля грамотного населения Турции составила 49%, в то время как в турецком Курдистане это число равнялось 31% (при этом доля образованных женщин-курдов составляла и вовсе 15%) [7, с. 91].

Невысокой в 1960–1970-е гг. оставалась и доля курдов, знавших турецкий язык, – лишь около трети. В основном это были мужчины, прошедшие военную службу, а также бюрократия и молодежь, обучавшаяся в школах [7, с. 92].

В 1973 г. в стране был принят закон № 21739, по которому обязательным объявлялось восьмилетнее среднее образование, имеющее две ступени. Выпускники первой ступени получали аттестат об окончании начальной школы, а выпускники второй – аттестат об окончании средней школы, завершив, таким образом, восьмилетнее образование [1, с. 59].

Несмотря на низкий уровень образования среди курдов, 1960–1970-е гг. явились временем их политической активности. В эти годы молодыми образованными курдами создаются партии преимущественно левого толка. Курдские партии ставили своей целью защиту прав курдского этнического меньшинства, признание на уровне Конституции курдской идентичности, снятие запрета на использование курдского языка в образовании и СМИ с предоставлением возможности открывать курдские школы и университеты [9, с. 54]. Наиболее радикальные требования партий, особенно ведущей Рабочей партии Курдистана (РПК), касались даже не предоставления автономных прав курдской части Турции, а полного ее отделения и создания независимого Курдистана.

В 1982 г. в Турции произошел военный переворот. По его результатам была принята новая Конституция, резко ограничивавшая права курдов, в том числе в вопросе изучения родного языка. Так, согласно статье 42, «никакой язык, кроме турецкого, не может преподаваться в учебных заведениях гражданам Турции в качестве родного языка» [10]. Тогда же новым руководством страны началось подавление курдских политических организаций, прежде всего, РПК. Последняя развернула полноценные боевые действия на юго-востоке страны с целью обретения независимости курдским регионом Турции.

Однако вскоре произошло потепление в турецко-курдских отношениях. Начало ему было положено

Т. Озалам – президентом, пришедшим к власти в 1989 г. и имевшим курдские корни. Новым президентом был отменен закон «О языках» от 1983 г., согласно которому родным языком всех граждан Турции признавался лишь турецкий. Таким образом была сделана попытка приблизиться к легализации курдского языка. Новый закон о языке был принят 12 апреля 1991 г., однако он, как и прежде, не предоставлял возможности обучения на курдском языке, лишь сняв запрет общения на нем у себя дома и во дворе [5, с. 48].

Во второй половине 1990-х гг. грамотность в курдских илах все еще оставалась невысокой. Турецкими властями она оценивалась на уровне 60–65% [7, с. 91]. При этом наблюдалась разница между учащимися городских и средних школ. Так, учащиеся из городов происходили из более обеспеченных семей, благодаря чему в дальнейшем у них было больше шансов на поступление в университеты. В сельской местности неграмотность была выше. Не везде были нормальные дороги и школы, а во многих существующих работал всего один учитель. Посредственные школы не давали возможности своим выпускникам выдерживать экзамены в вузы, а низкие доходы их семей не позволяли получать дополнительное образование. В связи с этим образование не стало для турецких курдов фактором социальной мобильности [7, с. 93].

В то же время, по мнению курдских националистов, низкий уровень образованности турецких курдов имел для них положительный эффект, поскольку препятствовал их ассимиляции. Ошибку в невнимании руководства страны к проблеме образования курдов отмечают и некоторые турецкие политики, ведь высокий уровень образования ассимиляции курдов мог бы значительно снизить остроту курдского вопроса [7, с. 93].

В связи с этим есть основания полагать, что низкий уровень образования в Юго-Восточной Анатоллии руководством страны поддерживается намеренно. Благодаря богатейшим залежам нефти и прочих природных богатств юго-восток Турции претендует на звание делового региона, в перспективе – региона-локомотива турецкой экономики. Все же у таких регионов зачастую возникает опасность формирования «национализма богатых», то есть желания жить самостоятельно, не разделяя свои богатства с центром (яркие примеры – Каталония в Испании и Венеция в Италии). Предпосылки для подобной ситуации в турецком Курдистане есть, поскольку его населяет этнос, отличающийся от титульной нации по языку и культуре, а также имеющий партии и организации, которые борются за его автономию либо независимость. Турецкому руководству выгоднее ограничивать образовательные возможности для курдов, продолжая продвигать вариант их ассимиляции через образование. Северный Курдистан в данном случае может выполнять роль «внутренней колонии» для Турции, которая занимается добычей и использованием региональных богатств.

Перемены в образовательной политике в отношении турецких курдов в 2000–2010-е гг. Ситуация с обеспечением курдов образованием стала улучшаться с приходом к власти в Турции в 2002 г. Партии справедливости и развития (ПСР). В это время началось привлечение в школы курдских девочек, поскольку среди них был наибольший процент непосещаемости школ. Так, если в других частях страны девочки сталкиваются с проблемами в обучении после 13 лет, то в курдских районах к 15 годам лишь менее 20% девочек продолжает посещать школу [11, с. 81].

Проводником идеи привлечения в школу девочек был Хусейн Челик, министр образования в 2002–2009 гг. Для реализации данного намерения в 2003 г. была развернута широкая агитация среди семей, которые не говорят по-турецки. Она носила название «Haydi Kızlar Okula!» («Девочки, идите в школы!»). По мнению властей, такая политика позволила бы сделать турецкий родным языком курдских женщин, что привело бы к снижению уровня воспроизводства культурно-лингвистической идентичности курдов [7, с. 100]. Тем не менее многие матери прятали своих дочерей, чтобы не отдавать их на обучение [7, с. 97]. Во многом это связано не столько с курдо-турецкой неприязнью, сколько с необходимостью помогать матерям по хозяйству.

Данная проблема имеет место не только в Курдистане. Зачастую в миноритарных общинах родители не склонны отдавать детей в школу. Это связано с сопротивлением переменам, желанием сохранить этническую самобытность, а также с боязнью дискриминации и плохого обращения, потребности в детском труде для нужд семьи. Последняя причина весьма существенна: для родителей важнее, чтобы дети с малых лет работали, пополняя семейный бюджет, либо помогали по дому, из-за чего часть детей не может позволить себе в то же время посещать школу [7, с. 95].

Для турецкого руководства одна из целей приобщения курдских девочек к образованию заключается в стремлении разрушить устои курдской семьи, снизив демографический потенциал курдов [7, с. 94]. В то же время сами курды стараются дать образование, прежде всего, мальчикам, поскольку они имеют больше возможностей на рынке труда, в то время как девочки, как правило, выходят замуж и переходят в семью мужа [7, с. 96].

Особую озабоченность властей вызывает тот факт, что в турецком Курдистане по причине высокой фертильности среди курдских женщин проживает около половины всех детей Турции. Это является серьезным этнодемографическим вызовом, так как через несколько десятилетий около половины страны будет курдского происхождения [7, с. 98].

Данная ситуация, несмотря на возможное нежелание руководства страны, служит весомым стимулом для развития образования в курдском регионе, поэтому более интенсивная, чем у предшественников, политика ПСР в области образования дала свои

плоды. К 2011 г. в турецком Курдистане в начальные школы поступало уже более 80% детей. Значительно увеличилось число поступающих девочек [7, с. 98]. Тем не менее, по состоянию на 2012 г. уровень безграмотности в регионе оставался весьма высоким – от 19 до 25% (из которых 50–75% составляли женщины) [7, с. 92]. Для решения проблемы власти разработали проект, по которому курдские дети до начала обучения в школе должны проходить курс турецкого языка. Подобные курсы были открыты почти во всех областных центрах турецкого Курдистана [7, с. 98].

В эти же годы курдский язык постепенно стал проникать в сферу высшего образования. В 2011 г. в вузах Мардина и Тунджели была введена аспирантура на курдском языке [12, с. 13]. Однако о разрешении полноценного обучения на курдском языке в государственных учреждениях речь по-прежнему не шла, о чем было прямо заявлено министром внутренних дел Турции Б. Аталаем в 2009 г. Правда, этот запрет не распространялся на частные школы [13, с. 130].

К настоящему времени качество образования на юго-востоке Турции по-прежнему ниже, чем на западе и в центре страны. Согласно отчету Министерства национального образования за 2015 г., учащиеся многих школ Юго-Восточной Анатолии отстают от своих сверстников на западе страны на целых два академических года [14]. Также остается высоким процент детей, бросающих обучение, не окончив среднюю школу. Для Юго-Востока в 2016 г. он составлял 51,6% [15].

В 2020 г. в связи с эпидемией коронавируса наблюдалось снижение доступа учащихся к образованию вплоть до 70%. Многие школы в это время не имели возможности перейти на дистанционное обучение, из-за чего на какое-то время просто закрылись [16]. По этой причине в 2020–2021 учебном году обучение в турецких школах было полностью переведено на дистанционную систему [17].

Заключение. К моменту распада Османской империи уровень образованности по всей стране, особенно в ее курдских регионах, был крайне невысок. Это побудило основателя Турецкой Республики М.К. Ататюрка обратить особое внимание при модернизации страны на развитие образования.

Вместе с тем в турецком Курдистане образовательная политика отличалась от проводившейся в целом по стране. Несмотря на данные вначале обещания развития образования на курдском языке, в отношении турецкого Курдистана была избрана политика ассимиляции через образование. Для этого обучение в школах проводилось исключительно на турецком языке, а во многих районах Северного Курдистана были построены специальные школы-интернаты («leüli» и «yatılı»). Школы больше напоминали военные базы, служа инструментами ассимиляции курдских детей. Особое внимание власти уделяли привлечению в школы курдских девочек, что должно привести к снижению уровня воспроизводства культурно-лингвистической идентичности курдов.

Несмотря на все усилия турецких властей, уровень образования в Северном Курдистане вплоть до настоящего времени остается ниже, чем в целом по стране. По мнению курдских националистов, низкий уровень образованности среди курдов имел для них положительный эффект, поскольку препятствовал их ассимиляции. Ошибку в невнимании руководства страны к проблеме образования курдов отмечают и некоторые турецкие политики, ведь ассимиляция курдов посредством образования могла бы значительно снизить остроту курдского вопроса.

Ограничение развития образования среди курдов турецкие власти часто объясняют сдерживанием роста курдского национализма. Для Турции выгодно сохранять богатый природными ресурсами Северный Курдистан в виде своей «внутренней колонии», чему малообразованные курды способны сопротивляться в меньшей степени. Однако, с другой стороны, развитие курдского образования могло бы способствовать некоторому снижению высоких показателей рождаемости в регионе, благодаря которым через несколько десятилетий численность курдов может сравняться с численностью турок в стране, что крайне усложнит возможность ассимиляции первых.

Несмотря на нежелание властей, уже сейчас на всей территории проживания курдов в Турции, особенно в сельской местности, следует вводить подготовительные дошкольные курсы на курдском языке, на которых проходило бы изучение турецкого языка. При этом дальнейшее школьное обучение можно было бы оставить исключительно на турецком языке. Это позволило бы детям с ранних лет приучаться к турецкой грамоте, благодаря чему в последующем у них возникало бы меньше проблем с усвоением учебного материала в школах и продолжением обучения по их окончании.

Литература

1. Коротько, Т.В. Начальное, среднее и среднеспециальное образование в Турции / Т.В. Коротько // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – № 1. – С. 57–61.
2. Demirtaş, B. Doğu ve Güneydoğu Anadolu Bölgelerinde Eğitim ve Öğretim (1923–1938) / B. Demirtaş // Atatürk Yolu Dergisi. – 2008. – № 11. – С. 63–87.
3. 1924 Anayasası [Electronic resource] // Anayasa Mahkemesi. – Mode of access: <https://www.anayasa.gov.tr/tr/mevzuat/onceki-anayasalar/1924-anayasasi/>. – Date of access: 22.10.2021.
4. Kürt otonomisi ve Kırmızı 'Gülün Adı' (3) Kürdistan'a Otonomi Kanun Metni [Electronic resource] // Independent Türkçe. – Mode of access: <https://www.indyturk.com> – Date of access: 12.11.2021.
5. Шестаков, Н.Р. Курдский вопрос в Турции (конец XIX – начало XXI в.) / Н.Р. Шестаков // Вопросы национальных и федеральных отношений. – 2016. – Вып. 2 (33). – С. 38–51.
6. Савинов, Л.В. Национальный вопрос в Турции / Л.В. Савинов // Федерализм. – 2012. – № 2 (66). – С. 135–146.
7. Мосаки, Н.З. Турецкая образовательная политика и ассимиляционные процессы у курдов / Н.З. Мосаки // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 5. – С. 91–103.
8. Даниелян, Р.С. Просвещение в Турции (1960–1965 гг.) / Р.С. Даниелян // Страны и народы Ближнего и Среднего Востока: сборник статей / АН Армянской ССР; под ред. Ж.В. Налчаджян, А.А. Овакимян. – Ереван, 1970. – Т. V. Турция. – С. 170–197.
9. Абак, Т. Курдский вопрос в политике правящей Партии справедливости и развития / Т. Абак // Азия и Африка сегодня. – 2017. – № 3. – С. 53–58.
10. 1982 Anayasası [Electronic resource] // Tarım ve orman bakanlığı eğitim merkezi müdürlükleri. – Mode of access: <https://egitim.tarimorman.gov.tr/adana/Belgeler/MEVZUAT/1982Anayasasi.pdf>. – Date of access: 08.10.2021.
11. Всемирный доклад по мониторингу ОДВ – 2010 // Информация для всех [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ifap.ru/library/book474.pdf>. – Дата доступа: 22.10.2021.
12. Победоносцева, А.О. Курды в Турции: депортация как метод решения этнического конфликта? / А.О. Победоносцева // Время и право. – 2014. – № 3. – С. 9–13.
13. Аватков, В.А. Курдская проблема на турецком поле / В.А. Аватков // Вестн. МГИМО Университета. – 2012. – № 2(23). – С. 128–133.
14. Batı ile doğu arasında iki öğretim yılı fark [Electronic resource] // Aljazeera Türk. – Mode of access: <http://www.aljazeera.com.tr/al-jazeera-ozel/bati-ile-dogu-arasinda-iki-ogretim-yili-fark>. – Date of access: 22.10.2021.
15. Türkiye eğitimi terk eden genç nüfusta zirvede [Electronic resource] // Doğruluk Payı. – Mode of access: <https://www.dogrulukpayi.com/bulten/turkiye-egitimi-terk-eden-genc-nufusta-zirvede>. – Date of access: 22.10.2021.
16. Eğitimde batı ve doğu makası açıldı [Electronic resource] // BirGün. – Mode of access: https://www.birgun.net/haber/egitimde-bati-ve-dogu-makasi-acildi-314805?_cf_chl_managed_tk__=pmd_3Mezsn16ktiIAKHf4unCfOn6y0nemJiPv39OVwqm0jA-1634895877-0-gqNtZGzNA2WjcnBsZQo9. – Date of access: 22.10.2021.
17. 2020–2021 eğitim öğretim yılının ikinci dönemi uzaktan ve yüz yüze eğitimle başlıyor [Electronic resource] // Millî Eğitim Bakanlığı. – Mode of access: <https://www.meb.gov.tr/2020-2021-egitim-ogretim-yilinin-ikinci-donemi-uzaktan-ve-yuz-yuze-egitimle-basliyor/haber/22553/tr>. – Date of access: 22.10.2021.

Поступила в редакцию 17.12.2021

ФИЛОСОФИЯ

Социокультурные риски информационного общества и факторы их минимизации

Рудковская Е.Э., Рудковский Э.И.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

В условиях информационного общества кардинально изменяется динамика и содержание всего комплекса социальных процессов.

Цель статьи – анализ рисков трансформационных процессов в современном информационном обществе.

Материал и методы. Материалом исследования является изменение трендов различных сфер общественной жизни в глобализирующемся мире. Используются общелогические и общепринятые методы теоретического познания.

Результаты и их обсуждение. В глобализирующемся человеческом социуме наполняются новым содержанием экономические, политические и социокультурные процессы, налицо духовный вакуум, который заполняется псевдоценностями. Минимизация рисков информационного общества предполагает перестройку работы СМИ, поиск идеологических ориентиров, повышение роли социально-гуманитарных наук.

Заключение. Стратегия развития общества не может определяться сугубо инструментальными, экономическими, прагматическими критериями. Преодоление рисков информационного общества возможно при координации усилий государственных органов, учебных и вспомогательных учреждений.

Ключевые слова: информационное общество, информационная война, глобализация, идеология, традиционные ценности, социогуманитарное знание.

(Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 85–89)

Social and Cultural Risks of Information Society and Factors for their Minimization

Rudkovskaya E.E., Rudkovski E.I.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

In the conditions of information society, the dynamics and the contents of the whole complex of social processes change greatly.

The purpose of the article is an analysis of transformation processes risks in the contemporary information society.

Material and methods. The research material is the transformation of the trends of various spheres of social life in the globalizing world. General logic and generally accepted methods of theoretical cognition were used.

Findings and their discussion. In the globalizing human society economic, political as well as social and cultural processes acquire new contents; spiritual vacuum is filled with pseudo values. Minimization of the information society risks means the refurbishment of mass media work, the search for ideological landmarks, the increase of the role of social and humanitarian sciences.

Conclusion. The society development strategy cannot be identified only by instrumental, economic and pragmatic criteria. To overcome the risks of information society is possible by coordinating the efforts of the state bodies, education and auxiliary establishments.

Key words: information society, information war, globalization, ideology, traditional values, social and humanitarian knowledge.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 85–89)

В условиях глобализирующегося мира, всепроникающих информационных технологий происходит кардинальное изменение динамики и содержания всего комплекса экономических, политических и социокультурных процессов. Цель статьи – анализ основных направлений и сущностных черт такой динамики.

Материал и методы. Материалом исследования являются социокультурные риски информационного общества в различных сферах, а также факторы их минимизации. Применены общелогические методы и общепринятые методы теоретического исследования. В статье использованы материалы, ранее опубликованные авторами [1].

Результаты и их обсуждение. Современный мир вступил в состояние турбулентности, заметно усилилась нестабильность и неопределенность. Это проявляется в следующем.

– Человечество сталкивается с нарастающим дефицитом управляемости и доверия в международных делах. Происходит смена глобальных трендов и идеологий. Прежняя эпоха на Западе представлялась всеобщим торжеством либерализма. В последнее время он трансформировался в «прогрессизм», стержнем которого является представление о мире без границ, без государств, без национальностей, т.е. политически и этнически нивелированный мир.

– В глобальном мире возрастает транспарентность, прозрачность границ, которые во многом становятся условными. Интеграционные процессы в рамках региональных союзов и объединений все больше носят внепространственный, наднациональный характер и ведут к детерриторизации.

– В глобализирующемся человеческом социуме новым содержанием наполняется понятие суверенитета государства, который может быть обеспечен лишь вхождением в региональные союзы и объединения. Следует учитывать, что роль государства в регулировании, к примеру, информационных процессов существенно меняется, так как эти процессы идут, минуя национальные границы. Можно сказать, что государство попало в соцсети, которые стали важнейшим игроком на политическом поле. Они действуют практически бесконтрольно, не подчиняясь правительствам стран. Известно, что влияние традиционных СМИ (и других корпораций) ограничено законами государства. Однако владельцы информационных стремятся освободиться от всякого государственного контроля. При этом речь вовсе не идет о свободе слова, свободе политических дискуссий. Они отстаивают интересы меньшинства и важных, с их точки зрения, проблем ЛГБТ, трансгендеров и т.п. Тех, кто не согласен с их ценностями, объявляют неполноценными.

– Налицо духовный вакуум, который заполняется псевдоценностями. Это проявляется в самых различных аспектах жизнедеятельности людей: отношении к образованию, межличностным и семейным отношениям, устройству быта, материальному достатку,

характеру проведения свободного времени, общечеловеческим ценностям. Кардинально порой изменяется мотивация поведения, особенно молодежи. Нарастает стандартизация и утилитаризация культуры, атомизация общества. На место моральных, эстетических, познавательных, гражданских ценностей приходят иные приоритеты и абсолюты: жажда наживы и материального преуспевания здесь и сейчас, индивидуализм, доведенный до крайности прагматизм. Для значительной части населения характерен принцип поведения «бери от жизни все», «добивайся целей любыми средствами». Предаются забвению такие базовые ценности, как честь, совесть, дружба, любовь, достоинство, сострадание. Они либо утрачивают свой первоначальный смысл, либо замещаются различными симулякрами.

Все эти проявления духовного кризиса – следствие многократно усилившейся манипуляции сознанием людей в условиях информационной войны, которую иначе называют великой гибридной, глобальной войной. (О ней чаще говорят касательно внешнеполитических отношений. Но, как видится, ее технологии личностного слома безответственно отрабатываются и на собственном населении). Пушки молчат, но война эта направлена на разрушение духовного мира человека.

Информационная война многоформатна. Одной из форм является психологическая война, понимаемая как «пропаганда, “промыывание мозгов”, информационная обработка населения» [2, с. 48], арсенал средств воздействия на сознание людей которой богат: дезинформация, манипулирование, пропаганда, управление кризисами, лоббирование, шантаж и дискредитация политического и идеологического оппонента, моральный террор, всевозможные фейки и вбросы, навешивание ярлыков. Роль последних в настоящее время особенно возросла. Ярлык изображает тот или иной процесс или лидера как воплощение того, чего население больше всего боится. К примеру, распространенными стали такие ярлыки и предикативные характеристики: фашист, агрессор, геноцид, зверства политических кругов и т.п. При этом нельзя не учитывать такие характеристики информации, распространяемой через интернет, как мультимедийность, анонимность, многовекторность воздействия, отсутствие верификации, невозможность оперативно определить истинность или ложность распространяемой информации. В силу указанных свойств интернет является наиболее эффективным средством ведения информационной войны [2, с. 78].

То, что Оруэлл описал в романе «1984», уже реализовано по части всеобщей слежки, промывания мозгов, переписывания истории. Но мир движется дальше. Цифровизация нарушает частное пространство. Последнее постепенно исчезает. На улице, транспорте, кафе, магазине на нас смотрят тысячи камер, способных распознавать лица. Если сюда добавить сбор данных о гражданах со стороны частных цифровых

платформ Яндекс, Google и др., то слежка становится тотальной. Сбор биометрической информации также ограничивает автономность человека, т.к. эта информация является частью его личности. Может случиться так, что не цифра будет служить человеку, а человек Большой цифре. Важно помнить, что любая информационная система уязвима. Кража такой информации позволит подменять личность (вспомним голливудский фильм 1995 г. (!) «Сеть»). А это создает угрозу превращения в объект мошенничества как отдельного человека, так и всего населения страны.

Минимизировать издержки информационной войны призваны традиционные СМИ (радио, печать, телевидение). Однако следует учитывать реалии сегодняшнего дня:

а) интернет стал практически единственным источником информации для молодежи; ее зависимость от гаджетов стала очевидной;

б) контент традиционных масс-медиа (особенно российских) не всегда направлен на формирование четких гражданских и нравственных позиций.

Духовно чистое, дающее надежду и не унижающее личность телевидение в значительной мере осталось в прошлом. Сейчас транслируются порой программы, ток- и реалити-шоу, рекламирующие духовный, нравственный нигилизм, психологию потребительства, которая стала средством власти над людьми. Прав был Э. Фромм, когда говорил о состоянии социума, в котором вещи олицетворяются, а люди овеществляются.

Количество информации и ее качество – разные вещи. Государство, институты гражданского общества в современных условиях должны позаботиться о духовно-нравственной, гуманистической составляющей работы СМИ. И всякие обвинения в авторитаризме, введении цензуры несостоятельны. Важно помнить, что культура начинается с запрета. Прежде всего с запрета обходить, анимировать, поставить под сомнение традиционные ценности каждого социума и человечества в целом.

Духовное здоровье общества неразрывно связано с сохранением тех традиций, которые складывались на основе многовекового опыта поколений, проверены временем и составляют важный компонент модели жизнедеятельности людей, социума в целом, константу его бытия. Традиционные ценности – это одна из форм социального наследования, сохранения социальной памяти, а также мощное средство противостояния деструктивному влиянию современной массовой культуры, экспансии чуждых, инородных ценностей, подрывающих духовные основы восточноевропейской цивилизации.

Все больше торжествует «культура отмены», отказа от всего того, что на протяжении веков скрепляло социум. Разрушаются ценности старших поколений, а ценности подрастающего поколения находятся в состоянии текучести, подвижности. Они пока не имеют четких горизонтов, устоявшихся принципов, идеалов. В известном смысле распалась связь времен.

Сохранение традиционных духовных ценностей должно стать стратегическим, общенациональным приоритетом.

В литературе можно встретить различные подходы к классификации значимых для человека ценностей. К примеру, известный советский социолог В.А. Ядов предложил следующую классификацию ценностей: ценности терминальные – любовь, здоровье, друзья, мир, мудрость, общественное признание, личностная позиция, познание, работа, свобода, самостоятельность, семья; инструментальные – воля, аккуратность, воспитанность, жизнедеятельность, исполнительность, непримиримость, образованность, терпимость, чуткость [3, с. 13]. Такая классификация возможна. Однако она, на наш взгляд, не включает отдельные общечеловеческие ценности (человеколюбие, сострадание, добро). С другой стороны, вряд ли к общечеловеческим ценностям можно отнести непримиримость (к чему?), личностную позицию (какую и в отношении чего?), познание (любой индивид что-то узнает и познает).

Нам ближе позиция В.Н. Дежнева и О.В. Новиковой. Они справедливо относят к основным характеристикам традиционных ценностей:

« – это ценности, имеющие истоки в прошлом, результат исторического саморазвития ценностей этноса, нации, цивилизации;

– это ценности базовые, фундаментальные, стержневые, основополагающие, системообразующие;

– это ценности, обеспечивающие идентификацию личности, общества, цивилизации среди других личностей, обществ, цивилизаций;

– это национальное, цивилизационное своеобразие понимания, принятия, актуализации общечеловеческих ценностей;

– это национальное, цивилизационное своеобразие выстраивания иерархии и системы ценностей» [4, с. 74].

Полагаем, что к традиционным общечеловеческим ценностям можно отнести гуманизм, ненасилие, справедливость, любовь, долг, свободу, мир, жизнь, труд. У культуры нет границ, но есть культурный код нации.

Общество может успешно развиваться не вопреки, а благодаря сохранению традиционных ценностей, опоре на культурную идентичность и самобытность. При этом, конечно, не исключаются те качественные изменения, которые обеспечивают технологический и экономический рост. Пример стран Юго-Восточной Азии тому подтверждение.

Защита традиционных ценностей должна стать ядром, лейтмотивом идеологии нашего общества. События последних лет показали, что ранее провозглашенная на Западе теория деидеологизации – это миф. Идеологии вернулись, возрастает их значение в современном социуме. Тот информационный продукт, который предлагают западные политические институты и СМИ, не может стать стратегией развития общества. Она не может определяться лишь инструментальными, экономическими, прагматическими критериями.

В ее основу должны быть заложены четкие идеологические, а в более широком аспекте мировоззренческие принципы, ориентиры и ценности. Без них нет смыслов, объединяющих целей, невозможно определить средства их реализации. Именно они вырабатывают иммунитет к возникающим в обществе коллизиям и кризисам.

Представители теории деидеологизации исходили из того, что социальные слои, партии и идеологии могут конфликтовать, но над ними стоит хранитель безусловных и неоспоримых истин в виде голых фактов. Но сейчас очевидно, что такого хранителя нет, его роль можно украсть при помощи фейковых новостей. Запад отбраковывает информацию, которая не соответствует либерально-глобалистской доктрине. Цензура мысли актуальна, как и много десятилетий назад. Правда, современным западным конструктам легче удастся разрушать, нежели созидать, что и проявляется в упоминавшейся выше «культуре отмены» – неотъемлемой черте общества постмодерна. В этом обществе универсальные моральные ценности перестают существовать. Однако если нет четких моральных критериев, констант и контроля, то нет стабильности и порядка в обществе.

Все оправдано и имеет право на существование, любые идеи могут быть признаны истинными и принятыми обществом. Потребление стало идеологическим феноменом. В центре его – не человек-творец, а человек-потребитель. Идеология потребления стала своеобразным средством духовной власти над людьми. «Истина идеологии потребления закамуфлирована и заключается в том, что человек не является субъектом системы потребления, он объект индустриальной системы и, потребляя ее продукты, в реальности служит интересам системы, покоряется ей» [5, с. 118].

Современное общество не может успешно функционировать вне рамок определенной идеологии, нация не может существовать вне национальной идеи. Формирование национальной идеи белорусского общества как ядра государственной идеологии пока остается актуальной задачей обществоведов страны. Необходим такой вариант идеологии, который консолидировал бы общество, определял его образ в будущем, был принят (что очень важно народом). Национальная идея должна основываться на культурном наследовании народа, учете его самобытности, быть демифологизированной, способной конвертироваться в реальные формы жизнедеятельности людей. Ядром идеологии может быть, несомненно, идея патриотизма. Другой вопрос, что понимание патриотизма разнообразно и нуждается в идеологическом оформлении. В противном случае он вряд ли будет объединять нацию и останется лишь прекраснотушной идеей ни к чему не обязывающей. Человек-патриот – это индивид, способный защищать и отстаивать традиционные национальные ценности, ощущающий неразрывную связь с историей страны. И, безусловно, идеология государства должна быть направлена на защиту традиционных ценностей

и исторической памяти народа, которые являются важнейшим компонентом самой идеологии.

Составной частью идеологии является историческое сознание. Применение «исторического оружия» имеет не менее серьезные последствия, чем летального оружия. Удар по историческому сознанию разрушает память и дух народа. А отсюда – один шаг к его исчезновению в перспективе. Нацией без исторической памяти легче управлять и манипулировать. Историческое беспамятство не может не закончиться поражением. Прошлое так или иначе остается частью настоящего и не уходит бесследно в абсолютное небытие. Оно определяет идентичность каждого индивида и социума в целом. История – это не только политика, опрокинутая в прошлое. Ее толкование, определяемое идеологическими и политическими интересами субъектов интерпретации, формирует как настоящее, так и цели и средства достижения будущего. История и память о ней становятся мощным идеологическим оружием информационной войны, в ходе которой все чаще предпринимаются попытки переформатировать прошлое под себя.

В информационной войне, как известно, нет фронта и тыла. Она затрагивает каждого человека. Значительная часть современной молодежи находится в координатах ценностей, которые существенно отличаются от ценностей, которые были присущи предкам. Происходит разрыв поколений, ценностный разрыв. В последнее время наблюдается дрейф в сторону таких ценностей, как богатство, власть, самоутверждение. А вот ценности заботы о ближнем, человеколюбия, сострадания заметно им уступают. В этих условиях важную роль в формировании духовного мира современной молодежи призваны сыграть социально-гуманитарные дисциплины. Приобщаясь к установкам, выводам и положениям СГД, «человек приобретает качества, необходимые для осознанных и взвешенных решений, как в профессиональных, так и в обыденных жизненных вопросах. Приобретая полезный опыт, он становится зрелым, проявляет качества, присущие мудрости и адекватности в выводах, связанных с жизненными ценностями. Он не только культурен в общении, но еще владеет своими эмоциями, развивает свой кругозор, добивается личностного роста и улучшения взаимоотношений с окружающими людьми» [6, с. 38].

К сожалению, в давнем споре физиков и лириков в последнее время побеждают первые. Престиж социально-гуманитарных и педагогических дисциплин падает. Молодежь при поступлении в вузы отдает предпочтение специальностям, связанным с IT-технологиями. Однако такой технократический крен чреват существенными общественными издержками. Об этом свидетельствует опыт недавнего прошлого. Нельзя не отметить, что цикл социально-гуманитарных дисциплин в высшей школе находится в состоянии перманентного реформирования, которое не всегда, на наш взгляд, оправдано. Прежде всего, речь идет о сокращении объемов учебного времени, отводимого

на их изучение, а также дополнении урезанных основ фундаментальных наук спецкурсами, отражающими лишь их небольшую часть. В то же время структура данного цикла не всегда способствует формированию гражданской, нравственной и политической культуры, что весьма актуально в современных условиях. Основные дисциплины вводимого ныне социально-гуманитарного блока нужны. Это не обсуждается. Но очевидно и другое: нет прямо однозначного соответствия, к примеру, между философскими, историческими, политэкономическими знаниями и политическими позициями человека, его нравственной культурой. Однако этика и политология к разряду обязательных дисциплин не относятся, даже на педагогических специальностях, не говоря уже о естественнонаучных. Жизнь современного общества подбрасывает целый ряд проблем: каковы технология власти, механизм защиты прав человека, меньшинства, что есть демократия, свобода, каковы пределы политического плюрализма и государственного суверенитета. На эти вопросы молодой человек должен находить ответы в вузе. Политическое участие, способность к разумному выбору требуют специальных знаний. В противном случае вакуум заполняется «знаниями», мифами и стереотипами, почерпнутыми из интернета. Это тем более важно, что в вузовские аудитории приходит так называемое поколение Z, родившееся в информационном обществе. Оно чрезвычайно зависимо от цифровых технологий, обладает информацией, но часто не обладает пониманием сути общественных перемен. Речь в данном случае идет о клиповом мышлении, неспособном анализировать сущностные характеристики человеческого бытия. В этих условиях нельзя умалять роль социально-гуманитарного знания, которое является преградой для псевдоценностей, помогает молодому человеку отсеять зерна от плевел и найти свое место в современном динамичном мире.

Заключение. Преодоление рисков и угроз современных информационных технологий для духовной жизни общества, формирование у граждан иммунитета к манипуляционному воздействию возможно при координации усилий государственных органов, учебных и воспитательных учреждений, СМИ, общественных объединений. От реалий информационного общества нельзя уйти. Мир живет в них. Это объективная данность. Но их учет и использование не может противоречить традиционным национальным ценностям, которые будут оставаться основой будущего развития

общества. Диалог культур, социальный транзит неизбежен. Новые формы бытия приходят в жизнь социума в целом и каждого человека в отдельности. Вместе с тем они должны создаваться с учетом культурного кода народа. У культуры нет границ, но есть корни. Всякий нигилизм в их отношении приводит к духовной деградации, утрате жизненных смыслов и перспектив. Национальная культура во всех ее ипостасях – это «визитная карточка» страны, фактор ее имиджа и идентичности народа. Важно учитывать, что гей-парадами невозможно создать не только равенство биологической нормы, но и решить важнейшие проблемы социального равенства и справедливости. Только посредством взаимовыгодного сотрудничества, диалога культур и цивилизаций возможны своевременные и эффективные ответы на вызовы времени.

Литература

1. Кривоносова, Е.Э. Грани исторической ответственности [Электронный ресурс] / Е.Э. Кривоносова, Э.И. Рудковский // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сб. науч. ст. – Витебск, 2017. – Т. 24. – С. 85–90. – Режим доступа: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/13218>. – Дата доступа: 29.08.2021.
2. Сулейманова, Ш.С. Информационные войны: история и современность: учеб. пособие / Ш.С. Сулейманова, Е.А. Назарова. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2017. – 124 с.
3. Ядов, В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности / В.А. Ядов // Методологические проблемы социальной психологии: сб. ст. / отв. ред. Е.В. Шорохова. – М.: Наука, 1975. – 295 с.
4. Дежнев, В.Н. Традиционные ценности: к определению понятия [Электронный ресурс] / В.Н. Дежнев, О.В. Новикова // Вестн. Шадринского гос. пед. ин-та. – 2015. – № 4(28). – С. 71–74. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-tsennosti-k-opredeleniyu-ponyatiya>. – Дата доступа: 20.08.2021.
5. Кобалева, Э.А. Идеология потребления в духовной жизни современного общества [Электронный ресурс] / Э.А. Кобалева, З.Ч. Схалыхо // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 1(75). – С. 115–118. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-potrebleniya-v-duhovnoy-zhizni-sovremennogo-obschestva/viewer>. – Дата доступа: 20.08.2021.
6. Мукин, В.А. Жизненные ценности, формируемые в университетском пространстве / В.А. Мукин // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2017. – № 36. – С. 36–40.

Поступила в редакцию 28.09.2021

Концептуальные основания теории государственности в новоевропейской философии

Воробьева С.В.

Учреждение образования «Белорусский государственный университет», Минск

Актуальность теории государственности, разработанной в новоевропейской философии, обусловлена ее концептуальными основаниями.

Цель статьи – выявить данные основания и раскрыть их семантические и прагматические аспекты.

Материал и методы. Материалом выступили работы Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо. В качестве научных методов использовались историко-логическая реконструкция и системно-генетический анализ.

Результаты и их обсуждение. Концептуальные основания теории государственности выявлены по линии Гоббс – Локк – Руссо. Раскрыты их семантические и прагматические аспекты, вытекающие из антропологической действительности государственности. Определен состав понятийно-категориального аппарата, установлены сходства и различия в социальной семантике и прагматике государственности. Намечены пути приложения методологической эвристики в современных исследованиях государственности.

Заключение. Семантические аспекты концептуальных оснований государственности раскрываются в системе онтологических допущений относительно естественных и гражданских состояний и прав. Прагматические аспекты – исходя из контекстуальной зависимости разработанного понятийно-категориального инструментария, применимого в современной аналитике государственности.

Ключевые слова: теория государственности, Гоббс, Локк, Руссо, естественное состояние и право, гражданское состояние, гражданские права, общественный договор, антропологическая действительность.

(Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 90–94)

Conceptual Foundations of the Theory of Statehood in Modern European Philosophy

Vorobyova S.V.

Education Establishment "Belarusian State University", Minsk

The relevance of the theory of statehood, developed in modern European philosophy, is due to its conceptual foundations.

The purpose of the article is to identify these grounds and reveal their semantic and pragmatic aspects.

Material and methods. The material was the work of T. Hobbes, J. Locke and Jean-Jacques Rousseau. Historical and logical reconstruction and systemic genetic analysis were used as scientific methods.

Findings and their discussion. The conceptual foundations of the theory of statehood are revealed along the Hobbes – Locke – Rousseau line. Their semantic and pragmatic aspects were revealed which arise from the anthropological reality of statehood. The composition of the concept and category apparatus has been determined, the similarities and differences in the social semantics and pragmatics of statehood have been established. The ways of applying methodological heuristics in modern research of statehood are outlined.

Conclusion. The semantic aspects of the conceptual foundations of statehood are revealed in the system of ontological assumptions regarding natural and civil states and rights. The pragmatic aspects are revealed based on the contextual dependence of the developed concept and category toolkit, applicable in modern analytics of statehood.

Key words: theory of statehood, Hobbes, Locke, Russo, natural state and law, civil status, civil rights, social contract, anthropological reality.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 90–94)

Актуальность теории государственности, разработанной в новоевропейской философии [1–4], обусловлена значимостью ее методологической эвристики. Она связана именно с концептуальными основаниями данной теории, которые выступают неотъемлемыми факторами построения динамиче-

ских моделей понимания и объяснения в современных социально-гуманитарных и политико-правовых исследованиях [5–11].

Цель статьи заключается в выявлении концептуальных оснований указанной теории и раскрытии их семантических и прагматических аспектов.

Материал и методы. Материалом выступили работы «Левиафан» Т. Гоббса (1651) [1], «Два трактата о правлении» Дж. Локка (1689) [2], «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» и «Об общественном договоре, или Принципы политического права» Ж.-Ж. Руссо (1755, 1762) [3; 4]. В качестве научных методов были использованы историко-логическая реконструкция, позволяющая установить и раскрыть исходные смыслы государственности и их прагматическое значение, и системно-генетический анализ, обеспечивающий преемственность идей в рамках относительно целостного становления концептуальных оснований теории государственности.

Результаты и их обсуждение. Теорию государственности, разработанную в новоевропейской философии [1–4], отличает ее номиналистическая методологическая платформа. Она имеет свои концептуальные рамки, определяющие точки входа в смысловое поле проблемы государственности, и концептуальный инструментарий, ориентирующий в организации научных исследований и построении необходимой аргументации. К таким концептуальным основаниям следует отнести идеи естественного состояния, права и закона, естественной и гражданской свободы, общественного договора, подчинения, принуждения, ассоциации, раскрывающих антропологическую действительность, на основе которых стало возможным теоретическое осмысление государственности в контексте договорной доктрины происхождения государства.

Т. Гоббс определяет естественное состояние как «состояние войны всех против всех». Люди пребывают в нем, пока «живут без общей силы, которая держит их всех в страхе» [1, с. 48]. Такой силой должно стать государство, которое в условиях «естественной войны» возможно только на общественном договоре подчинения. Т. Гоббс, не различая подчинение и ассоциацию (взаимное согласие), связывает единственно возможный способ объединиться с подчинением третьей стороне. Подчинение «воле и суждению носителя общего лица» является чем-то большим, «нежели согласие или единодушие. Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим» [1, с. 132–133].

Принципы договорной доктрины Т. Гоббс выводит из определений естественного права и закона. Естественное право – это «свобода всякого человека использовать собственные силы по своему усмотрению для сохранения собственной природы» и свобода «делать все то, что, по его суждению, является наиболее подходящим для этого». Естественный закон – «предписание, или найденное разумом общее правило», запрещающее делать то, что пагубно для человеческой жизни и пренебрегать тем, что считается наилучшим средством для ее сохранения [1, с. 49]. Проводя различие между законом и правом, он указывает на «несовместимость в отношении одной и той же вещи» обязательств и свободы [1, с. 50]. Это означает, что реализм закона и обязательств Т. Гоббс дополнил номинализмом естественного права и свободы, коррелятом которого выступает утилитарная рациональность, сочетающая

разумность и заинтересованность. Способность к такой рациональности становится ключевой предпосылкой гражданского общества, но только в случае, если расчетливость сопровождается определением лучшего для общего блага наибольшего числа индивидов.

«Война всех против всех» и «Левиафан» – эти выражения стали «личными знаками Гоббса» и нарицательными именами [7, с. 79]. Наричательные аспекты их содержания составляют концепт государства-суверена с подданными. «Государство есть единое лицо», носителем которого выступает суверен. «Путем взаимного договора между собой огромное множество людей» приняло на себя ответственность за действия суверена. Такое государство является политическим, так как оно строится на «добровольном соглашении людей подчиниться человеку или собранию людей», чтобы они защитили их «против всех других» [1, с. 68].

Статус подданного раскрывается Т. Гоббсом посредством неизбежных в таких двойственных ситуациях антиномий. В одном ракурсе индивид должен подчиниться всем требованиям и законам со стороны государства, следуя разуму, который направляет к мирному существованию, в другом, – не исключается его автономия, так как разум действует в своей личной сфере, следуя собственному ходу мыслей. Но свойство абсолютной независимости Т. Гоббс приписывает лишь власти, но не разуму. Когда люди начинают дискутировать по поводу власти не по закону, а по их собственному сознанию, государство размывается. Становясь «судьями добра и зла, люди возвращаются к естественному состоянию» [1, с. 131].

Дж. Локку, в отличие от Т. Гоббса как человека времени политического хаоса, легче принять морально-гуманистические аспекты действительности и включить их в свое прагматическое аргументирование государственности. Поэтому он делает подчинение взаимным, раскрывая его социальный смысл как взаимное согласие. Неизбежность антиномии такого согласия подтверждается двумя формами естественного состояния, составляющими источник политической власти. Первое состояние – «полная свобода» людей «в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не испрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли». Второе – «природное равенство людей» и «состояние равенства, при котором вся власть и вся юрисдикция являются взаимными», т.е. «никто не имеет больше другого» [2, с. 262]. Из антиномии вытекает необходимость организованного элемента принуждения к уравниванию состояний, т.е. к соблюдению естественных прав свободы и равенства людей путем заключения общественного договора. При этом происходит не отчуждение естественных прав, а их простой залог.

Общественный договор как фактор государственности Дж. Локк обосновывает в контексте идеи перехода от естественной свободы, не связанной ничем, «кроме закона природы», к «свободе человека в обществе» [2, с. 274], производной от гражданского правления, состояния гражданства и гражданских законов

[2, с. 268, 271, 293]. Именно такое договорное объединение в общество с целью «составить один народ, одно политическое тело» переносит людей «из естественного состояния в государство» [2, с. 311]. Суть «первоначального договора» состоит в согласии каждого человека образовать вместе с другими «единый политический организм, подвластный одному правительству», и принять «на себя обязательство подчиняться решению большинства и считать его окончательным» [2, с. 317], ограничивая свою естественную свободу. В противоречащих ситуациях, если человек не связывает себя никакими иными узами, кроме уз естественного состояния, или связывает себя с постановлениями общества только тогда, когда ему это выгодно, — он остается в естественном состоянии, следовательно, может согласиться на любые подходящие для него действия [2, с. 317].

Свобода человека «в условиях существования системы правления» становится жизнью «в соответствии с постоянным законом, общим для каждого в этом обществе» [2, с. 273], подчинением законодательной власти, «которая установлена по согласию в государстве». Границами свободы становятся законы, установленные «законодательным органом в соответствии с оказанным ему доверием». Отсюда «свобода следовать своему собственному желанию» распространяется на все случаи, «когда этого не запрещает закон», и, напротив, несвободным становится человек, зависимый «от непостоянной, неопределенной, неизвестной самовластной воли другого человека» [2, с. 274].

Политическую власть Дж. Локк определяет как «право создавать законы», отличающиеся мерой строгости наказания, и «применять силу сообщества для исполнения этих законов и для защиты государства от нападения извне <...> ради общественного блага» [2, с. 262]. Справедливость «действующих законов государств» он соотносит с законом природы, «посредством которого они должны регулироваться и истолковываться» [2, с. 267]. Такое предостерегающее сотнесение в теме государственности Дж. Локк выводит из своих изысканий в области «человеческого разума», констатируя, что легче понять разум, чем «причуды и запутанные измышления людей», которые преследуют «противоречивые и скрытые интересы, облеченные в слова» [2, с. 267]. Поэтому он умозаключает: следование закону природы, следовательно, божьей воле, выступает вечным руководством для всех людей, включая законодателей [2, с. 340].

В прагматической аргументации Ж.-Ж. Руссо естественное состояние соотносится с неравенством людей, влияющим на границы естественной свободы [3, с. 70], и с гражданским состоянием, или моральной свободой, делающей человека «действительным хозяином самому себе» посредством избегания рабства «поступать лишь под воздействием своего желания» [4, с. 212–213]. Ценность гражданского состояния обретается при условии замены инстинкта в человеческом поведении на чувство справедливости, придающее действиям «нравственный характер» и вынуждающее «советоваться с разумом, прежде чем следовать своим склонностям» [4, с. 212].

Ж.-Ж. Руссо выражает беспокойство по поводу заблуждений, которые свойственны этому новому, т.е. гражданскому, состоянию. Вместо принятия его преимуществ, заблуждения низводят человека «до состояния еще более низкого чем то, из которого он вышел» [4, с. 212]. Пребывание в нем означает неумение совладать с собой, т.е. избегание свободы, которое напрямую связано у Ж.-Ж. Руссо с решением антиномии, возникающей между двумя стремлениями, выраженными им предикатами «быть сильным» и «быть зависимым». При естественном состоянии свойства, описываемые этими предикатами, исключают друг друга, так как, согласно его аргументу, «человек слаб, когда он зависим, но он освобождается от зависимости прежде еще, чем становится сильным». Ж.-Ж. Руссо указывает на упущение Т. Гоббса, не разглядевшего причину, «которая мешает дикарям использовать свой ум, как утверждают наши юристы», но «в то же время мешает им злоупотреблять своими способностями, как утверждает он сам» [3, с. 95]. Это означает, что в одном ракурсе слабость человека обусловлена неспособностью к использованию собственного ума, выводимого из его зависимости от собственных чувств или внешних обстоятельств, в другом — чтобы развить такую способность необходимо освободиться от подобной зависимости.

На основе такой социальной семантики Ж.-Ж. Руссо осуществляет легитимацию государственности, вводя прагматические доводы, связанные с общественным соглашением, «актом ассоциации» и «принуждением к свободе», и заменяя Левиафана Т. Гоббса другими метафорами: биологическими — «политический организм», «политическое тело», и механистическими — «политическая машина». Общественное соглашение становится неизбежным, «когда силы, препятствующие <...> оставаться в естественном состоянии, превосходят в своем противодействии силы, которые каждый индивидуум может пустить в ход, чтобы удержаться в этом состоянии» [4, с. 207]. Оно сводится к тому, что каждый «ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы», в результате чего «вместо отдельных лиц, вступающих в договорные отношения, этот акт ассоциации создает условное коллективное Целое». Такой политический организм именуется «Государством, когда он пассивен, Сувереном, когда он активен, Державою — при его сопоставлении с подобными ему» организмами [4, с. 208–209].

Поиск формы ассоциации является основной задачей общественного договора. Форма должна быть такой, чтобы каждый, соединяясь со всеми, подчинялся бы только самому себе и оставался бы «столь же свободным, как и прежде» Но вследствие того, люди цивилизовались, они не умеют повиноваться самим себе, становясь тиранами самих себя и природы [4, с. 207]. Поэтому общественное соглашение, чтобы не стать пустой формальностью, «молчаливо включает в себя обязательство», способное «дать силу другим обязательствам». Оно заключается в том, что «если кто-либо откажется подчиниться общей воле, то он будет к этому принужден всем Организмом, а это означает не

что иное, как то, что его силою принудят быть свободным». Подобное «принуждение к свободе» вытекает из условия, «которое подчиняя каждого гражданина отечеству», таким способом «ограждает его от всякой личной зависимости». Именно в «принуждении к свободе», по Ж.-Ж. Руссо, заключается «секрет и движательная сила политической машины» [4, с. 211].

Становление концептуальных оснований теории государственности именно по линии Гоббс – Локк – Руссо задают дополнительные векторы ее разработки с учетом современных реалий. Данные основания воспроизводят логику понимания общественного порядка и факторы исторической динамики социально-политической реальности XVII–XVIII вв. Диахроническая историко-генетическая презентация таких факторов важна ретроспекцией. Поэтому в такой презентации должны быть различимы историко-логические и системно-генетические подходы. Историко-логическая реконструкция концептуальных оснований теории государственности, разработанной Т. Гоббсом, Дж. Локком и Ж.-Ж. Руссо, показывает, что их усилиями исследуемый объект стал мыслимым с позиции построения характеристик антропологической действительности. В государственности как мыслимом объекте были разграничены социальная семантика, направленная на построение характеристик посредством набора признаков, присущих теоретическим конструктам, и социальная прагматика как сфера коррелятов в самой антропологической действительности. Системно-генетическая реконструкция демонстрирует абсолютность и относительность методологических границ в исследовании государственности в новоевропейской философии.

Концептуально линия Гоббс – Локк раскрывает двойственный контекст соотношения естественного состояния и государственного управления. Т. Гоббс выводит необходимость власти из негативных аспектов естественного состояния, Дж. Локк исходит из приоритета естественного состояния по отношению к монархической власти. Разработка Т. Гоббсом концептуальных оснований теории государственности стала по существу рождением политической философии, или философии власти. Развивая идею естественного состояния как коррелята естественного закона, он преодолел доктрину божественного происхождения власти концепцией надлежащей формы правления. При такой форме правления становится возможным устранение пороков, связанных с естественным состоянием, совершенство которого Т. Гоббс связывает с гражданским обществом и его приоритетом по отношению к индивиду. По этой причине первичны обязанности, а не права. Их соблюдение служит, в частности, основой достоинства – «общественной ценности человека», или «цены, которая дается ему государством» [1, с. 33].

Дж. Локк, как и Т. Гоббс, убежден, что в естественном состоянии индивид действует так, как считает нужным. Но если Т. Гоббс отождествляет естественное и дикарское состояния, то Дж. Локк, не выступая его критиком, фокусирует внимание на другой точке входа в проблему государственности. Он исходит из необходимости сохранения мира. Не замечая «естество

войны», Дж. Локк отождествляет естественное состояние с естественным правом. Находясь в естественном состоянии, предшествующем всем обязанностям, человек способен управлять собой и своим имуществом, что предустановленно природной гармонией как «совершенной нравственностью». Она присуща естественной конституции человека, вследствие чего нет надобности в разграничении естественного и гражданского состояния. Нужно лишь познать это социальное совершенство действенным образом, так как именно действия являются лучшими истолкователями мыслей.

С необходимостью таких истолкований Дж. Локк связывает исправления неудобств естественного состояния, которые становятся возможными без подчинения вышестоящему лицу, но их условием выступает знание законов гражданского общества, что невозможно без культивирования разума. Оспаривая идею Т. Гоббса о неделимости власти в этом аспекте, Дж. Локк превосходит его утилитаризм и расчетливость в характеристиках общественного договора и добавляет в свою аргументацию гуманистические соображения, связанные с решением моральных вопросов [7]. Такой подход Дж. Локка интересен в качестве «методологического потенциала системного моделирования аргументации в исследовании духовного мира человека», позволяя, в частности, дифференцировать моральные и политические доводы на основе их психолого-антропологических предпосылок [11, с. 202–203], что становится особенно очевидным у Ж.-Ж. Руссо.

Линия Локк – Руссо раскрывает двойственный контекст интерпретации естественного и гражданского состояния. В отличие от Дж. Локка Ж.-Ж. Руссо знаменует начало кризиса естественного права. Строго разграничивая естественное и гражданское состояние, он обосновывает необходимость перехода от естественного права к праву позитивному, которое возникает с появлением государства. Аргументируя неизбежность государственности, Ж.-Ж. Руссо конструирует историческое и каузальное объяснение гражданского общества. Основу первого объяснения, представленного в работе «О происхождении неравенства», составило обоснование деградации естественного состояния [3]. Основу второго, изложенного в «Общественном договоре» [4], – обоснование идеи позитивного права, заключающегося в том, что законы, в соответствии с которыми возникает и существует общество, могут быть разработаны только законодателем, но не могут стать результатом совместной деятельности всех людей. Они могут лишь принять законы, проявив общую волю, и не ставить себя выше закона [3, с. 54], так как «там, где прекращается власть законов и сила защитников их, там ни для кого не может быть ни безопасности, ни свободы» [3, с. 59].

Ж.-Ж. Руссо также как и Дж. Локк связывает «преимущества и неудобства всякого Правления» с «правами естественного состояния» [3, с. 135], но более последовательно и аргументировано проводит эту идею в контексте государственности, связывая ее с позитивным правом. Он утверждает, что «неравенство личностей, вводимое только одним позитивным правом»,

всегда будет вступать в противоречие с естественным правом, если «этот вид неравенства не соединяется в таком же отношении с неравенством физическим». Ж.-Ж. Руссо приводит иллюстрации явных противоречий естественному закону, апеллируя к антропологической действительности, когда, например, дитя по-велевает старцем, глупец – мудрым человеком и когда горстка людей утопает в излишествах, а «голодная масса лишена необходимого» [3, с. 139].

Зафиксированный Ж.-Ж. Руссо разрыв между естественной человеческой сущностью и цивилизованными проявлениями стал отличительной чертой идентификационных механизмов и цивилизационного развития в современном глобальном мире [5; 9]. В частности, прослеживая историю «медленного общего развития» от состояния естественного к состоянию гражданскому, можно, согласно Ж.-Ж. Руссо, увидеть «решение бесконечного множества проблем моральных и политических, которые не могут решить наши философы» [3, с. 137]. Они не способны, например, совместить две мысли, каким образом с одной стороны в человеке постепенно исчезает изначальное, данное природой, с другой – общество становится лишь «скоплением искусственных людей и притворных страстей, которые суть продукт этих новых отношений и не имеют никакого действительного основания в природе». Сравнивая дикаря и цивилизованного человека, Ж.-Ж. Руссо подчеркивает их радикальное отличие, заключающееся в том, что «высшее счастье одного повергло бы другого в отчаянье». Если дикарь «жаждет лишь покоя и свободы», «хочет лишь жить и оставаться праздным», то гражданин как цивилизованный человек всегда деятелен, работает в поте лица, «терзает самого себя, стремясь найти занятия, еще более многотрудные» [3, с. 138].

Поучительный характер своей «предположительной истории правлений», подразумевающей раскрытие «истинных оснований политического организма», Ж.-Ж. Руссо аргументирует сослагательными аргументами, предполагающими, что бы стало, если бы человек был предоставлен сам себе, остался без исправления человеческих установлений, без предупреждения беспорядков и предотвращения «довершения бедствий» [3, с. 69–70]. Но этого не случилось вследствие движения политического организма, начинающегося с общественного договора, согласно которому «все граждане равны», значит, «все могут предписывать то, что все должны делать, но никто не имеет права требовать, чтобы другой сделал то, чего он не делает сам» [3, с. 283]. Прочувствованные Ж.-Ж. Руссо «подспудные движения истории» и ее вызовы приблизили его к раскрытию условий легитимации власти, вряд ли требующие исправления [10, с. 194]. Поэтому раскрытые концептуальные основания могут послужить дополнением методологических основ изучения современной белорусской государственности [6] и нормативно-ценностных оснований государственности в целом в условиях кризиса и глобальной нестабильности [8].

Заключение. Подводя итоги исследования, необходимо констатировать, что, во-первых, искомые концептуальные основания сопряжены с установлением

функциональных рамок смысловых значений, предопределяющих теорию государственности, разработанную Т. Гоббсом, Дж. Локком и Ж.-Ж. Руссо. Данные семантические рамки представляют собой относительно устойчивую систему обобщений, связанную с онтологическими допущениями относительно естественных и гражданских состояний и прав, в пределах которых выстраивается договорная доктрина государственности в новоевропейской философии. Во-вторых, концептуальные основания включают прагматические значения понятийно-категориального инструментария, обусловленные ситуацией или контекстом, вследствие чего становятся объяснимыми различия в подходах новоевропейских философов. Эти различия касаются изменений во взглядах на роль государства и вытекают из исторических контекстов политического хаоса Т. Гоббса, Реставрации Дж. Локка и просветительского пафоса Ж.-Ж. Руссо, следовательно, исходя из трансформаций антропологической действительности, фиксируют разные точки входа в проблему государственности.

Литература

1. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства и церковного и гражданского / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 2001. – 478 с.
2. Локк, Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк // Сочинения: в 3 т. – М.: Мысль, 1985. – Т. 3. – С. 137–405.
3. Руссо, Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми / Ж.-Ж. Руссо // Об общественном договоре. Трактаты: пер. с фр. – М.: КАНОН-пресс, «Кучково поле», 1998. – С. 51–150.
4. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права / Ж.-Ж. Руссо // Об общественном договоре. Трактаты: пер. с фр. – М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. – С. 195–322.
5. Воробьева, С.В. Кросс-культурные основания тенденций цивилизационного развития / С.В. Воробьева, А.А. Легчилин // Журн. Белорус. гос. ун-та. – Философия. Психология. – 2018. – № 2. – С. 17–22.
6. Гигин, В.Ф. Методологические основы изучения современной белорусской государственности / В.Ф. Гигин // Образование в современном мире: горизонты и перспективы: сб. науч. ст. – Изд-во «ЮрСаПринт», 2018. – С. 180–188.
7. Длугач, Т.Б. От Левиафана к гражданскому обществу / Т.Б. Длугач // Историко-философский ежегодник. – 2020. – Т. 35. – С. 77–100.
8. Колядко, И.Н. Ценностно-нормативные основания социокультурного развития современных обществ в условиях кризиса и глобальной нестабильности / И.Н. Колядко // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сб. науч. ст. – Витебск, 2017. – Т. 24. – С. 104–111.
9. Легчилин, А. Кросс-культурні моделі цивілізаційної ідентичності / А. Легчилин, С. Воробйова // Українська поліоністика. – 2020. – Вип. 17. – Філософські дослідження. – С. 40–49. DOI 10.35433/2220-4555.17.2020. phyl-1
10. Мотрошилова, Н.В. Удивительная актуальность идей Руссо и «Le Contrat Social» / Н.В. Мотрошилова // Историко-философский ежегодник. – 2013. – № 2012. – С. 191–224.
11. Сарычева, А.В. Методологический потенциал системного моделирования аргументации в исследовании духовного мира человека / А.В. Сарычева // Интеллектуальная культура Беларуси: духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития: материалы V Междунар. науч. конф., Минск, 19–20 нояб. 2020 г.: в 3 т. – Минск: Четыре четверти, 2020. – Т. 1. – С. 202–205.

Поступила в редакцию 20.09.2021

Аргументация КАК ЛОГИКО-КОММУНИКАТИВНАЯ ПРОЦЕДУРА

Орлов В.И.

Учреждение образования «Витебская ордена «Знак Почета»
государственная академия ветеринарной медицины», Витебск

Аргументация как логико-коммуникативный феномен пронизывает большинство сфер человеческой жизнедеятельности, особенно межличностные отношения.

Цель статьи – раскрытие роли аргументации в человеческой деятельности, развитие широкого понимания аргументации как логико-гносеологической процедуры.

Материал и методы. Теоретической основой данной работы являются труды бельгийских философов Х. Перельмана, Л. Олбрехт-Тытеки и британского философа С. Тулмина. Используются методы идеализации, единства исторического и логического.

Результаты и их обсуждение. Особое внимание уделяется коммуникативной природе аргументации и ее связи с убеждением. Аргументация, с одной стороны, и убеждение, обоснование, с другой, – не тождественны, несмотря на то, что в реальном процессе аргументации семантико-логический и коммуникативно-прагматический аспекты тесно связаны друг с другом. В аргументации решается задача не только убедить адресата, но и продемонстрировать убедительность самой аргументации.

Заключение. В ходе исследования выяснилось, что с помощью аргументации можно перестраивать структуры человеческого сознания, вводя в него новые элементы. Условием правильного истолкования сути аргументации является ее понимание как диалога.

Ключевые слова: аргументация, диалог, доказательство, обоснование, убеждение.

(Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 95–101)

Argumentation as a Logical and Communicative Procedure

Orlov V.I.

“Vitebsk State Order of Badge of Honor Academy of Veterinary Medicine”, Vitebsk

Argumentation, as a logical and communicative phenomenon, permeates most spheres of human life, especially interpersonal relations.

The purpose of the article is to reveal the role of argumentation in human activity, to develop a broad understanding of argumentation as a logical and epistemological procedure.

Materials and methods. The theoretical basis is the works of Belgian philosophers X. Perelman and L. Olbrecht-Tyteck and the British philosopher S. Toulmin. The methods of idealization, the unity of the historical and logical are used.

Findings and their discussion. Special attention is paid to the communicative nature of argumentation and its connection with persuasion. Argumentation, on the one hand, and persuasion, justification, on the other, are not identical, despite the fact that in the real process of argumentation, the semantic-logical and communicative-pragmatic aspects are closely related to each other. In argumentation, the task is solved not only to convince the addressee, but also to demonstrate the persuasiveness of the argument itself.

Conclusion. In the course of the study, it turned out that with the help of argumentation, it is possible to rebuild the structures of human consciousness, introducing new elements into it. The condition for the correct interpretation of the essence of the argument is its understanding as a dialogue.

Key words: argumentation, dialogue, proof, justification, persuasion.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 95–101)

Аргументация как логико-коммуникативный феномен пронизывает большинство сфер человеческой жизнедеятельности, особенно межличностные отношения. Роль аргументации как социальной, вербальной, интеллектуальной деятельности людей, способа существования человека в современном развивающемся мире значительно возрастает как в политической и духовной жизни общества, так и в реше-

нии глобальных проблем современности. Завоевывая все более широкое признание в философской литературе, теория аргументации оказывается необходимой для осмысления коммуникативных характеристик человеческой деятельности вообще, в том числе и хозяйственной.

Цель статьи – раскрытие роли аргументации в человеческой деятельности, развитие широкого понимания аргументации как логико-гносеологической процедуры.

Материал и методы. Теоретической основой данной работы являются труды бельгийских философов Х. Перельмана и Л. Олбрехт-Тытеки и британского философа С. Тулмина, которые сумели привлечь в конце 50-х годов XX века внимание научного сообщества к проблемам аргументации. Теоретические исследования аргументации были осуществлены Нэссом и Крошей-Вильямсом. Отечественные ученые обратились к проблемам аргументации в 80-х годах после появления монографии о философии аргументации Г.А. Брутяна. В девяностые годы появились монографии Е.С. Акопджян, А.П. Алексеева, В.И. Курбатова, Я.С. Яскевич, В.И. Чуешова о разных типах аргументации. В создание теории аргументации определенный вклад внесли В.Ф. Берков, А.А. Ивин, М.А. Слемнев и др. Использованы методы идеализации, единства исторического и логического.

Результаты и их обсуждение. Термин «аргументация» – один из наиболее многозначных в логико-философской литературе. Дело в том, что исследование аргументации является междисциплинарной проблемой, привлекающей к себе внимание ученых самых различных специальностей. Специалисты по логике, как правило, под аргументацией понимают термин, совпадающий по объему и содержанию с термином «доказательство». Прямо противоположной точки зрения придерживается Х. Перельман. Он считает, что доказательство и аргументация не совместимы друг с другом. По его мнению, доказательство имеет вынужденный, механический, безличный характер, а аргументация – это всегда столкновение умов, это коммуникативный процесс [1]. Промежуточную позицию между этими крайними точками зрения занимает Г.А. Брутян. Доказательство, по его мнению, представляет собой логическую основу аргументации. «Всякая корректная аргументация, – пишет он, – включает в себя доказательство как обязательный, причем основной, элемент. Однако, наличие доказывания является необходимым, но не достаточным условием для осуществления аргументации. Здесь к доказыванию присовокупляется также и убеждение» [2].

Важно подчеркнуть, что в свою очередь термин «доказательство» в современной литературе также применяется как в узком, так и в широком смысле слова. В первом случае под ним понимается строго дедуктивное доказательство, то есть процесс выявления (вывода) истинности некоторого суждения из совокупности других истинных суждений, осуществленный с помощью логически правильных форм умозаключений. «В своей современной форме, – считает Х. Перельман, – доказательство есть вычисление, совершаемое в соответствии с заранее установленными правилами. При этом не допускается обращения к какой-либо иной очевидности или интуиции. Единственное требование – способность различать знаки и осуществлять операции в соответствии с правилами. Доказательство оценивается как правильное или неправильное в зависимости от того, соответствует оно правилам или нет» [1].

В современном философском лексиконе понятие аргументации, взятое в логико-гносеологическом аспекте, связывается с поиском истинности (вероятности) тех или иных суждений. Вместе с тем в современной философской теории аргументации последняя рассматривается более широко, чем только логико-гносеологическая процедура. Как отмечает Я.С. Яскевич, аргументация представляет собой «...логико-коммуникативный процесс, служащий обоснованию определенной точки зрения с целью ее понимания и (или) принятия индивидуальным или коллективным реципиентом. Как всякий языковой феномен, процедура аргументации связана с соответствующими логическими формами. Подобно тому, как слову (словосочетанию) соответствует понятие, а предложению суждение, аргументации соответствует обоснование» [3].

В дальнейшем под аргументацией будем понимать не только логико-гносеологическую, но и логико-коммуникативную процедуру, обеспечивающую и доказательство (в широком смысле этого слова) истинности (вероятности) некоторых суждений, и убеждение в их истинности (вероятности). При этом доказательство может быть логически безупречным, но не убеждать некоторых слушателей, и, наоборот, для части людей убедительным будет считаться какое-либо доказательство, совершенное с грубым нарушением правил логического вывода. Аргументация связана также с обоснованием необходимости совершения (отказа) от тех или иных действий, подтверждением их возможности, важности и т.д. Таким образом, на наш взгляд, термины «аргументация» и «убеждение» относятся между собой по объему как менее общее и более общее понятия, то есть любая аргументация является убеждением, но не всякое убеждение носит аргументационный характер. Так, например, ребенка можно убедить не дотрагиваться до электроприбора, соединив слова, повествующие о не безопасности данной операции с некоторыми действиями (можно, например, показать ему мультфильм или хорошо иллюстрированную книжку о том, что может случиться, если ребенок будет играть с опасными предметами быта). Точно так же относятся между собой термины «аргументация» и «обоснование».

Термины же «аргументация» и «доказательство» вообще не являются пересекающимися по объему терминами. Любое доказательство еще не есть аргументация. Оно лишь часть целого. То есть подобно тому, как голова является частью человека, точно так же и доказательство есть лишь необходимая часть всякой аргументации. Если же доказательство понимать так, как это принято в формальной логике, то оно может и не являться частью аргументации.

В реальном процессе аргументации семантико-логический и коммуникативно-прагматический аспекты настолько тесно взаимосвязаны друг с другом, что их разделение является достаточно условным. Действительно, даже если кто-либо понимает термин «аргументация» в наиболее узком смысле слова – как процесс

строго дедуктивного доказательства, он все равно имеет дело не просто с логической, а с логико-коммуникативной процедурой. Рассмотрим под этим углом зрения использование Аристотелем логической структуры категорического силлогизма. Называя последний аргументацией, можно считать, что роль аргументов в ней выполняют посылки, роль тезиса – заключение (вывод).

С формально-логической точки зрения можно утверждать, что силлогизм служит не *доказательству* истинности некоторого суждения, а *поиску* истинных суждений. Однако древнегреческие философы использовали силлогизмы и в том случае, когда никто из спорящих не *сомневался* в истинности высказанных суждений, но просто хотел найти логическое обоснование (доказательство) их истинности. Можно согласиться с теми историками логики, которые полагают, что именно для этой, последней цели и использовал категорический силлогизм сам Аристотель. Силлогизм, следовательно, как средство доказательства (аргументации в узком смысле) уже является коммуникативной процедурой.

Описывая силлогизм, Аристотель решал важную коммуникативную задачу: поиск таких правил вывода, которые бы принимались большинством людей, являясь для них вполне очевидными и ясными. Деятельность по согласованию человеческих убеждений, знаний о логической взаимосвязи одних суждений с другими и есть не просто логическая, но и логико-коммуникативная (прагматическая) процедура. Чем больше будет объем термина «аргументация», тем больше его коммуникативных аспектов будет вовлекаться в орбиту его значения. Уже Аристотель прекрасно понимал это. Он отмечал: «Что касается способов убеждения, доставляемых речью, то их три вида: одни из них находятся в зависимости от характера говорящего, другие от того или другого настроения слушателя, третьи – от самой речи. Эти последние заключаются в действительном или кажущемся доказывании» [4].

Как метод воздействия аргументация отличается от приказа обязательным присутствием в ней рассуждений. Под рассуждениями мы будем понимать такую подсистему целостной системы мышления субъекта, благодаря которой происходит процесс перехода от одной мысли к другой, осуществляемый в осознанной субъектом форме. Желаемым результатом рассуждения является некое изменение в системе знаний (информативно-гносеологический аспект), убеждений (мировоззренческий аспект), деятельностных установок адресата (прагматико-аксиологический аспект). Рассуждение оказывается стержнем любой аргументации. В ней рассуждение является неким аналогом доказывания (доказательства). Сущность рассуждения состоит в планомерном преобразовании понятийных структур мышления некоторого субъекта. А любое преобразование включает в себя процесс обоснования либо нового, либо того, что до сих пор считалось сомнительным. В формальной логике выделяется принцип «достаточного основания»:

«А истинно потому, что для него существует достаточное основание В». Объективно существующая в мире универсальная зависимость объектов должна привести нас к выводу о том, что все имеет свое основание. Великий немецкий философ Г. Лейбниц сформулировал закон достаточного основания в качестве универсального закона: «А эта аксиома, что ничего не бывает без основания, должна считаться одной из самых важных и плодотворных аксиом во всем человеческом познании» [5].

В реальной практике процесс обоснования носит не только объективный, но и субъективный характер. Так, например, В. Греннэн, считает, что при оценке истинности посылок человек в качестве трех основных источников знаний использует личный жизненный опыт, целенаправленное наблюдение, свидетельство авторитетов [6]. Очевидно, что все три источника имеют ограниченный индивидуальный характер. Знания же, лежащие вне этих источников, не могут восприниматься реципиентом в качестве оснований. Вот почему одной из первых задач аргументатора является определение той области знаний, в которой он будет вести поиск обоснований, приемлемых именно для данного субъекта аргументации. Наибольший интерес в этом плане представляет аргументация, в которой обоснование некоторого утверждения лежит вне содержания данного утверждения. Убедительность такой аргументации зависит от умения отправителя апеллировать к общим местам более высокого уровня иерархии при обсуждении проблем, относящихся к содержательно низшим уровням. «Так при обсуждении политического решения, – отмечает А.А. Волков, – предметом такой апелляции оказывается его соответствие компетентности лиц, предлагающих решение, общественной морали, задачам общества, принципам права. При обсуждении закона устанавливается его соответствие требованиям юридической техники, историческим прецедентам, национальным задачам, нормам справедливости, религиозным установлениям, но никоим образом не политическим программам партий» [7].

Осуществляя аргументацию как логико-коммуникативную процедуру, ее субъект для решения своей основной задачи: убедить адресата в необходимости или возможности тех или иных мыслей и действий, параллельно решает задачу убеждения в убедительности своей аргументации. Проведем аналогию из области формальной логики. В ней наряду с понятием истинности или ложности высказываний существует понятие истинности или ложности секвенций, которые представляют собой метаутверждения о выводимости определенных форм в логике объектного языка. Учитывая, что своеобразным аналогом секвенций в аргументации выступают редукции, то с этой точки зрения основной задачей субъекта аргументации является отделение убедительных редукций от неубедительных, и выявление убедительности убедительных редукций и неубедительности неубедительных.

Любые, применяемые в процессе аргументации рассуждения, справедливо характеризовать с точки зрения их доказательности и убедительности. В этом плане можно выделить четыре основные бинарные характеристики рассуждений: убедительная доказательность, доказательная убедительность, неубедительная доказательность и недоказательная убедительность. Рассуждения, обладающие недоказательной убедительностью, не удовлетворяют логическим стандартам доказательности, но могут признаваться приемлемыми не только в обыденной практике, но даже в научных исследованиях. Для их анализа требуется применение особых нелогических методов. Методы эти непосредственно связаны с исторической эволюцией стандартов приемлемости рассуждений, с изменениями культурной парадигмы. В свою очередь стандарты эти могут меняться не только при переходе от эпохи к эпохе, от одной социальной группы к другой, но даже и при переходе одного индивида к другому. Так, например, большинство людей, считает правильным вывод «Если А, то В, но В – выполняется, и, следовательно, А» и неправильным вывод «Если А, то В, но В – не выполняется, следовательно, и А также не выполняется». Таким образом, ложную секвенцию они считают истинной, а истинную – ложной.

Если рассуждения, характеризующиеся доказательной убедительностью, представляют собой не что иное, как цепочку силлогизмов, то недоказательная убедительность чаще всего опирается на энтимему. Отметим, что еще древнегреческие ученые использовали термин «энтимема» как в узком, так и в широком смысле слова. В узком смысле ею назывался категорический силлогизм, в котором одна из посылок пропущена. В широком же смысле энтимема – это умозаключение (необязательно логически правильное), состоящие из двух посылок, причем одна из посылок может быть выражена как в явной, так и в имплицитной форме, а вторая вообще не выражена. Именно в таком смысле понимал термин «энтимема» сам Аристотель. Очевидно, что если во главу угла аргументации ставится ее убедительность, то предпочтительнее использовать в этом случае не силлогизмы, а именно энтимемы, позволяющие скрыть от адресата недоказательность самой аргументации. Напротив, главным практическим применением силлогистики как раз и является обнаружение скрытых предположений и выявление истинной логической взаимосвязи между посылками.

Не все фигуры силлогизма убедительны для адресата. Некоторые из них требуют от аудитории определенной логической подготовки, а при отсутствии таковой создается субъективный эффект «постороннего навязывания вывода». Энтимема же, построенная, зачастую на использовании логической неграмотности адресата, создает иллюзию его активного участия в процессе вывода. В этом-то как раз и заключается еще одно чисто психологическое объяснение предпочтительности энтимемы для целей убедительности

над силлогизмом, ибо, как отмечал еще древнегреческий философ Деметрий, для убедительности речи: «...не следует дотошно договаривать до конца все, но кое-что оставлять слушателю, чтобы он подумал и сам сделал вывод. Ведь тот, кто понял недосказанное вами, тот уже не просто слушатель, но ваш свидетель и притом доброжелательный. Ведь он самому себе кажется понятливым, потому что вы предоставили ему повод проявить свой ум. А если втолковывать слушателю, как дураку, то будет, похоже, что [вы] плохого мнения о нем» [4, с. 273].

В некоторых случаях, считал Аристотель, необходимо отказаться не только от применения силлогизмов, но и от энтимем. «И не по всякому поводу [следует] изыскивать энтимемы, – отмечал он, – потому что в противном случае ты поступишь так же, как некоторые философы, которые силлогистическим путем доказывают вещи более известные и более правдоподобные, чем те [положения], из которых они исходят. И когда хочешь возбудить страсть, не употребляй энтимему, потому что она или погасит страсть, или будет приведена совершенно напрасно, ибо [два] одновременных движения задерживают друг друга, или совсем уничтожаются, или ослабляются. И когда речь должна носить известный [нравственный] характер, не следует в то же время приискивать энтимемы, потому что доказательства не имеют никакого отношения ни к характеру, ни к принципам» [4, с. 160]. А так как, согласно Аристотелю, для убеждения слушателей все ораторы или приводят примеры (используют метод «наведения»), или строят энтимемы, то в данных случаях необходимо использовать метод «наведения». Говоря современным научным языком, не всегда нужно применять дедуктивные рассуждения для придания необходимой убедительности аргументации. Иногда необходимо использовать индуктивные и традуктивные рассуждения. Именно последние и обеспечивают аргументации ярко выраженный коммуникативный характер.

Идеальная аргументация – это аргументация, обладающая свойством убедительной доказательности. Специфика аргументации как логико-коммуникативного процесса проявляется в особом использовании субъектом ее языковых конструкций, в фиксировании в языке лишь тех отношений между денотатом и консеквентом, которые ему представляется выгодным фиксировать. В рамках формально-логического доказательства, используя язык с присущим ему логическим отношением, субъект имеет дело с независимой от него реальностью, искусственной языковой системой, в которой важнейшее значение имеет наименование объектов.

Коммуникативный аспект аргументации ярко проявляется в метафоричности естественного языка, используемого отправителем, его способности вызывать ряд ассоциаций в сознании получателя. Без сомнения, метафоричность аргументационного диалога в значительной степени определяет эффективность аргумен-

тации. Следовательно, прагматические правила выбора типа метафоры в зависимости от ситуации общения являются важной частью лингвопрагматических закономерностей процесса аргументации. Однако существуют и некоторые общие правила. Так, например, аргументатор, используя двусмысленные слова, стремится добиться появления у адресата нужных ассоциативных образов. Важнейшее правило в этой ситуации гласит: «Стремись все неясные и непривычные ситуации обосновать с помощью ясных и правильных ассоциаций». «[Что же касается] убедительности [pithanon], то [ее составляют] два [качества]: – писал Деметрий, – ясность и привычность [synethes] . Действительно, все неясное и непривычное не убеждает. А потому, если речь преследует цель быть убедительной, слова в ней должны подбираться не слишком высокие [peritte] и пышные (hyperoncon), а соединение должно быть устойчивым (bebaios) и лишенным ритма» [4, с. 273]. Кроме того, в языке существуют синонимы. Следовательно, риторически возможно обосновывать тезис с помощью его самого. В строгом логическом плане такое обоснование не является доказательным, хотя и будет иметь риторически убедительный характер.

Использование языковых средств в аргументации дает некоторый прирост совместного осознания тезиса (коммуникативного осознания). Данный феномен во многом объясняется знаковым характером языка. Если же мы будем считать возможным существование внеязыковых видов аргументации, то в этом случае знаковые системы способны одновременно и скрывать, и проявлять смысл обозначаемого. «Ведь одна и та же вещь, – писали представители логики Пор-Рояля, – поскольку она может быть одновременно и вещью, и знаком, может, как вещь скрывать то, что она обнаруживает как знак» [8]. Следовательно, мастерство субъекта аргументации может состоять в скрывании им ненужного и в сораскрытии (совместный с адресатом акт) нужного.

Любое коммуникативное воздействие предполагает наличие обратной связи. «Красноречие ораторов, – писал Цицерон, – всегда руководилось вкусом слушателей. Всякий, кто хочет иметь успех, следит за их желаниями и в согласии с ними слагает свою речь целиком применительно к их суждениям и взглядам» [9]. Действительно, выбор способа аргументирования и его вербальная реализация испытывает непосредственное влияние рефлексии модели мира слушающего в сознании аргументирующего. С другой стороны, если бы тезис аргументации просто повторял лишь то, что адресат желает услышать, то ни о каком убеждении и переубеждении не могло бы идти и речи. В действительности положение дел иное. С помощью аргументации можно перестроить определенные структуры человеческого мышления, ввести в них новые элементы. Естественно, что наибольший эффект достигается лишь в том случае, когда адресат считает произошедшие изменения не результатом внешнего вмешательства

ства, а проявлением его свободной воли. В этом-то и заключается одно из важнейших отличий аргументации, понимаемой в широком смысле слова как логико-коммуникативной процедуры, от чисто логического доказательства. В процессе последнего проверяется истина, следовательно, обе стороны заинтересованы в наличии логически корректных рассуждений. Так как обосновывать можно и явно ложные положения, то аргументация, понимаемая как обоснование, зачастую не нуждается в истине, а, следовательно, субъект для повышения ее эффективности может применять и явно некорректные с точки зрения логики приемы.

Проблема аргументации как логико-коммуникативной процедуры – это не только проблема чисто геометрической взаимосвязи в рамках треугольника, каждая из вершин которого символизирует говорящего, слушающего и предмет разговора. В такой схеме язык аргументации представляется не чем иным, как частной собственностью говорящего. Частная собственность передается от одного человека к другому, и, следовательно, ни о какой перестройке понятийно-языковых структур адресата в данном случае говорить не приходится. На самом же деле эти изменения происходят, и они присущи не только слушающему, но и говорящему. Наличие таких изменений есть критерий, позволяющий отделить подлинную аргументацию от просто умелого манипулирования словами, то есть от квазиаргументации. Рассмотрим этот критерий подробнее, введя термин «серьезность».

Подлинная аргументация – это соединение двух частных дел в единое общее дело. Для того чтобы мое частное дело стало другим, не моим частным делом, достаточно квазиаргументации. Подлинная аргументация возможна лишь в том случае, когда мое «Я», интроецируясь в чужое «Я», принимает характер «Мы». В этом случае мое частное дело становится не просто другим частным делом, а превращается в наше общее дело. Слово теперь перестает быть орудием игры и манипуляции, оказываясь выразителем Серьезности. «Серьезность и игра, видимость и действительность, – писал Розеншток-Хюсси – разделяются там, где что-то говорится. Серьезной и действительной оказывается та речь, которая обязывает к чему-то самого говорящего. Между “обязывающим” и “ни к чему не обязывающим” словом зияет пропасть. Ни к чему не обязывающее слово соблазняет бесчисленное количество слушателей. Но оно никогда ни к чему не обязывает самого говорящего человека. Обязывающее слово часто оказывается не услышанным. Видимость и действительность, игра и серьезность отличается друг от друга тем, допускает ли говорящий человек воздействие сказанного им самим на самого себя или нет!» [10].

В такого рода псевдоаргументации существует аудитория, но нет субъекта аргументации, адресующего свой дискурс аудитории. Таким образом, псевдоаргументация вообще не является коммуникативным актом: в ней присутствует лишь слушающий и тема, но

нет говорящего, а существует лишь манипулирующий. И в этом ее отличие, например, от приказа. Последний, не являясь аргументацией, сохраняет все свойства коммуникативного феномена.

Аргументация, понимаемая как коммуникативный феномен, предполагает наличие некоторых совместных творческих действий аргументатора и аудитории. «Когда информация, – отмечает Я.С. Яскевич, – в процессе логико-коммуникативной аргументации приобретает статус “понятого” знания, пропущенного через интеллектуальные, социокультурные и этико-мировоззренческие установки познающего субъекта, это и создает предпосылки для его принятия индивидуальным реципиентом и научным сообществом в целом. До тех пор, пока субъект не включился в процесс “сотворчества понимающих”, в деятельностный процесс “по-знания”, т.е. “приобщения к знанию”, к смыслам научных терминов, аргументация не стала действенной, и знание существует лишь в виде определенной информации, “нераскодированной”, не наполненной смыслами, “нерасшифрованной” [3, с. 36–37]. Сказанное Я.С. Яскевич относительно аргументации в науке, относится и к аргументации в целом.

Как уже отмечалось, любая аргументация строится с помощью языковых средств. Человеческое слово, обладая статусом общезначимости, с другой стороны, несет на себе печать неповторимой индивидуальности говорящего. Вот почему наряду с пресуппозициональной составляющей аргументации, которая подается говорящим в качестве известной как ему самому, так и адресату, выделяют также и установочную составляющую. К ней относят ту информацию, заключенную в аргументации, которая отражает ожидания говорящего, его склонности, желания и т.д. Естественно, что у отправителя и адресата изначальные установки совпадают не во всем. Вот почему в процессе «сотворчества понимающих» с необходимостью возникает противоречивая ситуация: «...Всякое понимание между разговаривающими, – отмечал Гумбольдт, – в то же время есть и недоразумение, и согласие в мыслях и чувствах в то же время и разногласие» [11]. Каким же образом достигается в этом случае согласие? В процессе аргументации это единство достигается весьма специфическим образом: оно является результатом взаимодействия диалога и особого (назовем его интроецированным) монолога.

Диалог как субъект-субъектное отношение возможен лишь при условии соблюдения дистанции между говорящими. Эмпатическое слияние, вчувствование не ведет к лучшему пониманию в диалоге. Диалог должен быть построен не на поглощении одного из его субъектов другим, а на доминантной настроенности разговаривающих друг на друга. Такая настроенность собеседников способствует преодолению языкового барьера и выработке общего языка общения. Таким образом, выработка общего языка во многом изначально определяется тем, что участвующие в дальнейшем диалоге стороны стремятся достигнуть взаимопони-

мания по поводу понимания каждым из них некоего положения дел. «Взаимопонимание по какому-либо поводу, – отмечает Х.Г. Гадамер, – которое должно быть достигнуто в разговоре, необходимо означает поэтому, что в разговоре вырабатывается общий язык. Это не просто внешний процесс подгонки инструментов, неверно будет даже сказать, что собеседники приспособляются друг к другу; скорее, в получающемся разговоре они оказываются во власти самой истины обсуждаемого ими дела, которая и объединяет их в новую общность. Чтобы достичь взаимопонимания в разговоре, недостаточно просто проводить свою точку зрения, – но взаимопонимание, объединяя собеседников, преобразует их так, что они уже не являются более тем, чем были раньше» [12].

Элемент диалога, безусловно, присутствует в каждом процессе аргументации. Но говорящий и слушающий «не симметричны» относительно темы. Вот почему, наряду с диалогом аргументация – это еще и интроецированный монолог. Аргументатор вносит в аудиторию не просто аргументы, а «говорящие» аргументы. Внедренные и ожившие в чужом «Я», аргументы говорят там голосом внедрившего их, то есть интроецированный монолог является монологом по существу, но диалогом по форме. Эффективность аргументации во многом зависит от того, как субъективно воспринимает аудитория процесс интроекции. Лучший результат получается в том случае, когда монолог воспринимается аудиторией в качестве диалога. Вот почему наиболее эффективна та аргументация, которая принимает форму не внешнего убеждения слушателя и даже не дружеского ему совета, а совершенного с ним поиска истины. Соотношение между диалогом и интроецированным монологом можно рассматривать под различным углом зрения. Так, например, в рамках временного аспекта можно сделать следующий вывод: интроецированный монолог «звучит» даже тогда, когда диалог закончился. В рамках субъективного восприятия аргументации аудиторией, как уже отмечалось, монолог может стать диалогом. Таким образом, аргументация, рассматриваемая как логико-коммуникативная процедура, является органическим единством как субъект-субъектных отношений (диалога), так и субъект-объектных (интроецированного монолога). Синтез этих отношений приводит к формированию субъект-субъект-объектной структуры аргументации.

Наличие говорящего, интроецированного аргумента, позволяет ввести в действие механизм реорганизации и трансформации значений слова, вызванных столкновением различных систем означивания или личностных «Я». Понимание должно быть взаимным. Аргументатору важно не только, что бы он понял аудиторию, но чтобы и аудитория поняла его.

Одной из предпосылок аргументации как коммуникативного акта выступает молчание. В некотором отношении, речь аргументатора и являет собой единство слова и молчания. Дело не только в том, что умение го-

ворить в имплицитной форме включает в себя умение слушать отзвуки своего слова в другом «Я». Слово обладает своей собственной экзистенцией. Следовательно, оно может проявлять себя в различных формах: период вербального звучания может смениться периодом не звучания. Именно на стадии молчания (но ни в коем случае не умолчания) достигается вершина субъект-субъектного общения – подлинное понимание. Это понимание не относится только к общему предмету диалога, оно являет собой характеристику межличностного отношения, так как понимать, это всегда, в первую очередь, понимать кого-то. Стадия молчаливого понимания предполагает наличие стадии завоевания аргументатором аудитории. Последнее, зачастую, происходит в условиях жесточайшей конкурентной борьбы. Я могу внимать, а затем и понимать лишь того, кто существует не сам по себе, а для меня.

«Ты – есть» – такова изначальная основа человеческого внимания. «Тебя – нет» – свидетельствует о принципиальной невозможности какого-либо диалога. Но другой должен не просто быть, он должен быть и для меня. И если другой хочет завоевать мое внимание, то он не имеет права поступать по отношению ко мне так, как я отношусь к нему. Он как раз обязан интересоваться мною как таковым, а не рассматривать меня в качестве лишь средства для получения доходов. Если аргументатор не способен на это, то он, в крайнем случае, должен создать *видимость* такого отношения.

Заключение. Аргументация как логико-коммуникативная процедура отличается от доказательства, доказывания, обоснования, убеждения за счет своих гносеологических и онтологических оснований. Аргументация является способом познания человеком мира и важнейшей стороной его бытия. В ходе данного исследования выяснилось, что с помощью аргументации можно перестраивать структуры человеческого

сознания, вводя в него новые элементы. Условием правильного истолкования сути аргументации выступает ее понимание как диалога. Аргументация – диалог особого сорта, так как говорящий и слушающий в нем не симметричны относительно темы диалога. Аргументация как логико-коммуникативная процедура является единством субъект-субъектных и субъект-объектных отношений.

Литература

1. Perelman, Ch. The New Rhetoric and the Humanities. Essays on Rhetoric and Application / Ch. Perelman. – Dordrecht. 1979. – P. 10.
2. Брутян, Г.А. Аргументация / Г.А. Брутян. – Ереван: Изд-во АН Арм ССР, 1984. – С. 29.
3. Яскевич, Я.С. Аргументация в науке / Я.С. Яскевич. – Минск: Университетское, 1992. – С. 8.
4. Античные Риторика / Античные Риторика. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – С. 19.
5. Лейбниц, Г.В. Сочинения / Г.В. Лейбниц // Сочинения в 4 т. – М.: Мысль, 1984. – Т. 3. – С. 141.
6. Grennan, W. Argument Evaluation / W. Grennan. – N.Y; L: University Press of America, 1984. – 406 p.
7. Волков, А.А. Строение и смысл риторического аргумента / А.А. Волков // Риторика. – 1995. – № 1. – С. 17.
8. Арно, А. Логика или искусство мыслить / А. Арно, П. Николь. – М.: Наука, 1991. – С. 47.
9. Цицерон, М.Т. Три трактата об ораторском искусстве / М.Т. Цицерон. – М.: Ладомир, 1994. – С. 335.
10. Розеншток Хюсси, О. Коперниковский переворот в грамматике / О. Розеншток Хюсси // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1996. – № 1. – С. 90.
11. Флоренский, П.А. У водоразделов мысли / П.А. Флоренский. – М.: Правда, 1990. – С. 391.
12. Гадамер, Х.Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: пер. с нем. / Х.Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – С. 444–445.

Поступила в редакцию 04.10.2021

Рецепция античной диалектики в философской концепции аргументации Ф.Х. ван Еемерена и Р. Гроотендорста

Сарычева А.В.

Учреждение образования «Белорусский государственный университет», Минск

Актуальность проблемы, связанной с рецепцией античной диалектики в современной философии обусловлена, во-первых, формированием оснований философской теории аргументации в период античности, во-вторых, методологическим потенциалом данных оснований в современных философских концепциях аргументации.

Цель статьи – анализ рецепции идей античной диалектики в философской концепции аргументации Ф.Х. ван Еемерена и Р. Гроотендорста

Материал и методы. Материалом выступили работы Платона, Аристотеля, Ф.Х. ван Еемерена, Р. Гроотендорста, П. Хаутлоссера и А.Ф.С. Хенкемана. В качестве научных методов использовались историко-философская реконструкция и системный анализ.

Результаты и их обсуждение. Раскрыта рецепция идей античной диалектики в философской концепции аргументации Ф.Х. ван Еемерена и Р. Гроотендорста в рамках концептов критической дискуссии и стратегического маневрирования. Проанализирована роль античной диалектики в формировании метатеоретических принципов и правил критической дискуссии. Раскрыто значение связи диалектики и риторики при совершении аргументативных ходов в рамках определенной стратегии. Намечены пути для дальнейшей историко-философской реконструкции концептуальных оснований философской теории аргументации Ф.Х. ван Еемерена и Р. Гроотендорста.

Заключение. Рецепция идей античной диалектики в философской концепции аргументации Ф.Х. ван Еемерена и Р. Гроотендорста осуществляется в рамках экспликации двух концептов: критической дискуссии и стратегического маневрирования. Формальные и антропологические критерии разумности античной диалектики определяют моделирование критической дискуссии. Связь риторики и диалектики, обозначенная в период античности, определяет способы стратегического маневрирования.

Ключевые слова: античная диалектика, критическая дискуссия, диалектификация, функционализация, экстернализация, социализация, стратегическое маневрирование, прагма-диалектика.

(Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 102–105)

Reception of Ancient Dialectic in the Philosophical Concept of Argumentation by F.H. van Eemeren and R. Grootendorst

Sarycheva A.V.

Education Establishment "Belarusian State University", Minsk

The relevance of the problem connected with the reception of ancient dialectics in modern philosophy, is stipulated, firstly, by shaping the bases for the philosophical theory of argumentation in the period of antiquity, secondly, by the methodological potential of these bases in modern philosophical concepts of argumentation.

The aim of the article is to analyze the reception of the ideas of ancient dialectics in the philosophical concept of argumentation by F.H. van Eemeren and R. Grootendorst

Material and methods. Works of Plato, Aristotle, F.H. van Eemeren, R. Grootendorst, P. Houtlosser and A.F.S. Henkeman served as the material. Historical-philosophical reconstruction and system analysis were used as scientific methods.

Findings and their discussion. The reception of ideas of ancient dialectics in the philosophical concept of argumentation by F.H. van Eemeren and R. Grootendorst within the framework of the concepts of critical discussion and strategic maneuvering was revealed. The role of ancient dialectics in shaping the metatheoretical principles and rules of critical discussion is analyzed. The significance of the connection between dialectics and rhetoric in making argumentative moves within the framework of a particular strategy is revealed. The ways for further historical and philosophical reconstruction of the conceptual foundations of F.H. van Eemeren and R. Grootendorst's philosophical theory of argumentation are outlined.

Conclusion. *The reception of the ideas of ancient dialectics in the philosophical concept of argumentation by F.H. van Eemeren and R. Grootendorst is carried out within the framework of the explication of two concepts: critical discussion and strategic maneuvering. The formal and anthropological criteria of reasonableness of antique dialectics determine the modeling of critical discussion. The connection between rhetoric and dialectic, outlined in the period of antiquity, determines the ways of strategic maneuvering.*

Key words: *ancient dialectic, critical discussion, dialectification, functionalization, externalization, socialization, strategic maneuvering, pragma-dialectics.*

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 102–105)

Актуальность проблемы, связанной с рецепцией идей античной диалектики в современной философии, обусловлена, по меньшей мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, в период античности были выявлены и обоснованы точки отсчета и направления в решении проблем, обусловленных с построением философской теории аргументации. Во-вторых, они стали методологическими ориентирами в разработке современных философских концепций в области теории аргументации во второй половине XX – начале XXI века. Значимой в историко-философском контексте является прагма-диалектическая концепция Ф.Х. ван Еемерена и Р. Гроотендорста, в которую включены элементы античной диалектики, обуславливающие понимание метатеоретических принципов и стадий межличностного взаимодействия [1–4], что нашло свое выражение в концептах критической дискуссии и стратегического маневрирования.

Цель статьи заключается в анализе рецепции идей античной диалектики в философской концепции аргументации Ф.Х. ван Еемерена и Р. Гроотендорста.

Материал и методы. Материалом выступили работы античных философов, в которых решаются проблемы диалектики: «Кратил» и «Государство» Платона, «Топика» и «Риторика» Аристотеля, а также работы современных исследователей – представителей Амстердамской школы: «Систематическая теория аргументации: прагма-диалектический подход» Ф.Х. ван Еемерена, Р. Гроотендорста, «Аргументативные индикаторы в дискурсе. Прагма-диалектическое исследование» Ф.Х. ван Еемерена, П. Хаутлосера и А. Ф.С. Хенкемана, «Изучение аргументации в контексте: пятнадцать исследований стратегического маневрирования» Ф.Х. ван Еемерена, «Стратегическое маневрирование в аргументационном дискурсе» Ф.Х. ван Еемерена, П. Хаутлосера.

В качестве научных методов были использованы историко-философская реконструкция и системный анализ. Метод историко-философской реконструкции позволил проследить основные этапы становления диалектики в период античности, проанализировать и оценить рецептивное значение ее элементов в философской концепции аргументации. С помощью метода системного анализа были раскрыты категориальный аппарат, разработанный в античной диалектике, и основные положения философской концепции аргументации Ф.Х. ван Еемерена и Р. Гроотендорста как совокупности взаимосвязанных элементов, образующих концептуальную целостность.

Результаты и их обсуждение. Анализ диалектики в античный период позволяет эксплицировать значение категории разумности и определить роль противоречий в ее концептуальном становлении. Ф.Х. ван Еемерен и Р. Гроотендорст, во-первых, указывают на роль античной диалектики при доказательстве и убеждении в рамках критической дискуссии [5], во-вторых, обозначают связь диалектики и риторики в концепте стратегического маневрирования [6; 7].

«Изобретателем диалектики», согласно Аристотелю, считается Зенон Элейский, который соотнес ее с практикой публичной аргументации. Его апории стали доводами невозможности мыслить движение, не впадая при этом в противоречие [8, с. 25]. Он стал выразителем новой тенденции в древнегреческой философии, согласно которой, во-первых, приобретение знания осуществляется посредством вопросов и ответов, во-вторых, процедуры обоснования знания сопряжены не с чувственным познанием, а с непротиворечивым рассуждением. Поэтому, начиная с Зенона, происходит становление античной диалектики как «метода ведения дискуссии» [9, с. 31].

В процессе формирования античной диалектики ключевыми фигурами, оказавшими влияние на дальнейшее развитие философии, выступают Сократ, Платон и Аристотель. Сократ развивает диалектику как метод публичной полемики, сочетающий иронию и майевтику. Такая практика аргументации была предопределена этическими темами, которые сложно соотнести с реальным бытием и практикой. Их раскрытие предполагало выявление абстрактных сущностей, которые Платон назвал идеями, а Аристотель – мыслимым бытием. Сократ внес в понимание диалектики два важных аспекта, которые стали исходными точками в дальнейшем развитии диалектики: это, во-первых, «мысль о ценности разных мнений», во-вторых, «логический закон противоречия» [9, с. 32]. Цель публичной полемики заключается в том, чтобы подвести к определенным утверждениям и «проследить их последствия», т.е. определить, удалось ли убедить человека в правильности определенной позиции [7, с. 48].

Платон связал диалектику со способностями человека, которые определяют возможности овладения данным искусством, влияющим на ценностный статус диалога. Различая техники аргументирования Сократа и софистов, он подчеркивает, что значение диалектики в аргументации соотнесено с умением «ставить вопросы и давать ответы» [10, с. 434]. А человек, который выдвигает определенный тезис, должен быть готов его защищать. Это значит, что взаимодействие между

людьми можно оценить в таких категориях, как «истина» или «ложь». Познание истины возможно в отрыве от чувственного познания, пользуясь «самими идеями в их взаимном отношении» [11, с. 347]. Именно диалектический путь позволяет разуму «устремиться к сущности» и «подняться до истинного бытия» [11, с. 373; 380]. Поэтому познание идей в понимании Платона становится основной задачей диалектики, а диалектика – «средством для поиска истины» [7, с. 2].

Аристотель, расширяя платоновские представления о диалектике как способности находить истину и принимая во внимание негативные аспекты софистической эристики, делает акцент на логической сущности самой диалектической способности. Он определяет диалектику как способ исследования, осуществляемый с помощью умозаключений. Диалектические умозаключения в отличие от эристических строятся на положениях, являющихся правдоподобными для большинства людей или для людей мудрых [1]. Построение умозаключений предполагает четыре вида рациональной деятельности: во-первых, принятие положений, во-вторых, правильное определение возможных значений имен, в-третьих, определение различий и, в-четвертых, анализ сходств [1]. Основной формой умозаключений является силлогизм.

Для корректного построения силлогизмов необходимо иметь представление о диалектических проблемах и положениях. Наличие диалектической проблемы является основой взаимодействия. Такая проблема представляет собой неочевидное для публики положение, которое необходимо либо доказать, либо опровергнуть. Проблемы приобретают статус диалектических, если их постановка осуществляется, во-первых, «ради выбора и избегания», во-вторых, «ради [достижения] истины и ради познания» [1, с. 360]. Диалектическая проблема в первую очередь побуждает человека к поиску разумных доводов. Доводы, которые оцениваются как правдоподобные для большинства людей, являются диалектическими положениями.

Для уточнения статуса диалектики Аристотель сопоставляет ее с риторикой. Диалектика в таком ракурсе рассмотрения не является наукой, раскрывающей природу какого-либо предмета. Анализ взаимоотношения диалектики и риторики показывает, что «обе они лишь методы для нахождения доказательств» [2, с. 20]. Однако если диалектика доказывает посредством силлогизмов, то риторика использует энтимемы. Поскольку энтимема «есть некоторого рода силлогизм» обнаруживается взаимозависимость данных категорий [2, с. 119].

Рецепция античных идей в философской концепции аргументации Ф.Х. ван Еемеерена и Р. Гроотендорста связана с решением двух проблем: во-первых, с концептуализацией критической дискуссии, во-вторых, с разработкой стратегического маневрирования. Концептуализация критической дискуссии предполагает описание идеальной модели взаимодействия, направленной на разумное разрешение противоречий.

В основе такого взаимодействия лежат четыре мета-теоретических принципа: диалектификация, функционализация, экстернализация и социализация [5; 3].

Диалектификация предполагает соответствие аргументации нормам критической разумности. Критическое понимание разумности включает в себя геометрические и антропологические критерии разумности. Геометрический подход предполагает, что разумным будет то, что соответствует формальным критериям и выводится из чего-то неопровержимого [5, с. 14]. Антропологический подход показывает, что разумное «является функцией группы и времени», поэтому данное понятие относительно [5, с. 15]. Поэтому в соответствии с данным принципом заимствование античной диалектики идет двумя путями. Во-первых, анализируются формальные критерии, которые гарантируют движение к истине. В качестве таких критериев выступают принципы соблюдения логических законов и построение силлогистических выводов в соответствии с логическими правилами. Во-вторых, изучаются антропологические критерии разумности, обусловленные ценностными аспектами взаимодействия, в котором «любой аргументационный конструкт, выходящий за пределы дедуктивной идеализации», предполагает выбор содержательно-интерпретационной стратегии» [4, с. 63]. Таким способом формальная валидность дедуктивного аргумента в философской концепции аргументации дополняется валидностью антропологической.

В соответствии с принципом функционализации умение правильно задавать вопросы и отвечать на них, свойственное античному диалектику, анализируется через призму речевых актов. Значимым для понимания пространства разногласий становится анализ языкового выражения в качестве речевого акта и определение «условий идентичности и корректности, применимых к исполнению» [5, с. 54]. Таким образом, определенные условия, например, правила дискуссии, социальный контекст, определяют какие тезисы и доводы являются релевантными.

Принцип экстернализации указывает на необходимость вербализации и включения в социальный контекст каждой позиции [4]. В рамках данного принципа реализуется античный идеал публичной дискуссии. Обязательства, связанные с принятием или не принятием тезиса, «могут быть экстернализованы из дискурса или текста» [5, с. 55]. В этой связи для урегулирования конфликта важно, чтобы каждая сторона имела возможность вербализировать свое мнение. Далее необходимо рассмотреть включенность данного мнения в социальный контекст. Это обусловлено тем, что социальный контекст – это «сфера Другого в аргументации (иной статус человека, иное мнение или иной подход)», в которой становится возможным обнаружение несовпадений, неточностей и разрывов во взаимодействии [4, с. 67].

Социализация в качестве прагма-диалектического принципа предполагает разграничение ролей

в дискуссии. Неприятие тезиса одной стороной порождает диалектическую проблему, поскольку тезис позиционируется как не являющийся очевидным для всех и требует обсуждения [5]. Это определяет роль протагониста, который пытается доказать тезис и антагониста, опровергающего его. Ф.Х. ван Ееме́рен и Р. Гроотендорст обозначают метатеоретические принципы как основу взаимодействия в форме критической дискуссии, которая в свою очередь должна быть регламентирована с помощью определенных правил. Например, правило релевантности ограничивает поле обсуждаемых проблем, правило кооперации, требует, «чтобы респондент отвечал на вопросы, сотрудничал и принимал обязательства» [12, с. 9]. Правило информационной открытости предполагает, что аргументатор должен предоставить «достаточно информации, чтобы убедить своего респондента» [12, с. 9].

Рецепция идей античной диалектики обнаруживается не только в рамках анализа критической дискуссии, но и в разработке стратегического маневрирования. Концептуально он вытекает из взаимоотношений диалектики и риторики, раскрытых Аристотелем. Ф.Х. ван Ееме́рен и П. Хаутлоссер, принимая во внимание фундаментальную связь диалектики и риторики, разрабатывают стратегии в аргументации, которые реализуются посредством взаимосвязанных маневров (аргументативных ходов). Использование стратегических маневров включает в себя два аспекта: во-первых, соответствие идеалам разумности, во-вторых, выбор эффективных языковых средств. Первый аспект обусловлен диалектикой, второй – риторикой.

Эффективность стратегического маневрирования определяется, во-первых, выбором релевантных дискурсу аргументов из «тематического потенциала» [7, с. 5]. Во-вторых, дальнейшей «направленной на аудиторию» корректировкой сделанных аргументативных ходов [7, с. 5]. В-третьих, в «целенаправленном использовании языковых (или других) “приемов” для представления этих ходов» [7, с. 5]. Аргументы, таким образом, должны быть включены в тематику дискуссии, следует модифицировать их в соответствии с запросами аудитории, а также выбирать релевантные презентационные средства. Каждый из этих аспектов реализуется на различных стадиях критической дискуссии и соответствует диалектическим целям.

Заключение. Рецепция идей античной диалектики в философской концепции аргументации Ф.Х. ван Ееме́рена и Р. Гроотендорста осуществляется в рам-

ках экспликации понятий критической дискуссии и стратегического маневрирования. Метатеоретические принципы и правила критической дискуссии соответствуют формальным и антропологическим критериям разумности, разработанным в античной диалектике. Стратегическое маневрирование отражает связь между диалектикой и риторикой, обозначая релевантность аргументативных ходов в соответствии с диалектической целью взаимодействия.

Литература

1. Аристотель. Топика / под ред. З. Н. Микеладзе // Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1978. – Т. 2. – С. 347–532.
2. Аристотель. Риторика / под ред. А.А. Тахо-Годи: пер. Н. Платоновой // Античные риторики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – С. 15–166.
3. Eemeren, F.H. van. Argumentative Indicators in Discourse. A Pragma-Dialectical Study / F.H. van Eemeren, P. Houtlosser. – Netherlands: Springer Publisher, 2007. – 239 p.
4. Воробьева, С.В. Логические, эпистемологические и когнитивные аспекты системной модели аргументации / С.В. Воробьева // Философия и социальные науки: науч. журнал. – 2016. – № 1. – С. 62–67.
5. Eemeren, F.H. van. A Systematic Theory of Argumentation: The Pragma-dialectical Approach. / F.H. van Eemeren. – New York: Cambridge University Press, 2004. – 224 p.
6. Eemeren, F.H. van. Strategic Maneuvering in Argumentative Discourse / F.H. van Eemeren. – Netherlands: John Benjamins Publishing, 2010. – 308 p.
7. Eemeren, F.H. van. Examining Argumentation in Context: Fifteen studies on strategic maneuvering / F.H. van Eemeren [et. al.]. – Netherlands: John Benjamins Publishing, 2009. – 305 p.
8. История логики / В.Ф. Берков [и др.]. – Минск: ООО «Новое знание», 2001. – 170 с.
9. Ивин, А.А. Диалектика: зарождение, триумф и крах: 2-е изд., испр. и доп. / А.А. Ивин. – М.: Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 359 с.
10. Платон. Кратил / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. // Сочинения: в 4 т. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2006. – Т. 1. – С. 421–502.
11. Платон. Государство / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. // Сочинения: в 4 т. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. – Т. 3. – С. 97–494.
12. Douglas, W. Informal Logic. A pragmatic approach / W. Douglas. – New York: Cambridge University Press, 2008. – 366 p.

Поступила в редакцию 08.11.2021

ФИЛОЛОГИЯ

Урбананімікон Капыля скрозь призму маркёраў культуры

Мезенка Г.М.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

Размешчаны ў асяроддзі старадаўніх курганоў горад Капыль, як і шэраг іншых беларускіх мястэчак, мае адметную і цікавую гісторыю, у якой знайшлі адбітак розныя культуры.

У артыкуле на аснове лінгвакультуралагічнага аналізу назваў вуліц і іншых лінейных і тэрытарыяльных аб’ектаў гэтага горада выяўлены ключавыя маркёры розных культур, замацаваныя ў канцэптуальным анамастычным дыскурсе, якія маркіруюць ключавыя прыкметы і ўстаноўкі, акрамя айчынай, рускай і яўрэйскай культур.

Маркёры з’яўляюцца своеасаблівымі носьбітамі нацыянальнай памяці жыхароў горада, якія раскрываюць спецыфіку функцыянавання акумуляваных культурных кодаў, лакалізуецца ў свядомасці чалавека, нацыянальнай мадэлі свету моўнай асобы жыхара – карыстальніка гэтым анамастыконам. Зразумела, маркёры фармальна зменлівыя, але ў той самы час з боку асаблівасцей гэтага мадэлявання і ўстойлівыя.

Мэта даследавання – выяўленне маркёраў культуры ў анамастыконе Капыля – горада, які ў 2021 г. стаў месцам святкавання XXVIII Дня беларускага пісьменства.

Матэрыял і метады. Даследаванне праводзілася на аснове матэрыялаў Дзяржаўнага кадастравага агенцтва Рэспублікі Беларусь. Выкарыстаны апісальны метады (прыёмы назірання, інтэрпрэтацыі, абагульнення, класіфікацыі), параўнальна-сунастаўляльны, метады колькаснай апрацоўкі.

Вынікі і іх абмеркаванне. Урбананімікон, як вядома, з-за сваіх сутнасных характарыстык транслюе культурную спадчыну і ідэалы розных пакаленняў, ён утрымлівае маркёры культуры, замацаваныя ў канцэптуальным анамастычным дыскурсе, якія маркіруюць ключавыя прыкметы і ўстаноўкі розных культур, у прыватнасці ў Капылі, акрамя айчынай, таксама рускай і яўрэйскай культур. Часцей за ўсё маркёрамі культуры, замацаванымі ў анамастычным тэксце, з’яўляюцца адантрапанімыя і адтапанімыя ўрбананімы, назвы ўнутрыгарадскіх аб’ектаў, што адлюстроўваюць святы і падзеі савецкай і сучаснай эпохі; з боку выканання ўрбананіміконам культураспадчыннай функцыі дыферэнцыруюцца кагнітыўныя, прасторава-часавыя і сімвалічныя маркёры.

Беларускі, рускі і яўрэйскі тэксты культуры па-рознаму прадстаўлены ва ўрбананімнай прасторы г. Капыля (41,3%, 21,8 і 1,1% адпаведна). Спецыфіка іх рэпрэзентацыі заключаецца ў рознай долі ўдзелу адтапаніменных, адантрапаніменных найменняў катэгорый А, Б, В і назваў, што адлюстроўваюць святы і падзеі. Так, беларускі тэкст культуры рэпрэзентуецца з дапамогай адантрапаніменных назваў катэгорый А, Б, В і адтапаніменных найменняў. Галоўнымі ж рэпрэзэнтантамі рускага тэксту культуры ў Капылі выступаюць адантрапанімыя назвы катэгорый А і В пры адсутнасці найменняў катэгорый Б і адтапаніменных найменняў лінейных аб’ектаў. Яўрэйскі тэкст культуры абмежаваны толькі назвай катэгорый А.

Заклучэнне. Кожнаму народу ўласцівы свае схемы, у якіх ён мадэлюе з’явы свайго жыцця. Зразумела, маркёры гістарычна зменлівыя, але ў той самы час з боку асаблівасцей гэтага мадэлявання і ўстойлівыя. Менавіта таму яны дазваляюць разумець, захоўваць і трансліраваць аксіясферу нацыянальнай культуры. Што да ўрбананімікона горада Капыля, то ён вылучаецца сярод іншых значнай перавагай намінацый катэгорый А, матываваных імёнамі людзей мірных прафесій. Асноўным матывам пры іх узнікненні з’явілася жаданне ўвекавечыць імёны лепшых прадстаўнікоў беларускай, рускай і яўрэйскай культур, што праславілі свой народ, сваю краіну і родны г. Капыль.

Ключавыя словы: анамастыкон, маркёр культуры, онім, урбананімія, нацыянальная мадэль свету, нацыянальны каштоўнасці, моўная асоба, рэпрэзентацыя.

(Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 107–111)

Urbanonymicon of Kapyl Through the Prism of Cultural Markers

Mezenka H.M.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Surrounded by ancient mounds, the town of Kapyl, like a number of other Belarusian towns, has a distinctive and interesting history, which is reflected in different cultures.

The article, based on the linguistic and cultural analysis of the names of streets and other linear and territorial objects of this city, reveals key markers of different cultures, enshrined in conceptual onomastic discourse, which mark key features and attitudes other than domestic, Russian and Jewish cultures.

Markers are a kind of carriers of the national memory of the inhabitants of the city, which reveal the specifics of the functioning of accumulated cultural codes, localized in the human mind, the national model of the world of the linguistic personality of the inhabitant-user of this onomasticon. Of course, the markers are formally variable, but at the same time from the point of view of features of this simulation are stable.

The aim of the research is to identify cultural markers in the onomasticon of Kapyl, a town that in 2021 became a place of celebration of the XXVIII Day of Belarusian Literature.

Material and methods. The study was conducted on the basis of materials of the State Cadastral Agency of the Republic of Belarus. The descriptive (observation, interpretation, generalization, classification), the comparative and the method of quantitative processing are used.

Findings and their discussion. Urbanonymicon, as is known, because of its essential characteristics, transmits the cultural heritage and ideals of different generations, it contains cultural markers enshrined in conceptual onomastic discourse which mark the key features and attitudes of different cultures, particularly in Kapyl: the domestic as well as Russian and Jewish. The most common markers of culture enshrined in the onomastic text are odontroponymic and ottoponymic urbanonyms, the names of inner-town objects that reflect the holidays and events of the Soviet and modern eras; cognitive, spatial and temporal as well as symbolic markers are differentiated from the point of view of urban-cultural hereditary function.

Belarusian, Russian and Jewish cultural texts are presented differently in the urban space of Kapyl (41.3%, 21.8% and 1.1%, respectively). The specificity of their representation lies in the different share of participation of toponymic, odontroponymic names of categories A, B, C and names that reflect holidays and events. Thus, the Belarusian text of culture is represented by odontroponymic names of categories A, B, C and ottoponymic names. The main representatives of the Russian text of culture in Kapyl are the anthroponymic names of categories A and B lacking the names of category C and the atonymic names of linear objects. The Hebrew text of culture is limited only by the name of category A.

Conclusion. Each nation has its own schemes in which it models the phenomena of its life. Of course, markers are historically variable, but at the same time from the features of this simulation they are stable. That is why they allow us to understand, preserve and translate the axiosphere of national culture. As for the urban icon of the city of Kapyl, it stands out among others with a significant advantage of category A nominations, motivated by the names of people of peaceful professions. The main motive for their emergence was the desire to perpetuate the names of the best representatives of the Belarusian, Russian and Jewish cultures, who glorified their people, their country and their hometown of Kapyl.

Key words: onomasticon, cultural marker, onym, urbanonymy, national model of the world, national values, linguistic personality, representation.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 107–111)

Анамастычны тэкст з’яўляецца своеасаблівым спосабам захоўвання, перадачы, а таксама і трансфармацыі каштоўнасцей нацыі. У працэсе намінацыйнай дзейнасці намінатар геаграфічных аб’ектаў аб’ядноўвае ў сабе духоўнае і фізічнае. Ён успрымае свет і адлюстроўвае яго. Апрацоўваючы назву, намінатар выкарыстоўвае фонавыя веды, якія склаліся ў выніку шматвекавай гісторыі народа. Кагнітыўныя магчымасці і ментальныя ўяўленні таго, хто называе аб’екты, залежаць ад яго таленту і існуючага паўтаральнага шаблону або ўзору. Анамастычны тэкст убірае індывідуальнае і калектыўную свядомасць – намінатар дэманструе магчымасці свайго асобнага патэнцыялу і ў той самы час рэпрэзентуе мадэлі нацыянальнага светабачання. Намінатар апеллюе назвай, а мова, з’яўляючыся кагнітыўным, пазнавальным інструментам, замацоўвае вынікі ментальнай дзейнасці і асноўныя коды культуры.

У працэсе карыстання анамастычным тэкстам моўная асоба актыўна ўспрымае і пераўтварае інфармацыю. Кіруючыся ў сваёй разумовай дзейнасці нацыянальнай мадэллю свету, і намінатар, і карыстаннік выбіраюць прыкметы рэчаіснасці, найбольш блізкія і інфарматыўныя для носьбітаў гэтай культуры.

З’яўляючыся цэнтрчнымі, духоўныя каштоўнасці культуры непасрэдна ўбудаваны ў культуру і захоўваюцца на глыбінным узроўні грамадскай свядомасці [1, с. 166].

Мэта даследавання – выяўленне маркёраў культуры ў анамастыконе Капыля – горада, які ў 2021 г. стаў месцам святкавання XXVIII Дня беларускага пісьменства.

Матэрыял і метады. Даследаванне праводзілася на аснове матэрыялаў Дзяржаўнага кадастравага агенцтва Рэспублікі Беларусь. Выкарыстаны апісальны метад (прыёмы назірання, інтэрпрэтацыі, абагульнення, класіфікацыі), параўнальна-супастаўляльны, метад колькаснай апрацоўкі.

Вынікі і іх абмеркаванне. З культуралагічнага пункта гледжання ўласныя імёны, якія фігуруюць ва ўрбанімічных тэкстах, пераважна належаць беларускай / рускай культурам.

Пад тэкстам культуры ўрбанімікона мы разумеем найперш сукупнасць назваў ўнутрыградскіх аб’ектаў, утвораных ад антрапонімаў і тапонімаў пэўнага народа. Часцей за ўсё менавіта яны выступаюць тымі маркёрамі культуры, замацаванымі ў анамастычным тэксце, якія маркіруюць ключавыя прыкметы і ўстаноўкі розных культур. Культурныя маркёры з’яўляюцца своеасаблівымі носьбітамі нацыянальнай памяці народа, што акумуляуюць культурныя коды. Па гэтым параметры ўся разнастайнасць сучасных урбанімаў г. Капыля, матываваных імёнамі асоб, распадаецца на тры катэгорыі, якія ў трох тэкстах культуры адрозніваюцца і колькасна, і якасна.

Катэгорыя А ўключае найменні, у аснове якіх ляжаць прозвішчы дзеячаў навукі, культуры, мастацтва, герояў мірнага часу. Сярод іх:

1) найменні, утвораныя ад прозвішчаў або псеўданімаў пісьменнікаў, паэтаў, літаратурных крытыкаў:

а) гадонімы, асновай для якіх сталі прозвішчы

12-ці беларускіх пісьменнікаў, паэтаў, драматургаў, першадрукароў: вул. Адама Русака, вул. Астрэйкі, вул. Гурло, вул. Жылуновіча, вул. Коршака, вул. Кузьмы Чорнага, завул. Кузьмы Чорнага, вул. Максіма Багдановіча, вул. Францыска Скарыны, вул. Цішкі Гартнага, вул. Якуба Коласа, вул. Яна Скрыгана, вул. Янкі Купалы.

Неабходна адзначыць, што пераважная большасць з гэтых вуліц і завулкаў названая ў гонар паэтаў і пісьменнікаў Капыльшчыны (акрамя Якуба Коласа, Янкі Купалы і Максіма Багдановіча), якіх, дарэчы, сайт Капыльскай раённай цэнтральнай бібліятэкі імя А. Астрэйкі прыводзіць 28 прозвішчаў [2]. Пры гэтым нельга не заўважыць, што, нягледзячы на непажадана-сць сумеснага выкарыстання прозвішча і псеўданіма адной і той жа асобы для наймення розных аб'ектаў у межах аднаго населенага пункта, у горадзе ў гонар пісьменніка і палітычнага дзеяча Дзмітрыя Жылуновіча, вядомага пад псеўданімам Цішка Гартны, названы дзве вуліцы: вул. Жылуновіча і вул. Цішкі Гартнага.

Цікава і тое, што асобныя з ужытых у Капылі ў функцыі ўнутрыгарадскіх назвы характарызуюцца вельмі высокім фрэквентатывным паказчыкам: так, вуліцы / завулкі Янкі Купалы або Купалаўскія вуліцы ёсць у 130-ці паселішчах краіны, Якуба Коласа – ў 109-ці, Максіма Багдановіча – 16-ці, Францыска Скарыны – 14-ці і г.д.;

б) гадонімы, асновай для якіх сталі прозвішчы 2-х рускіх пісьменнікаў, паэтаў: вул. Максіма Горкага, завул. Максіма Горкага, вул. Пушкіна, завул. Пушкіна.

Па частотнасці выкарыстання ў Беларусі ў функцыі назваў вуліц, завулкаў, плошчаў і інш. імёны і прозвішчы названых рускіх пісьменнікаў ранжыруюцца наступным чынам: А. Пушкін выкарыстоўваецца ў 132-х; М. Горкі – у 130-ці паселішчах).

У адрозненне ад г. Іванава Брэсцкай вобласці (у 2018 г. прымаў XXV Дзень беларускага пісьменства), дзе колькасць лінейных аб'ектаў, што носяць прозвішчы беларускіх пісьменнікаў, паэтаў, першадрукароў, нязначна прэвалюе (іх 13, рускіх пісьменнікаў – 11) [3, с. 83], у Капылі назвы вуліц, утвораныя ад прозвішчаў рускіх паэтаў і пісьменнікаў, у тры з паловай разы саступаюць названым (іх 4, ад прозвішчаў беларускіх пісьменнікаў – 14). Яшчэ раз трэба адзначыць, што, калі ў 1970-я гады XX ст. у беларускіх паселішчах значна пераважалі найменні вуліц, матываваныя прозвішчамі рускіх пісьменнікаў, то ў трэцім дзесяцігоддзі XXI ст. назіраем адваротную карціну. Павелічэнне выкарыстання ў якасці назваў лінейных аб'ектаў прозвішчаў беларускіх пісьменнікаў і паэтаў знаходзіць тлумачэнне ў жаданні ўславіць імёны землякоў, падкрэсліць сувязь пісьменнікаў з Капылём;

2) да катэгорыі А назваў адносіцца таксама найменне, у аснове якога ляжыць прозвішча акадэміка, былога Галоўнага канструктара аўтамабілебудавання Беларусі Міхаіла Высоцкага.

Калі прадоўжыць параўнанне суадносін і асабліва-сцей рэпрэзентацыі тэкстаў культуры ўрбананіміко-

на г. Іванава і г. Капыля, то неабходна канстатаваць, што ва ўрбананіміконе другога з іх можна заўважыць рэпрэзентанты яшчэ аднаго тэкста культуры – яўрэйскага. Так, вул. Абрамовіча носіць імя заснавальніка новай класічнай яўрэйскай літаратуры Саламона Майсеевіча Абрамовіча, вядомага пад псеўданімам Мендэле Мойхер-Сфорым, які нарадзіўся ў Капылі, дзе яму адкрыта мемарыяльная дошка на будынку ўнівермага. Шолам Алейхем назваў Мендэле «дзядулем яўрэйскай літаратуры», сцвярджаў, што як мастак-рэаліст ён зрабіў для сваёй нацыянальнай культуры тое ж, што Го-галь для рускай [4].

Яўрэйскі тэкст культуры рэпрэзентуецца ў Капылі не толькі ўрбананімімі, але і адзінкамі іншых зон анамастычнай прасторы, у прыватнасці, некраніміі, дзе, дарэчы, пэўнае месца належыць і татарскаму тэксту культуры, які не пакінуў свайго адбітка ва ўрбананіміконе. Па словах Н. Морневай, «тут можна ўбачыць сведчанні зліцця і мірнага існавання розных культур, ілюстрацыю таго, як людзі, якія жылі на адной невялікай тэрыторыі, не страцілі сваю самабытна-сць, не прымушалі прымаць свае правілы, а паважалі культуру і традыцыі адзін аднаго. Тры месцы могілак у межах горада: хрысціянскія, татарскія і яўрэйскія. На магілах яўрэйскіх – надпісы на мове ідыш, на татарскіх могілах – надмагіллі з арабскай вяззю і паўмесяцам…» [5].

Як сведчыць праведзены аналіз, на ўсе разам назвы катэгорыі А, што рэпрэзентуюць беларускі, рускі і яўрэйскі тэксты культуры, сярод якіх заўважна прэвалюе беларускі, у горадзе прыходзіцца 20,7% ад агульнай колькасці гадонімаў (92 назвы). Гэта працэнтная лічба вельмі паказальная, бо яшчэ ў 1980-х гадах XX ст. назвы гэтай катэгорыі ў буйных гарадах Беларусі складалі ад 5,7% (у Віцебску) да 14,4% (у Магілёве) ад агульнага ліку назваў унутрыгарадскіх лінейных аб'ектаў супастаўляльных гарадоў.

Катэгорыю Б складаюць найменні, утвораныя ад прозвішчаў удзельнікаў паўстанняў, рэвалюцый і войнаў:

1) удзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны, Герояў Савецкага Саюза, ураджэнцаў Капыльшчыны, прозвішчы якіх рэпрэзентуюць беларускі тэкст культуры: вул. Рамашкі, вул. Талпекі.

2) правадыроў сялянскіх рухаў, бальшавікоў, прозвішчы якіх таксама рэпрэзентуюць беларускі тэкст культуры: вул. Каліноўскага, названыя ў гонар першага беларускага рэвалюцыйнага дэмакрата, мысліцеля, паэта, публіцыста, кіраўніка паўстання 1863–1864 гг. на Беларусі і ў Літве Канстанціна Сямёнавіча Каліноўскага; вул. Багдановіча, удзельніка трох рэвалюцый і грамадзянскай вайны, першага старшыні Капыльскага рэўкама Іосіфа Багдановіча.

Увогуле на долю ўнутрыгарадскіх аб'ектаў, названых у гонар удзельнікаў паўстанняў, рэвалюцый і войнаў, капылянамі адведзена толькі 4,4% гадонімаў. Цікава, што ў папярэднія гады на долю такіх назваў у розных гарадах Беларусі прыходзілася ад 8%

(у Віцебску) да 14% (у Гродна) ад агульнай колькасці назваў унутрыгарадскіх лінейных аб'ектаў.

Да катэгорыі В адносім назвы, асновай для якіх паслужылі імёны розных палітычных дзеячаў.

Сюды ўваходзяць назвы, матываваныя імёнамі:

1) буйнога гаспадарчага і палітычнага дзеяча Беларусі і Расійскай імперыі, мецэната, аднаго з найбагацейшых памешчыкаў Мінскай губерні, які стварыў шмат сядзібаў і гаспадарчых аб'ектаў, фундатора і ініцыятара будаўніцтва Чырвонага касцёла ў г. Мінску, у якім у 2016 г. быў беатыфікаваны пастулатарскай камісіяй, Эдварда Вайніловіча: вул. Вайніловіча;

2) вядомага савецкага партыйнага і дзяржаўнага дзеяча, ураджэнца маёнтка Дзяржынава Віленскай губерні, якое ў цяперашні час з'яўляецца Мінскай вобласцю Беларусі, Фелікса Дзяржынскага: вул. Дзяржынскага;

3) заснавальнікаў навуковага камунізму: вул. Леніна, пл. Леніна; вул. Фрыдрыхска-Энгельса.

Колькасць назваў катэгорыі В, як бачым, таксама абмежаваная, на іх долю прыходзіцца 5,4% ад агульнай колькасці гадонімаў горада. Паказальна, што яны рэпрэзентуюць і рускі, і беларускі тэксты культуры. Капыль у гэтым сэнсе адно з нешматлікіх паселішчаў Беларусі, у якім гадонімы, матываваныя імёнамі вядомых савецкіх партыйных і дзяржаўных дзеячаў, асноўнымі матывамі пры ўзнікненні якіх было імкненне праз ўслаўленне імён прадстаўнікоў новай улады зацвердзіць сацыяльны лад, імкненне замацаваць яго ідэалагічныя арыенціры, не выходзяць на першы

план, хаця назвы працягваюць існаваць як напамін пра адрэзак гісторыі і вялікую дзяржаву, у склад якой уваходзіў і горад Капыль.

Прыведзеныя паказчыкі дазваляюць зрабіць выснову, у адпаведнасці з якой найбольш запатрабаванымі сярод адантрапанічных урбанонімаў аналізаванага паселішча з'яўляюцца назвы катэгорыі А; матывы найменняў катэгорыі Б і В цяпер вымушаны кваліфікаваць як неактуальныя.

Беларускі тэкст культуры складаюць таксама назвы лінейных аб'ектаў, утвораныя ад тапонімаў Беларусі, найперш Міншчыны, – пяці найменняў паселішчаў, у кірунку якіх вуліцы і завулак вядуць (Грозаўская вул., Мінская вул., Нясвіжская вул., 1-ы Нясвіжскі завул., 2-і Нясвіжскі завул., Цімкавіцкая вул., Скабінская вул.), і наймення мікрараёна горада, на тэрыторыі якога лінейны аб'ект узнік, – вул. Русанкі (табл.).

Гадонімаў адайканімнага паходжання, якія б рэпрэзентавалі рускі тэкст культуры, не зарэгістравана.

Мяркуем, у якасці пэўных складнікаў і рэпрэзентантаў анамастычнага тэксту культуры можна разглядаць і 22 назвы ўнутрыгарадскіх аб'ектаў, што адлюстроўваюць святы і падзеі савецкай і сучаснай эпохі, 12 (13,0%) з якіх бліжэй да рускага тэксту культуры: Пралетарская вул., Камсамольская вул., Кастрычніцкая вул., Савецкая вул., Савецкі завул., 2-і Савецкі завул., Трактарная вул., Трактарны завул., Піянерская вул., Маладзёжная вул., Парызанская вул., Працоўная вул., – а 10 (10,9%), узнікшых да 50-цігадовага юбілею БССР (вул. 50 год БССР) і да 700-годдзя

Табліца

Праэнтны склад адонімных назваў лінейных аб'ектаў г. Капыля

Катэгорыя назвы	Тэматычная група	Беларускі тэкст культуры	Рускі тэкст культуры	Яўрэйскі тэкст культуры
Катэгорыя А				
	Ад прозвішчаў пісьменнікаў, паэтаў	14–15,2%	4–4,4%	1–1,1%
	Ад прозвішчаў канструктараў	1–1,1%	–	
Усяго катэгорыі А		15–16,3%	4–4,4%	
Катэгорыя Б	Ад прозвішчаў правадыроў сялянскіх рухаў, балышавікоў	2–2,2%	–	
	Ад прозвішчаў удзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны	2–2,2%	–	
Усяго катэгорыі Б		4–4,4%	–	
Катэгорыя В	Ад прозвішчаў гаспадарчых і палітычных дзеячаў	1–1,1%	–	
	Ад прозвішчаў вядомых савецкіх партыйных і дзяржаўных дзеячаў	–	1–1,1%	
	Ад прозвішчаў заснавальнікаў навукова камунізму	–	3–3,3%	
Усяго катэгорыі В		1–1,1%	4–4,4%	
	Ад тапонімаў	8–8,8%	–	
Усяго трох катэгорый		28–30,4%	8–8,8%	

г. Капыля (Юбилейная вул. (цяпер вул. Якуба Коласа), а пазней 1–9-ы Юбилейныя завулкі), – да беларускага тэксту культуры.

Паклаўшы ў аснову аналізу культураспадчынную функцыю ўрбананімікону, можна выявіць іншыя тыпы культурных маркёраў:

1) кагнітыўныя маркёры, якія дэманструюць сукупнасць сэнсаў і ўсёй сумы уяўленняў аб важных катэгорыях чалавечага быцця. Галоўнай кагнітыўнай адзінкай выступае канцэпт – быццёва-культурнае ўтварэнне, што адпраўляе да вышэйшых духоўных каштоўнасцей народа. У якасці ядзерных канцэптаў капыльскага ўрбананімікону выступаюць такія канцэпты, як поспех (назвы ў гонар капыльскіх і шырэй беларускіх пісьменнікаў, канструктараў), слава, воля (назвы ў гонар удзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны), патрыятызм (назвы ў гонар капылян і ад найменняў Капыльшчыны і шырэй Беларусі), любоў (да землякоў і роднай зямлі), улада (назвы, што адлюстроўваюць святы і падзеі, найменні катэгорыі В);

2) прасторава-часавыя маркёры, якія рэпрэзентуюць асаблівы шлях народа і выступаюць своеасаблівым адбіткам гістарычна назапашанага вопыту жыцця капылян (Замкавая вул.);

3) сімвалыя маркёры, якія ўвасабляюць у памяці нацыі розныя сімвалы – падзеі-сімвалы і людзі-сімвалы. Урбананімікон Капыля вербалізуе сімвалы беларусаў – Перамогу ў Вялікай Айчыннай вайне і людзей, якія зрабілі важкі ўнёсак у развіццё Беларусі і горада.

Дзякуючы названым маркёрам, любы ўрбананімікон здольны рэалізаваць культураспадчынную функцыю, плённа трансляваць аксіялогію быцця беларусаў.

Заклучэнне. Такім чынам, падводзячы вынікі, неабходна адзначыць, што ўрбананімікон любога беларускага паселішча ўтрымлівае маркёры культуры, замацаваныя ў канцэптуальным анамастычным дыскурсе, якія маркіруюць ключавыя прыкметы і ўстаноўкі розных культур, у прыватнасці у Капылі, акрамя беларускай, таксама рускай і яўрэйскай культур.

Часцей за ўсё маркёрамі культуры, замацаванымі ў анамастычным тэксце, з’яўляюцца адантрапанімныя і адтапанімныя ўрбананімы, назвы ўнутрыгарадскіх аб’ектаў, што адлюстроўваюць святы і падзеі савецкай і сучаснай эпохі; з боку выканання ўрбананіміконам культураспадчыннай функцыі дыферэнцыруюцца кагнітыўныя, прасторава-часавыя і сімвалічныя маркёры.

Беларускі, рускі і яўрэйскі тэксты культуры па-рознаму прадстаўлены ва ўрбананімнай прасторы г. Капыля (41,3%, 21,8 і 1,1% адпаведна). Спецыфіка іх рэпрэзентацыі заключаецца ў рознай долі ўдзелу адтапанімных, адантрапанімных найменняў катэгорый А, Б, В і назваў, што адлюстроўваюць святы і падзеі. Так, беларускі тэкст культуры рэпрэзентуецца з дапамогай адантрапанімных назваў катэгорый А, Б, В і адтапанімных найменняў. Галоўнымі ж рэпрэзэнтантамі рускага тэксту культуры ў Капылі выступаюць адантрапанімныя назвы катэгорый А і В пры адсутнасці найменняў катэгорыі Б і адтапанімных найменняў лінейных аб’ектаў. Яўрэйскі тэкст культуры абмежаваны толькі назвай катэгорыі А.

Кожнаму народу ўласцівы свае схемы, у якіх ён мадэлюе з’явы свайго жыцця. Зразумела, маркёры гістарычна зменлівыя, але ў той самы час з боку асаблівасцей гэтага мадэлявання і ўстойлівых. Менавіта таму яны дазваляюць разумець, захоўваць і трансліраваць аксіясферу нацыянальнай культуры. Што да ўрбананімікона горада Капыля, то ён вылучаецца сярод іншых значнай перавагай намінацый катэгорыі А, матываваных імёнамі людзей мірных прафесій. Асноўным матывам пры іх узнікненні з’явілася жаданне ўвекавечыць імёны лепшых прадстаўнікоў беларускай, рускай і яўрэйскай культур, што праславілі свой народ, сваю краіну і родны г. Капыль.

Літаратура

1. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
2. Паэты і пісьменнікі Капыльшчыны [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://kopyl.by/kopyl/znamenit/paety-i-pismenniki-kapylshchyny>. – Дата доступу: 10.07.2021.
3. Мезенка, Г.М. Беларускі і рускі тэксты культуры ва ўрбананімнай прасторы г. Іванава: суадносіны, асаблівасці рэпрэзентацыі / Г.М. Мезенка // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Сер. А. Гуманитарные науки. – 2019. – № 2. – С. 83.
4. «Дедушка еврейской литературы» – наш земляк... [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://www.kopyl.by/?p=9677>. – Дата доступу: 10.07.2021.
5. Копыль: древние курганы, еврейские захоронения, флер татарщины и мозаика сграффито [Электронны рэсурс]. – 2020. – Рэжым доступу: <https://officelife.media/article/after-work/18193-kopyl/>. – Дата доступу: 11.07.2021.

Паступіў у рэдакцыю 07.09.2021

Образы античности в поэзии В. Брюсова и М. Богдановича

Васильева С.Г.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

В статье исследуется использование античных художественных образов в поэзии В. Брюсова и М. Богдановича. На основании анализа рецепции образов утверждается, что мифологический материал был важным художественным средством в поэзии вышеупомянутых авторов и интерпретация культурного наследия Античности в стихотворениях каждого поэта сугубо индивидуальна.

Цель статьи – на материале избранных произведений В. Брюсова и М. Богдановича изучить проблему рецепции античных художественных образов, определить их специфику в творчестве указанных поэтов.

Материал и методы. Материалом для литературоведческого анализа послужили избранные стихотворения В. Брюсова и М. Богдановича. Научное исследование проведено с помощью культурно-исторического метода, также использованы приемы компаративного анализа художественных текстов.

Результаты и их обсуждение. Изучение творчества В. Брюсова и М. Богдановича, затрагивающее тематику Античности, показало обращение авторов к схожим образам, которые свидетельствуют о высоком уровне художественного мастерства, широкой эрудиции, стремлении осваивать традиции мировой литературы и прививать их национальной поэзии.

Заключение. На основании проведенного компаративного анализа избранной лирики В. Брюсова и М. Богдановича можно утверждать, что образы античности в произведениях В. Брюсова и М. Богдановича не были редким явлением, через рецепцию образов античной культуры писатели обогащали национальные литературы новыми темами, сюжетами, художественными идеями. Следует отметить, что в силу внешних причин количество образов античности, мифологических референций в творчестве М. Богдановича меньше, чем в поэзии В. Брюсова.

Ключевые слова: Античность, поэтика, художественный образ, взаимодействие литератур, символизм, компаративный анализ.

(Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 112–115)

Images of Antiquity in the Poetry of V. Bryusov and M. Bogdanovich

Vasilyeva S.G.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article examines the use of antique artistic images in V. Bryusov's and M. Bogdanovich's poetry. Based on the analysis of the reception of images, it is argued that the mythological material was an important artistic means in the poetry of the above-mentioned authors and the interpretation of the cultural heritage of Antiquity in the poems of each poet is purely individual.

The purpose of the article is to study the issue of the reception of ancient artistic images on the material of selected V. Bryusov's and M. Bogdanovich's works and to determine their specifics in the works of these poets.

Material and methods. The selected V. Bryusov's and M. Bogdanovich's poems served as the material for literary analysis. The scientific research was carried out using the cultural-historical method as well as methods of comparative analysis of literary texts.

Findings and their discussion. The study V. Bryusov's and M. Bogdanovich's works which touch upon the theme of Antiquity showed the authors' appeal to similar images, which indicate a high level of artistic skill, broad erudition, the desire to master the traditions of world literature and instill them in national poetry.

Conclusion. Based on the comparative analysis of the selected lyrics of V. Bryusov and M. Bogdanovich, it can be argued that the images of Antiquity in V. Bryusov's and M. Bogdanovich's works are frequent. Through the reception of images of antique culture, writers enriched national literatures with new themes, plots, artistic ideas. It should be noted that due to external reasons, the number of images of Antiquity, mythological receptions in M. Bogdanovich's work is fewer than in the poetry of V. Bryusov.

Key words: Antiquity, poetics, artistic image, interaction of literatures, symbolism, comparative analysis.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 112–115)

Актуальным направлением современного литературоведения являются компаративные исследования белорусской литературы в контексте мировой. В связи с этим особый интерес вызывает проблема рецепции античного наследия в произведениях классика белорусской литературы М. Богдановича и русского поэта-символиста В. Брюсова. Нет сомнений в том, что эпоха Античности интересовала Валерия Брюсова и Максима Богдановича. У В. Брюсова, кроме многочисленных отсылок в поэтических текстах, есть два романа: «Алтарь Победы» и «Юпитер поверженный» (остался незаконченным), которые описывают битву язычества и христианства, не закончившуюся к IV веку нашей эры. Оба текста содержат множество упоминаний о богах, писателях, философах, исторических деятелях древних времен. Академик М.Л. Гаспаров упрекал Брюсова в том, что тот перенасыщал свои произведения незнакомыми русскому читателю латинскими терминами и реалиями, затрудняя тем самым их восприятие. Специалисты по творчеству М. Богдановича связывают интерес белорусского писателя к памятникам древности с особенностями его переводческой деятельности, а также со смелыми художественными экспериментами. Нельзя не согласиться с мнением академика В.В. Гниломедова: *«Вопыт М. Багдановіча ўспрымаецца сёння як таленавіты эксперымент, у выніку якога літаратура папоўнілася арыгінальнымі творамі. Аднак напрамак, на якім пайшло далейшае развіццё беларускай паэзіі, не стаў паўтарэннем “забытага шляху”, пра які нагадаў знакаміты паэт. Гэта быў шлях яскрава выўленай індывідуальнай творчасці»* [1, с. 77].

Цель статьи – на материале избранных произведений В. Брюсова и М. Богдановича изучить проблему рецепции античных художественных образов, определить их специфику в творчестве указанных поэтов.

Материал и методы. Материалом для литературоведческого анализа послужили избранные стихотворения В. Брюсова и М. Богдановича. Научное исследование проведено с помощью культурно-исторического метода, также использованы приемы компаративного анализа художественных текстов.

Результаты и их обсуждение. Изучением поэзии В. Брюсова, затрагивающей тематику Античности, занимались С.А. Хангулян, А.Ю. Фомин, в прозе античные мотивы у русского символиста исследовали Н.М. Хачатрян, А.И. Маленин, М.Л. Гаспаров, М.В. Покачалова, О.К. Страшкова, О.О. Хрусталева, Ю.А. Бондаренко, С. Гиндина, С.В. Шервинский и другие [2, с. 81]. Внушительный накопившейся пласт исследований поэзии белорусского писателя содержит сравнительный анализ с творчеством А. Блока, М. Лермонтова, О. Мандельштама, А. Майкова, Я. Полонского, А. Фета, А. Пушкина, также с поэтами украинской, французской, болгарской, японской литератур. К XXI веку литературоведы уверены в «диалогичности и восприимчивости, открытости влияниям» [3, с. 14] и в «мультикультурности» [4, с. 4] поэзии

Богдановича. Попытки сравнить творчество М. Богдановича с творчеством В. Брюсова принадлежали П.В. Васюченко, В. Жибуль, Сибато Кена, В.Ф. Клебанову, Н.М. Позняку, А.О. Шелемовой, А.С. Василевской. Работы, затрагивающие тему рецепции мотивов античности в творчестве М. Богдановича, только частично осмыслились отечественным литературоведением, определенный вклад в разработку данной проблемы сделан М. Трусом.

Оба поэта часто упоминали в своем творчестве классического персонажа древнегреческой мифологии Геракла. У Богдановича Геракл «дужы» (цикл «Думы»), у Брюсова он «мощен» («Орфей и Аргонавты»). И у Богдановича, и у Брюсова Геракл – воплощение силы и могущества, но сюжетные линии и детали изображения Геракла у поэтов разнятся. М. Богданович в стихотворении упоминает побежденного бога Антея и мать Гею, лирический герой сокрушается о сломанной жизни, «ожидая могилы» (здесь явная отсылка к неизлечимой болезни поэта), но все-таки верит в лучшее. У В. Брюсова художественный текст насыщен персонажами греческой мифологии (Тифис, Аргон, Менотий, Орфей, Ариадна, Нелей, Язон), оно экспрессивно, эмоционально, но лишено нот трагичности.

В стихотворениях и эпиграфах писателей ведущие образы античности можно разделить на следующие группы:

- образы античных философов и писателей, политиков: у В. Брюсова – Пифагор (эпиграф), Гомер, Эсхил (драматург), Катулл (эпиграф), Оракул (жрец), Ассаргадон (царь), Перикл (оратор, политик), Архимед (ученый); у М. Богдановича – Катулл (поэт), Анакреон (поэт);

- особенности быта: у В. Брюсова – амфора, хитон, кубок, колесница, дальний лавр, Аполлонова стрела, Аргон (корабль), золотое руно, кинжал, лира, ахейские суда, клинок, саркофаг;

- образы античных богов и героев: у М. Богдановича – Эрос (бог любви), Аполлон (покровителя искусства), мать Гея (богиня Земли), Антей (великан, царь Ливии), Геракл (сын Зевса), Афина (богиня мудрости), Муза (источник вдохновения), Антей (герой), Пегас, конь крылатый, Купидон, Камена (нимфа ручьев и мелких водоемов), Ариадна (древнее критское божество, воплощение самоотверженной любви); у В. Брюсова – Фива (нимфа), Эвридика (лесная нимфа), Орфей (музыкант), Астарта (богиня любви и власти), Геката (богиня преисподней, таинственного), Деметра (богиня плодородия), Тесей (герой греческой мифологии), Афина (богиня мудрости), Эгей (царь), Ариадна (царевна), Ахиллес (Ахилл), Поликсена (возлюбленная Ахиллеса), Прометей (титан), Калипсо (нимфа), Минотавр (чудовище), Дедал (изобретатель), Эреб (символ мрака), Дидона (царица Карфагена), Урания (дочь Зевса), Феба (титанида), Фазтон (персонаж), Кронион (одно из имен Зевса), Океаниды (нимфы), Федра (вторая жена Тесея), Афродита (богиня красоты, любви), Елена, Зевс, Линкей (сын Эгипта),

Эней (герой Троянской войны), Клитемнестра (дочь Леды и Тиндарея), Радамант (сын Зевса и Европы), Эгист (Эгисф), эвмениды (богини-мстительницы), Персей, Деметра (богиня плодородия).

– образы географических объектов: М. Богданович – Гиппокрена (священный источник), Эребус (вулкан); В. Брюсов – Троя (город), Атрид, Симплегады (острова), Карфаген (город), Эллада, Саламин и Милет (острова), Афины (город), Стикс (река).

У Брюсова встречается упоминание Рока (роково-го) как символ веры в предрешенность жизни человека. Известно, образ Рока имеет давнюю историю, являясь одним из основополагающих факторов античной трагедии, он гармонично вплетается в канву произведений русского поэта, придавая им символическую окраску. Всемогущую силу неизбежности судьбы Брюсов использует не только в стилизованных стихотворениях (например, в стихотворении «Рок», 1911 г.), в поэтическом тексте «Меня, искавшего безумий...» автор описывает знакомство лирического героя с возлюбленной благодаря силам Рока, и в стихотворении «Октябрь 1917 года» (1920) связывает произошедшие события во Франции и России с его влиянием: «*Есть месяцы, отмеченные Роком / В календаре столетий*» [5, с. 418]. У белорусского поэта прямых отсылок к образу Рока нами не обнаружено.

У М. Богдановича в стихотворении «Успамін» вырисовывается образ Катулла: «*Дзень гэты, – так пісаў Катул, – / Я белым камнем адзначу*» [6, с. 203], где «белым камнем адзначу» соответствует известному латинскому крылатому выражению, означающему особо удачные дни. Для главного героя этот день является памятным благодаря встрече, очевидно, с возлюбленной, и ею написанным словам на песке, что имела в виду прекрасная незнакомка, мы не знаем: «*Штось ручкі мілыя пісалі, / Што – не скажу*» [6, с. 203]. Автор надеется на догадливость, фантазию читателя. Примечательно, что небольшое стихотворение из восьми строчек М. Богдановича полностью соответствует канонам символизма, описанным В. Ивановым в 1912 г. («Мысли о символизме»), который указывает, что в произведении символизма должны присутствовать цвет (в данном случае, у Богдановича – белый камень), звук (гул лип), идея (до сих пор я рад), и все должно быть осознанно воспринято читателем («*Вы адгадалі, / І словы ўжо на языку*» [6, с. 203]).

У В. Брюсова античный поэт фигурирует в названии произведения «В духе Катулла» (1913), тем самым автор проводит аналогию с поэтическим стилем писателя, сохраняя метрику (цесуры) и насыщая текст античными образами (Скиф, Амор). Стихотворение, как и у белорусского поэта, лирично, герой говорит об инстинктивности любви, опровергая высказывания Овидия о «науке в любви».

Еще один показательный образ в поэзии Богдановича – Анакреон (Анакреонт), творчество которого посвящено преимущественно гедонистической тематике. В стихотворении «Бледны, хілы, ўсё ж люблю я»

при помощи антитезы подчеркивается живость и экспрессивность поэзии Анакреонта, автор сравнивает ее с вином, которое с годами становится только лучше, М. Богданович намекает на важность обращения к классическим канонам и вдохновение античными образно-символическими реалиями.

Безусловно, использованные реминисценции из античной мифологии и литературы у Максима Богдановича не столь многочисленны, как у русского классика (Сидон, Карфаген; симплегады, нить Ариадны, альков, амфора, лира, золотое руно; жрицы, Орфей, гетеры, скифы; Цирцея, Психея, Киприда, Гека-та, Эгей, Ариадна, аргонавт, Минотавр и др.), но они свидетельствуют о высоком уровне художественного мастерства, широкой эрудиции, стремлении осваивать традиции мировой литературы и прививать их белорусской поэзии.

Богдановича и Брюсова интересовали художественные возможности античной метрики и ритмики в условиях начала XX века. М.В. Трус справедливо отмечал, характеризуя стиль М. Богдановича-поэта в так называемой «Московской тетради»: «*Перед нами образец освоения М. Богдановичем традиций античной литературы. Первая страница тетради М. Богдановича, страница московской тетради поэзии (Платон, Менандр, Архилох и др.). У белорусского автора подобные произведения (их также можно назвать стилизациями или имитациями) были включены в подборку “Пентаметры” цикла стихов “Старая спадчына”. Исследователям известно, что в авторском экземпляре “Вянка” заголовок “Пентаметры” был изменен поэтом на “Элегічныя дысціхі”*» [7, с. 28]. Как известно, древнегреческие поэты называли элегическими дистихами произведения, написанные с помощью пентаметра и гексаметра. Так называемые «Пентаметры» (эпиграфом для которых послужили символические строки В. Брюсова «*Мы зерна древние лелеем, / Мы урожай столетий жнем*» [6, с. 108]) М. Богдановича – имитация элегического дистиха с доминированием философского осмысления жизни. У русского поэта стихотворения-стилизации также оформлены в циклы, сборники стихотворений концептуально структурированы. Подчеркнем, что особенность эстетических взглядов Брюсова состояла в отождествлении поэтического сборника с прозаическим текстом (романом, трактатом), в позиционировании идеи, что «*книга стихов должна быть не случайным сборником разнородных стихотворений, а именно замкнутым целым, объединенным единым смыслом*» [5, с. 502]. Примечательно, что с эпиграфа В. Брюсова начинается стихотворение «Уступ» (цикл «Места») М. Богдановича, где появляется образ Пегаса, символизирующего вдохновение и желание поэта писать о городских реалиях: «*Пачую я тэй іскры жалы, – / І верш аб месце з сэрца мкне*» [6, с. 68].

В. Брюсов хотел, чтобы русское стихосложение наряду с европейским апробировало все стихотворные формы, усовершенствовав их, к этому стремился

в белорусской литературе ее классик М. Богданович. В книге «Опыт по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам» (1912–1918) В. Брюсов писал об обязательном разделении искусства на творческую и техническую сторону, приводя при этом примеры античной метрики и ритмики. Примечательно, что сборник «Семь цветов радуги», где русский поэт экспериментировал с состоящей из гекзаметров строкой, рецензировал в 1916 году М. Богданович.

Заключение. На основании проведенного компаративного анализа избранной лирики В. Брюсова и М. Богдановича можно утверждать, что образы античности в произведениях В. Брюсова и М. Богдановича не были редким явлением, через рецепцию образов античной культуры писатели обогащали национальные литературы новыми темами, сюжетами, художественными идеями. Следует отметить, что в силу внешних причин количество образов античности, мифологических рецепций в творчестве М. Богдановича меньше, чем в поэзии В. Брюсова. Русский символист В. Брюсов обратился к античному наследию, используя его как органичную основу индивидуального образного мышления, античные мотивы в стихотворениях В. Брюсова не только служат маркерами индивидуального поэтического стиля, они доказывают включенность литературного процесса России в общеевропейский литературный контекст, говорят о преемственности традиций, интеллектуальности поэтического мышления русского поэта. Классик белорусской литературы М. Богданович был восприимчивым европейской литературной традиции, поэт часто использовал в качестве эпиграфов строки из стихотворений европейских поэтов. Обращаясь к культурному

наследию Античности, М. Богданович не только продемонстрировал оригинальность, индивидуальность художественного осмысления мироздания, поэт показал сопричастность белорусской литературы мировой культуре и литературе.

Литература

1. Гніламёдаў, У. Ад даўніны да сучаснасці: нарыс пра беларускую паэзію / У. Гніламёдаў. – Мінск: Маст. літ., 2001. – 246 с.
2. Золина, Д.В. Рецепция творчества как мистерии в поэзии В. Брюсова / Д.В. Золина // Вестн. КГУ им. В.И. Ленина. – 2015. – № 4. – С. 81–99.
3. Верина, У.Ю. Верлибр Серебряного века (А. Блок и М. Богданович) / У.Ю. Верина // Научные труды кафедры литературы БГУ. – Минск, 2012. – Вып. VII. – С. 14–24.
4. Жигалова, М.П. Этновитальность и мультикультурность в судьбе и творчестве Максима Богдановича [Электронный ресурс] / М.П. Жигалова // Мастоцкі свет Максіма Багдановіча: адметнасць, шматграннасць, універсальнасць: зб. навук. арт. / Беларус. дзярж. пед. ун-т; рэдкал.: В.Д. Старычонак [і інш.]; адк. рэд. В.Д. Старычонак. – Мінск: БДПУ, 2012. – Режим доступа: <https://elib.bspu.by/handle/doc/36658>. – Дата доступа: 14.03.2021.
5. Брюсов, В.Я. Избранные сочинения / сост., вступ. статья и примеч. А. Козловского / В.Я. Брюсов. – М.: Худож. лит., 1980. – 574 с.
6. Багдановіч, М. Зорка Венера: творы / уклад. і прадм. А. Клышкі / М. Багдановіч. – Мінск: Маст. літ., 1991. – 462 с.
7. Трус, М. Московская тетрадь М. Богдановича / М. Трус // Беларус. думка. – 2018. – № 12. – С. 24–28.

Поступила в редакцию 16.09.2021

Эсхатологические модели образа будущего в сборнике «Апокалипсис³» М. Максимова

Волк Е.А.

Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», Минск

Эсхатологическая тема является одной из наиболее востребованных и популярных тем в творчестве многих писателей современности. К теме духовного кризиса человечества обращается и русский прозаик Макс Максимов в фантастической антологии «Апокалипсис³», состоящей из трех повестей-антиутопий – «Вход в Рай», «Укрытие» и «Когда идет снег». В статье раскрывается своеобразие восприятия писателем темы конца света и анализируются созданные автором оригинальные вариации эсхатологических моделей образа будущего мира, в которых соединяются традиционные христианские апокалиптические мотивы и изображение рационалистического видения темы конца света, присущего современной эсхатологической мысли.

Цель работы – выявить особенности интерпретации образа апокалипсиса и вариации моделей эсхатологических миров в сборнике «Апокалипсис³» современного русского прозаика М. Максимова.

Материал и методы. В качестве материала для исследования выбран сборник антиутопических повестей «Апокалипсис» (2019) М. Максимова, так как образ конца света является центральным мотивом, проходящим красной нитью через всю антологию. Для анализа темы апокалипсиса используются основные приемы таких основных литературоведческих методов, как герменевтический и культурно-исторический, что помогает наиболее полно раскрыть особенности восприятия писателем апокалиптической темы в антологии.

Результаты и их обсуждение. В статье анализируются созданные писателем вариации светопредставления, модели эсхатологических миров и типы апокалиптического сознания героев. Определяется авторская позиция по отношению к современному обществу, находящемуся, согласно точке зрения М. Максимова, в кризисном, лиминальном состоянии: в каждой из повестей-антиутопий испорченный мир оказывается в ситуации апокалипсиса из-за состояния духовной стагнации общества. Конец света представляется писателю необходимым эволюционным этапом развития общества для нравственного очищения, что нехарактерно для современного эсхатологического дискурса. Выявляется новый тип героя-«миссии» – «Безумный спаситель», популярный в современных эсхатологических романах. По мнению автора, «Безумец» отражает сумасшедшее состояние окружающей писателя действительности. Эсхатология в сборнике выступает как социальная и антропологическая рефлексия образа настоящего.

Заключение. В антологии «Апокалипсис³» писатель создает оригинальные вариации эсхатологических моделей испорченного мира, соединяя традиционные апокалиптические мотивы и изображение современного, рационалистического видения темы конца света. В каждой из повестей-антиутопий испорченный мир оказывается на грани гибели из-за состояния духовной стагнации общества. В антологии автор предлагает несколько путей развития человечества, однако сам настроен крайне пессимистично.

Ключевые слова: современная русская проза, антиутопия, эсхатологический мотив, духовный апокалипсис, Макс Максимов. (Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 116–120)

Eschatological Models of the Image of the Future in the Story Collection “Apocalypse³” by M. Maximov

Volk E.A.

Educational Establishment “Belarusian State Maksim Tank Pedagogical University”, Minsk

The eschatological theme is one of the most demanded and popular themes in the work of many modern writers. The Russian novelist Max Maximov also addresses the theme of the spiritual crisis of humankind in his fantastic anthology “Apocalypse³”, which consists of three dystopian novellas – “Entrance to Paradise”, “Shelter” and “When It Snows”. The article reveals the originality of the writer’s perception of the theme of the end of the world and analyzes the original variations of eschatological models of the image of the future world created by the author, which combine traditional Christian apocalyptic motives and the image of a rationalistic vision of the theme of the end of the world inherent in modern eschatological thought.

Адрес для корреспонденции: e-mail: lizzilondon@mail.ru – Е.А. Волк

The objective of the article is to reveal the peculiarities of the interpretation of the image of the Apocalypse and variations in the models of eschatological worlds in the story collection "Apocalypse³" by the modern Russian novelist M. Maximov.

Material and methods. The story collection "Apocalypse³" by M. Maximov (2019) was chosen as the material for the research, because the image of the end of the world is the central motif that runs like a red thread throughout the anthology. The basic techniques of such basic literary methods as hermeneutical and cultural-historical are used for the literary analysis of the apocalyptic theme, which helps to make deep research of the peculiarities of the author's perception of the apocalyptic theme in the anthology.

Findings and their discussion. The article analyzes the variations of the end of the world created by the writer; models of eschatological worlds and types of apocalyptic feelings of the heroes. The author's position is determined in relation to modern society, which, according to M. Maximov's point of view, is in a crisis, liminal state: in each of the dystopian stories, the spoiled world finds itself in a situation of apocalypse due to the state of spiritual stagnation of society. The end of the world, according to opinion of the writer, as a necessary evolutionary stage in the development of society for moral purification, what is not typical for modern eschatological discourse. A new type of hero- "messiah" is revealed – "The Mad Savior", which is popular in modern eschatological novels. According to the opinion of the author, "The Madman" reflects the crazy state of the reality surrounding the writer. Eschatology in the story collection acts as a social and anthropological reflection of the image of the present.

Conclusion. In the anthology "Apocalypse³" the writer creates original variations of eschatological models of a depraved world, combining traditional apocalyptic motives and the image of a modern, rationalistic vision of the theme of the end of the world. In each of the dystopian stories, the depraved world is on the verge of death due to the state of spiritual stagnation of society. In the anthology, the author offers several ways of human development, but he is extremely pessimistic.

Key words: modern Russian prose, dystopia, eschatological motive, spiritual apocalypse, Max Maximov.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 116–120)

В начале XXI столетия тема апокалипсиса «становится отчетливой универсальной чертой современного общественного сознания» [1, с. 21–22], которая определяет устремленность писательского взгляда в будущее и в то же время выступает в качестве метода авторской интерпретации образа настоящего: вариации образа конца света в литературных произведениях предстают в качестве исследовательской парадигмы эпохи современности. Писатели изображают пугающие и тревожные картины недалекого будущего в попытках дать оценку происходящему, обозначить проблемы современного им общества, представив их читателю в отстраненном или утрированном виде.

К теме духовного кризиса человечества обращается современный русский прозаик Макс Максимов¹ в фантастической антологии «Апокалипсис³» (2019), состоящей из трех повестей-катастроф: «Вход в рай», «Укрытие» и «Когда идет снег». Трудно говорить об изученности хотя бы отдельных аспектов произведений, вошедших в антологию, по причине недавней публикации сборника и популярности автора в узких кругах.

Цель работы – выявить особенности интерпретации образа апокалипсиса и вариации моделей эсхатологических миров в сборнике «Апокалипсис³» М. Максимова.

Материал и методы. В качестве материала для исследования выбран сборник антиутопических повестей «Апокалипсис³» (2019) М. Максимова, так как образ конца света является центральным мотивом, проходящим красной нитью через всю антологию. Для анализа темы апокалипсиса используются основные приемы таких основных литературоведческих методов, как герменевтический и культурно-историче-

ский, что помогает наиболее полно раскрыть особенности восприятия писателем апокалиптической темы в антологии.

Результаты и их обсуждение. Эсхатология в сборнике выступает как социальная и антропологическая рефлексия образа настоящего. В каждом произведении автор прибегает к приему ретроспекции и нелинейному повествованию, параллельно развивая несколько сюжетных линий, которые объединены между собой общей темой исхода времен и идеей необходимости духовного возрождения как основы здорового и социально-справедливого общества. По мнению автора, наступление всеобщего конца – это переходное событие для человечества, «естественный ход событий, и каждая разумная цивилизация проходит свой апокалипсис <...> это как необходимый опыт, как урок, без которого не выстроить нормальное общество» [2, с. 297]. Таким образом, ситуация апокалипсиса воспринимается М. Максимовым не как конечная точка, а как один из неизбежных этапов эволюции, выполняя в творчестве прозаика функцию нравственного суда человечества над самим собой.

Согласно классификации эсхатологических миров И.А. Бессонова, все три антиутопические повести соответствуют модели испорченного мира, для которого характерны физическая и моральная деградация человека, десоциализация, опустошение Земли, умирающая Вселенная [3]. Тема исхода времен представлена в сборнике в антропологическом ракурсе и раскрывается автором на разных философских уровнях: онтологическом, глобально-космическом, аксиологическом, нравственно-этическом [4]. Писатель рисует мрачные и тревожные картины наступления конца света, реализуя в произведениях различные вариации эсхатологических сценариев и описывая модели апокалиптического сознания героев.

Так, в повести «Вход в рай» М. Максимов моделирует изображение исхода времен на основе христи-

¹ Следует различать писателей Макса Максимова и Максима Максимова. Настоящее имя исследуемого в статье автора – Афанасьев Максим Викторович, а Макс Максимов – его литературный псевдоним.

анского представления о Судном дне, соединяя его с рационалистической идеей техногенной катастрофы. Автор произведения обращается к средневековому образу конца света, наполненному аллюзиями на страшные эсхатологические зарисовки апокалипсиса, описанные в пророчествах Нового Завета. Герои повести узнают о приближении конца света по классическим библейским апокалиптическим приметам: наступает Царство и спасенная часть человечества обретает бессмертие, мертвые поднимаются из могил, уподобляясь живым, болящие и страждущие выздоравливают, чтобы явиться на Страшный суд (см. «Первое послание к Коринфянам»: *не все мы умрём, но все изменимся* (1 Кор. 15:51–52) [5]). С приближением светопредставления при вмешательстве божественных сил пространство начинается сужаться, а категория времени исчезает, что является одним из традиционных эсхатологических мотивов. Время перестает существовать, потому что оно было сотворено Богом, следовательно, оно конечно, и с наступлением конца света в мире воцаряется вечность.

Согласно апокалиптическим текстам, ангелы должны прийти на Землю, чтобы отделить праведников от грешников. Однако в произведении «Вход в Рай» последний суд мало напоминает канонический библейский образ: злодеев и нечестивцев разрывают на куски падшие ангелы, больше похожие на демонических существ, и только благочестивые люди получают возможность предстать перед Богом на Страшном суде и попасть в Рай. Повесть «Вход в Рай» пронизана антицерковным пафосом, что актуально для современной эсхатологической мысли, тяготеющей к рационализму: в произведении осуждается религиозное лицемерие и раскрывается идея о достойной и праведной жизни без торга с высшими силами за вечное райское блаженство.

Конец света в произведении наступает в момент, когда технический прогресс достигает настолько высокого уровня, что созданные человеком умные машины самостоятельно развивают искусственный разум. После тотальной гибели антропологического космоса машины обнуляют летоисчисление и начинают новый отсчет от Судного дня. Наступает новое постапокалиптическое техногенное Царство, которое должно стать, согласно «Откровению Иоанна Богослова», Раем на Земле. Однако техноцивилизация проходит по тем же виткам развития, что и человеческое сообщество. В повести роботизированное общество переживает период темного Средневековья: машины пишут новую Библию и основывают собственную религию, похожую на христианскую, со своими заповедями и ликами роботов-святых, отстраивают одноэтажные каменные и деревянные города, создают инквизицию и охотятся на еретиков – разумную технику, верящую в ее не божественное, а искусственное происхождение. Синтетический интеллект, пытающийся стать лучшей версией людей, не может избежать ошибок своих предшественников и пойти по иному пути раз-

вития. В повести «Вход в Рай» писатель подчеркивает мысль о том, что порочная природа человека (или любого другого разумного существа) – это не Божья кара, а осознанный выбор индивидуума.

В повести «Укрытие» М. Максимов показывает научный сценарий разрушения мира. Действие в повести переносится в искусственную вселенную, которая является компьютерной программой. Квантовый суперкомпьютер в антиутопии выступает в роли Бога-творца. В изображаемой симулятивной реальности конец света уже наступил в виде экологической катастрофы: неконтролируемая эволюция насекомых привела к вынужденному отступлению выживших представителей человечества в подземное убежище, выстроенное в виде жилых модулей по типу пчелиного улья. Массовые нашествия полчищ саранчи огромных размеров, опустошающих Землю, напоминают Божью кару, одну из казней египетских, описанных в Пятикнижии. Люди оказываются отброшены назад в развитии: они вынуждены охотиться группами с примитивным оружием на огромных насекомых ради пропитания, использовать капсулы с ядом, чтобы в случае безвыходной ситуации при атаке ос или пауков умереть безболезненно, совсем как в военное время, экономить и жестко распределять такие необходимые для выживания ресурсы, как электричество, еда и прочее. Человечество перестает быть доминирующим видом на планете и меняется местами с насекомыми.

Единственный шанс людей на выживание заключается в сохранении культуры и поддержании цивилизованного общества, что поможет им не уподобиться животным. Существование на уровне инстинктов и базовых потребностей быстро приведет обитателей подземелья к тотальной деградации, что означает сперва духовную гибель, а затем и физическую. Искусственный мир не прекращает существовать благодаря одному лишь поступку главного героя Валентина, который ценой своей жизни спасает человечество, потому люди получают второй шанс на нормальное существование. Таким образом, хронотоп произведения закольцовывается: герои повести возвращаются к первоначальной точке повествования, но им уже не грозит вымирание вследствие экологического бедствия.

Действие повести-катастрофы «Когда идет снег» разворачивается сразу в нескольких пространственно-временных измерениях, которые соединяются в единую канву повествования в воспаленном сознании душевно больного главного героя Корнея, то есть категория хронотопа произведения представлена во внешнем и внутреннем мирах одновременно. Первая сюжетная линия представляет вольная авторская интерпретация легенды о распятии Иисуса Христа, вторая же сужается до осмысления темы конца света сквозь призму восприятия отдельной личности и переносит читателя во внутренний мир героя, пытающегося выжить в постапокалиптическом мире недалекого будущего.

Завязкой первой сюжетной линии является распятие на кресте осужденного разбойника, беседующего перед казнью с *черным человеком* о теоретической возможности построения нового справедливого и счастливого мира на земле. Корней отождествляет себя сразу с обоими героями и стоит одновременно на двух противоположных позициях: с одной стороны, верит в возможность спасения человечества, а с другой – считает порочность людской природы непреодолимой. Такая полярность сигнализирует о том, что Корней представляет собой популярный в современных фантастических эсхатологических романах образ «Безумного спасителя». Этот особый, новый тип героя-мессии отличается от традиционных типов (Мессия Христос, Мессия Антихрист) тем, что Безумец одновременно соотносится с противоположными гранями оппозиции «благое – дурное». «Безумный спаситель» представляет собой «разрушителя мира со всеми его полярными альтернативами» [6, с. 43], пониманию которого чужды классические философские категории добра и зла. Писатель переносит действия в сознание психически нездорового человека, чтобы подчеркнуть идею нравственной деградации и упаднического состояния общества.

Персонажам этой линии повествования соответствуют герои второй сюжетной линии, которые также находятся в оппозиции по отношению к друг другу: распятый разбойник Корней соотносится с молодым парнем, а черный человек – со Стариком. Таким образом, в повести представлены два типа героя: идеалист, романтик и его двойник, нигилист, мыслящий исключительно в рациональном ключе и живущий по принципу «*homo homini lupus est*»².

Молодой человек и Старик стремятся выжить на умирающей вследствие ядерной войны планете. Стремясь добраться до теплых краев, герои страдают в пути от социальной изоляции, радиации, постоянно снижающейся температуры, нехватки воды и пищи.

Молодой человек пытается осмыслить проблемы существовавшего общественного строя, приведшие к наступлению конца света, которые, по его мнению, заключаются в людской жадности, жажде наживы и духовной деградации, и стремится создать утопическую концепцию социума, основанную на справедливости и равенстве для всех. Герой рассматривает исход времен как способ очищения мира и возможность для людей создать новое Царство, воссоздав Рай на Земле. Молодой человек чувствует внутреннюю «омертвелость» людей, полагая, что существование на уровне исключительно физических потребностей и привело человечество к такому трагическому исходу. При этом герой стремится сохранить чувство собственного достоинства даже в ситуации апокалипсиса

и неукоснительно следует своим идеалам и ценностям: между перспективой голодной смерти и возможностью раздобыть еду грабежом он выбирает первое. Герой небезразличен к другим, способен на сопереживание и сочувствие. Он верит, что лучше умереть достойно, оставаясь человеком, чем продлить дни и даже месяцы жизни, «уничтожив себя морально» [2, с. 399].

Старик является противоположностью молодого парня, которого считает безумцем. В противовес молодому утописту, он оказывается прагматиком, для которого главное – выживание любой ценой. Когда в поселке, в котором жил герой, начался голод, Старик прячет еду от других, оставляя запасы пищи только для себя; герой не чурается обворовать в дороге таких же голодающих путников, как он сам, угрожая им расправой.

Нравственным испытанием для Старика и его спутника становится появление буквально из ниоткуда Почтальона, который не несет никакой опасности и именно поэтому видится героям подозрительным человеком. Письма в сумке Почтальона оказываются чистыми листами, *tabula rasa*³, символизирующими обнуление всего нравственного опыта человечества. Героям предстоит сделать моральный выбор и решить, есть ли у людей шанс на построение идеального общества из фантазий молодого человека или они поставят по главу угла принцип выживания «*bellum omnium contra omnes*»⁴ и в таком случае апокалипсис станет действительно концом для человечества. Молодой человек, следуя своим принципам, пытается спасти Почтальона. Старик же решает нравственную дилемму за них обоих: обезумевший от длительного голодания, теряет остатки человеческого и решается на убийство Почтальона, а затем и на акт каннибализма.

В духовно деградирующем и умирающем мире, где сострадание, желание помочь ближнему, человечность, доверчивость, милосердие считаются патологией, молодой парень и Почтальон воспринимаются как странные и нетипичные герои.

Заключение. Таким образом, в антологии «Апокалипсис³» писатель создает оригинальные вариации эсхатологических моделей испорченного мира, соединяя традиционные апокалиптические мотивы (наступление Царства, воскрешение мертвых, приход ангелов на Землю, Страшный суд, библейская легенда о распятии Христа) и изображение современного, рационалистического видения темы конца света, что является нетипичным приемом для художественных произведений с эсхатологической тематикой.

В каждой из повестей-антиутопий испорченный мир оказывается на грани гибели из-за состояния ду-

² *Homo homini lupus est* (лат.) – выражение, в переводе означающее «человек человеку волк». Впервые употреблено Плавтом в его комедии «Ослы». Характеризует человеческие отношения, в которых преобладают вражда и эгоизм, возведенный в абсолют.

³ *Tabula rasa* (лат.) – крылатое выражение, в переводе означающее «чистая грифельная доска».

⁴ *Bellum omnium contra omnes* – в переводе с латинского языка означает «война всех против всех». Впервые понятие было употреблено в трактате Т. Гоббса «Левиафан» и характеризовало «естественное состояние» общества, в котором каждый руководствуется лишь своими эгоистичными интересами и потребностями, каждый имеет право на все, даже на жизнь другого человека.

ховной стагнации общества. Конец света представляется писателю необходимым эволюционным этапом развития общества для нравственного очищения, что также нехарактерно для современного эсхатологического дискурса, в котором ситуация апокалипсиса рассматривается, как правило, как конечная точка человеческого существования или как процесс.

М. Максимов обращается к популярному в современных произведениях эсхатологической тематики образу героя-«миссии» «Безумец», который отражает авторское восприятие реальности. Так, помешательство Корнея в повести «Когда идет снег» передает сумасшедшее состояние окружающей писателя действительности. Ключевым моментом в каждой из трех повестей-антиутопий становится сложный моральный выбор, перед которым М. Максимов ставит своих персонажей, подвергая испытанию их духовные ценности. Писатель изображает разные типы апокалиптического сознания: не все герои раскаиваются и проходят путь очищения (например, Старик в повести «Когда идет снег»).

В произведениях М. Максимова исчезает характерный для современной прозы апокалиптической тематики эсхатологический фатализм, мотив безразличия к будущему отдельной личности и всего человечества. В антологии автор предлагает несколько путей развития человечества, однако сам настроен крайне пессимистично и не верит в благополучный исход для общества: герои его антиутопических повестей так и не

находят вход в Рай, безумец Корней убивает человека, а подходящий для нормального существования людей мир из «Укрытия» так и остается смоделированной компьютером программой, то есть ненастоящим.

Литература

1. Гусев, Д.В. Ожидание будущего: утопия, эсхатология, танатология: монография / Д.В. Гусев, И.В. Желтикова. – Орел: ФГБОУ ВПО «ОГУ», 2011. – 194 с.
2. Максимов, М. Апокалипсис³ / М. Максимов. – М.: Изд-во Эксмо, 2019. – 416 с.
3. Бессонов, И.А. Русская эсхатологическая легенда: источники, сюжетный состав, поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09 / И.А. Бессонов; МГУ. – М., 2010. – 26 с.
4. Лихина, Н.Е. Эсхатологический дискурс современной литературы [Электронный ресурс] / Н.Е. Лихина // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/eschatologicheskij-diskurs-sovremennoy-literatury/viewer>. – Дата доступа: 01.10.2020.
5. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Изд-во Московской Патриархии, 1990. – М., 1998. – 659 с.
6. Галанина, Е.В. Фэнтези как неомифологическая реальность / Д.А. Батурин, Е.В. Галанина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2016. – № 3(385). – С. 41–45.

Поступила в редакцию 08.11.2021

Грамматические средства выражения рекламы на билбордах

Воробьева О.И.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Билборды (бигборды) – это эффективный, доступный и востребованный вид наружной рекламы. Умелое использование слов разных частей речи, как и разнообразных конструкций в текстах наружной рекламы открывает широкие возможности усиления эмоциональности, яркости, динамичности сообщения.

Цель статьи – выявление грамматических ресурсов наружной рекламы, направленных на создание максимального эффекта коммуникации.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили тексты наружной рекламы Республики Беларусь. Для решения поставленных задач использовался описательно-аналитический метод, приемы контекстного и риторического анализа.

Результаты и их обсуждение. Любая часть речи в ее категориальной разновидности может стать в наружной рекламе ярким экспрессивным средством, что зависит от интенции автора, учета им особенностей предполагаемой аудитории и специфики товара, от темы текста, его семантики, профессиональной, лингвистической подготовки создателей рекламного обращения. Анализ рекламных текстов на билбордах показал, что в рекламе встречаются как разговорные конструкции, так и литературный синтаксис. Экспрессивность сообщения рекламы, с одной стороны, как бы разрушает синтаксическую стройность фразы, создавая «рваный» синтаксис, а с другой – илифует синтаксическую структуру, выравнивая ее.

Заключение. Изучение специфики наружной рекламы и систематизация данных о языковых принципах организации рекламных текстов, в частности, о возможностях использования морфолого-синтаксических ресурсов языка, помогают создавать качественный материал, позитивно работающий на продвижение рекламируемого товара / услуги или идеи.

Ключевые слова: наружная реклама, билборды, грамматические средства, части речи, синтаксис рекламы, экспрессивный эффект.

(Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 121–124)

Grammar Means of Expressing Billboard Advertising

Vorobyova O.I.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Billboards (Bigboards) is an effective and affordable type of outdoor advertising. The skillful use of words of different parts of speech, as well as a variety of designs in the texts of outdoor advertising opens up ample opportunities for enhancing emotionality, brightness, dynamism of the message.

The purpose of the article is to identify the grammar resources of outdoor advertising aimed at creating the maximum communications effect.

Material and methods. The material for the study was the texts of outdoor advertising in the Republic of Belarus. To solve the set tasks, the descriptive-analytical method, techniques of contextual and rhetorical analysis were used.

Findings and their discussion. Any part of speech can be a bright expressive means in outdoor advertising, which depends on the author's intention, accounting for the features of the intended audience and the specifics of the goods, the topic of the text, its semantics, professional, linguistic training of advertising circulation creators. An analysis of advertising texts on billboards has shown that advertising contains both conversational structures and literary syntax. The expressiveness of the advertising message, on the one hand, may destroy the syntactic harness of the phrase, creating a “torn” syntax, and on the other, it grinds the syntactic structure, aligning it.

Conclusion. Thus, studying the specifics of outdoor advertising and systematization of data on language principles of the organization of advertising texts, in particular, the possibilities of using the morphological and syntactic resources of the language, helps to create high-quality material, which is positive to the promotion of advertised goods / services or ideas.

Key words: outdoor advertising, billboards, grammar, parts of speech, advertising syntax, expressive effect.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 121–124)

Специфике организации текста рекламы посвящено немало лингвистических работ. В поле зрения языковедов, занимающихся проблемами рекламного сообщения, попадает анализ особенностей языкового конструирования рекламного текста, изучение механизмов воздействия на потребителей рекламного дискурса.

Билборд – это один из видов наружной рекламы, очень действенный и при этом недорогой. Билборд выглядит весьма представительно, а потому мгновенно заслуживает доверие потенциальных потребителей. Размещают билборды в местах максимально большого скопления людей: у перекрестков, вдоль крупных дорог, на развязках с большим потоком автомобилей, в центре города. Именно благодаря таким местам размещения на билборды часто обращают внимание прохожие, а это значит, что такой вид рекламы является оптимальным для проведения различных рекламных кампаний и акций.

Текст – важнейший элемент наружной рекламы. Кроме текста, послание рекламы может включать рисунки, фотографии, фирменные знаки и др. С позиции теории коммуникаций, рекламный текст – это коммуникативная структура, предусматривающая воздействие адресанта на адресата с целью привлечения внимания к объекту рекламы. Обращение рекламы строго организовано, оно состоит из множества единиц языка и невербальных знаков (рисунков, графических символов и т.д.).

В создании рекламного сообщения принимает участие целый ряд грамматических средств, исследование которых на материале разных языков проводилось многими лингвистами-исследователями рекламного дискурса [1–7]. Умелое использование слов разных частей речи, как и разнообразных конструкций в текстах наружной рекламы, открывает широкие возможности усиления эмоциональности, яркости, динамичности сообщения. Таким образом, реклама на билбордах стала объектом настоящего исследования, которое посвящено описанию грамматических средств создания выразительности данного вида рекламного продукта. Цель работы заключалась в выявлении грамматических средств экспрессивности наружной рекламы.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили тексты наружной рекламы Республики Беларусь. Теоретической базой публикации являются работы современных языковедов, посвященные изучению лингвистики рекламы и анализу рекламного воздействия. Для решения поставленных задач использовался описательно-аналитический метод, приемы контекстного и риторического анализа. Применялись методы наблюдения и сплошной выборки.

Результаты и их обсуждение. Каждый компонент как вербальной, так и невербальной составляющей видеоряда в наружной рекламе по-своему работает на достижение общей коммуникативно-прагматической установки данного типа текстов, нацеленной на формирование и поддержание позитивного образа и благоприятной репутации корпорации / фирмы. Такая реклама выглядит качественно, ярко, она легко заметна на фоне других реклам. В связи с этим текст наружной

рекламы служит этим правилам: он броский, краткий и запоминающийся. Рекламодатель пытается продемонстрировать всю уникальность его товара, поэтому прибегает к поиску все более новых способов создания рекламы. К тому же, чем более неожиданно звучит ее текст, тем более он привлекателен для потребителя.

Морфологическая организация рекламного текста подразумевает грамотное использование частей речи и призвана поддержать и усилить языковую рекламную риторику. В структуре текста рекламы важную роль играет имя существительное. Имена существительные отражают ценности, присущие современному миру потребления и концентрируют в себе множественные смыслы: *Рэчыцкае. Зроблена з павагай; Вкус и польза в одной грануле. Reflex; Выигрывайте квартиру, машину, а теперь и деньги. Belbely.by; Заработай уважение. Утилизируй технику правильно. Target 99.by.*

Конкретные существительные описывают характеристики товаров, а абстрактные существительные обобщенные понятия, которые с ним связаны (*Дыши свежестью; Каб паспець больш, разлічвайцеся карткай; Благодарность заботливым родителям. МЧС*). Отдается предпочтение словам, которые обозначают конкретные предметы реального мира, т.к. они формируют точный звуковой или зрительный образ товара (*Окна ПВХ – покупайте у нас*). Особый стилистический интерес представляет привлечение в рекламу абстрактных существительных. В результате расширения границ лексической сочетаемости и метафоризации, абстрактная семантика отвлеченных существительных преобразуется в конкретную эмоционально-оценочную: *Новая Coca-cola со вкусом «Апельсин». Добавь яркости; Фрутоза. Лето. Музыка.*

Имя прилагательное описывает свойство и признаки товара. Богатая и гибкая система прилагательных создает разносторонние изобразительно-выразительные возможности: *Нежное лакомство «Аленка»; Передаем сырные традиции.* Качественные прилагательные используются для оценки товара и демонстрации его выгодных сторон (*Сосиски и колбаса из филе высшего сорта; Смачны хлебны квас!*). Относительные прилагательные характеризуют материал, из которого сделан рекламируемый продукт, его структуру, специфику его функционирования (*Льготные условия; Корпусная мебель*). *Домашний интернет с тарифами Комби А1.* Когда необходима конкретизация значения, выраженного предметным словом, в языке рекламы на билбордах прилагательное становится незаменимым. Большие выразительные возможности заложены в формах степеней сравнения имени прилагательного: *Еще вкуснее, сочнее, горячее. McDonald's.* Прилагательные с ярко выраженной положительной окраской выступают в роли эпитетов, приукрашивающих информацию, придающих большую эмоциональность рекламному предложению: *Еще больше аппетитных предложений в мобильном приложении McDonald's; Взывойный вкус! Мороженое ТОП лед.*

Местоимения выполняют функцию установления контакта. Личные местоимения второго лица непосредственно адресованы потребителю (*Для Вас,*

с любовью (*Вясковы падворах*)). Местоимения первого лица единственного числа используются для выражения предпочтений и мнений в прямой речи героев (*Я люблю Беларусь!*) Личные местоимения создают «эффект присутствия» читателя (потребителя) в описываемой ситуации: *С родителями я в безопасности. Министерство по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь; Я люблю Мясковит. А ты? Юкки. Твое. Настоящее; Полацк – мая радзіма.* Употребление личных и притяжательных местоимений в языке наружной рекламы придает ему оттенок искренности, настраивает потребителя на то, что рекламируемый товар доступен в приобретении, вызывает у человека доверие к нему, желание приобрести этот товар (или услугу): *Мы рядом! Департамент охраны МВД Республики Беларусь. Origins. Пробуди свои чувства; Твое окно развлечений. Europebet.by; Бела-Кола – наша Кола.*

Наибольшей стилистической значимостью отличаются определенные наречия, и в их составе – качественные. В самой их природе заложена образность, поскольку они определяют качественные признаки действий, состояний, свойств: *ИДЕАЛЬНО* с медом и вареньем. Творог Савушкин; Электромобили. Удобно сегодня; Героем быть легко. Выбрасывайте батарейки и лампы в специальные контейнеры; Ян Сыродел. Натурально. Вкусно. В нижеследующем примере наблюдаем окказиональное образование наречия «сырно», придающее экспрессивность рекламному обращению: *Burger. King. Вкусно. Сырно. Необыкновенно.*

Достаточно частым является употребление имен числительных. Номинативные цепочки с количественными числительными указывают на цену, размеры скидок, продолжительность функционирования на рынке, технические параметры товара, адресные данные, выступают аргументом в пользу предмета рекламы: *Выигрывай 100000 рублей. Белагропромбанк; Есть работа в нашем дружном коллективе: до 1300 р. Белвест; Скидка 15% после 20.00 на продукцию собственного производства. Корона; 21 vek.by на дворе.* В рекламе оператора life:) «Тариф Шейк Мини один такой» использование числительного один «работает» на продвижение рекламируемой услуги-тарифа «Шейк Мини» путем указания на его неповторимость и уникальность.

Яркое средство выразительности наружной рекламы – глагол, обладающий развитой системой морфологических категорий, форм, разнообразием синтаксических связей, богатством смысловых оттенков, занимающий центральное место в предложении: *Довези до урны. Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь; Нам есть чем гордиться, нам есть что защищать (Вооруженные силы РБ).* Глаголы помогают сделать рекламное обращение более конкретным, динамичным, легко запоминаемым: *Довези до урны. Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь; Нам есть чем гордиться, нам есть что защищать (Вооруженные силы РБ). Тепло заботы. Позаботьтесь о семье – утеплите свой дом сейчас; Фехтавание – далучайся!* Как правило,

глаголы используются в активном залоге настоящего времени (*Беларусь помнит...*). Эффективным является использование повелительного наклонения (*Заработай на заначке. Белагропромбанк*). В грамотно написанных текстах глаголы повелительного наклонения не выражают непосредственных приказов и требований, в особенности, если сообщения адресованы молодежной аудитории. Кроме семантического класса глаголов, выражающих настойчивое побуждение, могут использоваться императивные глаголы, выражающие совет, а также вежливое предложение и обещание: *Подружись со спортом!; Насладись вкусом (йогурт); Лето будет! TravelHouse; Врываемся в лето вместе с Visa и Беларусбанком; Felix; Встречайте любимую вкуснятину в новом дизайне.*

Экспрессивный эффект может усиливаться введением различных служебных слов. Выразительным средством является частица, которая служит для выделения отдельных моментов рекламы, передает модально-субъективные оттенки отношения автора к коммуникативной ситуации: *Животное – не вещь, а член семьи. Будьте с ними до конца!; Нам и не клиент клиент. Альфа-Банк.* Употребительными в рекламе являются соединительные, противительные, сравнительные союзы: *65000 + фильмов и сериалов.*

Таким образом, любая часть речи в ее категориальной разновидности может стать в наружной рекламе ярким экспрессивным средством, что зависит от интенции автора, учета им особенностей предполагаемой аудитории и специфики товара, от темы текста, его семантики, профессиональной, лингвистической подготовки создателей рекламного обращения. Проведенное исследование выявило такую особенность языка рекламы, как субстантивность – высокую долю имен существительных в тексте, возникающую как следствие свернутости пропозиции в предикативной конструкции, т.е. номинализации.

Синтаксис рекламы называют динамическим [8–10], с его помощью можно четко структурировать текст рекламы, выразить тонкие оттенки смысла и эмоций. Анализ рекламных текстов на билбордах показал, что в рекламе встречаются как разговорные конструкции (*Продашь, вот увидишь*), так и литературный синтаксис (*Носите защитную маску, если вы чихаете и кашляете, ухаживайте за больным с подозрением на инфекцию COVID-19*). Экспрессивность сообщения рекламы, с одной стороны, как бы разрушает синтаксическую стройность фразы, создавая «рваный» синтаксис, а с другой – шлифует синтаксическую структуру, выравнивая ее. Разнообразные синтаксические средства помогают сделать наиболее эффективным сообщение рекламы, улучшить его восприятие. Предпочтительным является употребление простых предложений и синтаксических конструкций. Разговорной окраской и динамичностью обладают номинативные предложения, отличающиеся, с одной стороны, краткостью, с другой – высокой информативностью. С функционированием назывных предложений связано желание рекламиста подчеркнуть качество рекламируемой продукции: *Тесто. Мясо. Специи.*

Пельмени замковые. На билбордах можно встретить неполные предложения: *Золотая обжарка арабики. Для самых ценных моментов.* Читатель восстанавливает смысл пропущенных членов предложений и тем самым соучаствует в создании рекламного образа. Предикативная конденсация, следствием которой выступает увеличение семантической глубины высказывания, представляет собой явление языковой экономии. С целью привлечения внимания потребителя в рекламе используются восклицательные предложения. В их составе часто употребляются слова-интенсификаторы, усиливающие эмоционально-оценочное свойство языковой единицы: *Раскройте все секреты Мистопии. Корона; Такие большие! Макдональдс; Правильные окна. Только хорошие эмоции!* Авторы рекламы на билбордах в ряде случаев используют вопросительные предложения. Они вызывают активный интерес покупателей, т.к. в вопросе осуществляется постановка проблемы, которую должен решить товар или другое рекламное предложение: *Я люблю Мяско-вит. А ты?; Вы в лесу ничего не забыли?* (пропаганда лесосбережения). Рекламисты часто используют прямую речь – она оживляет сообщения рекламы, основываясь на высказываниях от лица целевой аудитории. В социальной рекламе, призывающей к отдельному сбору отходов, используются слова участника проекта «Цель-99»: *Выращиваю цветы, преподаю английский и компостирую органические отходы. #Чистосердечное признание.* Прямая речь, подкреплённая фотографией девушки, создаёт доверительное отношение к предмету рекламы. В рекламе могут использоваться сегментированные конструкции, которые выделяют по смыслу ударные слова, словосочетания. Например, реклама банка «Дабрабыт» намеренно членит текст рекламы, создавая эффект важности и значимости бренда (*Сучасны. Камфортны. Беларускі*). Акцентированное преувеличенное членение текста рекламы при парцелляции призвано «создать оптический эффект важности всего сообщения» [11, с. 119]. В рекламе билбордов используются синтаксические стилистические фигуры: повторы (*Витебск – это наш город, Витебск – это наш клуб; Они не виноваты, что родились на улице. В этом виноваты только мы*), параллельные конструкции (*МЧС Беларуси. Профессионализм. Отвага. Честь Мы – Беларусь. Наша Радзіма – Беларусь. Наша каманда – Team.by; Пора играть! Время побеждать! Santa.by*), антитезы (*Наша забота, а не енота; Раньше «на вырост», сейчас «оверсайз»*). Часто используются стилистические фигуры, например, анафора (*Наши дети – наше будущее*), антитезы (*Маленькі шанс ратуе вялікае дзіцячае жыццё*), риторические вопросы (*Спасати их – наша общая цель. Кто, если не мы?*). Наблюдается множество примеров использования синтаксической симметрии, усиленной лексическими средствами: *Он-лайн, офф-лайн, учи язык в Streamline.* В ряде случаев можно обнаружить привлечение в рекламу аллюзивных выражений: *На старт. Внимание. Школа. Спортмастер; Рак засветел, приз прилетел. Все возможно с belbet.by; А у нас –*

зарплатный класс БелВЭБ. Таким образом, продуманная структура высказывания позволяет сделать рекламу билбордов более привлекательной и запоминающейся.

Заключение. Сообщения рекламы на билбордах как разновидности наружной рекламы многообразно привлекают возможности употребления языка. Рекламные послания на билбордах краткие, образные, запоминаемые. Они оперативны и рассчитаны на массового получателя. Реклама обращается ко множеству языковых приемов, с помощью которых ее текст превращается в действенный инструмент воздействия на покупателя.

Для языка рекламы на билбордах характерна более высокая доля имен существительных по сравнению с глаголами и другими частями речи. Любая часть речи может стать выразительным средством, в зависимости от авторского замысла и тематического наполнения сообщения. В синтаксисе рекламы преобладают простые восклицательные и побудительные предложения, можно встретить также и конструкции стилистического синтаксиса.

Изучение специфики наружной рекламы и систематизация данных о языковых принципах организации рекламных текстов, в частности, о возможностях использования морфолого-синтаксических ресурсов языка, помогают создавать качественный материал, позитивно работающий на продвижение рекламируемого товара / услуги или идеи.

Литература

1. Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы. – 2016. – № 1. – 100 с.
2. Бурова, Н.Е. Кому адресована уличная реклама? / Н.Е. Бурова // Русский язык. – 2007. – № 7. – С. 46–48.
3. Лейчик, В.М. Реклама как дискурс / В.М. Лейчик // Вопросы лингвистики, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – Ижевск, 2006. – С. 180–204.
4. Медведева, Е.В. Рекламная коммуникация / Е.В. Медведева. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 280 с.
5. Петрова, Е.Б. Основные способы речевого воздействия в дискурсе наружной рекламы на английском языке // Е.Б. Петрова / Вестн. ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2015. – № 4(157). – С. 165–170.
6. Пирогова, Ю.К. Рекламный текст: семиотика и лингвистика / Ю.К. Пирогова [и др.]. – М., 2000. – 270 с.
7. Портал о рекламе [Электронный ресурс] / Наружная реклама. Эскурсы в историю. – Режим доступа: <http://www.bcm.ru/parts/1631>. – Дата доступа: 15.12.2020.
8. Фещенко, Л.Г. Структура рекламного текста / Л.Г. Фещенко. – СПб.: Изд-во Петербург. института печати, 2003. – 232 с.
9. Goddard, A. The language of advertising / A. Goddard. – L., Routledge, 2005.
10. Role of word play in implementation of expressive and evaluative strategy in advertising slogan [Electronic resource]. – Mode of access: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-2.27>. – Date of access: 23.03.2021.
11. Горлатов, А.М. Функциональный стиль рекламы в современном немецком языке / А.М. Горлатов. – Минск, МГЛУ, 2002. – 256 с.

Поступила в редакцию 08.11.2021

Фразеологическая картина мира на материале адъективных устойчивых сравнений

Мужейко И.А.

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»» (Витебский филиал), Витебск

В статье рассматриваются адъективные устойчивые сравнения (АУС) с позиции лингвокультурологии для создания глобальной фразеологической картины мира.

Цель статьи – выявить этноэквиваленты и национально-маркированные АУС славянских, балтийских и германских языков.

Материал и методы. Материалом исследования послужили адъективные устойчивые сравнения русского, белорусского, чешского, болгарского, хорватского, латышского, английского и шведского языков, полученные методом сплошной выборки из лексикографических источников. При анализе фразеологических единиц использовались сопоставительный и описательный методы.

Результаты и их обсуждение. Устойчивые сравнения, свойственные всем языкам, в большей мере описывают человека. Приводится ряд примеров этноэквивалентных и национально-маркированных АУС, отражающих внешний облик и характер людей. Лингвокультурологический комментарий дает обоснование выбора эталона, служащего созданию образности фразеологической единицы.

Заключение. Проведенное исследование является лишь одним элементом среди многочисленных попыток реконструкции этнографической картины мира. Эталоны сравнений могут различаться от языка к языку, но при дословном переводе значение фразеологической единицы доступно пониманию носителей других культур. Таким образом, национальная специфика объяснима закреплением в языке той или иной образной основы сравнения, в чем и проявляется особенное мировидение целой нации.

Ключевые слова: фразеологическая картина мира, устойчивое сравнение, лингвокультурология, эталон, этноэквивалент, национально-культурная специфика.

(Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 125–128)

Phraseological Picture of the World Based on Adjective Similes

Muzheyko I.A.

Education Establishment of the Federation of Trade Unions of Belarus
“International University «MITSO»” (Vitebsk Branch), Vitebsk

The article discusses adjective similes (AS) from the standpoint of cultural linguistics to create a global phraseological picture of the world.

The aim of the article is to identify ethnoequivalents and nationally marked AS of the Slavic, Baltic and Germanic languages.

Material and methods. The material of the research was the adjective similes of Russian, Belarusian, Czech, Bulgarian, Croatian, Latvian, English and Swedish, obtained by the method of continuous sampling from lexicographic sources. The comparative and the descriptive methods were used.

Findings and their discussion. Common for all languages, similes describe a person to a greater extent. A number of examples of ethnoequivalent and national specificity of AS are given, which reflect the appearance and character of people. The linguistic and cultural commentary provides a rationale for the choice of the standard, which serves to create the figurativeness of the phraseological unit.

Conclusion. The conducted research is just one element among numerous attempts to reconstruct the ethnographic picture of the world. Standards of comparisons may differ from language to language, but with a literal translation, the meaning of a phraseological unit is accessible to the understanding of speakers of other cultures. Thus, the national specificity can be explained by the consolidation in the language of one or another figurative basis of comparison, in which the special worldview of the whole nation is manifested.

Key words: phraseological picture of the world, simile, linguistic and cultural studies, standard, ethnoequivalent, national specificity.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 125–128)

Фразеология как самостоятельный раздел лингвистики возникла в середине XX века, когда В.В. Виноградов и следом за ним Н.М. Шанский выделили в особую группу устойчивые воспроизводимые раздельнооформленные образные словосочетания, обладающие метафорическим значением. С тех пор фразеологизмы подвергались различного рода классификациям: по семантическому признаку (В.В. Виноградов), исходя из структуры (Н.М. Шанский, А.И. Смирницкий), по стилистической характеристике (Н.М. Шанский, В.Н. Телия, А.И. Федоров) и так далее. На каждом новом витке развития общей теории фразеологии преобладал тот или иной подход к исследованию единиц и их описанию. Так, с 60-х годов прошлого столетия фразеологизмы стали предметом лексикографии, в результате чего вышли в свет масштабные одно- и двуязычные словари (А.И. Молотков, В.Н. Телия, Р.И. Яранцев и В.Г. Гак, А.В. Кунин, Т.Е. Черданцева соответственно.) Дальнейшее изучение фразеологических единиц последовало в области сопоставительного языкознания. Стык веков ознаменован очередным всплеском интереса к фразеологии, вызванным появлением нового подхода к трактовке фразеологизмов – лингвокультурологии, которую В.А. Маслова характеризует как «определенное видение мира сквозь призму национального языка, когда язык выступает как выразитель особой национальной ментальности» [1, с. 8]. К тому же В.Н. Телия неоднократно подчеркивала, что «фразеологизмы возникают в национальных языках на основе такого образного представления действительности, которое отображает обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива, который безусловно связан с его культурными традициями, ибо субъект номинации и речевой деятельности – это всегда субъект национальной культуры» [2, с. 214]. Следовательно, проведение лингвокультурологических исследований паремий ведет не только к пониманию нравственных ценностей, этических норм и правил, а также традиций каждого народа, но и к созданию глобальной фразеологической картины мира (ФКМ), под которой мы понимаем такую часть целостной картины мира, в которой содержатся не столько знания человека о мире, сколько их образное переосмысление, выраженное фразеологическими средствами языка. «ФКМ является универсальной, свойственной всем языкам образной системой особых устойчивых вербальных единиц, передающих особенности колорита национального мировидения. В основе ФКМ лежит образное видение мира, формирующееся в процессе коллективного многовекового постижения и преобразования человеком окружающей его среды», – резюмирует К.С. Волошина [3, с. 11]. В современной лингвистике выделяют несколько подходов к выявлению национальной специфики фразеологических единиц, например, лингвострановедение, контрастивные, лингвокультурологические, когнитивные исследования [4, с. 210–211].

В период глобализации мы вынуждены налаживать широкие межкультурные связи, что влечет необходимость сравнительного изучения фразеологии. Именно сопоставляя себя другим, мы можем осознать свою «самость», необычность, уникальность или, наоборот, сходство, единство. Исходя из этого, цель работы состоит в выявлении этноэквивалентов и национально-маркированных АУС русского, белорусского, чешского, болгарского, хорватского, латышского, английского и шведского языков.

В связи с этим нам представляется обоснованным привлечение к исследованию как можно большего количества языков с целью выявления и обоснования функционирования как общечеловеческих единиц, так и этноэквивалентов.

Материал и методы. Материалом исследования послужили адъективные устойчивые сравнения русского, белорусского, чешского, болгарского, хорватского, латышского, английского и шведского языков, полученные методом сплошной выборки из сопоставимых лексикографических источников. При анализе фразеологических единиц использовался сопоставительный и описательный методы.

Результаты и их обсуждение. Устойчивые сравнения свойственны всем языкам, так как являются средством осмысленного восприятия окружающей действительности, репрезентации когнитивных результатов познания, а также образного отражения реального мира. Помимо прочего, конструкция устойчивых сравнений считается синтаксической универсалией [5, с. 307]. Не оспаривается и факт антропоцентричности фразеологических единиц в целом и АУС в частности. Подавляющее большинство сравнений данного исследования всесторонне описывают человека, начиная с внешности и заканчивая личностными характеристиками. Во всех языках, представленных в работе, седые волосы сравнивают со снегом: русск. *белый как снег* – бел. *белы што снег* – чешск. *bílý jako padlý sniž* – болг. *бял като сняг* – хорв. *bijel kao snijeg* – лат. *balts kā sniegs* – англ. *as white as snow* – швед. *vit som snö*. Еще одно природное явление выступает эталоном белизны – иней – в хорватском языке: *bijel kao inje*. К созданию такого образа приводит не только цвет снега, но и сам облик человека с непокрытой головой во время снегопада, когда волосы присыпаны еще не растаявшими снежинками.

В русском и белорусском языках седовласых сравнивают с птицами: русск. *белый как лунь* и бел. *сівы як голуб*. Из приведенных примеров становится ясно, что носители языка отмечают разную палитру седины, когда только появляются белые волоски или когда волосы теряют свой натуральный цвет по всей голове. Так как лунь имеет белое брюхо, лицевой диск и надхвостье, то и выступает он эталоном белизны, то есть выраженной степени седины. В то же время голубь скорее серый, сивый, значит, человек с такими волосами находится на начальной стадии потери натурального цвета.

Другие представители животного мира запечатлены в образах-эталонах АУС белорусского и хорватского языков: бел. *sívy jak зайчык* – хорв. *sijed kao ovca*. Здесь проглядывается аналогичная ситуация, когда, исходя из субъекта сравнения, складывается четкое представление о степени седины человека.

В белорусском и латышском языках образной основой АУС становится яблоня: бел. *sívy jak яблыня* – лат. *balts kā ābele*. С легкостью предстает перед глазами округлая крона цветущего в мае яблоневого дерева, покрытого лепестками, напоминающая голову человека, убеленную сединами. Неудивительно, что такой яркий образ послужил созданию фразеологических единиц в двух родственных языках.

Продукт питания – молоко – также стал эталоном тотальной седины у чехов: *bílý jako mléko*. Трудно обходиться в быту без такого ценного продукта, из которого получают так много других (сметана, творог, масло, сыр). Недаром в русском языке существует выражение корова-кормилица – основной источник молока в масштабах как личных хозяйств, так и производства.

Общеизвестно, положительные свойства чего или кого-либо в меньшей мере отражены во фразеологических единицах языков. Рассмотрим частный случай проявления позитивного качества человека – пунктуальность. Общеизвестно, пружинные часовые механизмы и карманные часы появились в XIV веке и были доступны очень состоятельным гражданам. Распространение хронометров и, как следствие, отслеживание времени, повлекло высказывание «Точность – вежливость королей, но обязанность для их подданных» [6], приписываемое Людовику XVIII. Считается, что эта фраза послужила толчком к развитию этикета в Европе и бережному отношению к своему и чужому времени. В пяти языках нами были выявлены этноэквивалентные АУС с эталоном часы: русск. *точный как часы* – чешск. *přesný jako hodinky* – хорв. *točan kao ura* – англ. *as regular as the clock* – швед. *punktlig som klockan* и в трех языках – с эталоном часовой механизм: русск. *точный как хронометр* – англ. *as regular as clockwork* – швед. *punktlig som urverk*.

Еще одно положительное качество – послушание – нашло отражение в АУС чешского и английского языков: *poslušný jako pejsek* и *as good as gold* соответственно. Образные основы указанных фразеологизмов называют разные объекты окружающего мира. Так, для чехов собака – друг и помощник, на которого можно положиться, и который не ослушается команды. Англичане же сравнивают послушного ребенка с золотом (ср. в русском языке *золото, а не ребенок*) – редким ценным металлом, из чего можно сделать вывод, что в британском социуме в воспитании детей столь высоко ценится именно это качество.

Несколько иное значение имеет английское АУС *as good, nice as pie*, характеризующее человека, который неожиданно ведет себя непривычно благонаправно в отличие от всего остального времени. По одной из версий данная фразеологическая единица произошла от

like eating pie, что весьма хорошо и приятно, но случается не так часто, так как злоупотребление пирогами приводит к проблемам со здоровьем.

Англичане также обратили внимание на невоспитанных детей, что нашло отражение в АУС *as independent as a hog on ice*. Как следует из фразеологизма, свинья на льду для британцев – эталон бесконтрольности, хаотичности, в то время как для русских корова на льду – эталон неуклюжести и неловкости. В отличие от лошадей, ни коров, ни свиней не подковывали, и нелепые движения животных на скользкой поверхности в разных культурах вызывали различные ассоциации и, как следствие, несовпадения в описаниях людей.

Отрицательная характеристика поведения человека нашла более широкое отражение во фразеологическом фонде языков. Рассмотрим лишь малую их часть. У славянских народов назойливость воспринимается весьма негативно: чехи и болгары сравнивают надоедливую человека с такими насекомыми как муха (чешск. *dotěrný jako moucha* – болг. *dosadan kato (конска) муха*); чехи и хорваты с вошью (чешск. *neodbytný jako štěnice* – хорв. *dosadan kao stjenica*) и клопом (чешск. *neodbytný jako ves* – хорв. *dosadan kao uš*). Вполне оправдан выбор назойливых насекомых в качестве образных основ АУС, так как умыкания и полотенца начали входить в обиход европейцев только с XVIII века, а постельное и нательное белье было большой редкостью. Чистота поселений оставляла желать лучшего в связи с отсутствием канализации и реками нечистот по улицам, что время от времени приводило к вспышкам различного рода тяжелейших инфекционных заболеваний, как то холера или чума.

Для белорусов надоедливый человек сравним с маком-самосейкой и пыреем: *учэпісты як відук, учэпісты як пырнік*. И первое, и второе растение трудно искоренить, для чего требуются неоднократные прополки, и если мак раньше не был под запретом и выращивался для кулинарных нужд, то есть мог пригодиться, то пырей – однозначно сорная трава, от которой очень трудно избавиться.

В русском языке существует глагольное устойчивое сравнение с эталоном-растением *пристать как репей*, где обыгрывается строение соцветий с маленькими крючками, цепляющимися за любую неровную поверхность.

В чешском языке присутствуют этнически специфические АУС *milý jako hřebík v botě* букв. ‘милый как гвоздь в сапоге’ и *milý jako trn v patě* букв. ‘милый как шип в пятке’. Обе фразеологические единицы построены по принципу антитезы, когда значение сравнения противоположно прямому значению исходного словосочетания. К довольно молодым сравнениям можно отнести чешское *protivný jako činže* букв. ‘отвратительный как арендная плата’, где эталоном является урбанистическая реалья, отображающая условия жизни небогатых горожан, не владеющих собственным жильем и вынужденных отдавать часть доходов арендодателю.

В языках исследования присутствуют АУС, описывающие образ жизни людей. У славян и балтов закрепилось в сознании одиночество человека как некое состояние, привлекающее особое внимание. Как известно, люди существа социальные, и многие психологи связывают феномен одиночества с отсутствием привязанности, чувства общности, вызванный рядом причин, а также темпераментом и даже патологическими изменениями в психике. Так или иначе, жизнь в уединении в более ранние времена была невероятно сложна в силу трудоемкости ведения хозяйства и в принципе выживания в недружелюбной окружающей среде. Как показывают примеры, некоторые образы совпадают: русск. *одинокая как былинка в поле* – бел. *адзінокая як таполя сярод поля* – чешск. *opuštěný jako hruška v poli*; русск. *одинокый как перст* – хорв. *sam kao prst* – лат. *viens kā koks*. В первой цепочке разница в образных основах не носит принципиальный характер, так как все они называют растения (деревья тополь и груша в белорусском и чешском соответственно), а также их части (стебель травы в русском) на открытой территории (в поле во всех языках). Воображение живо рисует картину одиноко возвышающегося растения в бурю или зной, или грозу, когда оно подвергается воздействию стихии и вынуждено противостоять ей. Вторая цепочка состоит из этноэквивалентов, и выбор эталона очевиден.

Национально специфическим фразеологизмом русского языка является *одинокый как Иов*, где образной основой выступает библейский персонаж, покинутый всеми родными и друзьями в час болезни и нищеты.

В чешском языке эталоны более приземленные: *zalezlý jako jezevec* ‘залезший как барсук’; *zalezlý jako sysel (v díře)* ‘залезший как суслик (в нору)’ – названия некрупных животных, впадающих в спячку в заранее вырытых норах. Указанные АУС характеризуют не только одиноких людей, но и домоседов, любящих уединение.

В болгарской культуре одиночку сравнивают с кукушкой: *sam(a) kato kuкувица*. Предположительно, выбор эталона обусловлен тем, что эти птицы не заботятся о своих детях, подкладывая яйца в чужие гнезда, из-за чего проводят подавляющую часть своей жизни в одиночестве, за исключением брачного периода.

В английском языке запечатлено иное представление об образе жизни человека в рифмованном АУС *as snug as a bug in a rug*. В отличие от славян и балтов, британцев интересует умение уютно устроиться и жить безопасно и празднично.

Заключение. Проведенное исследование является лишь одним элементом в целой мозаике многочисленных попыток реконструкции этнографической картины мира посредством изучения языковых феноменов. В АУС конкретизируется, воплощается и транслируется фразеологическая картина мира каждого народа. Приведенные примеры фразеологических единиц показывают самобытность наций, но, в то же время, дословный перевод способствует созданию образности АУС, доступной носителям иных лингвокультур. Данным исследованием мы доказываем мысль Д.О. Добровольского о том, что «априорное закрепление за фразеологией того или иного языка национально-специфических черт оказывается при внимательном рассмотрении отнюдь не бесспорным» [7, с. 222]. По крайней мере, нетождественные, но близкие по значению АУС разных языков можно сгруппировать в синонимические ряды, не нарушающие объединяющего их образа. В то же время эталоны могут разниться от языка к языку, но общее значение целой фразеологической единицы доступно пониманию носителей других культур. Таким образом, национальная специфика объяснима закреплением в языке той или иной образной основы сравнения, в чем и проявляется особенное мировидение целой нации.

Литература

1. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие / В.А. Маслова. – М.: Academia, 2001. – 202 с.
2. Телия, В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. – 285 с.
3. Волошина, К.С. Фразеологизм как средство концептуализации понятия «гендер» (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / К.С. Волошина. – Нальчик, 2010. – 25 с.
4. Шкатова, В.В. Фразеологическая картина мира как объект лингвистического изучения / В.В. Шкатова // Вестн. Петербург. гос. ун-та. – 2012. – Т. 7, № 1. – С. 208–215.
5. Мечковская, Н.Б. Общее языкознание: структурная и социальная типология языков / Н.Б. Мечковская. – Минск: Амалфея, 2000. – 368 с.
6. Серов, В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / В. Серов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2717/ Точность. – Дата доступа: 14.08.2021.
7. Баранов, А.Н. Основы фразеологии: краткий курс: учеб. пособие / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 307 с.

Поступила в редакцию 01.10.2021

Понятие «сочинительный союз» во французской грамматической традиции: диахронический аспект

Овсейчик Ю.В.

Учреждение образования

«Минский государственный лингвистический университет», Минск

Разные подходы и взгляды в европейской грамматической традиции на природу союза как на обозначение связи между объектами внеязыковой действительности имеют многовековую историю.

В статье проводится анализ эволюции подходов к определению союза во французской грамматической традиции от диффузного понятия «союз» до дифференциации сочинительный vs. подчинительный союз с IV по XXI в.

Цель статьи – анализ эволюции представления о союзе с IV по XXI в. во французской грамматической традиции.

Материал и методы. *Источником материала являются оригинальные трактаты, энциклопедии, справочники и грамматики французского языка, представленные в электронном Национальном корпусе фундаментальных текстов Corpus de textes linguistiques fondamentaux и Национальной цифровой библиотеки Gallica, в которых дается толкование союза. Применялись системный и концептуальный подходы, а также общенаучные методы систематизации и анализа материала.*

Результаты и их обсуждение. *На основании анализа дефиниций союза в разные периоды развития грамматической традиции во французской романистике установлено, что при определении союза как класса слов изначально выделяются два основополагающих критерия: морфологический (неизменяемость) и функциональный (соединение однопорядковых элементов). Определено, что дифференциация сочинительного и подчинительного союзов произошла в более поздний период. Сложность и богатство отношений между объектами внеязыковой действительности нашло отражение в многообразии взглядов на осмысление сущностной природы союза, что предопределило историческую вариативность в толкованиях данного понятия в функциональном и семантическом аспектах. Исходная идея функциональной симметрии соединенных компонентов эволюционирует до принятия положения о функциональной асимметрии сочинительных союзов. Наряду с соединительной функции для союза постулируется наличие номинативной функции.*

Заключение. *Анализ изменений в определениях союза свидетельствует о взаимосвязи между эволюцией понимания союза и развитием качественных и количественных характеристик сочинительных союзов в диахронической перспективе.*

Ключевые слова: союз, сочинительный союз, грамматическая традиция, дефиниция, эволюция, французский язык.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 129–134)

Understanding the Coordinator in the French Grammatical Tradition: the Diachronic Aspect

Ovseichik Yu.V.

Education Establishment "Minsk State Linguistic University", Minsk

Different approaches and views in the European grammatical tradition on the nature of the conjunction as a designation of the connection between objects of extra-linguistic reality have a long history.

The article analyzes the evolution of approaches to the definition of a conjunction in the French grammatical tradition from the diffuse understanding of conjunction to the differentiation of coordinator vs. subordinator from the IV to the XXI century.

Material and methods. *The source of the material is the original French treatises, encyclopedias, reference books and grammars presented in the Corpus de textes linguistiques fondamentaux and the National Digital Library Gallica, which interpret the conjunction. The systematic and conceptual approaches were used, as well as general scientific methods of systematization and analysis of the material.*

Findings and their discussion. Based on the analysis of the definitions of the conjunction in different periods of the development of the grammatical tradition in French romance, it has been established that when defining the conjunction as a type of words, two fundamental criteria are initially distinguished: morphological (unchangeability) and functional (combination of same syntactic elements). It is determined that the differentiation of the coordinator and the subordinator took place in a later period. The complexity and richness of relations between objects of extra-linguistic reality is reflected in the diversity of views on understanding the essential nature of the conjunction, which predetermined the historical variability in the interpretation of the conjunction in functional and semantic aspects. The original idea of the functional symmetry of the conjuncts evolves to the adoption of the position on the functional asymmetry of the coordinators. As well as the connecting function is postulated, the presence of a nominative function of the conjunction is recognized.

Conclusion. The analysis of changes in the definitions of the conjunction indicates the relationship between the evolution of understanding of the conjunction and the development of the qualitative and quantitative characteristics of the coordinator in a diachronic perspective.

Key words: conjunction, coordinator, grammatical tradition, definition, evolution, French.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 129–134)

Традиция классифицировать многочисленные слова языка по ограниченному количеству категорий, различая слова склоняемые, спрягаемые и неизменяемые, также как и система понятий и категорий современной грамматики (название частей речи, падежей и т.д.), восходит к античности. За каждым из таких понятий и за каждой из таких категорий, согласно Е.С. Кубряковой, стоит своя история возникновения, отражающая эволюцию лингвистического познания [1]. Сказанное в полной мере относится к такому классу служебных слов, как союз, представление о котором развивалось от диффузного понятия союза до установления неоднородности данной части речи, дифференциации типов и видов союзной связи.

В современной формулировке сочинительного союза (фр. *conjonction de coordination*, *conjonction* < лат. *coniunctio*): «... un mot-outil invariable, qui unit deux phrases, deux sous-phrases ou, à l'intérieur d'une phrase indépendante, deux éléments de même fonction syntaxique et généralement (выделено нами. – О.Ю.) aussi de même nature grammaticale» ‘неизменяемое служебное слово, которое соединяет два предложения или две части одного предложения, а также в самостоятельном предложении два элемента с одинаковой синтаксической функцией и, как правило, также с одинаковой грамматической природой (букв.) (здесь и далее перевод наш. – О.Ю.)’ [2, р. 315] – отражены неизменяемость данного класса слов и их функциональные, «строительные», свойства соединять разнообразие синтаксические единицы. Это определение является результатом длительного научного осмысления связи, устанавливаемой между объектами и событиями во внеязыковой действительности.

Цель статьи – анализ эволюции представления о союзе с IV по XXI в. во французской грамматической традиции.

Материал и методы. Для достижения поставленной цели были отобраны более 50 дефиниций союза из оригинальных трактатов, энциклопедий, справочников и грамматик французского языка, представленных в электронном Национальном корпусе фундаментальных текстов *Corpus de textes linguistiques fondamentaux* [3] и Национальной цифровой библиотеки *Gallica* [4] (источники, доступ к которым осуществлялся через

указанные электронные ресурсы, приводятся в круглых скобках с указанием года их появления через запятую, если не указано иное). В результате применения системного и концептуального подходов, а также общенаучных методов систематизации и анализа материала определяются изменения, отражающие формальный, функциональный, семантический, когнитивный аспекты интерпретации союзов на протяжении многовекового развития научной мысли во французской романистике.

Общеизвестно, что французская грамматическая традиция вместе с другими европейскими традициями заимствует понятия и категории из латинской грамматики, речь идет о так называемом «transfert de technologie» [5]. Два основных античных трактата «Ars Donati» (IV в.) и «Ars Prisciani» (VI в.) использовались при обучении до конца XVI в. – времени появления первых оригинальных грамматик – и сыграли существенную роль в описании грамматической системы французского языка. Определения союза в названных источниках породили вариативную интерпретацию союза в ходе развития латинской грамматики¹, а затем и в первых грамматиках французского языка². Приведем эти определения.

Определение союза в грамматике Доната носит обобщенный характер и содержит указание на основное категориальное свойство объединять и организовывать мысли без идентификации языковой единицы:

(i) *Coniunctio est pars orationis adnectens ordinansque sententiam* ‘Союз – это часть речи, которая объединяет и организует мысль’ (Donat, *Ars maior*, 350 [3]).

В грамматике Присциана обозначены три критерия выделения союза: формальный (неизменяемость), функциональный (соединении однопорядковых элементов) и семантический (значимость и порядок следования соединенных элементов):

(ii) «*Proprium est coniunctionis diuersa nomina uel quascumque dictiones casuales uel diuersa uerba uel aduerbia coniungere. Coniunctio est pars orationis indeclinabilis*

¹ Эволюция понятия союза в латыни подробно исследована и представлена в [6].

² Понятие союза в ранних трактатах старо- и среднефранцузского фрагментарно представлено в [7].

copulans sermonem et coniungens uim et ordinem (выделено нами. – Ю.О.) partium orationis» ‘Свойством союза является объединение разных существительных или всех слов в падеже, или разных глаголов или наречий. Союз неизменяемая часть речи, которая соединяет сказанное согласно значению элементов и порядку их следования’ (Ars Prisciani, *Grammatici Latini*, 526–527 [3]).

Подчеркнем, что в вышеприведенных дефинициях (i) и (ii) нет ответа на вопросы о наличии лексического значения у союза, ни о дифференциации сочинительный vs. подчинительный союз, что, соответственно, заслуживает особого внимания. Изложим кратко в хронологической последовательности основные изменения в толковании сущностной природы союзов, в общем, и сочинительных союзов, в частности, во французской грамматической традиции в функциональном (что соединяет союз) и семантическом (что обозначает союз) аспектах.

Результаты и их обсуждение. Первоначальное представление о функциях союза эволюционирует от признания семантической и синтаксической тождественности соединяемых посредством сочинительного союза компонентов (симметрия соединяемых компонентов) до принятия тезиса о том, что границы сочетаемости намного шире, чем понятие однородности соединенных компонентов (асимметрия соединяемых компонентов). Поясним сказанное. Идея Присциана о том, что посредством двух союзов *et* и *uel* устанавливается связь между двумя последовательно соединенными одинаковыми частями речи (например: *et Terentius et Cicero, uel Terentius uel Cicero; et formosus et sapiens, uel formosus uel sapiens; et legens et scribens, uel legens uel scribens; et ego et tu, uel ego uel tu; et facio et dico, uel facio uel dico; et bene et celeriter, uel bene uel celeriter* (Ars Prisciani, *Grammatici Latini*, 526–527 [3])) сформировала лингвистическую аксиому о природе компонентов, связанных сочинительной связью.

В большинстве грамматик среднефранцузского периода сохраняется позднелатинская традиция понимать под соединением категориально тождественных элементов соединение существительного и существительного или местоимения, прилагательного и прилагательного, например: *Pierre et Alexandre, César et moi, César magnanime et heureux* (L. Meigret, *Le trètté de la gramme française*, 1550 [4]). В подтверждение сказанному приведем определения, в которых авторы единогласно отмечают, что неизменяемые слова – союзы – связывают одинаковые части речи. Ср.:

(i) «La conjonction est une partie du langage, indéclinable, sans articles, et sans aucun gouvernement: conjoignant les mêmes espèces des parties, avec quelque significations» ‘Союз – это несклоняемая часть речи без артиклей и без какого-либо управления, соединяющая одни и те же части речи и имеющая некоторые значения’ (L. Meigret, *Le trètté de la gramme française*, 1550 [4]);

(ii) «Conjonctions sont des mots qui ne se déclient point : seulement servant pour joindre et assembler les même espèces des parties d’oraison, ou les clauses aus

clauses, avec quelque significations» ‘Союзы – это слова, которые не склоняются, используются только для соединения и объединения одних и тех же частей речи или клауз с клаузами и обладают некоторыми значениями’ (R. Estienne, *Traicté de la grammaire Francoise*, 1557 [4]).

В это же время впервые обращается внимание на нарушение однородности соединяемых элементов, как например, соединение прилагательного и местоимения с предложной группой: *rex fortissimus & magnae prudentiae* ‘un roi très courageux et d’une grande sagesse’ ‘король очень храбрый и с большой мудростью (букв.)’; *penna mea & Petri* ‘ma plume et <celle de> Pierre’ ‘мое перо и <перо> Пьера’ (J. Despautère, *De coniunctis in diuerso casu*, 1527 [4]). В грамматике Кл. Вожла (Cl. Vaugelas, *Remarques sur la langue française*, 1651 [4]), являющейся своего рода vade-mecum для широкого круга читателей XVII в., соединения такого типа осуждаются. В классический период носителям французского языка предписывается различать «bon usage» и «mauvais usage» ‘правильное и неправильное использование’, что обусловило принятие сочинительного канона – конструкции, обладающей признаком однородности (фр. *homogénéité*). Однако устойчивое наличие соединений неоднородных элементов на протяжении всей истории французского языка (например, *ton essence est immortelle et sans corruption* ‘твоя сущность бессмертная и без испорченности’; *esté tout irregulier et de travers* ‘все было неправильным и криво’; *devotement et de cuer* ‘преданно и от сердца’) приводит сначала к элиминации из определения союза указания на однородность, как например:

(iii) «La conjonction est un mot invariable qui sert à lier un membre de phrase à un autre membre de phrase» ‘Союз – это неизменяемое слово, которое служит для связи одного члена предложения с другим’ (M. Noel, M. Chapsal, *Nouvelle grammaire française*, 1831 [4]).

Впервые соединение неоднородных элементов признается допустимым и трактуется как асимметричное сочинение в «Грамматике ошибок» А. Фрея (1929) [8, р. 175–180]. Несмотря на распространенную трактовку тождественности соединенных элементов в структурализме как, по образному выражению Л. Теньера, невозможности «additionner une poire et une pomme» ‘суммировать грушу с яблоком’, т.е. невозможности юнкции между актантом и сирконстантом или же глаголом и именем [9, р. 326], в ряде последующих работ по французскому языку (Gosselin 1990, Grevisse 1993, Le Bidois 1971, Mounin 1974, Pottier 1974, Васильева 1992 и др.) убедительно доказывается, что сочинительными могут быть не только конструкции, в которых присутствует признак однородности. Например, конструкции с сочинением разнофункциональных членов предложения *Jean viendra, et vite* ‘Жан придет и быстро’ или построения с семантически несочетаемыми компонентами *Plus tard il devint empereur / Alors il prit du ventre et beaucoup de pays* ‘Позже он стал императором / Так он раздобыл (взял живот (букв.))

и победил много стран (взял много стран (букв.))' (J. Prévert, *Paroles*), *Elle voyait près du général et en costume d'officier anglais, Arthur à qui sans doute elle devait sa prompte délivrance* 'Она увидела рядом с генералом и в костюме английского офицера Артура, которому она, несомненно, была обязана своим быстрым избавлением' (H. de Balzac, *La Femme de trente ans*).

Таким образом, с функциональной точки зрения границы сочинения расширяются за счет включения помимо соединения однородных и неоднородных величин.

Перейдем к рассмотрению эволюции взглядов на семантику союзов. Изначально формируются две противоположные точки зрения: либо утверждается наличие у союзов исключительно соединительной функции, либо признается способность союза к номинации отношений между объектами внеязыкового мира.

Согласно точке зрения И. Севильского, изложенной в его универсальной энциклопедии, *magnum opus*, «Этимология», союз не имеет собственного значения и выполняет роль «клея» (лат. *glutinum*): «*Haec enim per se nihil valet, sed in copulatione sermonum quasi quoddam exhibet glutinum*» (I. de Séville, *Etymologiae*, 632 [3]). Особенно во французской грамматике XX в. это утверждение во многом предопределило ведущую роль синтаксического критерия при выделении союзов как части речи. В фокусе находится второстепенный и вспомогательный (фр. *accessoire*) характер союзов. Так, в трактовках союзов как служебных слов акцентируется, что они являются грамматическими знаками, назначение которых состоит в формировании синтагмы и предложения (Ш. Балли); артикулирующими частицами (фр. *éléments articulatoires*) (О. Соважо); служебными связующими единицами (фр. *espèces de jonction*) (Ж. Галише) или грамматическими единицами (фр. *espèces grammaticales*) (П. Гиро); юнктивами, «пустыми» вспомогательными неизменяемыми словами (Л. Теньер); грамматическими орудиями (Ж. Вандриес); дополнительной служебной частью речи, связывающей члены предложения или предложения (В. Гак) и т.д.

Однако уже в работах XVI в. возрождается идея Доната о сути союза как средства сентенциальной связи, которая приводит к пониманию того, что способность союза к номинации абстрактных сущностей проявляется при связывании синтагм, предложений (T. Linacre, *De emendata structura Latini sermonis*, 1524; F. Sanctius, *Minerva*, 1587; R. Estienne, *Traicté de la grammaire Francoise*, 1557 [4]). Предназначение союза для соединения «*les parties du discours*» 'частей речи' и «*les pensées entre elles*» 'мыслей между собой' отмечается в грамматике Дж. Палсгрейва (J. Palsgrave, *L'esclaircissement de la langue francoyse*, 1530 [3]). Причем нередко в грамматиках этого периода в определениях содержится указание на то, что союз обладает *quelque significations* 'некоторыми значениями' (см. приведенные выше определения (iii, iv)).

В результате соотнесения философских категорий бытия и мышления с содержательными структурами языка формируется ономаσιологическое направление

в грамматике. Стремясь объяснить «рациональные начала», лежащие в основе языка, в первом фундаментальном грамматическом сочинении «Всеобщая и рациональная грамматика Пор-Рояля», (фр. *Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal*, 1660 [4]), А. Арно и Кл. Лансло рассматривают союзы как средства выражения и передачи мысли, противопоставляя их словам, которые соотносятся с объектами во внеязыковой действительности. В философском трактате о грамматике середины XVII в. посвященный союзам раздел так и именуется «*Coniunctio quid. Proprie ea sententias, non verba connectit*» (G. Scioppius, *Grammatica Philosophica*, 1664 [3]). Примечательно, что Н. Бозз, один из последователей авторов грамматики Пор-Рояля, подразделял части речи на «аффективы», выражающие чувства, и «дискурсивы», служащие для анализа и выражения мыслей. Союз рассматривается как несклоняемый дискурсив, противопоставленный «супплетивам» (предлоги и наречия, которые дополняют смысл существительных и местоимений, глаголов в предложении соответственно). Союзы, согласно Н. Бозз, служат для выражения различных отношений, в которых находятся те или иные явления действительности, описываемые либо отдельными членами предложения, либо целыми предложениями (N. Beauzee, *Grammaire generate*, 1767 [4]).

Знаменитое философское изречение *Cogito, ergo sum* предопределило в эпоху Просвещения антропоцентрическую трактовку союза. Тезис о связи между мыслительными процессами и союзами, способными отражать богатство и сложность отношений между разнообразными сущностями, представлен в крупнейшем справочном издании эпохи Просвещения – «Энциклопедия, или толковый словарь наук, искусств и ремесел». В дефиниции союза содержится указание на сложные процессы речемыслительной деятельности в установлении связи между объектами внеязыковой действительности на основании их сопоставления, а именно выявления их сходств и различий. Приведем его полностью.

(iv) «*Les conjonctions sont de petits mots qui marquent que l'esprit, outre la perception qu'il a de deux objets, aperçoit entre ces objets un rapport ou d'accompagnement, ou d'opposition, ou de quelque autre espece: l'esprit rapproche alors en lui-même ces objets, & les considere l'un par rapport à l'autre selon cette vûe particuliere. Or le mot qui n'a d'autre office que de marquer* (выделено нами. – Ю.О.) *cette considération relative de l'esprit est appellé conjonction*» 'Союзы – это небольшие слова, которые отмечают, что при восприятии двух объектов в сознание устанавливается между ними определенное отношение или соединения, или противопоставления, или к.-л. др.: в сознании эти объекты сближаются и рассматриваются один относительно другого соответственно. Слово, которое не имеет другого назначения, кроме как *обозначать* эту относительную работу сознания, называется союзом' (D. Diderot, J.-B. d'Alembert *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*, 1751 [4]).

Показательно, что указание на то, что союзы обозначают отношения между соединенными предложениями (букв. *prononcer* 'произносить') (vii, viii) либо когнитивные и перцептивные процедуры (ix), которые задействованы в процессе установления связи между двумя сущностями, сохраняется в некоторых учебных и лексикографических изданиях середины XVIII – начала XIX в. Ср.:

(v) «Deux propositions ne se lient que par les rapports qu'elles ont l'une à l'autre. Or le propre des conjonctions est de *prononcer* (выделено нами. – Ю.О.) ces rapports» 'Два предложения связаны только отношениями, которые они имеют друг с другом. Иначе говоря, свойство союзов состоит в том, чтобы *произносить* (букв.) эти отношения' (E. de Condillac, *Cours d'étude: Grammaire*, 1775 [4]);

(vi) «La conjonction sert à lier les propositions, et à marquer les rapports qu'elles ont entre elles» 'Союз служит для связи двух предложений и для обозначения отношений между ними' (M. Noel, M. Chapsal, *Nouvelle grammaire française*, 1831 [4]);

(vii) «On appelle conjonctions de petits mots qui *marquent* (выделено нами. – Ю.О.) que l'esprit, outre la perception qu'il a de deux objets aperçoit entre ces objets un rapport ou d'accompagnement ou d'opposition ou de quelque autre espèce. La valeur de la conjonction consiste à lier des mots par une nouvelle modification ou idée accessoire ajoutée à l'une par rapport à l'autre» 'Мы называем союзами маленькие слова, которые *маркируют* (букв.), что сознание в дополнение к восприятию двух объектов улавливает отношение между ними, или присоединение, или противопоставление, или какой-то другой тип отношений. Значение союза в соединении слов либо за счет новой модификации или дополнительной идеи' (J.-Ch. LaVeaux, *Nouveau dictionnaire de la langue française*, 1828 [4]).

О единстве логического и психологического оснований в установлении сочинительной связи говорит в своем фундаментальном труде Ж. Антуан во второй половине XX в. [10].

В то же время приведенная из «Энциклопедии» дефиниция союза (vi) в современной интерпретации созвучна концепции А. Вежбицкой о сочинительных союзах как сигналах «текущего ментального состояния субъекта» [11, с. 616] и концепции Е. Урысон о предназначенности союзов не для описания мира, а для маркировки каких-то аспектов деятельности сознания при восприятии и передаче информации [12, с. 9]. В современных исследованиях французских лингвистов также обращается внимание на связь между сочинительными союзами и когнитивными процессами (см., например [13, р. 473–494]).

До конца XX в. сохраняются две противоположных точки зрения на наличие / отсутствие у союза лексического значения³. Ряд ученых занимают про-

межуточную позицию. В своей грамматике Р. Вагнер и Ж. Пэншон отмечают, что союз «*explicite parfois* (выделено нами. – Ю.О.) le rapport de sens» 'эксплицитно иногда смысловые отношения' [15, р. 455–456] между соединенными элементами.

Таким образом, в ходе становления научной картины мира вопрос о тесной связи семантики союза и когнитивных операций остается открытым для дальнейших исследований и дискуссий.

Перейдем к вычленению непосредственно сочинительного союза из всего набора связующих единиц в диахронии. Отметим, что класс союзов изначально неоднороден, и дифференциация синтаксической связи осуществляется постепенно. Приведенные выше определения союза подразумевали, прежде всего, связь, оформляемую сочинительными союзами. Появление подчинительных союзов в системе языка происходит в более поздние периоды в результате сложных процессов перехода разнообразных лексических единиц в разряд служебных.

В основе разграничения сочинительный союз (*co-ordination*) и подчинительный союз (фр. *sub-ordination*) лежит отмеченное Присцианом ключевое противопоставление *uis* vs. *ordo* (фр., *valeur et ordonnancement* 'значение и упорядочивание') (см. определение (ii)). Так, уже в грамматике придворного ученого Карла Великого отмечается свойство союзов связывать однопорядковые элементы, которые отражают как совместное существование некоторых сущностей, так и хронологическую последовательность их появления во внеязыковой действительности. Ср.: *et pius et fortis fuit Aeneas* 'Эней был пious и courageous' (= *uis*) и *si ambulat, mouetur* 'если он идет, он движется' (= *ordo*) (Alcuin, *Grammatica*, 895 [3]). Другими словами, на основании *uis* vs. *ordo* происходит различение союзов, которые либо соединяют однопорядковые сущности (прототипическим является союз *et* 'и'), либо указывают на логические операции (прототипическим является союз *si* 'если'). Причем понятие *coniunctio per ordinem* предполагает наличие зависимости одного элемента от другого, а порядок следования соединенных компонентов отражает иконическую последовательность ситуаций во внеязыковой действительности (причина → следствие, обоснование → вывод).

Первые попытки противопоставлять союзы на основании *uis* vs. *ordo* для дидактических целей, предпринимались в грамматике Эверарда из Бетюна начала XIII в. (Éverard de Béthune, *Graecismus* [3]). Однако последовательная дифференциация сочинительный vs. подчинительный союз во французской грамматической традиции отсутствует вплоть до середины XIX в. Согласно исследованиям А. Шёвреля [16, р. 255], идея разделения союзов на сочинительные и подчинительные для освоения обучающимися элементарных грамматических правил принадлежит J.-L. Burnouf (J.-L. Burnouf, *Premiers Principes de la grammaire latine, à l'usage des classes élémentaires*, 1843 [4]). Авто-

³ О признании номинативной функции у служебных частей речи см. в [14].

ры последующих учебных изданий предлагают классифицировать союзы, соединяющие части сложного предложения, на *subordonnantes* ‘подчинительные’ и *copulatives* ‘копулятивные’ (B. Julien, *Vocabulaire grammatical de la langue française*, 1857 [4]) либо на *grammaticales* ‘грамматические’ (*si, quand, lorsque* и др.) и *logiques* ‘логические’ (*mais, car, or* и др.) (Ch. Dupont, *Grammaire des écoles primaires*, 1860 [4]).

В грамматике О. Брашэ (A. Brachet, *Grammaire historique de la langue française*, 1867 [17]) на основании тождества выполняемых соединенными элементами функций различаются два типа союзов. Эта традиция сохраняется до настоящего времени. Так, сочинительный союз соединяет элементы *de même statut* ‘одного статуса (букв.)’, если речь идет о соединении частей сложного предложения, или однофункциональные элементы внутри простого предложения, так называемые однородные члены, в отличие от подчинительного союза, который оформляет связь между двумя разнофункциональными элементами [17, р. 267]. В Академической грамматике современного французского языка «Le Bon usage», которая издается с 1936 г., приводится дефиниция сочинительного союза, предложенная А. Брашэ. Уже в 13-м переработанном и дополненном издании 1993 г. уточняется, что посредством сочинительного союза соединяются разнофункциональные и разнопорядковые элементы (см. определение во введении). Таким образом, фиксируется многообразие существующих в современном языке сочинительных конструкций симметричного и асимметричного типа, что, в свою очередь, отражает семантический и функциональный потенциал сочинительных союзов французского языка.

Заключение. Подводя итог аналитического обзора основных направлений в интерпретации союзов в диахронической перспективе, заключаем, что в многочисленных дефинициях союза сохраняется преемственность в единообразной трактовке формального критерия (неизменяемость) и грамматического (категориального) значения союзов, а именно: указывать на связь синтаксических единиц (фр. *joindre, conjoindre, lier, unir, connecter*), – которые фигурируют в дефинициях первоначально.

Во французской романистике разделение двух типов союзов (сочинительный vs. подчинительный) происходит в поздний период (вторая пол. XIX в.) для систематизации и классификации всех существующих связующих единиц в дидактических целях.

В ходе анализа выявлены изменения в понимании функционирования и семантики союзов на протяжении многовековой истории развития научной мысли. В академических изданиях фиксируется результат длительных наблюдений и размышлений над функциональными свойствами союзов как средства соединения не только исключительно синтаксически тождественных элементов. При этом, однако, номинативная способность союзов обозначать многообразие существующих между экстралингвистическими объектами отношений

не находит своего отражения в современных академических трактовках сочинительных союзов, оставаясь предметом научных дискуссий.

Сказанное свидетельствует о взаимосвязи между эволюцией познавательной деятельности человека и историческим развитием научного представления о союзе, что вызывает необходимость комплексного подхода к освещению вопроса развития качественных и количественных характеристик сочинительных союзов на протяжении многовековой истории французского языка.

Литература

1. Кубрякова, Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Е.С. Кубрякова. – Ин-т языкознания РАН. – М.: Знак, 2012. – 208 с.
2. Grevisse, M. Le bon usage. Grammaire française / M. Grevisse. – Paris: Duculot, 2018. – 1762 p.
3. Corpus de textes linguistiques fondamentaux. [Electronic resource]. – Mode of access: <http://ctlf.ens-lyon.fr/>. – Date of access: 5.11.2021.
4. Gallica // Национальная цифровая библиотека [Electronic resource]. – Mode of access: <https://gallica.bnf.fr/>. – Date of access: 10.11.2021.
5. Auroux, S. La révolution technologique de la grammatisation // S. Auroux. – Liège: Mardaga, 1994. – 216 p.
6. Baratin, M. La naissance de la syntaxe à Rome / M. Baratin. – Paris: Éd. de Minuit, 1989. – 544 p.
7. Colombat, B. L'héritage du modèle latin dans les grammaires françaises à la Renaissance / B. Colombat // Grammaire et enseignement du français langue étrangère et seconde. Permanences et ruptures du XVIe au milieu du XXe siècle (I), 2013. – № 51. – P. 11–38.
8. Frei, H. La grammaire des fautes / H. Frei. – Paris: Geuthner, 1929. – 317 p.
9. Tesnière, L. Elements de Syntaxe Structurale / L. Tesnière. – Paris: Klincksieck, 1976. – 674 p.
10. Antoine, G. La coordination en français / G. Antoine. – 2 vol. Paris: d'Artrey, 1958. – 1408 p.
11. Вежицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежицкая; пер. с англ. А.Д. Шмелева; под ред. Т.В. Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
12. Урысон, Е.В. Опыт описания семантики союзов / Е.В. Урысон. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 339 с.
13. Lapaire J.-R. Coordination et cognition / J.-R. Lapaire // Etudes anglaises, 58(4), 2005. – P. 473–494.
14. Тарасевич, Л.А. Семантика и функционирование предлогов с пространственным значением (на материале немецкого и русского языков): монография. – Минск: Мин. гос. лингвист. ун-т, 2014. – 272 с.
15. Wagner, R.-L. & Pinchon J. Grammaire du français classique et moderne / R.-L. Wagner & J. Pinchon. – Paris: Hachette, 1991. – 640 p.
16. Chevrete, A. Histoire de la grammaire française... et il fallut apprendre à écrire à tous les petits français / A. Chevrete. – Paris: Payot, 1977. – 371 p.
17. Brachet, A. Grammaire historique de la langue française / A. Brachet. – Paris: Bibliothèque d'Éducation et de Récréation, 1867. – 297 p.

Поступила в редакцию 12.11.2021

Варыянтнасць тэрмінаў для намінацыі культурна-маркіраваных моўных адзінак: да праблемы ўпарадкавання

Півавэр К.С.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

У артыкуле разглядаюцца паняцці, што абазначаюць моўныя адзінкі, у змесце якіх захоўваецца культурная інфармацыя. Недастатковая распрацаванасць праблемы моўнай аб’ектывацыі нацыянальна-культурнай спецыфікі моўнай свядомасці і прадвызначае актуальнасць дадзенага даследавання.

Мэта артыкула – удакладніць і сістэматызаваць азначэнні тэрмінаў, якія выкарыстоўваюцца для абазначэння моўных адзінак з культурным зместам.

Матэрыял і метады. Матэрыялам працы з’яўляюцца сучасныя лінгвакультуралагічныя даследаванні, прысвечаныя аналізу моўных адзінак, у змесце якіх выяўлены нацыянальна-культурны кампанент. З дапамогай метадаў суцэльнай выбаркі, кампаратыўнага і апісальнага прадстаўлены і сістэматызаваны дэфініцыі варыянтных назваў культурна-маркіраваных адзінак.

Вынікі і іх абмеркаванне. У сучасных этнапсіхалінгвістычных, лінгвакраіназнаўчых, лінгвакультуралагічных даследаваннях усе нацыянальна маркіраваныя моўныя адзінкі вывучаюцца як спосаб “замацавання” нацыянальна-культурнай інфармацыі да знака лексічнага ўзроўню. Падобныя феномены тэрміналагізаваны як “нацыянальна-культурная рэалія”, “лінгвакультурэма”, “лінгваідэалагема”, “моўная адзінка з культурным фонам”, “логаэпістэма” і т.п. У артыкуле прапанавана класіфікацыя дадзеных адзінак у залежнасці ад таго, якім чынам культурная інфармацыя выражана ў моўным знаку.

Заклучэнне. Усе прааналізаваныя тэрміны (канцэпт, лінгвакультурэма, логэпістэма, прэцэдэнтны феномен, нацыянальны сацыякультурны стэрэатып, нацыянальна-культурная рэалія, моўныя маркеры нацыянальна-культурнай свядомасці) так ці інакш адлюстроўваюць узаемасувязь мовы і культуры, пры гэтым семантычная напоўненасць кожнага тэрміна ўнікальная, што абумоўлена складанасцю і нявызначанасцю самога паняцця культуры.

Ключавыя словы: культурна-маркіраваная моўная адзінка, моўная адзінка з культурным фонам, лінгвакультурэма, логэпістэма, прэцэдэнтны феномен, канцэпт.

(Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 135–138)

Variety of Terms for Nomination of Culturally Marked Language Units: to the Issue of Ordering

Pivavar K.S.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

This article discusses the concepts that denote the language units in the content of which cultural information is stored. Insufficient elaboration of the problem of linguistic objectification of national and cultural specifics of linguistic consciousness determines the relevance of this study.

The purpose of the article is to clarify and systematize the definitions of terms used to denote linguistic units with cultural content.

Material and methods. The material of the research is modern linguistic and cultural studies, which analyze the language units, the content of which reveals the national-cultural component. The method of continuous sampling, the comparative and descriptive are used to present and systematize definitions of variant names of culturally marked units.

Findings and their discussion. In modern ethnopsycholinguistic, linguistic, linguistic and cultural studies, all nationally marked linguistic units are studied as a way to “fix” national and cultural information to the sign of the lexical level. Such phenomena are termed as “national-cultural reality”, “linguistic culture”, “linguistic ideology”, “linguistic unit with a cultural background”, “logo-system”, etc. The article proposes a classification of such units depending on how cultural information is expressed in a linguistic sign.

Conclusion. All the analyzed terms (concept, linguistic culture, logo-epistemology, precedent phenomenon, national social and cultural stereotype, national-cultural reality, linguistic markers of national-cultural consciousness) somehow reflect the relationship between language and culture, with unique semantic content of each term, which is due to the uncertainty and complexity of the very concept of culture.

Key words: culturally marked language unit, language unit with cultural background, linguistic culture, logo-episteme, precedent phenomenon, concept.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 135–138)

Лінгвакультуралогія як спецыяльная галіна навукі спарадзіла нямала прадуктыўных у сучаснай лінгвістыцы паняццяў: “лінгвакультурама”, “мова культуры”, “лінгвакультурная парадыгма”, “культурны тэкст”, “кантэкст культуры”, “прэцэдэнтныя імёны культуры”, “ключавыя імёны культуры”, “культурная ўніверсалія”, “культурныя традыцыі”, “культурны працэс”, “культурныя ўстаноўкі” і інш. Да ліку стрыжнёвых тэрмінаў паняццйнага апарату лінгвакультуралогіі адносіцца “лінгвакультурная адзінка”, якая атрымлівае ўсё больш шырокае прымяненне ў разнастайных галінах лінгвістычнай навукі. Аднак перыяд зацвярджэння тэрміна заўсёды звязаны з пэўнай адвольнасцю яго ўжывання, размытасцю межаў, змешванне з блізкімі па значэнні ці па моўнай форме тэрмінамі. Як адзначае Г.Г. Слышкін, “збыткова насць тэрмінаў, свайго роду «сборніцтва» паміж імі – заканамерны паказчык таго, што тая ці іншая галіна ведаў перажывае перыяд станаўлення” [1].

Мэта артыкула – удакладніць і сістэматызаваць азначэнні тэрмінаў, якія выкарыстоўваюцца для абазначэння моўных адзінак з культурным зместам. Тэарэтычная значнасць даследавання складаецца ў размежаванні такіх сумежных паняццяў, як канцэпт, лінгвакультурама, лагаэпістэма, прэцэдэнтны феномен, нацыянальна-культурная рэалія, этнакультурныя маркеры моўнай свядомасці і г.д.

Матэрыял і метады. Матэрыялам працы з’яўляюцца сучасныя лінгвакультуралагічныя даследаванні, прысвечаныя аналізу моўных адзінак, у змесце якіх выяўлены нацыянальна-культурны кампанент. З дапамогай метадаў суцэльнай выбаркі, кампаратыўнага і апісальнага прадстаўлены і сістэматызаваны дэфініцыі варыянтных назваў культурна-маркіраваных адзінак.

Вынікі і іх абмеркаванне. З’яўленне тэрміна “лінгвакультурама” стала магчыма з прычыны пераходу лінгвістыкі да антрапацэнтрычнай парадыгмы, што назіралася ў апошнія дзесяцігоддзі XX ст. і стымулюе хуткае развіццё міждысцыплінарных галін гуманітарных даследаванняў, у аснове якіх ляжыць трыадзінства “чалавек – мова – культура”. У гэтым шэрагу можна назваць лінгвакультуралогію як комплексную навуковую дысцыпліну, якая вывучае ўзаемазвязь і ўзаемадзеянне культуры і мовы ў яе функцыянаванні.

Вялікі ўклад ва ўдасканаленне тэрміналагічнага апарата лінгвакультуралогіі ўнёс В.В. Вараб’ёў, які прапанаваў тэрмін лінгвакультурама, разумеючы пад ёй комплексную міжузроўневую адзінку, “якая

прадстаўляе сабой дыялектычнае адзінства лінгвістычнага і экстралінгвістычнага (паняццйнага ці прадметнага) зместу” [2]. Лінгвакультурама ўзыходзіць да паняцця “культурама”, якое разумеецца А. Вяжбіцкай у якасці комплекснай міжузроўневай адзінкі, “форму якой складае адзінства знака і моўнага значэння, а змест – адзінства моўнага значэння і культурнага сэнсу” [3]. Праводзячы суадносіны паміж дадзенымі тэрмінамі, В.В. Вараб’ёў адзначае, што культурамай прызнаецца элемент рэчаіснасці (прадмет ці сітуацыя), уласцівы пэўнай культуры, і лінгвакультурамай – праекцыя элемента культуры ў моўны знак. У разуменні В.В. Вараб’ёва лінгвакультурама прадстаўляе сабой сукупнасць формы моўнага знака, яго зместу і культурнага сэнсу, які суправаджае гэты знак: слова-сінгнал абуджае ў чалавеку ўсю сукупнасць “культурнага арэола” [4]. Асабліваю ўвагу ў пытанні ўспрыняцця лінгвакультурамы ён удзяляе глыбіннаму сэнсу, які патэнцыйна прысутнічае ў значэнні ў якасці кампанента яго зместу, мяркуючы, што “пагружэнне” слоў у культуру больш поўна адлюстроўвае іх моўную і пазамоўную семантыку, дапамагае лепш разумець нацыянальную спецыфіку культурных каштоўнасцей. У якасці крыніц лінгвакультурам В.В. Вараб’ёў называе фальклор, помнікі гісторыі і грамадскай думкі, выказванні вядомых людзей, мастацкую літаратуру і публіцыстыку, выказванні вядомых асоб як мадэль рускай нацыянальнай асобы, думкі і суджэнні замежнікаў пра рускую нацыю і культуру. Адзначым, што межы зместу паняцця лінгвакультурамы вар’іруюцца ад слова (Хлестакоў і хлестакоўшчына як праява адмоўных бакоў рускай нацыянальнай асобы) да цэлага тэксту.

Ідэі В.В. Вараб’ёва атрымалі даволі шырокае распаўсюджанне, аднак В.А. Маслава знаходзіць тэрмін *лінгвакультурама* “даволі цьмяным, бо ім не раскрываюцца механізмы таго, дзе і як замацоўваецца культурная інфармацыя ў моўным знаку” [5]. З пазіцыі В.А. Маславай, прадметам лінгвакультуралогіі з’яўляюцца “міфалагізаваныя моўныя адзінкі, а таксама вобразна-рытуальныя формы культуры, легенды, звычаі, павер’і, замацаваныя ў мове ў фразеалагізмах, прымаўках, вобразна-метафарычных адзінках” [6], у аснове якіх ляжыць, як правіла, міфалагема ці архетып.

Аднак існуюць і іншыя падыходы да структурна-сэнсавога напавування лінгвакультурам. Так, В.В. Красных у якасці аднаго з тыпаў лінгвакультурам называе нацыянальна-прэцэдэнтныя феномены, якія функцыянуюць нароўні з соцыумна-прэцэдэнтнымі

і ўніверсальна-прэцэдэнтнымі феноменамі [7]. Г.Г. Слышкін жа разглядае прэцэдэнтныя феномены як асобую разнавіднасць канцэптаў, паколькі яны складаюць адзінкі, якія належаць свядомасці, дэтэрмінуюцца культурай і ўвасабляюцца ў мове [8].

Складана вылучыць суадносіны паняццяў лінгвакультурама – канцэпт. Так, З.Д. Папова і І.А. Сцяпнін у працы “Семантыка-кагнітыўны аналіз мовы” адзначаюць, што ў лінгвістычнай навуцы сутыкнуліся розныя інтэрпрэтацыі тэрміна, які рэпрэзентуе веды пра свет. Гэта “канцэпт” у Н.Д. Аруцонавай, С.А. Аскольдава, Д.С. Ліхачова, Ю.С. Сцяпанова і інш., “лінгвакультурама” ў В.В. Вараб’ёва, “логаэпістэма” ў Я.М. Верашчагіна і В.Р. Кастамарава. Аднак найбольш жыццяздольным аказаўся тэрмін “канцэпт”, ён стаў ключавым паняццем кагнітыўнай лінгвістыкі [9]. Неабходна адзначыць, што, безумоўна, канцэпт больш ужывальны і добра даследаваны ў кагнітыўнай лінгвістыцы, аднак і лінгвакультурамы і логэпістэмы вывучаюцца лінгвакраізнаўствам, збіраюцца ў шматлікія слоўнікі культуры, бо таксама з’яўляюцца носьбітамі інфармацыі пра культуру народа.

У якасці разнавіднасці лінгвакультурама канцэпта С.Р. Варкачоў называе лінгваідэалагему. На думку даследчыка, падабенства паміж дадзенымі адзінкамі заключаецца, па-першае, у разнародным семіятычным складзе, які ўключае ў сябе паняццёвыя, вобразны і каштоўнасны складнікі, а па-другое, у выкарыстанні для выражэння семантыкі адзінак цэлага шэрагу вербалізатараў. Асноўнае адрозненне лінгваідэалагемы ад лінгваканцэпту заключаецца ў здольнасці першай “мяняць свой аксіялагічны знак на супрацьлеглы («плюс» на «мінус» і наадварот) пры змене апеліруючага да яе суб’екта-носьбіта ідэалогіі” [10].

Тэрмін “логаэпістэма” быў уведзены ў навуковы зварот В.Р. Кастамаравым і Н.Д. Бурвіковай у наступным значэнні: “моўнае выражэнне замацаванага грамадскай памяццю адлюстравання рэчаіснасці ў свядомасці носьбітаў мовы ў выніку спасціжэння (ці стварэння) імі духоўных каштоўнасцей айчынай і сусветнай культур” [11]. Вызначаючы характар узаемаадносінаў паміж канцэптам, логэпістэмай і лінгвакультурамай, Я.М. Верашчагін адзначае, што канцэпт знаходзіцца ў свядомасці, логэпістэма з’яўляецца элементам значэння слова і лакалізуецца ў мове, а лінгвакультурама вызначаецца як міжузроўневая адзінка. Дадзенай пазіцыі прытрымліваецца і Г.Г. Слышкін, згодна з якім прынятае адрозненне любога канцэпта заключаецца ў тым, што ён, “служачы асновай сінтэзнага даследавання мовы і культуры, сам не ляжыць непасрэдна ні ў моўнай (як логэпістэма), ні ў культурнай сферах, ні ў абедзвюх адначасова (як лінгвакультурама). Канцэпт ёсць ментальная адзінка, элемент свядомасці, прызначаны звязаць разам навуковыя пошукі ў галіне культуры, свядомасці і мовы, бо ён належаць свядомасці, дэтэрмінуюцца культурай і апрадмечваецца ў мове” [1, с. 9].

Адзначаючы, што такія паняцці, як лінгвакультурама, логэпістэма, прэцэдэнтны феномен функцыянуюць пераважна на лексічным узроўні, І.В. Прывалава прапануе альтэрнатыўныя адзінкі больш шырокага плана. Так, паняцце моўнага маркера нацыянальна-культурнай свядомасці “падразумявае разгляд не аднаго, асобна ўзятага моўнага знака, які валодае нацыянальна-культурнай спецыфікай, але прадуктаў маўленчай дзейнасці мана-, бі-, полілінгвальнай моўнай асобы – прадстаўніка пэўнай этналінгвакультурнай супольнасці” [12]. Тэрмін “этнакультурныя маркеры моўнай свядомасці” ахоплівае не толькі лексічныя, але і граматычныя катэгорыі, структурныя асаблівасці моў, што дазваляе выдзеліць у змесце паняцця тры ўзроўні, на якіх функцыянуюць наступныя адзінкі: лінгваструктурныя (якія праяўляюцца ў несупадзенні этналінгвакультурных прастораў, звязаных са структурным разыходжаннем супастаўленых моў), лінгвакультурныя (якія ўзнікаюць з-за несупадзення вобразаў свядомасці, якія адлюстроўваюць прадметы і паняцці ў лінгвакультурах, якія параўноўваюцца: моўныя формулы, культурныя сімвалы, фразеалагізмы і парэміі, прэцэдэнтныя феномены) і лінгваэкалагічныя (абумоўленыя лінгваэкалагічнымі зменамі ў супастаўленых дыскурсах, неалагізмы, запазычанні).

Тут варта прыгадаць меркаванне В.М. Тэлія, што культурны кампанент моўнай адзінкі праяўляецца праз культурныя семы, культурны фон, культурная канатацыя і культурны канцэпт. Мы прапануем аб’яднаць першыя тры групы (моўныя адзінкі з культурным фонам, культурнай семай, культурнай канатацыяй) у адну групу пад назвай “лінгвакультурама або культурна маркіраваная адзінка”, і асобна вылучыць канцэпт як ключавую адзінку кагнітыўнай лінгвістыкі, якая мае намінацыйнае поле, паняццёвыя, вобразны і каштоўнасны складнікі. Па той прычыне, што тэрмін заўсёды імкнецца да лаканічнасці, лепш абраць аднаслоўныя варыянты тэрмінаў.

Заклучэнне. Імкненне даследчыкаў да выяўлення адзінкі, што найбольш арганічна звязвае мову і культуру, абумовіла з’яўленне шэрагу намінацыйных адзінак, сярод якіх можна назваць “канцэпт”, “лінгвакультурны канцэпт”, “лінгвакультурама” “логаэпістэма”, “лінгваідэалагема”, “прэцэдэнтны феномен”, “этнакультурныя маркеры моўнай свядомасці”. Падагульняючы развагі, адзначым, што ўсе паняцці так ці інакш адлюстроўваюць узаемасувязь мовы і культуры, пры гэтым семантычная напоўненасць кожнага тэрміна ўнікальная, што абумоўлена складанасцю і нявызначанасцю самога паняцця культуры і мэтай даследчыка. Пры вывучэнні глыбіннай сувязі моўнай адзінкі са свядомасцю асобы, ментальнасцю народа, традыцыйнымі формамі культуры ўжываецца тэрмін “канцэпт”, пры аналізе культурнай канатацыі, культурных сем моўных адзінак угадваюцца тэрміны “лінгвакультурама”, “нацыянальна-маркіраваная адзінка”, “адзінка з культурным фонам”, пры дасле-

даванні рэпрэзентацыі лексэмай гістарычных, геаграфічных, сучасных культурных рэалій часцей выкарыстоўваюцца тэрміналагічныя адзінкі “логаэпістэма”, “рэалія”, “слова-рэалія”, “прэцэдэнтны феномен”.

Літаратура

1. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурологические концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М., 2006. – С. 8.
2. Воробьев, В.В. Лингвокультурология: монография / В.В. Воробьев. – М., 2006. – С. 44.
3. Вежицкая, А. Семантические универсалии и описание языка / А. Вежицкая / под ред. Т.В. Булыгиной; пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М., 1999. – 776 с.
4. Воробьев, В.В. Лингвокультурология: монография / В.В. Воробьев. – М., 2006. – С. 45.
5. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М., 2001. – С. 51.
6. Маслова, В.А. Введение в лингвокультурологию: учеб. пособие / В.А. Маслова. – М., 1997. – С. 13.
7. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. – М., 2002. – С. 51.
8. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М., 2000. – С. 9.
9. Попова, З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка: монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.
10. Воркачев, С.Г. Singularia tantum: идеологема «народ» в русской лингвокультуре: монография / С.Г. Воркачев. – Волгоград, 2013. – 254 с.
11. Костомаров, В.Г. Логоэпистема как категория лингвокультурологического поиска / В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова // Лингводидактический поиск на рубеже веков: Юбилейный сборник. – М., 2000. – С. 88–96.
12. Привалова, И.В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность (теоретико-экспериментальное исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.В. Привалова. – М., 2006. – 50 с.

Паступіў у рэдакцыю 30.09.2021

Семиотическое наследие: к вопросу о функционировании рекламной коммуникации

Солодовникова Т.В.

Учреждение образования «Белорусский государственный университет», Минск

Данная статья находится в поле семиологии – исследовательской области, возникшей в начале XX в. и ориентированной на изучение систем знаков любого содержания.

Цель статьи – представить ключевые положения концепций, разработанных представителями французской семиотической школы начиная с середины XX в.

Материал и методы. Предложенный в статье обзор основан на трудах французских исследователей в области рекламной коммуникации, семиотики и культурологии. При работе с материалом применялись общенаучные методы систематизации и анализа.

Результаты и их обсуждение. Появление в XX в. новой области – семиотики – связано с именами исследователей Ф. де Соссюра и Р. Барта. С дальнейшим развитием семиотики стало возможным, ввиду ее междисциплинарного характера, использование инструментария семиотики для исследования знакового измерения различных типов коммуникации, в том числе – рекламной коммуникации.

В статье рассмотрены описанные во франкоязычной научной литературе взгляды исследователей в области семиотики на функционирование рекламной коммуникации.

Автор приводит выводы, предложенные Р. Бартом, касательно формируемого рекламой специфического восприятия рекламной реальности как обыденного хода вещей, а также рассуждения исследователя по вопросу эксплицитности рекламного сообщения, его трехкомпонентного состава и взаимозависимости его элементов. Характерное Р. Барту понимание рекламной коммуникации оттеняется трактовкой У. Эко, сомневавшегося в эффективности рекламного дискурса ввиду использования устоявшихся ассоциаций, которые исследователь рассматривал как характерные для любой рекламы.

Анализ дополняется кратким изложением концепции четырех «возрастов» рекламной семиотики современного семиолога Ж.-Ж. Бутто, вобравшей в себя также фазу «семиотика интерфейсов», которую автор данной статьи соотносит с современным этапом развития рекламной коммуникации.

Понятие, схожее с «открытой семиотикой» Ж.-Ж. Бутто, применительно к рекламной коммуникации рассматривается также в трудах Р. Дебре, стоявшего у истоков медиологии – дисциплины, изучающей влияние научно-технических новшеств на культуру и поведение человека и ориентированной на преодоление противопоставления культуры и техники.

Необходимость междисциплинарного подхода к исследованию рекламной коммуникации демонстрируется также французским культурологом П. Леви, выделявшим три дисциплины, взаимодействие которых позволяет прояснить те аспекты рекламной коммуникации, которым не уделяется должное внимание в рамках отдельных подходов.

Заключение. Автор подчеркивает необходимость апелляции к научному инструментарию современной семиотики, семиотики интерфейсов, позволяющий, подобно медиологии, прояснить механизмы появления значений и природу их взаимодействий, характерных для современной рекламной коммуникации, обеспечивая при этом наиболее полный учет действительных характеристик субъектов, объектов и каналов рекламной коммуникации, существующего культурного ландшафта.

Ключевые слова: рекламная коммуникация, семиотика, медиология.

(Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 139–144)

Semiotic Heritage: About Advertising Communication Functioning

Solodovnikova T.V.

Education Establishment "Belarusian State University", Minsk

The article is within the field of semiology, the research area which emerged in the early 20th century and studies the systems of signs of any content.

The purpose is to present the key ideas of the concepts developed by representatives of the French semiotic school in the mid-20th century.

Адрес для корреспонденции: e-mail: tatianasolodovnikova2015@gmail.com – Т.В. Солодовникова

Material and methods. The review presented in the article is based on the works of French scholars in the field of advertisement communication, semiotics and cultural studies. General scientific methods of systematization and analysis were used.

Findings and their discussion. The emergence in the 20th century of a new field, semiotics, is connected with the names of scholars F. de Saussure and R. Bart. With the further development of semiotics and due to its interdisciplinary character, it was possible to use its tools in studies of the sign dimensions of different types of communication, including advertisement communication.

The article presents scholars' in the field of semiotics ideas of advertisement communication functioning, which are described in French scientific literature.

The author presents conclusions suggested by R. Bart concerning specific perception of advertising reality, which is shaped by advertising, as an everyday way of life, as well as the researcher's thoughts about explicitness of an advertising message, its three-component composition and the mutual dependence of its elements. The understanding of advertising communication characteristic of R. Bart is emphasized by U. Eco's interpretation, who doubted the efficiency of advertising discourse due to the application of out of date associations, which the researcher considered to be typical of every advertising.

The analysis is contributed by a brief presentation of the concept of four ages of advertising semiotics by contemporary semiology scientist J.-J. Bouteu, that incorporates the phase of interface semiotics, which the author of the article correlates with the contemporary stage of advertising communication development.

The notion similar with the open semiotics by J.-J. Bouteu concerning advertising communication is also considered in works of R. Debreu who was among the founders of mediology, the discipline which studies the influence of technological advances on the culture and behavior of the person and which aims at overcoming the contradiction between culture and technology.

The necessity in an interdisciplinary approach to the study of advertising communication is also stressed by French cultural scientist P. Levit who pointed out three disciplines the interaction of which makes it possible to clarify the aspects of advertising communication which are not paid proper attention to within separate approaches.

Conclusion. The author stresses the necessity in appealing to the scientific tools of the contemporary semiotics, interface semiotics, which makes it possible, like mediology, to clarify the mechanisms of the emergence of meanings as well as the nature of their interaction typical of the contemporary advertising communication thus providing a most complete identification of real characteristics of subjects, objects and channels of advertising communication, the existing cultural landscape.

Key words: advertising communication, semiotics, mediology.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 139–144)

В начале XX в., параллельно с признанием холловской теории «молчаливых языков» в коммуникации, под влиянием Ф. де Соссюра и Р. Барта появляется новая исследовательская область – семиология, под которой последний понимал следующее: «la sémiologie a pour objet tout système de signes, quelle qu'en soit la substance, qu'elle qu'en soient les limites: les images, les gestes, les sons mélodiques, les objets et les complexes de ces substances que l'on retrouve dans les rites, des protocoles et des spectacles constituent, selon les langages, du moins des systèmes de signification» 'семиология имеет в качестве объекта исследования любую систему знаков, вне зависимости от ее сущности и границ: образы, жесты, мелодические звуки, предметы и комплексы этих сущностей, встречающиеся в обрядах, протоколах и зрелищах, составляют, в зависимости от языка, системы значений' [1].

И если лингвистический анализ рекламной коммуникации замыкается преимущественно в пространстве анализа рекламных сообщений, то семиотические изыскания ставят своей задачей понять, каким образом создается смысл этой коммуникации.

Инструментарий семиотики, изучающей значение и модальности действий, позволяет пролить свет на механизмы обозначения и природу взаимодействий, имеющие место в области рекламной коммуникации.

«Человеческая деятельность, включающая в качестве составной части и символическую, т.е. культурную, вселенную, одновременно и универсальна, и национально-специфична. Эти ее свойства определяют как своеобразие языковой картины мира, так и ее универсальность» [2, с. 72].

По справедливому замечанию Г.Г. Почепцова, «семиотика временами принимает безграничный характер, охватывая самый широкий круг объектов. Но такая всеядность объясняется тем, что семиотика изучает явления человеческого разума, которые, очевидно, имеют общие структурные принципы...» [3, с. 9–10].

Цель статьи – представить ключевые положения концепций, разработанных представителями французской семиотической школы начиная с середины XX в.

Материал и методы. Предложенный в статье обзор основан на трудах французских исследователей в области рекламной коммуникации, семиотики и культурологии. При работе с материалом применялись общенаучные методы систематизации и анализа.

Результаты и их обсуждение. В рамках французской семиотической школы отчетливо с середины XX в. выделяются как минимум две точки зрения относительно природы рекламных знаков и кода, образующих определенную систему семиотических правил.

Так, семиотические взгляды Р. Барта относительно рекламной коммуникации сформировались в 60-е гг. XX в. В своих работах исследователь утверждает, что реклама не скрывает свою природную сущность, направленную на «соблазнение и убеждение», напротив, она в эксплицитной форме посредством открытой коммуникации демонстрирует свои цели [1, с. 63–64, 68]. Он отмечает, что в отличие от сугубо медиатических дискурсов, производство которых полностью основывается на «бессознательных автоматизмах», смысл в рекламной коммуникации представляется четко продуманным и выстроенным. Эта так называемая «откровенность рекламы», выявленная Р. Бартом, имеет

для исследователей важное значение, поскольку, если реклама в такой явной форме демонстрирует свои цели, то семиотический анализ рекламы предлагает изучать не форму и содержание рекламных сообщений, а исследовать то, что Р. Барт называл подразумеваемой системой значений (*système de signification sous-jacente*) [4, с. 18]. И если ученый при исследовании рекламы ставит во главу угла проблематику значения, цель его анализа отнюдь не сводится к установлению значения рекламных сообщений, а к описанию механизмов семиозиса. Иными словами, цель бартовской семиотики рекламы – понять способ означивания (появления значения) в рекламе.

Анализируя два рекламных слогана «*Cuisinez d'or avec Astral*»¹ и «*Une glace Gervais et fondre de plaisir*»², Р. Барт фокусируется исключительно на означивающей структуре, выделяя два уровня означивания: уровень денотации (прямой, буквальный смысл) и уровень коннотации, который, по его мнению, «*toujours le même dans tous les messages publicitaires, c'est en un mot l'excellence du produit annoncé*» [1, с. 92] «*всегда одинаковый во всех рекламных сообщениях, это, одним словом, превосходство рекламируемого продукта*». По мнению Р. Барта, коннотация не скрывается под денотацией, поскольку коммерческий подтекст сообщения воспринимается мгновенно. В таком случае возникает вполне уместный, как представляется, вопрос о необходимости использования на уровне денотации фигур стиля, метафор, метонимий, если можно просто сказать: «Покупайте Астру или Жервэ!». Поясняя это положение, Р. Барт отмечает, что риторический инструментальный, используемый на денотативном уровне, необходим для принятия (*naturaliser*) глубинного значения сообщения («Астра и Жервэ – лучшие продукты») и нивелирования прямой заинтересованности: «Вместо банального приглашения (покупайте), денотативный уровень фразы являет собой спектакль одного из миров, где совершенно естественно покупать Астра и Жервэ» [1, с. 94]. Призыв к покупке обогащается «великими человеческими темами», мечтами, мифами таким образом, что «*tout message publicitaire dit et raconte*» [4, с. 18] «*любое рекламное сообщение говорит и рассказывает*»: на уровне коннотации оно говорит о превосходстве рекламируемого продукта, на уровне денотации оно рассказывает о другом.

Продолжая свои изыскания в области семиотики рекламы, Р. Барт обращается к изображению и, подвергнув структурному анализу рекламу макарон торговой марки Panzani, пришел к выводу о взаимозависимости структурных элементов рекламного сообщения. Согласно мнению Р. Барта, рекламное изображение состоит из 3 типов сообщений: лингвистического («легенда», этикетки), функция которого «привязать» возможные означаемые к изображению;

закодированного иконического, для понимания которого необходимы определенные культурно-исторические знания; иконическое, лишенное кода, тавтологическое, для «понимания которого нам не нужно никакого другого знания, как то, которое уже привязано к нашему восприятию» [1, с. 42].

Десятью годами ранее, в «Мифологиях» Р. Барт рассматривал рекламные объявления как точки пересечения ложной очевидности и циркуляции фиктивно естественных изображений реальности. В подобной перспективе Р. Барт осмысливал рекламную коммуникацию как одну из форм коллективных репрезентаций, порожденных современным обществом, как один из мифов, в котором экономические и политические доминанты трансформируются в повседневный, совершенно обыденный порядок вещей. Рекламная коммуникация, потеряв глубинный смысл, принимает форму успокаивающего, непротиворечивого, лишеного политизации дискурса; пространством, где вещи воспринимаются как очевидные, вечно существующие вне всякого исторического контекста.

Несколько позже, в результате сотрудничества с исследовательским отделом крупнейшего рекламного агентства того времени Publicis, Р. Барт в 1968 г. опубликовал свое последнее эссе по рекламе «*Société, imagination, publicité*», в котором он трактует рекламу как «*langage familier, euphorique et euphémique, fondé sur un imaginaire positif et rassurant qui s'appuie à son tour sur la mise en scène des sujets anthropologiques stéréotypés, objets (ustensiles, accessoires, vêtements) et symboles culturels "réconciliateurs" (savoirs artistiques, littéraires, historiques largement partagés)*» [4, с. 20] «*разговорный, эйфорический и эвфемический язык, основанный на позитивном и обнадеживающем воображении, который, в свою очередь, опирается на постановку стереотипных антропологических сюжетов, предметов (посуда, аксессуары, одежда) и культурных «примиряющих» символов (широко распространенные художественные, литературные, исторические знания)*».

В отличие от бартовского трактования семиотики рекламы, У. Эко предложил иной подход, основанный на идеи о том, что «реклама всегда пользуется визуальными знаками с устоявшимся значением, провоцируя привычные ассоциации, играющие роль риторических предпосылок» [5, с. 134]. Рассматривая семиотику рекламной коммуникации сквозь призму идеологии и риторики в одном из разделов «Отсутствующей структуры», У. Эко эскизно описывает рекламные коды, показывая, каким образом семиотический анализ проливает свет на ситуацию в обществе в его совокупности. Его в особенности интересует, каким образом он участвует в формировании системы норм и ценностей общества. Размышляя о деятельности рекламистов, находящихся в постоянном поиске оригинальных решений, привлекательных вербально-визуальных формул, У. Эко ставит вопрос о том, насколько реклама в действительности способна влиять и подпитывать

¹ Рекламная кампания по продвижению на рынке маргарина «Астра» (1960-е гг.).

² Печатная реклама мороженого марки «Жервэ» (1963 г.).

обновление идей в обществе, разрушать существующие стереотипы, заставляя видеть мир под другим углом зрения. В своих рассуждениях У. Эко открыто сомневается в эффективности рекламного дискурса, поскольку, по его мнению, он оперирует привычными для потребителя штампами и готовыми кодами, и приходит к заключению, что «реклама сама по себе не имеет информативной ценности. Ведь ее возможности определяются не возможностями риторического дискурса как такового, чьи средства можно использовать достаточно творчески, но экономическими реалиями, регулирующими жизнь рекламы» [6, с. 334].

Соглашаясь лишь отчасти с подобным подходом к рекламной коммуникации, отметим, что рекламная коммуникация представляется нам достаточно мощным идеологическим инструментом формирования мировоззрения и мироощущения, возможности которого в современных условиях постоянного наращивания влияния медиакommunikации оказываются, по существу, безграничными. Реклама сегодня проникает во все сферы человеческого бытия и «встраивается» в любой тип дискурса, акцентируя внимание на определенных идеях, ценностях, качествах. И именно это сегодняшнее понимание рекламной коммуникации как сложного многомерного феномена во многом, как представляется, предопределило и дальнейшее развитие семиотических исследований.

На почве концептуальных расхождений относительно сущности рекламной коммуникации в 70-е гг. XX в. работы Р. Барта и У. Эко были продолжены, с одной стороны, в направлении исследования стилистики коммерческих сообщений и, с другой стороны, с точки зрения мифологического характера рекламы. Были установлены и классифицированы рекламные коды и грамматика на основе изучения обширного корпуса рекламных сообщений. Так, например, Ж. Пенину (Georges Péninou), один из создателей рекламной семиологии во Франции, на десятилетия опередивший своих американских коллег, исследовал рекламные сообщения с точки зрения реализации в них языковых функций, установленных Р. Якобсоном, а также отношения между сообщением и рекламируемым объектом. Затем его последователи – Д. Виктороф (David Victoroff), Л. Порше (Louis Porcher), П. Альбу (Paul Albou), Ж. Дюран (Jacques Durand) – исследовали стилистику рекламных сообщений и критерии анализа рекламных образов.

В настоящее время в результате долгих междисциплинарных дискуссий, равно как и вследствие развития самой семиотики, методологический потенциал ее оценивается более сдержанно, чем полвека назад. Вместе с тем нигилистические концепции «смерти знака» не находят подтверждения в окружающей действительности, поскольку, по меткому замечанию У. Эко «знаки создают несомненную социальную силу» [7, с. 164], возможности которой целесообразно использовать как для решения проблем гуманитарного знания, так и в плане более широких социальных конфликтов.

«Открытая семиотика» рекламной коммуникации. Современный французский семиолог Ж.-Ж. Буто (Jean-Jacques Boutaud), автор «открытой семиотики», предлагает переосмыслить подход к семиотике, в рамках которой уже были разработаны соответствующие инструменты анализа, однако сама наука не получила институционального закрепления в академических сферах по причине укоренения в своей «имманентной онтологии» и ориентации на лингвистическую составляющую (сообщение и код) [8]. Исходя из предположения о существовании параллельных траекторий между семиотикой и коммуникацией, автор предлагает «подвергнуть семиотику испытанию» применительно к коммуникации, с тем чтобы провести их соответствующую переоценку и определить пути их взаимного обогащения. Ж.-Ж. Буто отмечает, что семиотика была вынуждена выйти из состояния имманентности с тем, чтобы исследовать проблемы коммуникации. При этом он подчеркивает, что возникла новая тенденция, состоящая в том, чтобы видеть знак, значение во всем и везде, тенденция, породившая новые семиотические жанры, такие как биосемиотика, зоосемиотика, семиотика культур, находящиеся на грани смешения семиотической эпистемологии с социальными, гуманитарными и когнитивными науками.

В своей работе Ж.-Ж. Буто выделяет 4 «возраста» рекламной семиотики, однако в конце говорит о наступлении нового этапа – семиотики интерфейсов, которая, по нашему убеждению, соотносится с современным этапом развития рекламной коммуникации.

1) От до-семиотических моделей к «риторике образа»: первая фаза, нашедшая в рекламе предмет исследования жизни знаков в рамках жизни общества, характеризуется резким эпистемическим разрывом, осуществленным Р. Бартом, благодаря которому были введены принципы организации семиотического метадискурса рекламы.

2) Рекламная палеосемиотика: коды и грамматика изображения: она противопоставляет радикальные и более интегративные подходы к понятию коммуникации. В этом отношении Ж.-Ж. Буто опирается на работы Ж. Пенину, Л. Порше, У. Эко. Так, напр., анализ Ж. Пенину основывался на функциях Р. Якобсона (референциальной, поэтической и импlicative) идентифицируемых в процессе коммуникации, на базе которых выделено пять внутренних сообщений в рекламном объявлении. Вдохновленный идеями Л. Елмслева и Ф. де Соссюра, Л. Порше трактовал рекламный образ в качестве иконической лексикализации и стремился выявить критерии анализа образа в соответствии с принципом имманентности.

Что же касается У. Эко, то его анализ рекламного образа носит градуальный характер, словно просеянный по семиотической модели, регулируемой кодами, относящейся к физическим и материальным условиям знаковой коммуникации и отражающей последовательные слои кодификации.

3) **Рекламная мезосемиотика:** в 80-е годы, ознаменованные взрывом рекламной коммуникации, отмечается пристальный интерес к знаку, который не просто направлен на формирование ценностей, а является непосредственным воплощением ценности в рекламируемом продукте, в то время как семиотика и ее инструменты становятся эффективными параметрами для потребителей. Именно в этот период во Франции появляется понятие «стиль жизни» (Б. Катла), происходит смещение семиотики от систем знаков, к системам смыслов, вследствие чего открывается путь к социальной семиотике.

4) **Междисциплинарные открытия и синкретическое мышление:** под влиянием научной деятельности Ж.-М. Флош (J.-M. Floch) 90-е годы характеризовались появлением новых центров интереса и объектов исследований в области рекламной семиотики, которая стала раскрываться в культурном и антропологическом измерении: вопрос идентичности стал центральным в стратегиях продвижения бренда, что позволило обогатить и расширить понимание семиотики рекламной коммуникации.

5) **Семиотика интерфейсов:** если в течение длительного времени субъект рассматривался как пассивное существо, лишенное интенциональности, то последующая работа над моделями коммуникации позволила выявить логические механизмы узнавания у индивидов в ответ на энонсативные стратегии современных медиа. При этом Ж.-Ж. Буто подчеркивает, центральным объектом новой семиотики должен быть вопрос об интерфейсе производство / распознавание (*production / reconnaissance*), который порождает как теоретические, так и методологические проблемы, главным образом из-за крайней неоднородности дискурсивных материалов, с которыми мы имеем дело в производстве и восприятии информации. Эта гетерогенность обусловлена процессами социального семиозиса и когерентности, обеспечиваемой самоорганизующимися системами. Наблюдатель, находящийся в интерфейсе «производство / распознавание», активизирует самопроизвольные процессы двух автономных систем – медиа и актора. Таким образом, происходит своего рода взаимопроникновение, в понимании Н. Лумана, где одна система становится средой для другой и наоборот. Подытоживая свои изыскания относительно «открытой» семиотики, Ж.-Ж. Буто говорит о наступлении «переломного момента в восприятии рекламы», благодаря которому может быть в значительной степени перестроен семиотический горизонт рекламной коммуникации.

При таком подходе совершенно неслучайным представляется факт наличия в работах французских авторов ссылок на «бергсониянскую философию с ее интуитивистскими принципами и в связи с этим почти немислимые прежде тезисы о роли чувственного момента, субъективного опыта, памяти, образного отражения вещей» [9, с. 118].

Любопытную точку зрения, во многом коррелирующую, на наш взгляд, с понятием «открытой семиотики» Ж.-Ж. Буто, находим у французского философа Р. Дебре (Régis Debray) – *Le Pouvoir intellectuel en France*, основоположника медиологического направления во Франции, до сих пор вызывающего оживленные споры относительно правомерности выделения подобной дисциплины. Отправной точкой рассуждений является вопрос о существовании и функции идей и символов. Так, медиология рассматривает вопрос о так называемой символической эффективности, постулируя, что медиация (канал передачи сообщения. – Т.С.) определяет характер сообщения. Медиологический подход призван преодолеть тривиальное противопоставление техники и культуры. Объектом ее изучения являются материальные основы духовного и нравственного мира (идеологии, убеждения), а предметом – влияние научно-технических новшеств на нашу культуру и поведение.

Как указывает Р. Дебре, «*Dans médiologie, «médio» ne dit pas média ni médium mais médiations, soit l'ensemble dynamique des procédures et corps intermédiaires qui s'interposent entre une production de signes et une production d'événements*» *‘В медиологии “medio” не означает медиа или медиум, речь идет о медиациях, то есть о динамическом наборе опосредованных процедур и инструментов, которые взаимодействуют в процессе производства знаков и событий’* [10, с. 29]. Медиология, таким образом, пытается ответить на вопрос, каким образом некоторые идеи становятся «материальными силами», способными изменить политическое, экономическое или военное функционирование общества. При этом в фокусе исследования находятся не непосредственно процессы коммуникации, а феномен трансляции (*transmission*) аксиологических норм, стереотипов, образа жизни. Медиология выступает против любого технологического детерминизма или же идеологической обусловленности социальных изменений. Очевидно, что в трактовке Р. Дебре медиология, во главе угла которой находится (как, впрочем, и в случае семиотики) операциональность знака, – междисциплинарна. Само же понятие медиасферы как техно-культурной среды ускользает как от дуализма духа/материи, так и от техноцентристского эссенциализма. По мнению П. Ванье (Pierre Vanier), «понятие медиа-сферы синтетическое, оно включает в себя определения социального, экономического, технического и политического характера; оно не соответствует ни структуре (имманентность), ни системе (саморегуляция), ни полю (Бурдьё); оно уподобляется биосфере разума» [11]. Упрекая семиотику в имманентности, в замыкании языка в самом себе, а теорию коммуникации в излишней техноцентричности, Р. Дебре указывает на то, что «именно прагматика использования определяет семиотику кодов».

В таком контексте не видится сущностных противоречий между медиологией и «открытой семиотикой» относительно объекта и предмета исследования,

поскольку на современном этапе осмысления семиотически осложненных систем (и рекламная коммуникация имеет к таким системам непосредственное отношение) императивом является рассмотрение прагматических характеристик медиатекстов, которые, в свою очередь, обусловлены как экстралингвистическими, так и сугубо лингвистическими факторами.

Французский философ-культуролог, автор идеи «коллективного интеллекта» П. Леви (P. Lévy) указывает на существование так называемой триады – семиотики, прагматики и медиологии – дисциплины, которые взаимообогащают друг друга и проливают свет на те аспекты, которые оказываются «затемненными» в рамках того или иного подхода [12].

В эпоху Ее Величества Цифры абсолютно очевидным представляется тот факт, что в процессе стремительного развития медиаканалов передачи информации трансформируется и сама медиасфера, и субъекты, участвующие в процессах медиатизации. «Открытая» семиотика применительно к рекламной коммуникации, равно как и медиология, ставят перед собой одни и те же задачи: в аспекте технологизации и цифровизации всех сфер человеческого бытия осмыслить знаковую, символическую сторону тех процессов, которые наблюдаются в данной области, установить, каким образом формируются и транслируются новые смыслы и как меняется сам субъект рекламной коммуникации и его восприятие во взаимопроникающих и взаимообуславливающих медиасферах, которые, в свою очередь, также подвергаются трансформациям. Коды и знаки рекламы постепенно встраиваются в медиатический и культурный ландшафт (заголовки прессы, анонсы кинофильмов, телепередач, «ночи пожирателей рекламы»). В постмодернистском контексте игровая форма сообщений начинает тяготеть к коду и металингвистической функции рекламы-«вампира» (по Ф. Жост), подвергая сомнению ранее принятые нормы и правила.

В случае «открытой» семиотики, или же, иными словами, современной семиотики интерфейсов, рекламная коммуникация рассматривается как особая среда, в которой конструируются и имплицитно определяются смысловые структуры, а также модели распознавания значений и медиатекстов. При таком подходе исследовательский упор делается на устройство того информационно-коммуникативного пространства, в котором создаются, «живут» и распознаются рекламные медиатексты как элементы культуры, т.е. рекламная коммуникация является частью информационно-коммуникативного пространства, условием эффективности функционирования которой являются знаковые системы. По сути, «открытая семиотика» (по Ж.-Ж. Буто) может быть определена как наука, изучающая жизнь знаков в социальной жизни. Вместе с тем в данной связи возникает вполне закономерный

вопрос относительно однородности знаковой системы рекламной коммуникации и гипотетической возможности построения универсальной семиотической модели рекламной коммуникации.

Заключение. Приведенный нами обзор демонстрирует, что в условиях трансформации медиасферы, наблюдаемой в нынешнюю – цифровую – эпоху, представляется актуальным изучение рекламной коммуникации в контексте исследований в области семиотики. Обращение к научному материалу, инструментам, предлагаемым семиотикой, позволит прояснить механизмы обозначения и природу взаимодействий, характерные для современной рекламной коммуникации, обеспечивая наиболее полный учет действительных характеристик субъектов, объектов и каналов рекламной коммуникации, а также существующего культурного ландшафта.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта «Рекламная коммуникация как результат моделирования информационно-коммуникативного пространства» («Ученый – 2021», № Г21У-001 от 01.07.2021)

Литература

1. Barthes, R. Rhétorique de l'image / R. Barthes // Communication. – 1964. – № 4. – Pp. 41–42.
2. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М., 2001. – 183 с.
3. Почепцов, Г.Г. Семиотика / Г.Г. Почепцов. – 2-е изд., стер. – М.: СмарТБук, 2009. – 430 с.
4. De Iulio, S. Étudier la publicité // S. de Iulio. – Grenoble: Presse universitaire de Grenoble, 2016. – 125 p.
5. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко; пер. с ит. В.Г. Резник и А.Г. Погоняйло. – СПб.: Симпозиум, 2006. – 544 с.
6. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2019. – 704 с.
7. Eco, U. Le signe: histoire et analyse d'un concept / U. Eco. – Bruxelles: Editions Labor, 1988. – 220 p.
8. Boutaud, J.-J. Sémiotique ouverte. Itinéraires sémiotiques en communication. / J.-J. Boutaud. – Paris: Hermès Science Publications, 2007. – 194 p.
9. Макаров, В.В. Избранное: Язык. Семиотика. Культура: сб. науч. ст. / В.В. Макаров; редкол.: А.Н. Степанова (отв. ред.), Е.А. Булат, Ф.Т. Михасенко. – Минск: МГЛУ, 2014. – 236 с.
10. Debray, R. Manifestes médiologiques / R. Debray. – Paris: Gallimard, 1994. – 240 p.
11. Vanier, P. Manifestes médiologiques [Electronic resource] / P. Vanier // Études de communication. – Mode of access: <http://journals.openedition.org/edc/2507>. – Date of access: 19.06.2021.
12. Lévy, P. La place de la médiologie dans le trivium / P. Lévy // “Les cahiers de médiologie”. – 1998. – № 6. – Pp. 43–58.

Поступила в редакцию 02.09.2021

Деривационный потенциал префиксации в системе интернет-сленга

Третьякова Ю.Р.

Учреждение образования «Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы», Гродно

Актуальность исследования особенностей субстандартной лексики в словообразовательном аспекте обусловлена ее способностью более рельефно проявить специфические черты национального менталитета, а также проецировать предстоящие изменения в кодифицированной системе языка.

Цель исследования – выявление деривационных возможностей префиксации в рамках словопроизводства глагольных сленгизмов.

Материал и методы. *Источником фактического материала стали интернет-пространство языка, а также современные словари молодежного сленга. В соответствии с поставленной целью в работе использовались методы сплошной выборки, компонентного и статистического анализа, сопоставительного описания.*

Результаты и их обсуждение. *В статье описаны основные подходы к определению элементов трихотомии «жаргон – аргот – сленг». Жаргон и его вариант аргот представляют собой локальные структуры, сформированные и одновременно ограниченные некоторыми социальными признаками носителей языка. Сленг, в свою очередь, является горизонтальным языковым образованием, выходящим за пределы различных социальных и профессиональных групп.*

Рассмотрен деривационный потенциал префиксации как способа конструирования приставочных парадигм с вершиной – сленгизмом. При этом вертикальные словообразовательные структуры отличаются семантическим разнообразием и в разрезе количественных характеристик стремлением к абсолюту. Автор статьи обращает внимание на явление псевдополипрефиксации, характерное для процессов словотворчества в периферийных подсистемах языка и обусловленное идиоматичностью производящего префиксального компонента.

Заключение. *Сленговые единицы представляют собой уникальные словообразовательные явления, обладающие огромной потенциальной для будущих деривационных процессов, что обусловлено отсутствием сдерживающего фактора в виде нормы.*

Ключевые слова: *молодежный сленг, префиксация, сленгизм, словообразовательное значение, субкод.*

(Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 145–150)

The Derivational Potential of Prefixing in the Internet Slang System

Tretsiakova Yu.R.

Educational Establishment “Yanka Kupala State University of Grodno”, Grodno

The relevance of the study of the derivational aspect of substandard vocabulary is due to its ability to demonstrate in detail the specific features of the national mentality and project forthcoming changes in the codified language system.

The research aims to identify derivational possibilities of prefixing within the framework of word production of verbal slang expressions.

Material and methods. *The source of the factual material was the Internet space and modern dictionaries of youth slang. Following this goal, the work used the methods of continuous sampling, component and statistical analysis, comparative description.*

Findings and their discussion. *The article describes the main approaches to defining the elements of the trichotomy “jargon – argot – slang”. Jargon and its version of argot are local structures formed and at the same time limited by some social characteristics of native speakers. Slang, in turn, is a horizontal language formation that transcends various social and professional groups.*

The derivational potential of prefixing to construct prefixed paradigms with the apex – slang is considered. At the same time, vertical word-formation structures are distinguished by semantic diversity and, in the context of quantitative characteristics, by the desire for the absolute. The author draws attention to the phenomenon of pseudopoly-prefixation, which is characteristic of word-creation processes in the peripheral subsystems of the language and is due to the conversational nature of the generating prefix component.

Conclusion. *Slang units are unique word-formation phenomena that have enormous potential for future derivational processes due to the absence of a constraining factor in the form of a norm.*

Key words: *youth slang, prefixing, slangs, word-formation meaning, subcode.*

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 145–150)

Последние десятилетия в системе единого национального языка наблюдаются демократические тенденции, реализующиеся, прежде всего, в выходе за пределы некоторой ограниченной социальной среды потоков сниженной, жаргонной лексики, в результате чего крайне ощутимой для носителя языка становится множественность его вариаций – субкодов, выстраивающихся в иерархическую структуру, ядром которой, безусловно, является литературный язык как «легитимная» форма реализации языка общенационального.

Периферийные области единой языковой системы, представленные территориальными диалектами, городским просторечием, а также социальным жаргоном, характеризуются как «живые» варианты функционирования русского языка, детерминированные социальными и личностными факторами развития человеческого познания и опыта. Возможность нелитературных субкодов реализовывать субъективную оценку на реалии окружающей действительности посредством процессов номинации обуславливает актуальность их всестороннего изучения.

Цель данного исследования состоит в выявлении деривационных возможностей префиксации в рамках словопроизводства глагольных сленгизмов.

Материал и методы. Материалом исследования послужила картотека глагольных сленгизмов, извлеченных методом сплошной выборки из интернет-пространства (социальные сети, форумы), «Словаря молодежного сленга» Т.Г. Никитиной, «Словаря языка интернета.ru» М.А. Кронгауза. Важно отметить, что выборка сленгизмов из лексикографических источников осуществлялась в соответствии с их актуальностью в интернет-коммуникации на современном этапе.

В рамках методологии работы мы, прежде всего, ориентировались на методы сплошной выборки, компонентного и статистического анализа, сопоставительного описания. С целью выявления актуальности некоторых сленгизмов производилось анкетирование респондентов в возрасте от 14 до 30 лет.

Объектом данного исследования является глагольная лексика, относящаяся к подсистеме молодежного сленга, рассматриваемая с позиций деривационной «активности / пассивности» префиксации.

Результаты и их обсуждение. Функционирование неузальных лексических единиц сопряжено с понятием дуализма: с одной стороны, обслуживание коммуникативных процессов относительно узкой сферы влечет за собой меньший набор языковых средств, с другой – отсутствие строгого регламента становится причиной активной динамики, разрушения языковой нормы и, как следствие, образования новых единиц по нестандартным образцам и зачастую иррациональными (нетипичными) способами. Данная двойственность характеризует преимущественно языковую среду молодежи.

Прежде, чем мы обратимся к вопросу о деривационном потенциале префиксации в системе интер-

нет-сленга, представим основные точки зрения относительно терминологии социальных диалектов – трихотомии «жаргон – арг – сленг», определение которых в лингвистической традиции сопряжено с рядом противоречий.

Согласно определению из «Лингвистического энциклопедического словаря» под редакцией В.Н. Ярцевой под арг следует понимать: 1) «особый язык некоторой ограниченной профессиональной или социальной группы, состоящий из произвольно избираемых видоизмененных элементов одного или нескольких естественных языков»; 2) «способ общения деклассированных элементов, распространенный в среде преступного мира (воровское арг)» [1, с. 43]. Две представленные дефиниции указывают на существование узкой и широкой трактовки понятия арг, при этом в рамках каждого из определений обнаруживаются общие функции – герметизирующая, заключающаяся в организации изолированного социального пространства средствами языка в том числе, и конспиративная. Некоторые исследователи, рассматривая арг согласно широкой точки зрения, по сути отождествляют его с жаргоном, принимая в качестве классифицирующего признака ограниченность социального пространства [2; 3]. Однако, на наш взгляд, не совсем правомерно отождествлять два понятия – жаргон и арг, учитывая признание каждого из них в лингвистической традиции. В связи с этим наиболее убедительной и более конкретной представляется узкая точка зрения, в пределах которой под арг понимают вариантную форму функционирования языка с присущими ей специфическими субъектом и сферой коммуникации [4–6]. Таким образом, арг наряду с другими субстандартными элементами живой речи (профессионализмами) репрезентует отдельный сегмент инвариантной структуры – жаргона, призванный консолидировать носителей языка на основе общности профессии, интересов, положения в обществе.

В отличие от жаргона сленг представляет собой некодифицированную разновидность общенационального языка, не ориентированную на социальный либо профессиональный статус потенциальных коммуникантов, что находит отражение в монографии Л.А. Ставицкой: «Сленг – это практически открытая языковая подсистема ненормативных, стилистически сниженных лексико-фразеологических единиц, которые выполняют экспрессивную, оценивающую (обычно негативную) и эвфемистическую функции» [2, с. 42].

Таким образом, жаргон и его вариант арг выступают как локальные структуры, сформированные и одновременно ограниченные некоторыми социальными признаками носителей языка. Сленг, в свою очередь, является горизонтальным языковым образованием, выходящим за пределы различных социальных и профессиональных групп и служащим для организации коммуникативных процессов достаточно многочисленной общности людей. Учитывая особенности современных процессов коммуникации, а речь идет о доминирова-

нии виртуальной формы общения посредством компьютерных технологий, отметим, что актуальностью будет отличаться всестороннее исследование молодежного интернет-сленга как области реализации индивидуального стиля коммуникативной деятельности. Субъективный фактор реализуется в представленной некодифицированной форме языка в создании новых, зачастую окказиональных единиц посредством механизмов словообразования. Далее в рамках нашего исследования рассмотрим деривационный потенциал префиксации как способа конструирования приставочных парадигм с вершиной – сленгизмом.

Распространение молодежного сленга на достаточно обширную адресантно-адресатную горизонталь в совокупности с активными и регулярными процессами коммуникации, осуществляемыми с использованием единиц молодежной речи как вживую, так и в интернет-пространстве, обуславливает в сопоставлении с другими языковыми субкодами высокую интенсивность словообразовательных процессов, о чем свидетельствует количественное и качественное

(семантическое) наполнение префиксальных парадигм некодифицированных лексем. И если данная разность абсолютно логична в отношении к другим неузловым языковым стратам, то крайняя степень продуктивности словообразовательных аффиксов в сопоставлении с уровнем интенсивности деривационных процессов в литературной подсистеме русского языка требует пояснения. Обратимся к коррелирующим в двух подсистемах глагольным единицам лит. *блокировать* – сленг. *банить* (табл.) [7; 8].

Представленная информация демонстрирует, что в рамках подсистемы молодежного сленга диапазон передаваемых значений, а также продуктивность префиксации превосходят возможности данного способа словопроизводства в литературном языке, чему способствует отсутствие в языковой среде молодого поколения сдерживающего фактора – нормы, следование которой в кодифицированном варианте общенационального языка носит обязательный характер. Отметим, что в словообразовательной подсистеме под отклонением от нормы следует понимать органи-

Таблица

Префиксальные парадигмы разносистемных единиц

Тематическая категория	Семантика префикса	Префиксальная парадигма сленгизма	Префиксальная парадигма литературной единицы
Временные модификации	а) ингрессивный семантический компонент	<i>банить</i> → <i>взбанить</i>	<i>блокировать</i> → –
	б) делимитативный семантический компонент	<i>побанить</i>	
	в) пердуративный семантический компонент	<i>пробанить</i>	
	г) финитивный семантический компонент	<i>выбанить</i> <i>отбанить</i>	
Модификации по степени интенсивности	а) сатуративный семантический компонент	<i>избанить</i> <i>набанить</i>	–
	б) аттенуативный семантический компонент	<i>подбанить</i> <i>прибанить</i>	
Модификационное результативное значение	а) семантика доведения до результата	<i>вбанить</i> <i>забанить</i> <i>сбанить</i> <i>убанить</i>	<i>заблокировать</i> <i>сблокировать</i>
	б) семантика неполноты действия	<i>недобанить</i>	–
	в) аннулирование результата действия	<i>разбанить</i>	<i>деблокировать</i> <i>разблокировать</i>
Характер взаимоотношений объекта и субъекта	дистрибутивное значение	<i>обанить</i> <i>оббанить</i> <i>перебанить</i>	–

зацию словотворческих актов, не соответствующих словообразовательному типу (его количественным и качественным характеристикам). Данное условное «нарушение» освобождает деривационные процессы, позволяя субъекту словопроизводства реализовывать собственный творческий потенциал, в результате чего возникает явление словообразовательной окказиональности. Обратимся к окказиональным дериватам, образование которых сопровождается нарушением системной продуктивности словообразовательного типа: не соблюдаются внутриязыковые ограничения на производство слов по данной модели.

Так, согласно «Русской грамматике» деривационные процессы, осуществляемые посредством префикса *в-* сопровождаются словообразовательными значениями ‘поместить(ся), проникнуть внутрь чего-либо с помощью действия, названного мотивирующим глаголом’ и ‘поместить в пространство, созданное с помощью этого действия’ [9]. Однако интернет-контексты помимо префиксальных дериватов пространственной семантики (*взуглить*, *вчепать*) обнаруживают производные глаголы с иным значением (результативным, ингрессивным, сатуративным), демонстрируя при этом нарушение словообразовательного типа, следовательно, производные единицы являются окказионализмами: «*Это из-за одной и той же ситуации и меня так жестко **вбомбило***»; «*Цена за работу **вбалдеть***»; «*aving been. hasta_indi, но вы не переживайте, **вишперить** я все равно не **вишперю***»; «*Целыми днями сидеть в кубиклах и **влайкать** гифки таких же гээмпэ*»; «*А что так нельзя **вчилить**?*»; «*Если только не **вчитерить** левил овер 9к*»; «*Помогите **вбанишь** в ВК*»; «*А там была целая команда людей и **вкрысить** мог кто угодно*».

Несоблюдение количественных характеристик словообразовательного типа реализуется посредством нарушения норм его эмпирической продуктивности, т.е. субъект словотворчества игнорирует, зачастую сознательно, низкие количественные показатели определенной словообразовательной модели либо их отсутствие (факт «словообразовательного бесплодия» деривационного типа [10]) и использует ее в качестве образца в процессе деривации. Так, образование производных глаголов со словообразовательным значением ‘совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом’ [9] посредством префикса *из-* маркируется как непродуктивное. Однако интернет-контексты демонстрируют сленгизмы с указанной семантикой: «*Так может только Сантис: **избайтить** фразу и вообще все построение своей музыки – это полное дно*»; «*А нам не только фантазировать новое, но и **издинамить** старое*».

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем при реализации непродуктивного словообразовательного типа, в рамках которого глагольный дериват посредством префикса *на-* – носителя аттенуативной семантики – приобретает значение ‘слабо, слегка, бегло совершить действие, названное мотивирующим глаголом’

[9]: «*Еще меня **немного набомбило** из-за Азриэля*»; «*Потому **назуглил** слегка*»; «*Лично я успел **немного нафиксить** по ставке, превышающей мою ставку по ипотеке*». Семантика префиксального деривата в указанных контекстах подкрепляется наречиями со значением интенсивности проявления признака действия *слегка, немного*.

Словообразовательный тип, в соответствии с которым образуется глагол со значением ‘интенсивно совершить действие, названное мотивирующим глаголом’ [9] путем присоединения префикса *пере-*, в академической грамматике характеризуется как непродуктивный. Однако в молодежном сленге префиксальные единицы указанной семантики не являются исключением: «*Можно ой как хорошо **перединамить***»); «*Лучше **перекрысить**, чем недокрысить*».

Таким образом, образование окказиональных лексем сопровождается, с одной стороны, следованием в рамках словопроизводства обобщенной деривационной модели, а с другой – сознательным и непреклонным отклонением от эталона – словообразовательного типа. Важно отметить, что основным критерием выделения типовых деривационных моделей является регулярность словообразовательных отношений в русском литературном языке с учетом зафиксированных узуальных единиц. В связи с вышеуказанным возникает вопрос, правомерно ли выделение окказиональных словообразовательных типов, если основным условием типизации деривационных конструкций считать регулярность? Попытаемся выделить несколько словообразовательных типовых структур из числа деривационных моделей, в рамках которых образуются окказиональные префиксальные дериваты молодежного сленга, взяв за основу традиционно принятые критерии: частеречную принадлежность членов словообразовательной пары, общность деривационного форманта, а также тождественность словообразовательного значения – и разграничив обнаруженные структуры в соответствии с областью нарушения существующего словообразовательного типа.

Так, анализ молодежных сленгизмов и их префиксальных парадигм с учетом отношений производности между ними позволяет выделить окказиональный словообразовательный тип, в соответствии с которым осуществляется образование глагола посредством префикса *анти-* со значением, противоположным семантике мотивирующего слова: *хайпить* → *антихайпить*, *лайкать* → *антилайкать*, *донатить* → *антидонатить*, *динамить* → *антидинамить*, *спамить* → *антиспамить*, *читерить* → *античитерить*, *фиксить* → *антификсить*, *майнить* → *антимайнить*.

Примеры *вбакланить*, *втроллить*, *вбазарить* и др. демонстрируют нарушение системной продуктивности узуального словообразовательного типа: не соблюдаются внутриязыковые ограничения на производство слов с присущей им семантикой по данной модели. Однако в силу регулярности употребления приставочных единиц в сфере молодежной коммуни-

кации представляется возможным выделить окказиональный словообразовательный тип – образование путем присоединения префикса *в-* глаголов с семантикой ‘совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом’ [9].

Рассмотренные выше окказионализмы *набомбить*, *нагуллить*, *нафиксить* со значением ‘совершить действие, названное мотивирующим глаголом, с незначительной интенсивностью’, проявляемым также посредством сторонних лексических единиц, демонстрируют реанимирование узуального словообразовательного типа, который в справочной литературе описывается как непродуктивный.

Таким образом, обнаружение и описание окказиональных словообразовательных типов позволяет сфокусировать внимание исследователей на проблеме актуальности непродуктивности типовой деривационной модели, контролировать процессы окказиональности, ее перехода в узус, что способствует расширению границ узуального лексического поля.

Следует отметить, что в научной литературе представлено достаточное количество трудов, посвященных вопросам образования сленгизмов, однако словообразовательный потенциал аффиксации в рамках уже существующих единиц молодежного субкода как производящей базы мало изучен. Далее в статье проанализируем деривационный потенциал префиксация как способа конструирования приставочных парадигм с вершиной – сленгизмом. Прежде, чем мы непосредственно приступим к проблемному вопросу, отметим важное качество сленговых единиц, игнорирование которого станет препятствием для получения наиболее объективных результатов исследования, – их внутриязыковая идиоматичность («несовпадение общего значения языковой единицы с суммой значений ее частей»

[11, с. 55]. Существенность указанной характеристики обусловлена словообразовательными процессами, в рамках которых в качестве деривационной базы будет выступать префиксальный глагол молодежного субкода, в связи с чем дериват формально будет демонстрировать явление полипрефиксации, однако семантически в силу идиоматичности мотивирующей лексемы лишь вторичный префикс мы будем рассматривать как носитель определенной семантики. Первичный словообразовательный формант в структуре производящего компонента (за исключением единичных сленгизмов, образованных префиксальным способом: *вкурить*, *откиснуть*) не будет являться префиксом в привычном его понимании, доказательством чего послужит выражение семантики сленговой лексемы совокупностью морфем без возможности исключения либо замены префикса на другой: *вычислить по IP* → *довычислить по IP*, *повычислить по IP*; *уломать* → *доуломать*, *науломать*, *поуломать*, *подуломать*, *переуломать*, *приуломать*; *слить* → *сслить*; *слинять* → *ослинять*, *послинять*, *переслинять*, *расслинять*.

Анализ деривационного потенциала префиксации как способа конструирования словообразовательной парадигмы от глагольных сленгизмов свидетельствует о ее высокой продуктивности, что отражено на диаграмме ниже (рис.).

Раскрепощенность и относительная свобода исследуемого некодифицированного субкода обуславливают активные словообразовательные процессы внутри данного класса слов, в результате чего зачастую мы встречаемся с явлением избыточной префиксальной парадигмы, организованной за счет синонимии глагольных дериватов: *форсить* → *вфорсить*, *выфорсить*, *дофорсить* (семантика результативности), *подфортить*, *отфортить* (пердуративное значение), *за-*

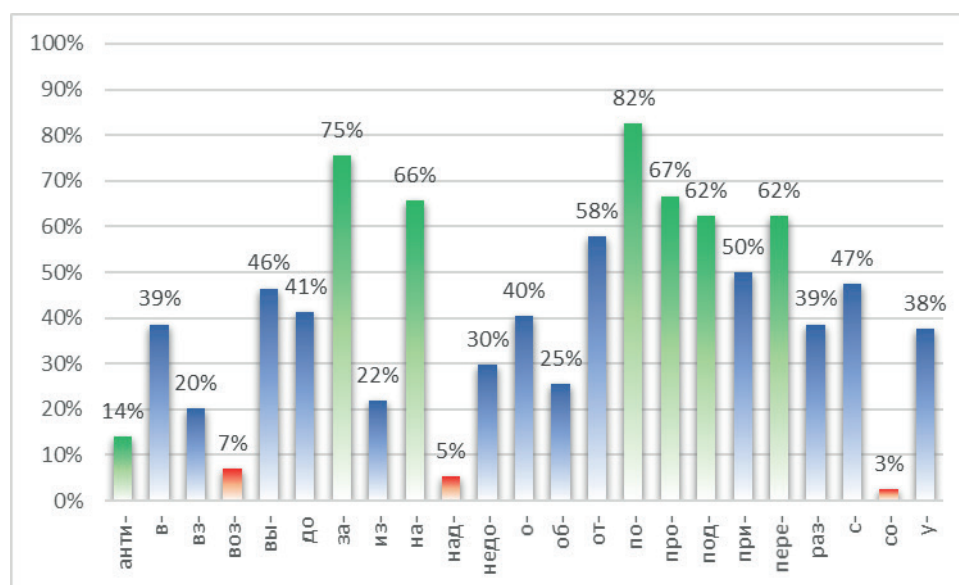

Рис. Частотность присоединения префиксов к сленгизмам

форсить, расфорсить (семантика начинательности), *пофорсил* (делимитативное значение), *нафорсить* (значение интенсивности), *подфорсить, прифорсить* (аттенуативное значение), *недофорсить* (семантика неполноты действия), *перефорсить* (дистрибутивное значение).

Разные подсистемы одного и того же языка, «обладающие сходной словообразовательной техникой, могут продемонстрировать различные результаты в 'деле' словообразовательного синтеза, что приводит к наличию словообразовательных лакун» [12, с. 921]. Анализ префиксальных словообразовательных парадигм литературного языка демонстрирует относительно большое количество пустых мест, знаменующих собой потенциальные единицы – дериваты, запрограммированные словообразовательной подсистемой русского языка и отсутствующие ввиду низкой степени их релевантности для субъектов словотворчества.

В комплексных деривационных структурах исследуемой языковой страты наблюдается фактическое отсутствие лакунарных участков: префиксальные парадигмы при этом в большинстве своем стремятся к абсолюту: *плюсовать* (11 единиц), *бомбить* (13 единиц), *гулить* (17 единиц), *троллить* (16 единиц), *базарить* (15 единиц), *бакланить* (12 единиц), *юзать* (14 единиц), *рофлить* (14), *шипперить* (15 единиц) и др.

Важно отметить, что молодежный сленг выступает в качестве языковой платформы для реализации творческих потенциалов субъектов словопроизводства, в связи с чем носители языка с целью привлечения внимания к собственной персоне прибегают к приемам языковой игры: «*Подлайкать* – лайкать подлецов». Фрагмент аналитической конструкции *подлецов* посредством редупликации своего корневого элемента в структуре глагольного деривата демонстрирует реализацию каламбура как стилистического приема. Вне контекста адресат коммуникативного акта, вероятно, воспримет единицу *подлайкать* как префиксальный дериват с аттенуативным семантическим компонентом, в результате чего возникнет эффект обманутого ожидания: спрогнозированная участником коммуникации тема общения заменится «неожиданным» компонентом.

Заключение. Таким образом, основной площадкой порождения единиц молодежного сленга является интернет-коммуникация, субъектами которой в большинстве своем выступают носители языка молодого возраста. Относительно стабильное состояние данного типа коммуникации, проявляющееся в его регулярности, беспрепятственности, отсутствии необходимости личного присутствия участников ситуации общения, а также возможность реализации творческого потенциала способствуют активизации словообразовательных процессов. Данный факт обуславливает существование широкой палитры семантических характеристик производных сленгизмов, образованных посредством различных, зачастую нетипичных префиксов. Признак «нетипичный» соотносится с явлением слово-

образовательной окказиональности, в рамках которой образование префиксального глагола сопровождается нарушением качественных либо количественных характеристик узуального деривационного типа. Регулярность окказионализмов, образование которых связано с несоответствием одному и тому же критерию словообразовательного типа, позволяет выделять окказиональные деривационные модели.

Префиксальные парадигмы сленгизмов в разрезе количественного наполнения зачастую стремятся к абсолюту, не обнаруживая при этом словообразовательных лакун, наличие которых характеризует деривационную систему литературного языка. Внимание исследователей к вопросам производности в рамках некодифицированных языковых подсистем будет способствовать реализации возможности прогнозирования направлений будущей динамики узуальной словообразовательной подсистемы.

Литература

1. Ярцева, В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н. Ярцева. – М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
2. Ставицька, Л.О. Арго, жаргон, сленг: Соціальна диференціація української мови / Л.О. Ставицька. – Київ: Критика, 2005. – 464 с.
3. Химик, В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен / В.В. Химик. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2000. – 272 с.
4. Быков, В.Б. История и современность русского арго / В.Б. Быков // Русистика. – 1991. – № 2. – С. 50–59.
5. Грачев, М.А. Интервенция криминального языка / М.А. Грачев // Наука и жизнь. – 2009. – № 4. – С. 128–132.
6. Хомяков, В.А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / В.А. Хомяков; «Германские языки». – Ленинград, 1980. – 39 с.
7. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. / А.Н. Тихонов. – М.: Рус. яз., 1985. – Т. 2. – 886 с.
8. Зализняк, А.А. Введение в русскую аспектологию / А.А. Зализняк, А.Д. Шмелев. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 226 с.
9. Русская грамматика: в 2 т. / редкол.: Н.Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1980. – Т. 1. – 784 с.
10. Филипчик, Ю.Р. Особенности образования и функционирования окказиональных производных в коммуникативном пространстве языка / Ю.Р. Филипчик // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2020. – № 2. – С. 53–59.
11. Савицкий, В.М. Основы общей теории идиоматики / В.М. Савицкий. – М.: Гнозис, 2006. – 208 с.
12. Никитевич, А.В. О понятии «безэквивалентность» при сопоставлении близкородственных языков / А.В. Никитевич // Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы: II Междунар. конф., Гранада, 8–10 сент. 2010 г.: в 2 ч. – Granada: 2010. – Ч. 1. – С. 921–926.

Поступила в редакцию 26.11.2021

Формализация раздела «Обсуждение» научной медицинской статьи на английском языке

Меньшенина И.А.

Учреждение образования «Витебский государственный ордена Дружбы народов
медицинский университет», Витебск

Стремительный рост объемов научной медицинской документации обуславливает необходимость создания системы автоматического реферирования научных медицинских текстов, которая позволит ускорить процесс обработки информации специалистами, предоставляя возможность просматривать публикации в сжатом варианте. Наиболее релевантным для разработки системы компрессии медицинского текста видится комбинированный подход, включающий сочетание статистических и лингвистических методов для формализации содержания научной медицинской статьи на английском языке при помощи выделения основных смысловых компонентов ее разделов, а также определения лексических и грамматических маркеров, вербализующих данные компоненты в тексте.

Цель данной работы – провести анализ структурно-семантической организации раздела «Обсуждение» текстов научной медицинской статьи на английском языке, раскрыть коммуникативные задачи каждого из компонентов данного раздела, а также способы их маркирования.

Материал и методы. Практическим материалом исследования послужили научные статьи, опубликованные в ведущих и наиболее цитируемых британских и американских научных медицинских журналах в период с 2017 по 2020 год. В процессе работы были использованы такие лингвистические методы, как сравнительный, контекстуальный контент- и дискурс-анализ, статистические методы.

Результаты и их обсуждение. Определение закономерностей структурно-семантической организации раздела «Обсуждение» научной медицинской статьи позволило конкретизировать наиболее важные смысловые компоненты данного типа текстов, а также выделить лексические и грамматические маркеры, при помощи которых смысловые сегменты вербализуются в тексте. В ходе анализа были выделены 5 прототипических компонентов суперструктуры раздела «Обсуждение» научной медицинской статьи на английском языке с выявлением наиболее употребительных языковых маркеров для каждого из них.

Заключение. Полученные результаты предоставляют возможность формализации распознавание семантических компонентов раздела «Обсуждение» научной медицинской статьи на английском языке в целях их последующего сокращения и преобразования для построения реферата.

Ключевые слова: научная медицинская статья, формализация, суперструктура, автореферирование, лингвистические маркеры.

(Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 151–155)

Formalization of the “Discussion” Section of the Scientific Medical Article in English

Menshenina I.A.

Education Establishment “Vitebsk State Order
of Peoples' Friendship Medical University”, Vitebsk

The rapid growth in the volume of scientific medical documentation necessitates the creation of an automatic summarization system for scientific medical texts, which will speed up the process of information processing by specialists, providing the opportunity to read publications in a compressed version. The most relevant for the development of a medical text compression system is a combined approach, including a combination of statistical and linguistic methods to formalize the content of a scientific medical article in English by highlighting the main semantic components of its sections, as well as determining lexical and grammatical markers that verbalize these components in the text.

The purpose of this work is to analyze the structural and semantic organization of the "Discussion" section of the texts of a scientific medical article in English, to reveal the communicative tasks of each of the components of this section, as well as ways of marking them.

Material and methods. The practical material of the study was scientific articles published in the leading and most cited British and American scientific medical journals in the period from 2017 to 2020.

In the course of the work, such linguistic methods as comparative, contextual content and discourse analysis were used. In addition, statistical methods were used.

Findings and their discussion. The determination of the regularities of the structural and semantic organization of the "Discussion" section of a scientific medical article made it possible to specify the most important semantic components of this type of texts, as well as to identify lexical and grammatical markers with which semantic segments are verbalized in the text. During the analysis, 5 prototypical components of the superstructure of the "Discussion" section of a scientific medical article in English were identified with the identification of the most commonly used language markers for each of them.

Conclusion. The obtained results provide an opportunity to formalize the recognition of semantic components of the "Discussion" section of a scientific medical article in English in order to reduce and transform them for the construction of an abstract.

Key words: scientific medical article, formalization, superstructure, autosummarization, linguistic markers.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 151–155)

Проблема информационной перегрузки, характерная для современного мира, затрагивает все профессиональные области, в том числе и сферу медицины. Для обеспечения надлежащего информационного обслуживания специалиста (врача) представляется необходимым разработать систему автоматического реферирования научных медицинских текстов, которая позволит ускорить процесс обработки информации, предоставляя возможность просматривать публикации в сжатом варианте. Наиболее релевантным для разработки системы компрессии медицинского текста видится комбинированный подход, включающий сочетание статистических и лингвистических методов для формализации содержания научной медицинской статьи на английском языке при помощи выделения основных смысловых компонентов ее разделов, а также определения лексических и грамматических маркеров, вербализующих данные компоненты в тексте. В статье рассматривается структурно-семантическая организация раздела «Обсуждение» текстов научной медицинской статьи на английском языке, раскрываются коммуникативные задачи каждого из компонентов суперструктуры данного раздела, а также способы их маркирования.

Цель работы – анализ структурно-семантической организации раздела «Обсуждение» текстов научной медицинской статьи на английском языке, раскрыть коммуникативные задачи каждого из компонентов данного раздела, а также способы их маркирования.

Материал и методы. Практическим материалом исследования послужили научные статьи, опубликованные в ведущих и наиболее цитируемых британских и американских научных медицинских журналах в период с 2017 по 2020 год. В процессе работы были использованы такие лингвистические методы, как сравнительный, контекстуальный контент- и дискурс-анализ, статистические методы.

Результаты и их обсуждение. Раздел «Обсуждение» представляет собой наиболее творческую и вместе с тем сложную для написания часть научной медицинской статьи. Для данного раздела характерно использование композиционно-речевой формы «рассуж-

дение» в отличие от «описания» и «повествования» в других разделах [1]. Такая особенность обусловлена определенными коммуникативными функциями: обобщить и проанализировать полученные в ходе эксперимента данные, сопоставить результаты с предыдущими исследованиями, сформулировать выводы, продемонстрировав сильные стороны своей работы, а также, как правило, указать на вопросы, требующие дальнейшей проработки. Помимо приведения достоинств исследования, в задачи раздела входит обсуждение всех возможных недостатков, систематических ошибок и ограничений.

Анализ смысловой структуры данного раздела показал, что она включает 5 основных компонентов:

1. Ответ на гипотезу.
2. Сравнение с другими исследованиями.
3. Ограничения исследования.
4. Внешняя валидность.
5. Перспективы исследования.

В 62% проанализированных статей (95% из которых опубликованы в британских изданиях) раздел «Обсуждение» начинается с ответа на гипотезу или задачу, поставленную во «Введении», либо с повторения в сжатом виде (чаще всего 1 предложение) цели или гипотезы исследования с последующим ответом на них.

Соответственно, маркерами подкомпонента суперструктуры «Ответ на гипотезу» будут выступать следующие выражения: *protocol was effectively delivered* 'протокол 'был успешно выполнен'; *we have achieved this aim* 'Мы достигли этой цели'; *we also noted* 'Мы также отметили'; *we noted* 'мы отметили'; *Data shows* 'Данные показывают'; *The findings from our trial provide conclusive evidence that* 'Результаты нашего исследования убедительно свидетельствуют о том, что'; *our results suggest that* 'наши результаты предполагают, что' и др.

Our very early mobilisation protocol was effectively delivered, leading to an earlier, more frequent, and higher dose of out-of-bed sitting, standing, and walking activity than usual care. 'Наш очень ранний протокол мобилизации был эффективно реализован, что привело к более ранней, более частой и более продолжительной

способности находится в положении сидя, стоя, а также активно ходить, чем при обычном уходе'.

Коммуникативная функция второго семантического компонента раздела «Обсуждение» заключается в критическом анализе имеющихся источников литературы и в сравнении полученных данных с результатами других авторов. Как правило, автор статьи указывает, с какими работами его выводы совпадают, от каких отличаются и почему; что было исследовано другими учеными и почему в данной работе это не освещено; что обнаружено в данной работе, а в других не исследовалось и т.д. [2].

Семантический компонент «Сравнение с другими исследованиями» вербализуется в тексте статьи при помощи маркеров *difference/differences* 'разница / различия'; *accords with* 'согласуется с'; *match* 'совпадает'; *in direct contrast to* 'в прямой противоположности'; *contradict* 'противоречить'; *support* 'поддерживать'; *be comparable to* 'быть сопоставимым с'; *compare* 'сравнивать' и др.

Despite different durations, the proportion of patients with bleeding events was similar between our study (12% at 9 months) and the LEADERS FREE trial (14% at 12 months). 'Несмотря на разную продолжительность, доля пациентов с кровотечениями была одинаковой в нашем исследовании (12% через 9 месяцев) и исследовании LEADERS FREE (14% через 12 месяцев)'.

Обсуждение результатов исследования сопровождается анализом факторов, способных повлиять на возможность применения полученных результатов за рамками эксперимента. Так называемые ограничения исследования могут касаться любого его этапа (выборки, процесса рандомизации, ослепления, применяемых методов и т.д.). Наиболее существенными по мнению ученых считаются ограничения, связанные с методами исследования, а именно условиями его проведения, объемом и качеством выборки, использованными способами рандомизации и пр. [3].

Предложения компонента «Ограничения исследования» маркируются лимитированным количеством лексем, таких как: *limitation/limitations* 'ограничения / ограничения', *was / were not able* 'не мог / не могли', *was / were / is / are unable to* 'был / были / не в состоянии', *could not* 'не мог', *cannot* 'не может', *was limited to* 'был ограничен', *was restricted by* 'был ограничен', *weaknesses / weakness* 'слабые стороны / сторона', *failed to* 'не смог' и т.д.

Самыми распространенными предложениями, вводящими сведения об ограничениях исследования, являются: *Our trial has several limitations.* 'Наше исследование имеет несколько ограничений'. *Our study has some limitations.* 'Наше исследование имеет некоторые ограничения'. *Several limitations in our study should be noted.* 'Следует отметить несколько ограничений в нашем исследовании'. *However, several limitations are also present.* 'Однако есть и несколько ограничений'. *Our report was limited to...* 'Наш отчет ограничился...' *We failed to obtain....* 'Нам не удалось получить...'.

Предложения обычно начинаются с личного местоимения *we* 'мы' либо с притяжательного местоимения *our* 'наш'.

В большинстве случаев непосредственно сами ограничения перечисляются в последующих предложениях, которые начинаются с *first* 'во-первых', *second* 'во-вторых', *third* 'в-третьих', *fourth* 'в-четвертых', *finally / last* 'наконец, в довершение'. Следовательно, такие лексемы также являются маркерами данного семантического компонента, а предложения, которые начинаются с них, отбираются для реферата.

В том случае, если вышеприведенные лексемы не следуют за предложением, содержащим «limitation 'ограничение', т.д.», в реферат отбираются все предложения до конца абзаца.

Nevertheless, several limitations apply. First, the broad population might have included groups more likely to either respond (eg, those with minor stroke or TIA, or atherosclerotic disease) or have a major bleed (eg, those receiving thrombolysis, or having small vessel disease), which might explain the neutral results; future trials of antiplatelets might need to be more specific and focus on individuals with atherosclerotic disease. Second, the antiplatelet agents were administered in an open-label design and participants knew which drugs they were on. Third, the comparator group involved different antiplatelet agents, a situation reflecting changes in national and international guidelines that added monotherapy with clopidogrel to the existing recommendation of combined aspirin and dipyridamole. Fourth, randomly assigned treatments were given for 30 days, which might have been too long in view of the identified haemorrhage risk. Last, the trial was stopped early following recommendation by the independent data monitoring committee and the results could represent a false neutral finding related to the lower-than-planned statistical power. 'Тем не менее, существует несколько ограничений. Во-первых, широкая популяция могла включать группы, которые с большей вероятностью либо ответят (например, пациенты с легким инсультом или ТИА, либо атеросклеротическим заболеванием), либо имеют большое кровотечение (например, те, кто получает тромболитическое или страдают заболеванием мелких сосудов), что может объяснить нейтральные результаты; возможно, будущие испытания антитромбоцитов должны быть более конкретными и сосредоточенными на лицах с атеросклеротическим заболеванием. Во-вторых, антитромбоцитарные препараты вводились открыто, и участники знали, какие препараты они принимают. В-третьих, группа сравнения включала различные антиагреганты, что отражает изменения в национальных и международных руководствах, которые добавляли монотерапию клопидогрелем к существующей рекомендации комбинированного аспирина и дипиридамола. В-четвертых, рандомизированное лечение проводилось в течение 30 дней, что могло быть слишком долгим с учетом установленного риска кровотечения. Наконец, испытание было остановлено досрочно по

рекомендации независимого комитета по мониторингу данных, и результаты могли представлять собой ложно-нейтральный вывод, связанный с более низкой, чем планировалось, статистической мощностью».

В то же время ограничения могут быть описаны одним предложением.

A potential limitation of our study is the short follow-up time of 12 months post-STEMI for the primary outcome of cardiac death and hospitalisation for heart failure, which might have been too short to observe any effect of ischaemic conditioning on clinical outcomes. Потенциальным ограничением нашего исследования является короткий период наблюдения в 12 месяцев после STEMI для отслеживания первичного исхода сердечной смерти и госпитализации по поводу сердечной недостаточности, что могло быть слишком непродолжительным временем для отслеживания возможного влияния ишемической болезни на клинические исходы».

Следующий подкомпонент раздела «Обсуждение» демонстрирует важность исследования и обобщаемость его результатов.

Уникальность работы подчеркивается превосходной, в некоторых случаях сравнительной степенью прилагательных, порядковым числительным *the first* 'первый':

The longest trial ever done. 'Самое долгое из когда-либо проведенных испытаний'. *The largest trial done so far.* 'Крупнейшее исследование, проведенное до сих пор'. *The only and therefore the largest randomised trial.* 'Единственное и, следовательно, самое крупное рандомизированное исследование'. *The largest trial so far for this problem.* 'На данный момент самое крупное исследование по этой проблеме'.

Такие заявления обычно смягчаются фразами, выражающими мнение, такими как: *to our knowledge* 'насколько нам известно'; *as far as we are aware* 'насколько нам известно'; *to the best of our knowledge* 'в меру наших знаний' и т.д.

Каждое предложение включает либо личное местоимение первого лица *we* 'мы', либо указательные местоимения *this / these* 'этот / эти', либо притяжательное местоимение *our* 'наш':

Our pragmatic study is the largest trial so far for this problem. 'Наше прагматическое исследование является крупнейшим на сегодняшний день исследованием этой проблемы'.

These findings provide support for... 'Эти выводы обеспечивают поддержку'.

Предложения, описывающие сильные стороны исследования, маркируются следующими лексемами: *strength/ strengths, external validity, to strengthen, implication/ implications*. Как и в предыдущем подкомпоненте, перечисление достоинств исследования происходит с помощью лексем *first* 'во-первых', *second* 'во-вторых', *third* 'в-третьих', *fourth* 'в-четвертых', т.д. и *finally / last* 'наконец, в довершение'. Например: *This trial has five major strengths.* 'У этого испытания есть пять основных сильных сторон'. *The strengths of*

the study, ..., are... 'Достоинства данного исследования это'. *The strengths of the study include...* 'Достоинства исследования включают...'. *Our study has several broad clinical implications.* 'Наше исследование имеет несколько широких клинических значений'.

This trial has five major strengths. First, we included a broad and large population of patients who were representative of those referred to the cardiology clinic for assessment of suspected angina due to coronary heart disease. Second, we specifically included patients who had been excluded from previous studies of CTCA such as those with obesity, high calcium scores, and atrial fibrillation. Third, we allowed unrestricted use of further stress imaging in keeping with clinician choice and routine practice because we wanted to explore the effect of the addition of CTCA as opposed to doing a head-to-head comparison with other diagnostic approaches. Fourth, we focused on the effect of CTCA on patient-centred and clinician-centred outcomes rather than comparing diagnostic accuracy between imaging modalities or anatomic versus functional testing. Finally, we assessed the effect of this intervention on both short-term and long-term outcomes to define the impact of this additional imaging intervention to routine clinical practice. 'У этого испытания есть пять основных сильных сторон. Во-первых, мы включили широкую и большую популяцию пациентов, которые были репрезентативными для тех, кого направили в кардиологическую клинику для оценки подозрения на стенокардию вследствие ишемической болезни сердца. Во-вторых, мы специально включили пациентов, которые были исключены из предыдущих исследований СТКА, таких как пациенты с ожирением, высокими показателями кальция и фибрилляцией предсердий. В-третьих, мы разрешили неограниченное использование дополнительной визуализации стресса в соответствии с выбором клинициста и рутинной практикой, потому что мы хотели изучить эффект добавления СТКА, а не проводить прямое сравнение с другими диагностическими подходами. В-четвертых, мы сосредоточились на влиянии СТКА на результаты, ориентированные на пациента и клинициста, а не на сравнение точности диагностики между методами визуализации или анатомическим и функциональным тестированием. Наконец, мы оценили влияние этого вмешательства как на краткосрочные, так и на долгосрочные результаты, чтобы определить влияние этого дополнительного вмешательства с визуализацией на повседневную клиническую практику'.

Во многих статьях выводы по исследованию и его перспективы не выносятся в отдельный раздел «Заключение», а включены в последний абзац «Обсуждения» и эксплицируются в тексте статьи глаголами *to conclude* 'заключать', *to sum up* 'подводить итог', а также выражениями *in conclusion* 'в заключение', *in summary* 'таким образом' и др.

In summary, tranexamic acid did not affect functional status at day 90, although potential benefits were seen with reductions in haematoma expansion, early death, and

serious adverse events. 'Таким образом, транексамовая кислота не влияла на функциональное состояние на 90-й день, хотя потенциальные преимущества наблюдались в виде уменьшения расширения гематомы, ранней смерти и серьезных нежелательных явлений'.

Семантический компонент «Перспективы исследования» является последним, пятым компонентом раздела «Обсуждение», где ретроспективно представляется новое знание и прогнозируется его дальнейшее развитие и будущие перспективы. Здесь же, как правило, излагаются ключевые нерешенные аспекты обозначенной проблемы и указывается на необходимость дальнейших ее исследований.

В преобладающем большинстве предложений этого подкомпонента встречается будущее время глагола либо модальные глаголы *should, might, may* (реже) и такие лексемы, как: *future* 'будущий', *further* 'далее', *is / are needed* 'необходимо / необходимы', *need / needs* 'нуждается в / нуждаются в', *might be needed* 'могут потребоваться', *is / are warranted* 'оправданы', *there is a need for* 'есть необходимость', *is/are worthy of* 'достойны / необходимы', *is /are necessary* 'необходим / необходимы' и т.д.

Our next priority will be to undertake... 'Следующим нашим приоритетом будет предпринять...'. *Future studies are desirable to explore...* 'Желательно, чтобы будущие исследования изучили ...'. *... merits further study for...* '... заслуживает дальнейшего изучения для ...'. *Further studies are needed...* 'Необходимы дальнейшие исследования ...'. *Further evaluation of... could be warranted.* Может потребоваться дальнейшая оценка.... *Future research should investigate...* 'В будущих исследованиях следует изучить...'. *These findings are worthy of future study.* 'Эти результаты заслуживают дальнейшего изучения'. *... are important areas for future investigations.* '... являются важными областями для будущих исследований'. *Future efforts should include...* 'Будущие усилия должны включать...'.
Future research should investigate which subgroups of patients might benefit. Tranexamic acid is inexpensive, easy to administer, seems to be safe, and is widely available, so even a modest treatment effect could have an important impact on the global scale. Larger randomised trials are warranted. 'Дальнейшие исследования должны изучить какие подгруппы пациентов могут получить пользу. Транексамовая кислота недорогая, простая в применении, кажется безопасной, и широко доступна, поэтому даже умеренный лечебный эффект может иметь важное влияние в мировом масштабе. Требуются более крупные рандомизированные испытания'.

Не все представленные выше маркеры могут быть безусловным признаком принадлежности предложения к тому или иному семантическому компонен-

ту суперструктуры научной медицинской статьи на английском языке. Некоторые из них являются многозначными и не могут быть однозначным идентификатором одного смыслового компонента. Наибольшую сложность для формализации представляют маркеры, состоящие из одной лексемы (*finally* 'наконец', *thus* 'таким образом', *however* 'однако' и др.).

Например, коннектор *however* 'однако' часто выделяется как маркер для опознавания пробелов предыдущих работ. Но в разделе «Обсуждение» данная лексема может быть использована автором при описания особенностей или недостатков собственного исследования:

There was no difference in functional outcome measured using the mRS when we compared groups who continued versus stopped prestroke antihypertensive drugs. However, some secondary outcomes were worse in the group who continued treatment, although whether this finding is due to chance or is a real effect is not clear. 'Не было различий в функциональных результатах, измеренных с помощью mRS, когда мы сравнивали группы, которые продолжали и прекратили прием гипотензивных препаратов до инсульта. Все же некоторые вторичные исходы были хуже в группе, продолжавшей лечение, хотя не ясно, является ли этот результат случайным или закономерным'.

Заключение. Рассмотренный подход, основанный на закономерностях структурно-семантической организации научной статьи, в сочетании с методами маркирования информации делает возможным алгоритмизацию поиска семантических компонентов раздела «Обсуждение» медицинского научного текста. Следующий этап работы предусматривает сокращение отобранных фрагментов исходного текста с последующим их преобразованием в целях построения связного текста аннотации.

Литература

1. Шамара, И.Ф. Научный медицинский дискурс с позиций системного исследования [Электронный ресурс] / И.Ф. Шамара // Теория яз. и межкультур. коммуникация. – 2013. – № 1. – Режим доступа: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/013-010.pdf>. – Дата доступа: 14.10.2021.
2. Хисамов, А.А. Как написать медицинскую статью? Структура медицинской статьи / А.А. Хисамов // Злокачественные опухоли. – 2016. – № 1. – С. 44–47.
3. Сайгитов, Р.Т. Правила и рекомендации по представлению рукописей, содержащих результаты оригинальных исследований [Электронный ресурс] / Р.Т. Сайгитов // Вопросы соврем. педиатрии. – 2015. – Т. 14, № 3. – Режим доступа: <https://publications.hse.ru/articles/154307819>. – Дата доступа: 13.10.2021.

Поступила в редакцию 13.12.2021

Модели семантической деривации лексем со значением неопределенно малого количества

Бобрикова Е.П.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

В статье рассматривается проблема семантических изменений, вопросы этимологии и реконструкции значений слов. Особое внимание уделяется изучению явления семантической мотивации, или внутренней формы слова.

Цель статьи – показать системность деривационных моделей на примере лексем неопределенно малого количества, а также роль внутренней формы в процессах деривационной активности данных лексем.

Материал и методы. Материалом послужили английские субстантивные лексем со значением малого и небольшого неопределенного количества. Методом сплошной выборки были отобраны лексем с интегральной семой неопределенно малого и небольшого количества. Исследование проводилось с помощью дефиниционного, компонентного и корпусного анализа и с применением диахронического подхода.

Результаты и их обсуждение. Проведенное диахроническое ретроспективное исследование позволило выявить 216 субстантивных лексем, в семантике которых обнаружена сема 'малое количество, масса', а также 'часть чего-либо, порция чего-либо', 'небольшое количество', 'кусочек' и т.п. В ходе исследования были определены три основных типа семантической деривации, согласно которым были образованы группы лексем.

Заключение. В ходе исследования были выявлены модели семантической деривации, которые позволяют предположить о семантической регулярности в эволюции значения слов. Семантические изменения слов по отдельности уникальны, однако на макроуровне можно выделить общие тенденции. Деривация представляет собой однонаправленный неререверсивный процесс, а модели семантической деривации могут обладать прототипическим потенциалом.

Ключевые слова: семантика, деривация, диахрония, лексема, сема, деривационная модель, этимология, субстантивы, количество, неопределенное малое количество, английский язык.

(Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 156–159)

Semantic Derivational Models of Lexical Units Denoting Fuzzy and Vague Small Number

Bobrikova E.P.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article looks into the issue of semantic changes, etymology and reconstruction of the word meaning. The study deliberately focuses on the phenomenon of semantic motivation, or the inner form of the word.

The purpose of the article is to reveal the consistency of derivational models on the case-study of lexemes denoting fuzzy and vague small or ordinary number. An attempt has been made to define the role of the inner form in the derivational processes of these lexical units.

Material and methods. The material involved English substantive lexemes denoting fuzzy and vague small or ordinary number. The following methods were applied: continuous sampling for selection of lexemes with an integral seme denoting fuzzy and vague small or ordinary number. The study was conducted using definitional, component and corpus analysis and using a diachronic approach.

Findings and their discussion. The conducted diachronic retrospective study revealed 216 substantive lexemes, in the semantics of which the seme 'small quantity, mass', as well as 'a part of something, a portion of something', 'a small amount', 'a piece', etc. were detected. In the course of the research, three main types of semantic derivation were identified, according to which the lexemes were grouped.

Conclusion. The study identified semantic derivation models that suggest semantic regularity in the evolution of the word change. Semantic changes in words are unique when regarded separately, but at the macro level, general trends can be singled out. Derivation is a unidirectional non-reversible process, and semantic derivation models may possess a prototypical potential.

Key words: Semantics, derivation, diachrony, lexeme, seme, derivational model, etymology, nouns, quantity, vague small number, English.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 156–159)

Современная лингвистика проявляет постоянный интерес к проблемам семантических изменений, вопросам этимологии и реконструкции значений слов. При этом, главной темой исследований семантических изменений остается семантическая мотивация, или внутренняя форма слова. Будучи впервые представлено в работах В. фон Гумбольдта и А.А. Потебни явление внутренней формы слова подробно рассматривалось в более современных работах таких ученых, как А.Ф. Лосева, В.В. Библихина, Б.А. Плотникова, Б.А. Серебренникова, О.П. Ермаковой, Е.А. Земской, В.Г. Варинной, В.М. Русановского и др., однако в целом теория внутренней формы слова до сих пор остается противоречивой.

Цель статьи – показать системность деривационных моделей на примере лексем неопределенно малого количества, а также роль внутренней формы в процессах деривационной активности данных лексем.

Материал и методы. Материалом послужили английские субстантивные лексемы со значением малого и небольшого неопределенно количества, которые были рассмотрены в диахроническом аспекте с целью выявления аналогичных семантических деривационных моделей и определения границ влияния внутренней формы на семантическую эволюцию лексем. Методом сплошной выборки были отобраны лексемы с интегральной семой неопределенно малого и небольшого количества. С помощью дефиниционного, компонентного и корпусного анализа была изучена семантика лексем и выявлены модели деривации.

Результаты и их обсуждение. В течение последних десяти лет ведется работа над проектом каталога семантических переходов под руководством А.А. Зализняка, целью которого является создание базы данных регулярно воспроизводимых лексико-семантических изменений, засвидетельствованных в разных языках мира [1]. Другим масштабным проектом, направленным на наиболее полное отображение семантических изменений, является база данных LexiType (DIA), созданная группой немецких ученых [2]. База данных позволяет производить анализ значительных объемов материала, охватывающего большие промежутки времени. К тому же, ресурс позволяет задавать критерии поиска и отбора данных, находить повторяющиеся модели в диахронии или, к примеру, находить семантические изменения, основанные на метафорическом или метонимическом переносе. По мнению авторов, данный проект будет способствовать историческому изучению лексики, реконструкции потерянных деривационных звеньев и уточнению этимологии некоторых лексем [3]. Такая тенденция к «инвентаризации фактов в форме словарей, баз данных и каталогов» [4, с. 92] и обращение в современной лингвистике к моделированию семантической эволюции, которое охватывает факты диахронического порядка и синхронное описание, обуславливают *актуальность* данной статьи.

Стало очевидно, что этимологические изыскания обязательно должны содержать сведения о внутренней форме слова или же хотя бы о последовательности семантических изменений, произошедших в слове на протяжении истории. К тому же, внимание этимологов и исследователей исторической семантики все чаще привлекают наименования непредметных сущностей – абстрактных понятий, общественных отношений, психических явлений (например, работы И.А. Стоянова, Т.А. Харитоновой). Категория количества является одной из самых абстрактных категорий языка, на которую одним из первых обратил внимание античный философ Аристотель. Подробным описанием лексем со значением неопределенно количества занимались отечественные и зарубежные лингвисты, чьи работы и послужили *теоретической базой исследования*. Так, в качестве семантической категории ряда количества в языке рассматривали: И.А. Бодуэн де Куртене (1927); Э. Сепир (1930); А.А. Реформатский (1960); В. Дресслер (1968); Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс (1969); Т.П. Ломтев (1971); В.З. Панфилов (1977); В.В. Новицкая (1978); А.А. Холодович (1979); И. Пете (1981); А.Н. Полянский (1984); З.Я. Тураева, Я.Г. Биренбаум (1985); Н.А. Слюсарева (1986); В.В. Акуленко (1990); Л.Д. Чеснокова (1992); М.М. Копыленко (1993); Г.Г. Кругликова (1996); Ф.А. Литвин (1998); Л. Шарич (2002); А.Д. Шмелев (2002); Б. Тошович (2005) и др. Сравнительно-сопоставительное исследование семантической категории количества было предпринято в диссертационных исследованиях Н.С. Чиркиной (1980); Э.Ф. Сафиной (2000); Н.Г. Мингазовой (2004); Ю.Л. Ухиной (2005); Е.В. Поликарповой (2007); Н.В. Михальковой (2015). В рамках системно-функционального подхода функционально-семантическое поле количества изучалось в исследованиях В.В. Акуленко (1990); Т.В. Коноваловой (1998); К.Н. Симоновой (2003); Т.М. Тагоевой (2006); А.В. Степановой (2007). Градуальность и интенсификация количества были предметом исследования в работах Э. Сепира (1944); И.И. Убина (1974); Е.М. Вольф (1985); Т.В. Булыгиной (1988); Н.Д. Арутюновой (1988); И.И. Туранского (1990); Н.Д. Дизенко (1993); А.В. Бондарко (1996); Н. Jachnow (2001); Н.Б. Мечковской (2001) и др. Однако, несмотря на многообразие исследований, они преимущественно направлены на детальное изучение явлений в синхронии.

Проведенное диахроническое ретроспективное исследование позволило выявить 216 субстантивных лексем [5], в семантике которых обнаружена сема ‘малое количество, масса’, а также ‘часть чего-либо, порция чего-либо’, ‘небольшое количество’, ‘кусочек’ и т.п. В ходе исследования были определены три основных типа семантической деривации, согласно которым были образованы группы лексем.

К первой группе относятся лексемы, внутренняя форма которых указывает на некоторое действие. Семантика таких лексем развивается по модели: ‘действие → небольшое или малое количество; часть’. Данная группа насчитывает 123 лексемы, что состав-

ляет 57% от выборки лексем неопределенно малого и небольшого (партитивного) значения. В качестве мотивирующего элемента выступает значение реконструированного корня, восходящего к праиндоевропейскому или прагерманскому слову [5]. В случае отсутствия реконструированного корня было использовано значение корня этимона, указанного в лексикографических источниках, от которого произошла или была заимствована исследуемая лексема. В большинстве случаев в английском языке слово стремилось сохранить внутреннюю форму будучи заимствованным из французского, латыни или иных германских языков.

Так, внутри исследуемой группы семантика большинства лексем была мотивирована семой, обозначающей деструктивное действие, включая действие деления. К примеру, лексема *morsel* ‘маленький кусочек; маленькое количество чего-либо’ было зафиксировано в английском языке в конце XIII в. сразу со значением ‘маленький кусочек’. Если проследить деривацию от реконструированного корня, то заметно влияние внутренней формы на изменение смысловой стороны слова: ‘?PIE *mer- ‘стирать прочь’ → лат. *mordere* ‘кусать’ → старофр. *morsel* ‘маленький укус’ → среднеангл. *morsel* ‘маленький укус, часть, кусок’. В современном английском языке лексема активнее всего используется в значении ‘маленький кусочек или количество’, в сочетаниях типа ‘маленький кусочек / малое количество еды или абстрактного понятия’:

(а) ...and is rewarded with **a morsel of food** if the correct answer is given (...и в награду получают совсем немного еды, если дают правильный ответ) [6];

(б) There was **a morsel of consolidation** for the British team... (Для команды из Британии это было совсем незначительное укрупнение) [6].

К одной из разновидностей предыдущей модели, основанной на действии, можно также отнести семантическую деривацию на основании ономотопии, или звукоподражания: ‘звуковая имитация → часть, небольшое или малое количество’. Следует также отметить графически краткую и мало буквенную форму лексем, значение которых развивалось по предложенной модели. Например, лексема *dash* ‘щепотка, капелька’ развивалась по следующей модели: ‘OE *dasse* ‘ударять’ → ME звук быстрого движения, удара → ME ‘малое количество’:

(в) Next, add pepper similarly and **a dash of freshly grated nutmeg** (Затем в такой же пропорции добавьте перца и щепотку свежо натертого мускатного ореха) [6].

Еще одной продуктивной моделью в данной группе можно выделить семантическую деривацию по схеме: ‘часть действия или этап процесса → часть, небольшое количество’. Ярче всего можно проиллюстрировать данную модель на примере семантики лексемы *dribble* ‘капля, небольшое количество’, проследив деривацию от ее протоиндоевропейского корня: PIE **dhreu-* ‘падать в виде капель’ → OE *drypan* ‘падать в виде капель или мелкими кусочками’ → ME *drip*, *dribble* ‘падать в виде капель или мелких частиц’ →

lateME *dribble* ‘моросающий дождь, струйка’ → ModE *dribble* ‘капля, небольшое количество’. Примечательно, что в современном английском языке под влиянием внутренней формы и семы ‘капля, жидкость’, лексема *dribble* в основном функционирует в значении ‘малое количество жидкости’, а также для обозначения малой степени и интенсивности проявления эмоций и чувств. При этом, она реже входит в сочетания для определения количества дискретных объектов или абстрактных понятий:

(г) Aunt Tossie had **a faint dribble of desire** at the corners of her mouth... (Тетя Тосси выразила еле уловимое желание, которое едва считывалось с уголков ее губ) [6];

(д) His cheek was cut and **a faint dribble of blood** ran towards the corner of his mouth (У него на щеке была ссадина, из которой капелька крови потекла вниз по лицу) [6].

Довольно оформленной подгруппой слов в плане семантической деривации выступают лексеммы, смысловая структура которых развивалась по модели: ‘процесс восприятия; основные чувства восприятия человека → часть, небольшое или малое количество’. Например, сюда относятся такие лексеммы, как *lick* ‘маленькая порция’, *swallow* ‘глоток’, *gulp* ‘небольшой глоток / небольшое количество’, *sip* ‘маленький глоток / малое неопределенное количество’. Как видно, на первый план выходят тактильные и сенсорные ощущения человека. В приведенном примере ниже лексема *lick* обозначает неопределенно малое количество здравого смысла:

(е) He has **a lick of sense**, that's what he would say (Он бы сказал, что у него хоть и немного, но присутствует здравый смысл) [6].

Вторую группу слов со значением малого или небольшого количества составляют 65 лексем (30% от выборки). Их внутренняя форма тесно связана с предметной областью – в основе деривации лежат материальные объекты действительности. Исходным мотивирующим элементом единственной деривационной модели данной группы выступает образ объекта материальной действительности небольшого или малого размера: ‘образ небольшого или малого материального объекта → часть, небольшое или малое количество’. Типичными мотивирующими единицами выступают такие понятия и образы, как ‘круг, шар’, ‘зернышко’, ‘еда’, ‘палка’, ‘камень’, ‘небольшие емкости’, ‘луч света’, ‘маленькое пространство’. Так, лексема *scruple* восходит к лат. *scrupulus* ‘маленький острый камень’, лексема *bean* ‘малое количество’ мотивирована образом бобовых зерен и этимологически восходит к протоиндоевропейскому корню **bha-bhā-* ‘бобы’.

(ж) And not **a scruple** in his head about how he gets it (У него не было ни малейшего представления о том, как это получить) [6].

Третья группа характеризуется устойчивой внутренней формой, указывающей на квантитативность. В основе деривации сразу можно отметить количественное значение, чаще небольшое количество. Данная группа представлена 28 лексемами, что составляет

13% от общего числа выборки. Так, по модели ‘некоторая масса, количество → небольшое или малое количество’ происходит деривация лексем, во внутренней форме которых изначально обнаруживается квантитативная сема. Например, лексема *unit*, заимствованная из латинского языка, восходит к протоиндоевропейскому корню *oi-no- ‘one, unique’, то есть доминантной семой становится ‘единичность, сингулярность’. Если проследить путь деривации диахронически от данного реконструированного корня, то модель будет следующей: ‘PIE *oi-no- ‘один, единство, уникальность’ → ME часть, элемент, соединение → ModE небольшое количество мыслимое неделимым’.

(3) *Such a unit of goodness has been defined as the result of the slightest favourable evolutionary change...* (Под единицей измерения добродетели понимается даже едва заметное благоприятное изменение в эволюции...) [6].

Заключение. Таким образом, несмотря на мнение некоторых лингвистов о том, что понятие «малости» лексически не получило детального языкового выражения, потому что в человеческом воображении гораздо глубже «запечатлевалось именно что-то большое», а «с точки зрения практики, идею множества оказалось более существенным выразить для человека, чем малого» [7, с. 20], то с точки зрения диахронии семантика лексики, обозначающей неопределенно малое количество, представляет собой стройную и много векторную систему, где центральное место занимает мыслительная деятельность человека в процессе номинации по определенным моделям. Как и в случае с деривационными моделями лексем, обозначающих неопределенно большое количество [8], так и с лексемами, обозначающими неопределенно малое количество, деривация в основном представлена аналогичными моделями, основанными на механизмах метонимического и метафорического переноса. Проведенное исследование иллюстрирует разнообразие лексико-семантических средств выражения неопределенно малого количества на материале английского языка. В ходе исследования были выявлены модели семантической деривации, которые позволяют предположить о семантической регулярности в эволюции значения слов [9]. Основными моделями семантической деривации лексем со значением неопределенно малого количества являются следующие три модели:

– модель: ‘действие → небольшое или малое количество; часть’. Данная группа насчитывает 123 лексемы, что составляет 57% от выборки лексем неопределенно малого и небольшого (партитивного) количества. В качестве продуктивных подвидов данной модели можно выделить семантическую деривацию, в основе которой лежит сема ‘деструкция’. Второй подвид основан на ономотопии ‘звуковая имитация → часть, небольшое или малое количество’. Еще один подвид представлен моделью ‘часть действия или этап процесса → часть, небольшое количество’, последний подвид обладает семантической деривацией

по схеме ‘основные чувства восприятия человека → часть, небольшое или малое количество’;

– модель ‘образ небольшого или малого материального объекта → часть, небольшое или малое количество’. Данная группа насчитывает 65 лексем, что составляет 30% от выборки;

– модель ‘некоторая масса, количество → небольшое или малое количество’. Данная группа представлена 28 лексемами, что составляет 13% от общего числа выборки. Мотивирующим элементом в данном типе деривации является присутствие в этимоне семы, указывающей на количественное значение.

Несмотря на то, что семантические изменения слов по отдельности уникальны, на макроуровне можно выделить общие тенденции. При этом, деривация представляет собой однонаправленный неререверсивный процесс, а модели семантической деривации могут обладать прототипическим потенциалом. Результаты работы могут быть использованы при описании семантических переходов в лингвистической семантике.

Литература

1. Зализняк, А.А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «каталога семантических переходов» / А.А. Зализняк // Вопросы языкознания. – 2001. – № 2. – С. 13–25.
2. Кох, П. Проект LexiType(Dia) [Электронный ресурс] / П. Кох. – Тюбинген, 2006–2021. – Режим доступа : <http://www.lingexp.uni-tuebingen.de>. – Дата доступа : 07.09.2021.
3. Mihatsch, W. Lexical data and universals of semantic change / W. Mihatsch, R. Steinberg. – Tübingen: Staffenburg, 2004. – P. 220–230.
4. Зализняк, А.А. Многозначность в языке и способы ее представления / А.А. Зализняк. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 672 с.
5. Oxford English Dictionary [Electronic resource] / ed. by L. Brown (ed.-in-chief) [and others]. – Electronic data and programme (645 Mb). – 4th ed. – New York : Oxford University Press, 2007. – 1 CD-ROM; Online Etymology Dictionary [Electronic resource] / Douglas Harper. – 2001–2016. – Mode of access: <http://www.etymonline.com>. – Date of access: 20.04.2020.
6. British National Corpus [Electronic resource] / Oxford University Computing Services; University of Oxford, 2009–2020. – Mode of access: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>. – Date of access: 07.12.2020.
7. Перетятко, Т.П. Лексические средства обозначения неопределенно большого количества предметов: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Т.П. Перетятко / Казан. гос. ун-т им. С.М. Кирова. Кафедра рус. филологии. – Алма-Ата, 1972. – 23 с.
8. Бобрикова, Е.П. Прогностика аналогичных деривационных процессов у лексем со значением «множество» / Е.П. Бобрикова // «Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова»: сб. науч. трудов. – Витебск: УО «ВГУ имени П.М. Машерова». – Т. 20. – С. 301–308. Режим доступа: <https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/8662/1/t20p184.pdf>. – Дата доступа: 06.10.2021.
9. Бобрикова, Е.П. Системный потенциал семантических деривационных моделей и внутренней формы / Е.П. Бобрикова // Вестн. МГЛУ. Сер. Филология. – 2018. – № 5 (96). – С. 75–84.

Поступила в редакцию 13.12.2021

Лексико-тематическая группа обозначений эмоционального состояния и его внешнего проявления в лексической структуре рассказов А.П. Чехова

Кунтыш М.Ф.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

В статье осмысливается конкретная лексико-тематическая группа как элемент лексической структуры рассказа.

Цель исследования – выявить качественный и количественный состав лексико-тематической группы обозначений эмоционального состояния и его внешнего проявления, определить значимость рассматриваемых лексем в структуре образа и проанализировать организующую роль данной тематической группы в лексической структуре рассказа.

Материал и методы. Материалом для научного анализа лексико-тематической группы как элемента лексической структуры рассказа стали 10 произведений А.П. Чехова. Основные методы исследования: структурно-типологический, описательно-аналитический, сравнительно-сопоставительный.

Результаты и их обсуждение. В статье прослеживается состав анализируемой лексико-тематической группы с точки зрения представленности лексико-грамматических категорий, языковой презентации различных эмоциональных состояний (положительных и чаще отрицательных), расчлененности или лишь целостной оценочности эмоционального состояния. Для лексической структуры важно выявить соотношенность элементов разных тематических групп, в частности номинаций персонажей и обозначений их душевного состояния («изнутри» или внешнее проявление) или триады персонаж – чувства – природа. Количественный параметр при анализе учитывается в плане рассмотрения структурирования определенного эмоционального мотива рассказа, усилительной функции повтора, значимого отсутствия лексем в структуре образа.

Заключение. Рассказы различаются системой средств выражения эмоционального состояния персонажей количественно и качественно. В лексической структуре рассказа существенную организующую роль играют предикаты эмоционального состояния, эмоционального переживания, предикаты эмоционального отношения, а также предикаты, обозначающие внешнее проявление различных эмоций (мимику, жесты, позы, импульсивные действия, физиологическое состояние).

Ключевые слова: лексическая структура рассказа, лексико-тематическая группа, обозначения эмоционального состояния, обозначения внешнего проявления эмоционального состояния.

(Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 160–170)

Lexical and Thematic Group Denoting Emotional State and its Outer Manifestation in the Lexical Structure of A.P. Chekhov's Stories

Kuntys M.F.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article centers round a definite lexical and thematic group as an element of the lexical composition of the story.

The research purpose is to find out the qualitative and quantitative composition of the lexical and thematic group denoting emotional state and its outer manifestation, to identify the significance of the lexemes under consideration in the structure of the image and to analyze the organization role of the thematic group in the lexical structure of the story.

Material and methods. The material for the scientific analysis of the lexical and thematic group as an element of the lexical structure of the story was 10 A.P. Chekhov's works. The main research methods were the structural and typological, the descriptive and analytical and the comparative.

Findings and their discussion. The article traces the composition of the analyzed lexical and thematic group from the point of view of the presence of lexical and grammar categories, linguistic presentation of various emotional states (positive and more often negative), the split or only wholesome evaluation of the emotional state. For the lexical structure it is necessary to find out the

correlation of the elements of various thematic groups, namely, nominating the characters and denoting their emotional state (from inside or outside manifestation) or the three-component "character – feelings – nature". The quantitative parameter is taken into account when considering the structuring of a definite emotional motif of the story, the strengthening function of the repetition, the meaningful absence of lexemes in the structure of the image.

Conclusion. The stories differ from the point of view of the system of means of expression of the characters' emotional state qualitatively and quantitatively. In the story lexical structure predicates of emotional state, predicates of emotional attitude as well as predicates which denote outer manifestation of various emotions (mimics, gestures, postures, impulsive movements, physiological state) play an important organizational role.

Key words: lexical structure of the story, lexical and thematic group, denoting emotional state, denoting outer manifestation of the emotional state.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 160–170)

Цель данной работы заключается в выявлении качественного и количественного состава лексико-тематической группы обозначений эмоционального состояния и его внешнего проявления, определении значимости рассматриваемых лексем в структуре образа и анализе организующей роли данной тематической группы в лексической структуре рассказа.

Материал и методы. Материалом для анализа выбраны 10 рассказов Антона Павловича Чехова, написанных в 1887–1889 годах (общий объем рассказов – 110 страниц (34800 слов)). Основные методы исследования – структурно-типологический, описательно-аналитический, сравнительно-сопоставительный.

Результаты и их обсуждение. Лексико-тематическая группа обозначений чувств и внешнего проявления эмоционального состояния широко представлена во всех анализируемых рассказах А.П. Чехова, да и во всем его творчестве, основной задачей которого является раскрытие внутреннего мира человека. В научной литературе, посвященной исследованию творчества писателя, много говорится о своеобразии его психологического анализа, о специфике раскрытия внутреннего мира персонажа. Психология чувств была и остается важнейшей областью художественного познания, и выдающиеся писатели самобытны как в плане содержания отображаемых чувств, так и в плане их языкового воплощения. В системе языка имеется богатый набор лексем, обозначающих чувства, но художники слова обычно не ограничиваются ими и широко вовлекают для передачи эмоций слова разных лексико-тематических групп.

Количество встретившихся в рассматриваемых рассказах лексем разных частей речи, непосредственно обозначающих чувства, передающих душевное состояние, представлено в табл. 1.

Среди встретившихся в рассматриваемых рассказах лексем разных частей речи, непосредственно обозначающих чувства, передающих душевное состояние, самой высокой частотностью отличается употребление глагола, имеющего широкие возможности для передачи душевного состояния и указания на его внешнее проявление. При анализе лексико-семантических групп глаголов учитываются исследования Л.М. Васильева [1]. Ученому принадлежит идея классификации эмотивной лексики с учетом категориально-семантических компонентов.

К лексико-семантической группе глаголов чувства относится группа глагольных лексем, которые обозначают процесс внутреннего, психического чувствования во всех его разновидностях и оттенках.

Глагол «чувствовать» по своей лексической емкости соотносится с другими глаголами лексико-семантической группы чувств как родовое с видовым. В рассматриваемых рассказах встретились сочетания этого глагола со следующими существительными – обозначениями чувств: *отвращение*, *желание* («Володя»), *презрение* («Пари»), *неловкость* («Страх»), *слабость*, *нежность* («Володя большой и Володя маленький»), *сострадание* («Дама с собачкой»). В рассказе «Володя большой и Володя маленький» встретилось и сочетание глагола *чувствовать* и прилагательным *равнодушный*, обозначающим душевное состояние.

Часто семантическое содержание глагола (*по*)*чувствовать* раскрывается посредством придаточных частей предложений. Только в рассказе «Красавицы» находим 5 таких примеров: «...почувствовал, что точно ветер пробежал по моей душе и сдул с нее все впечатления дня с их скукой и пылью»; «...чувствовал, что ее редкая красота случайна, не нужна и, как все на земле, не долговечна...» и др. Встречаются подобные предложения и в других рассказах: «...почувствовала, что у нее даже губы покривились от стыда» («Володя большой и Володя маленький»); «...чувствовал, что она близка мне, что она моя, что нам нельзя друг без друга...» («О любви»); «...чувствовал, что эта их любовь изменила их обоих» («Дама с собачкой»).

Почти все обозначения эмоций можно разделить на две группы по семе «отрицательные/положительные эмоции». Кроме того, лексико-семантическая группа предикатов чувства состоит из ряда семантических подгрупп: предикатов эмоционального состояния, предикатов эмоционального переживания, предикатов эмоционального отношения и предикатов, обозначающих внешнее проявление эмоционального состояния.

Существительные-названия приятных чувств и эмоций в текстах таковы: *счастье*, *восхищение*, *удивление*, *наслаждение*, *радость*, *восторг*, *умиление*, *дружба*. Предикаты, передающие приятное эмоциональное состояние, представлены с распределением по рассказам в табл. 2.

По количеству употреблений выделяются слова (об)радоваться и рад(а, ы). Радость – основная положительная эмоция. Радость встречи знакомых людей

Лексемы-обозначения эмоционального состояния в рассказах

Рассказы	Глагол	Существительное	Прилагательное / причастие	Категория состояния	Наречие	Всего
«Страх»	70	33	32	25	2	162
«Володя большой и Володя маленький»	64	30	16	15	6	131
«Верочка»	51	52	11	7	3	124
«Дама с собачкой»	50	40	20	11	2	123
«Володя»	53	33	9	13	4	112
«Душечка»	47	36	6	9	1	99
«Человек в футляре»	37	24	18	7	1	87
«О любви»	37	26	11	4	0	78
«Красавицы»	17	27	5	10	2	61
«Пари»	14	13	0	2	1	30
Всего	440	314	128	103	22	1007

находит непосредственного лексическое выражение в рассказах «Верочка» (Огнев *обрадовался* неожиданной встрече с Верочкой), «Володя большой и Володя маленький» (лицо и платочек Оли *просияли от радости* при виде Софьи Львовны в монастыре), «О любви» (Лугановичи *рады* гостю Алехину).

В других ситуациях героями высказывается лишь предположение о приятном эмоциональном состоянии других людей. Так, Мария Сергеевна («Страх») считает, что рассказчик *радуется* лишь тогда, когда рядом его друг Силин. Силин предполагает, что его жена *бывает рада*, когда он уезжает. Лугановичи («О любви») думали, что Алехин *испытывает радость* в их доме. Беликов («Человек в футляре»), лежащий в гробу, «...точно был рад, что наконец его положили в футляр, из которого он уже никогда не выйдет».

Значительно чаще испытывают герои рассматриваемых рассказов отрицательные эмоции. «Из всех философских проблем, которые могут представиться духовному взору мыслителя-художника, Чехова в наибольшей степени занимала одна, чрезвычайно характерная для всего его творчества, сделавшая его певцом хмурых людей, слабых и побежденных, тусклой и печальной стороны жизни. Наиболее часто и настойчиво ставится Чеховым этот вопрос не о силе человека, а о его бессилии, не о подвигах героя, а о могуществе пошлости, не о направлениях и подъемах человеческого духа, а об его загнивающих низинах и болотинах», – писал С.Н. Булгаков [2, с. 15].

В текстах встречаются следующие существительные-названия неприятных чувств и эмоций: *страх, тревога, боязнь, испуг, ужас, печаль, грусть, стыд, смущение, скука, раздражение, отчаяние, волнение, злоба, ненависть, отвращение, презрение, зависть*.

Различных предикатов, объединяющихся в системе языка по семе «отрицательные эмоции», встрети-

лось в текстах 43, общее количество их упоминаний – 142 раза (табл. 3).

Особенно выделяется по количеству употреблений (46 раз) группа предикатов, имеющих сему «страх», обозначающих проявление этой эмоции в различной степени. В рассказе «Страх» передается основной психологический настрой главного персонажа – страх. Этот рассказ В.Я. Линков назвал выражением своего рода квинтэссенции мыслей и настроений отчужденного человека [3, с. 78]. Силин заражает страхом и своего друга. Так мотив страха перед жизнью оказывается основным в рассказе «Страх». Среди обозначений эмоций определяющее значение здесь имеют слова *страх, ужас, боязнь, испуг, бояться, страшно, испугаться, жутко* (в тексте они встречаются 25 раз).

Беликов («Человек в футляре») не только сам находится в состоянии постоянного страха, но и держит в страхе всех окружающих.

Мотив грусти является лейтмотивом рассказа «Красавицы»: «...*грусть* была тем особым чувством, которое возбуждается в человеке созерцанием настоящей красоты...». В тексте встречаются слова *грусть* (5 раз), *грустить* (2 раза), *грустно* (1 раз), *печаль* (1 раз).

Грустят при прощании Лугановичи и Алехин («О любви»), Огнев («Верочка»). *Грустна* Анна Сергеевна («Дама с собачкой»), осознающая разбитость своей жизни.

Слова, называющие чувства и эмоции, создают настроение произведения. Рассказы «Красавицы» и «Страх» относятся к такому типу рассказов, в которых действительность изображена окрашенной в один определенный тон, одно чувство становится доминантой. В рассказах другого типа используются слова, обозначающие разнообразные чувства, изображается динамика, текучесть, изменчивость чувств, подвижность эмоциональной сферы человека.

Предикаты положительных эмоций в рассказах

Предикаты № произведения	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Всего
(Об)радоваться	1	1			2			1			5
Рад(а/ы)					3	3	1	1			8
Приходить в восторг						1					1
Быть в восторге				1							1
Испытывать удовольствие									1		1
Весело	1										1
Весел(а)						1					1
Смешно										1	1
Удивиться	1			1		1					3
Изумляться	1						1				2
Был страстен										1	1
Был растроган	1									1	2
Тронуты						1					1
Воодушевлены								1			1
Хорошо								1			1
Приятно		1		1	1						3
Легко									1	1	2
Лестно										1	1
Счастлив(ы)					1	2			2		5
Всего	5	2	0	2	7	10	2	4	4	5	41

Примечания: 1 – «Верочка», 2 – «Володя», 3 – «Красавицы», 4 – «Пари», 5 – «Страх», 6 – «Володя большой и Володя маленький», 7 – «Человек в футляре», 8 – «О любви», 9 – «Душечка», 10 – «Дама с собачкой».

Это особенно заметно в рассказах «Верочка» и «Володя большой и Володя маленький». Настроение Огнева постоянно меняется во время признания ему в любви Верочки. Это изменение передается в тексте в основном посредством существительных: удивление – смущение – испуг – чувство неловкости – боль – сожаление – чувство вины.

В постоянном движении и настроении Софьи Львовны, натуры глубоко эмоциональной: веселость – отчаяние – задор – чувство скуки – волнение – радость – удивление – нежность – страх – стыд.

Обычным для некоторых героев является такое состояние души, как скука, равнодушие, безразличие ко всему. «Мне всегда скучно», – говорит Мария Сергеевна («Страх»). 7 раз встретились здесь предикаты с таким значением. Таким же образом описывает свое состояние одиночества в Ялте Анна Сергеевна («Дама с собачкой»): «...здесь такая скука». Скучает, становится ко всему безразличной без любви Оленька («Душечка»). Скука – характерная черта жизни в провинции: «Чего только не делается у нас в провинции от скуки... браков, каких у нас от скуки и от нечего делать совершаются тысячи...» («Человек в футляре»).

Часть предикатов обозначает неприятное психическое состояние нерасчлененно, без указания на определенные эмоции. Так описывается, например, душевное состояние Оленьки («Душечка») в периоды оди-

ночества: «...на душе у нее по-прежнему и пусто, и нудно, и отдает полынью...». Подобным образом характеризуется состояние Беликова («Человек в футляре»): «...и было видно по лицу, что ему нехорошо...». Трижды появляются предикаты *тяжело* и *тяжко*. Лишь 4 раза в текстах рассматриваемых рассказов нерасчлененно передается приятное эмоциональное состояние словами «хорошо» и «приятно».

Целостную оценку внутреннего состояния человека передают предикаты *несчастен(на)* и *счастлив(а/ы)*. Первый встретился 8 раз, 5 из них в рассказе «Дама с собачкой» по отношению к Анне Сергеевне. Примечательно, что оценивают свою жизнь как несчастную сами герои. Анна Сергеевна («Дама с собачкой»): «Я никогда не была счастлива, я теперь несчастна и никогда не буду счастлива, никогда!»; Мать («Володя»): «Нет, я несчастна»; Алехин («О любви»): «Я был несчастлив... О, как мы были с ней несчастны».

По-настоящему счастлива Оленька («Душечка») с теми людьми, которых она любит. В других случаях предикат *счастлив(а)* не соответствует истинному психическому состоянию героев. Так, Софья Львовна («Володя большой и Володя маленький») говорит Оле: «Я очень счастлива с ним (мужем)», – стараясь уверить в этом в первую очередь себя, но осознавая, что это не так. Силин («Страх») предвещает свой рас-

сказ о несчастной семейной жизни словами: «Думают, что я счастлив, и завидуют мне». Таким образом, счастье как состояние полноты жизни, высшего удовлетворения герои А.П. Чехова не испытывают.

Для героев в большей степени характерно как раз эмоциональное состояние неудовлетворенности своей жизнью. С этой точки зрения интересно рассмотреть те определения и предикаты, которые сочетаются со словом «жизнь». Как же определяют свою жизнь сами герои? «Постоянный покой и бесцельная жизнь у Верочки из одноименного рассказа. «Несчастливая, горькая жизнь» у героев «Страха». «Неудовлетворенная, испорченная жизнь» у Анны Алексеевны («О любви»). Гуров («Дама с собачкой») так оценивает безысходность своего положения: «Какая-то куца, бескрылая жизнь, какая-то чепуха...». Того же плана и вывод Анны Сергеевны: «...их жизнь так печально сложилась... Разве их жизнь не разбита».

В то же время персонажи верят, что есть где-то другая жизнь: «...где-то на этом свете есть жизнь чистая, изящная, поэтическая. Но где она, ... где-то на этом свете, у каких-то людей есть жизнь чистая, благородная, теплая, изящная, полная любви, ласки, веселья, раздолья...» («Володя»). Герои «Дамы с собачкой» так определяют желанную жизнь: *честная, чистая, настоящая, самая интересная, новая, прекрасная. О красивой, интересной, более приятной жизни мечтают и герои рассказа «О любви».* Обращает на себя внимание эмоционально-оценочный характер определений, который говорит о несостоятельности героев.

Часто соотносятся в рассказах понятия счастья и любви. Любовные отношения, как известно, занимают значительное место в произведениях художественной литературы. Чувство любви, разные его проявления оказываются в центре внимания в рассказах «Верочка», «Володя», «Володя большой и Володя маленький», «О любви», «Душечка», «Дама с собачкой». «То, что мы испытываем, когда бываем влюблены, быть может, есть нормальное состояние человека. Влюбленность показывает человеку, каким он должен быть», – писал сам А.П. Чехов [4, с. 14]. Он анализирует сложность и неповторимость каждого отдельного случая необъяснимости любви.

В рассказах неоднократно встречаются слова *любовь, чувство, счастье, желание, страсть* («Верочка» – 1 раз, «Володя» – 9 раз, «Володя большой и Володя маленький» – 5 раз, «О любви» – 17 раз, «Душечка» – 5 раз, «Дама с собачкой» – 15 раз). Дважды в текстах рассказов встретилась метафора «искра»: Огнев «...не находил в своей душе даже искорки...» («Верочка»), «...от прежнего чувства в ее душе не осталось даже искры» («Володя большой и Володя маленький»).

Среди предикатов эмоционального отношения по количеству употреблений существенно выделяются слова *(по)любить* и *влюблен* (встречаются 56 раз), по разу появляются их синонимы *увлечься, обожать, привязываться*.

Чувство любви, состояние влюбленности оценивается людьми как положительное, эмоционально приятное, но каждый человек переживает любовь по-своему. Писателя интересует именно индивидуальное проявление чувств человека. Какую же окраску получает чувство любви у героев анализируемых рассказов, у героев, по-разному воспринимающих любовь?

В рассказах «Верочка», «Володя», «Страх», «Володя большой и Володя маленький» изображается любовь безответная. Уже одно это позволяет предположить, что эмоциональное состояние влюбленных и любящих персонажей нельзя назвать приятным. Различными лексическими средствами, чаще через внешнее проявление, передается волнение персонажей, признающихся в любви, не знающих, как будет воспринято их чувство, найдет ли оно ответное чувство.

Целый комплекс отрицательных эмоций испытывает в состоянии первой влюбленности Володя из одноименного рассказа. Это *стыд* (6 раз встретились лексемы с этим значением – *стыдился, стыдно, стыд*), *страх, досада, злость, ненависть, тоска, раздражение* (эти лексемы и однокоренные с ними встречаются в тексте). Мгновение мнимого счастья, когда «...Володе показалось, что комната, Нюта, рассвет и сам он – все слилось в одно ощущение острого, необыкновенного, небывалого счастья, за которое можно отдать всю жизнь и пойти на вечную муку» еще больше усугубило тягостное эмоциональное состояние героя: «но прошло полминуты, и все это вдруг исчезло...».

Состояние Верочки из одноименного рассказа, находящейся в «ужасном положении» из-за вынужденности признания в любви, определяется противоречивыми эмоциями (предчувствие счастья и неуверенность в нем). Внешнее проявление этого душевного состояния обозначается глаголами с противоположным по оценке значением: *плакать* и *улыбаться*. Горестные чувства (*стыдно, больно*) становятся доминирующими, когда Верочка понимает, что ее чувство отвергнуто, оно столкнулось с равнодушием молодого человека. Огнев делает вывод об этом на основании внешних проявлений: *стала серьезной, побледнела, поникла головой, с горя осунулась, сузилась в плечах*.

«Безнадежная любовь» к Володе маленькому («Володя большой и Володя маленький»), циничному и развращенному, заставляет Софью Львовну испытывать *чувство унижения и оскорбленной гордости, стыд, страх, досаду*. «Неинтересная, тоскливая и иногда даже мучительная» жизнь, «невыносимые страдания» внешнее проявление находят в слезах (в тексте встретилось 9 лексем с этим значением – *(за) плакать, прослезиться, слезы, плач*).

«Безнадежная любовь» Силина («Страх») к собственной жене, равнодушной к нему, приносит мучение от неуверенности («я не знаю намерное, любит она меня или нет»), страх («Моя счастливая семейная жизнь – одно только печальное недоразумение, и я боюсь ее... Моя семейная жизнь... мое главное несчастье и мой главный страх...»). Фактически безответ-

Таблица 3

Предикаты отрицательных эмоций в рассказах

Предикаты № произведения	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Всего
Бояться		2		1	6	2	8	1		1	21
Испугать(ся)					1					2	3
Страшно					8	1	1			1	11
Жутко					1	3			1		5
Беспокоиться		2						2	1		5
Ужаснуться	1	1					1				3
Скучно					4	2				4	10
(По)скучать	1				1	3					6
Равнодушна					2						2
Грустно	1		2		1	2		1			7
Грустить	1		1								2
Грустна										2	2
Тосковать		1						1			2
(У)стыдиться	1	1				1				1	4
Стыдно			1								1
Становится совестно									1		1
Досадно		1				1					2
Досадовать		1									1
В отчаянии									1		1
Неловко					1						1
Огорчен			1								1
(Рас)сердиться		1	1			1	1				4
Злиться	2										2
Возмущаться										1	1
Обидно			1								1
Жаль		1	3		2				1		7
(За)волноваться						1	1	1	1		4
Каяться			1								1
Завидовать						1					1
Были утомлены								1			1
Несчастен		1			1			1		5	8
Тяжело, тяжко		1			1	1	3	2			8
Страдать					1	1		1		1	4
Не в духе							1		1		2
Нехорошо							1				1
Пусто на душе									1		1
Нудно на душе									1		1
Горько									1		1
Безобразно						1					1
Противно		1									1
Не по себе									1		1
Всего	7	12	11	1	30	18	17	13	14	19	142

Примечания: 1 – «Верочка», 2 – «Володя», 3 – «Красавицы», 4 – «Пари», 5 – «Страх», 6 – «Володя большой и Володя маленький», 7 – «Человек в футляре», 8 – «О любви», 9 – «Душечка», 10 – «Дама с собачкой».

ной остается любовь Марии Алексеевны из того же произведения к рассказчику. *«В ее любви ко мне было что-то неудобное и тягостное... Это была большая, серьезная любовь со слезами и клятвами, а я хотел, чтобы не было ничего серьезного – ни слез, ни клятв, ни разговоров о будущем. Пусть бы эта лунная ночь промелькнула в нашей жизни светлым метеором – и баста».* Глаголы *сердиться* и *плакать* характеризуют эмоциональное состояние героини.

В рассказах «О любви» и «Дама с собачкой» изображается взаимное чувство. Приносит ли счастье героям А.П. Чехова такая любовь?

Эмоциональное состояние Гурова, понявшего, что он впервые полюбил по-настоящему, определяют *грусть, сострадание, ненависть, раздражение* (лексемы с этими семами встречаются в тексте). *Страдает и грустит* Анна Сергеевна, *она плакала от волнения, от скорбного сознания, что их жизнь так печально сложилась... Разве жизнь их не разбита?».*

У Анны Алексеевны *«уже бывало дурное настроение, являлось сознание неудовлетворенной, испорченной жизни...»*, она испытывает *«странное раздражение»*, ее любовь столкнулась с нерешительностью Алекина.

Любовь же Оленьки («Душечка») и означает счастье (*«Оба были счастливы»*, – говорится в тексте о ней и ее муже). Возможность кого-то любить окрашивает ее душевное состояние в положительные тона: *она улыбается, сияет от удовольствия*. Одиночество же характеризуется для нее горестными чувствами.

Большую роль в индивидуализации чувства любви разных персонажей играют качественные наречия. Так, полюбила *страстно, безумно и глубоко* Верочка из одноименного рассказа; любил *безумно, сильно и безнадежно* Силин и любила *серьезно* Мария Сергеевна («Страх»); полюбила *безумно* и любит *страстно* Софья Львовна («Володя большой и Володя маленький»); любил *нежно, глубоко* Алекин («О любви»); полюбил *как следует, по-настоящему* Гуров («Дама с собачкой»). Как видим, часто предикат любить характеризуется несколькими наречиями, иногда они повторяются от рассказа к рассказу, в них ощущается некоторая преувеличенность с долей иронии серьезности чувств персонажей.

Скрывают свою любовь даже друг от друга Алекин и Мария Сергеевна («О любви»), потому что *«мне казалось невероятным, что эта моя тихая, грустная любовь вдруг грубо оборвет счастливое течение жизни ее мужа, детей, всего этого дома...»*.

Софья Львовна («Володя большой и Володя маленький»), выйдя замуж за Володю большого, пытается убедить себя в том, что *«...от прежнего чувства (к Володе маленькому) в ее душе не осталось даже искры»*, ясно осознавая, что *«...придется душить в себе безнадежную любовь...»*.

«Странное, неприятное» чувство Володя из одноименного рассказа характеризует следующим образом: *«Это не любовь... В тридцатилетних и замужних не влюбляются... Это просто маленькая интрижка...»*,

в то же время он мечтает о *«чистой, поэтической любви, которая была знакома ему по романам...»*.

Отношение к Анне Сергеевне («Дама с собачкой») в разные периоды времени определяется Гуровым разными словами – *мимолетная связь, роман, приключение, сладкое забытие, безумие, любовь*.

Однако, независимо от восприятия чувства, человек ощущает, что любовь сильнее его, чувство не подчиняется воле человека. Так, *«...ни на минуту не мог отделаться от странного, неприятного чувства...»* Володя из одноименного рассказа. То же положение вещей характеризуют и следующие высказывания: *«...я не думал о ней. Но точно легкая тень ее лежала на моей душе»* («О любви»); *«Анна Сергеевна не снилась ему, а шла за ним всюду, как тень, и следила за ним»* («Дама с собачкой»).

Герои Чехова терпят крах не только в любви, но и в главном своем профессиональном деле, ощущая свою ничтожность и беспомощность перед жизнью.

Грозит исключение из гимназии Володе из одноименного рассказа. О Силине («Страх») рассказчик говорит: *«Хозяйство шло у него недурно, но все-таки мне казалось, что он не на своем месте и что хорошо бы он сделал, если бы опять уехал в Петербург»*. Друзья Алекина («О любви») жалели, что он *«вертелся здесь, в этом громадном имении как белка в колесе, а не занимался наукой или чем-нибудь другим, что делало бы его жизнь более приятной»*. Гуров («Дама с собачкой») *«по образованию филолог, но служит в банке; готовился когда-то петь в частной опере, но бросил...»*.

В целом среди предикатов эмоционального отношения (табл. 4) чаще встречаются слова, выражающие положительное отношение, чаще отношение любви.

Количественное соотношение предикатов с положительной и отрицательной семами таково: 64–37. В большинстве рассматриваемых рассказов наблюдается та же закономерность. Исключением здесь стали рассказы «Володя», «Пари», «Человек в футляре». Следствием неприятного душевного состояния Володи является негативное отношение его к окружающим: *возненавидел архитектора, не любил, ненавидел мать, себя и других людей* (предикаты из текста). Усвоивший мудрость книг юрист стал относиться ко всему презрительно: *презираю свободу, жизнь, здоровье, блага мира, книги, мудрость, два миллиона: «Все ничтожно, бренно, призрачно и обманчиво, как мираж»*. Возненавидел, терпеть не мог – такое лексическое выражение получило отношение Коваленка к Беликову.

Предикаты чувства сочетаются с наречиями меры и степени *очень* и синонимичными ему. Такая сочетаемость обусловлена природой чувств, которые могут быть различной силы и глубины. В рассматриваемых рассказах встретились такие сочетания с наречием *очень*: *очень благодарен* («Верочка»), *очень рад* («Страх», «Володя большой и Володя маленький»), *очень волновался* («Человек в футляре», «О любви»), *очень, очень тяжело* («Человек в футляре»), *очень счастлива* («Володя большой и Володя маленький»).

Находим в текстах и другие сочетания с наречиями меры и степени: *невыносимо стыдно* («Володя»), *совершенно равнодушна* («Страх»), *сильно страдал* («Пари»), *сильно волнуясь* («Володя большой и Володя маленький»), *сильно беспокоились* («О любви»), *сильно скучала* («Душечка»), *немножко страшно* («Дама с собачкой»), *немножко увлеклась* («О любви»).

Глубина, сила чувства может быть выражена и посредством придаточных предложений меры и степени: «... *небось, и стыдно, и больно до того, что умирать хочется*» («Верочка»); «...*тосковал так сильно, что даже один пассажир спросил: «Вероятно, у вас зубы болят»*» («Володя»); «...*полюбила, так полюбила, что всю ночь не спала и горел, как в лихорадке*» («Душечка»).

Еще на один прием указывает Л.Г. Бабенко: «В авторской речи усилительная функция повтора осложняется дополнительными смысловыми оттенками за счет развернутой объектной конкретизации глагольной семантики достигается и конкретизация описываемого чувства в целом» [5, с. 97]. Это положение проиллюстрируем примерами: «...*мать, которую он ненавидел. Ненавидел он самого себя, кондукторов, дым от паровоза, холод...*» («Володя»); «*Почему-то мне было жаль и себя, и бабушки, и армянина, и самой армяночки... Мне было жаль и себя, и ее, и хохла...*» («Красавицы»). «В результате подобного изображения чувства актуализируется интенсивность эмоции (повтор глаголов), подчеркивается направленность чувства персонажа на весь окружающий мир, передается всеохватность этого чувства (Конкретизирующие объектные позиции)» [5, с. 97].

Таким образом, часто повествователь различными средствами преувеличивает чувства и страсти героев.

Немалую роль в характеристике чувств и эмоций персонажей играют определения. Прилагательные могут обозначать силу и глубину чувств (*сильное смущение, глубочайшая грусть, глубокое сострадание, большое удовольствие*), давать качественную характеристику чувств, эмоций (*мрачная злоба; самая нежная, страстная любовь; бурная веселость*), нести в себе эмоциональную оценку (*резкое, неприятное чувство неловкости; неземное счастье; очаровательное чувство; блаженное состояние; истинное наслаждение; сплошной ужас; тяжелая, хотя и приятная грусть; чистая, поэтическая любовь*).

Не редки в текстах случаи, когда подчеркивается неопределенность чувства, его непонятность: *какое-то странное раздражение; странное, неприятное чувство; грусть была неопределенная, смутная, как сон; желание было странно, непонятно*.

Встречаются в текстах рассказов описания психологического состояния с использованием придаточных сравнительных или определительных: «...*чувство, как будто мы все четверо потеряли что-то важное и нужное для жизни, чего уж больше никогда не найдем*» («Красавицы»); «...*впечатление растерянности, как будто кто вдруг постучал в дверь*

(«Дама с собачкой»); «*Ей бы такую любовь, которая захватила бы все ее существо, всю душу, разум, дала бы ей мысли, направление жизни, согрела бы ей стареющую кровь*» («Душечка»).

Метафорические предикаты соединяются с названиями чувств и эмоций в текстах рассказов А.П. Чехова довольно редко: чувство возмущалось и шептало; чувство вины росло («Верочка»); разгоралось материнское чувство («Душечка»), *любовь изменила их* («Дама с собачкой»).

Различная степень проявления чувств выражается предикатами-синонимами: *радоваться – приходить в восторг, бояться – испугаться – ужаснуться, страшно – жутко, злиться – сердиться, не любить – ненавидеть – презирать* и др.

Одни и те же чувства могут выражаться разными частям речи в роли предикатов: *обрадоваться – рад, весело – весел, скучать – скучно, грустить – грустно – грустен, досадовать – досадно, любить – влюблен* и др.

В анализируемых рассказах переживания одних героев (часто это герои, точка зрения которых является в произведении определяющей) изображаются «изнутри», повествователь как бы проникает внутрь их сознания, о том же, что делается в душах других героев, можно только догадываться по внешним проявлениям чувств (жестам, мимике).

Вследствие этого группа предикатов, выражающих внешнее проявление душевного состояния, оказывается достаточно многочисленной. В текстах встречаются существительные – обозначения внешних проявлений эмоций: лобзание, вздохи, поцелуи, плач, слезы, смех, улыбка, хохот. Предикаты, обозначающие проявление эмоций, представлены в табл. 5.

Самым частотным оказался глагол, обозначающий мимическое выражение положительных эмоций, – *улыбаться*. Обстоятельства образа действия индивидуализируют этот предикат внешнего проявления чувства: *сквозь слезы* (Верочка, «Верочка»), *благодарно* (Кузнецов, «Верочка»), *ласково* (Огнев, «Верочка»), *Оленька*, «Душечка»), *как-то странно* (Силин, «Страх»), *наильно* (Софья Львовна, «Володя большой и Володя маленький», Гуров, «Дама с собачкой»), *сладко* (Беликов, «Человек в футляре»; муж Анны Сергеевны, «Дама с собачкой»), *приветливо* (Мария Сергеевна, «О любви»).

Самым частотным выражением внешнего проявления неприятных чувств являются глаголы-синонимы (за / по)плакать, прослезиться, всплакнуть, (за) рыдать (встретились 27 раз). Во многих рассказах эту семантическую группу представляют и слова других частей речи. Наибольшее количество слов с семой «плач» встретилось в рассказах «Душечка» (13), «Володя большой и Володя маленький» (9), «Верочка» (7), «Дама с собачкой» (7).

Многочисленна группа глаголов, которые обозначают импульсивные действия, совершаемые человеком в состоянии волнения. Такие предикаты оригинальны для каждого героя, они фактически не по-

вторяются от рассказа к рассказу, так, с номинациями героини рассказа «Верочка» соединяются предикаты вздрогнула, поправляла воротничок, перетаскивала платок с одного плеча на другое, прижала ладонь к щеке и тотчас же резко отдернула ее.

Волнение же Володи из одноименного рассказа передается следующими предикатами: почесывал висок, задергал нижней губой, замигал глазами, потянул руку к виску, пригладил волосы.

Героиня рассказа «Дама с собачкой» от волнения, от растерянности потеряла лорнетку, крепко сжала в руках вместе веер и лорнетку, тяжело дышала (предикаты из текста).

В приведенных примерах проявляется «замаскированность» прямого обращения Чехова к внутреннему миру персонажа, скрытый, косвенный психологизм писателя.

Эмоциональное состояние выражают и предикаты физиологического состояния. В рассказе «Дама с собачкой», например, для обоих героев писателем намеренно отбираются однотипные лексемы: дурно спит, бьется сердце (характеристика состояния Анны Сергеевны), не спал всю ночь, головная боль, спал дурно, забилося сердце, сердце сжалось, сильно билось сердце (эти слова относятся к характеристике состояния Гурова).

В рассказе «Душечка» различными предикатами физиологического состояния передается настроение героини в разные периоды ее жизни: сердце сладко замирало, спать совсем не хотелось, всю ночь не спала, горела, как в лихорадке, обомлела, не могла спать, по ночам не спала, похудела, не дышит от страха, сердце сильно бьется.

Еще одну подгруппу составляют предикаты, обозначающие активные в проявлении чувств действия, направленные на другого человека. Такие предикаты представлены в табл. 6.

Глагол целовать характеризуют следующие наречия: жадно (рассказчик, «Страх»), нежно (Силин, «Страх»), страстно (Гуров, «Дама с собачкой»).

Таким образом, писателю различными приемами удается подчеркнуть уникальность, единичность проявлений эмоций каждого отдельного персонажа.

В рассматриваемых рассказах предикаты лексико-семантической группы чувств могут характеризовать не только эмоциональное состояние персонажей, но и их настроение, перенесенное на состояние окружающей среды: «...в комнатах... было... скучно...»; «было грустно и в весеннем воздухе, и на темневшем небе, и в вагоне» («Красавицы»), могут соединяться с наименованиями объектов природы: «...клячья тумана обнимались...»; «...каждый листок, каждая росинка – все улыбалось...» («Страх»).

Заключение. В лексической системе рассматриваемых рассказов А.П. Чехова субъекты и предикаты лексико-семантической группы чувств и эмоций довольно многочисленны и разнообразны, они встречаются во всех текстах. Это и понятно, ведь основное место занимает у писателя описание человеческих чувств и отношений, воссоздание внутреннего мира человека.

Однако рассказы различаются системой средств выражения эмоционального состояния персонажей, количество и качественный состав лексем со значением чувств различен в разных произведениях.

Наибольшее количество лексем чувства употребляется в рассказах «Страх», «Володя большой и Володя маленький», «Дама с собачкой». Героиня рассказа «Володя большой и Володя маленький» – человек очень эмоциональный, подверженный минутному настроению. Естественно, что предикаты, выражающие эмоции, чувства, составляют значительную группу и очень разнообразны. Гурова и Анну Сергеевну все больше и больше подчиняет себе чувство любви, Силин полностью погружен в мир своих чувств.

Предикаты чувств разнородны по семантике. Это предикаты эмоционального состояния, эмоционального переживания, предикаты эмоционального отношения. Многообразна группа предикатов, обозначающих внешнее проявление различных эмоций (мимику, жесты, позы, импульсивные действия, физиологическое состояние), тщательно и подробно описываемое А.П. Чеховым.

Есть в рассказах персонажи, настроение которых передается преимущественно прямыми номинациями эмоций: герои-рассказчики «Красавицы» и «Страх», Алехин (тоже герой-рассказчик «О любви»). В рассказах эти герои обозначаются в основном через местоимение 1-го лица единственного числа я, а их душевное состояние изображается изнутри.

Для других персонажей характерны преимущественно обозначения внешнего проявления эмоционального состояния. Это, например, Верочка из одноименного рассказа, Нюта («Володя»).

Чаще же наблюдаем в рассказах А.П. Чехова использование и тех и других лексем для создания образа. В качестве примеров назовем Огнева («Верочка»), Володю из одноименного рассказа, Силина («Страх»), Софью Львовну («Володя большой и Володя маленький»), Беликова («Человек в футляре»), главную героиню рассказа «Душечка», Гурова и Анну Сергеевну («Дама с собачкой»). В большинстве своем это центральные персонажи произведений.

Отсутствие лексем со значением эмоционального состояния в структуре образа имеет значимый характер, оно может свидетельствовать о равнодушии, безразличии героев (герои-мужчины в рассказе «Володя большой и Володя маленький», Гуров в начале рассказа «Дама с собачкой» или о том, что внутренний мир персонажей не является существенным для героя, с точки зрения которого ведется повествование (девушки в рассказе «Красавицы», объекты любви героини рассказа «Душечка»).

В рассказах значительно преобладают лексемы, обозначающие негативные эмоциональные переживания. Как отмечает С.Н. Булгаков, «...основным мотивом творчества Чехова является скорбь о бессилии человека воплотить в своей жизни смутно или ясно осознаваемый идеал» [2, с. 25].

Таблица 4

Предикаты эмоционального отношения в рассказах

Предикаты № произведения	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Всего
(По)любить, влюблен	2	5	4	1	12	8	1	6	10	7	56
(По)жалеть			1			1			1		3
Уважать	1				1						2
Увлечься								1			1
Привязываться										1	1
Обожать										1	1
	3	5	5	1	13	9	1	7	11	9	64
Не любить		4			4	3	1			2	14
Презирать				4		3			1	1	9
(Воз)ненавидеть		3			1		1		1		6
Мучать		1			1	1					3
Не уважать		1								1	2
Разлюбить								1			1
Терпеть не мог							1				1
Ревновать						1					1
Всего	0	9	0	4	6	8	3	1	2	4	37

Примечания: 1 – «Верочка», 2 – «Володя», 3 – «Красавицы», 4 – «Пари», 5 – «Страх», 6 – «Володя большой и Володя маленький», 7 – «Человек в футляре», 8 – «О любви», 9 – «Душечка», 10 – «Дама с собачкой».

Таблица 5

Предикаты проявления эмоций в рассказах

Предикаты № произведения	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Всего
(За)улыбаться, улыбнуться	4	5			5	1	1	1	3	4	24
(За)смеяться	1	2			2			2		2	9
(За)хохотать		1				1	4				6
Всплеснуть руками						2			2		4
Залиться смехом							2				2
Поднять брови		1				1					2
Оживиться	1	1									2
Усмехнуться						1					1
	6	10	0	0	7	6	7	3	5	6	50
(За / по)плакать	2			2		5	1	1	6	5	22
(За)рыдать									3		3
Прослезиться						1					1
Всплакнуть							1				1
Покачивать головой							1	1	2	1	5
(По)морщиться						1		1			2
Поникнуть головой	2										2
Морщить лоб	1										1
Надуться							1				1
Нахмурить брови							1				1
Нахмуриться							1				1
Обомлеть									1		1
Сжимать кулаки	1										1
Осунуться	1										1
Сузиться в плечах	1										1
Всего	8	0	0	2	0	7	6	3	12	6	44

Примечания: 1 – «Верочка», 2 – «Володя», 3 – «Красавицы», 4 – «Пари», 5 – «Страх», 6 – «Володя большой и Володя маленький», 7 – «Человек в футляре», 8 – «О любви», 9 – «Душечка», 10 – «Дама с собачкой».

Предикаты взаимодействия в рассказах

Предикаты № произведения	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Всего
(по)целовать(ся)	3			1	4	2		3		3	16
Обнимать	2				3	1			1	1	8
Прижиматься					1					1	2
Привлечь к себе										2	2
Припасть к груди										1	1
Спрятать лицо на груди										1	1
Положить голову на грудь								1			1
Вешать на шею								1			1
Положить на плечи руки						1					1
Пожать руку					1	1		1			3
Взять за талию						1					1
Наступать на ногу						1					1
Всего	5	0	0	1	9	7	0	5	2	9	38

Примечания: 1 – «Верочка», 2 – «Володя», 3 – «Красавицы», 4 – «Пари», 5 – «Страх», 6 – «Володя большой и Володя маленький», 7 – «Человек в футляре», 8 – «О любви», 9 – «Душечка», 10 – «Дама с собачкой».

В рассказе «Человек в футляре», например, лексем со значением отрицательных эмоций в 3 раза больше, чем лексем, называющих приятные душевные состояния. Почти половину «отрицательных» субъектов и предикатов составляют лексемы, обозначающие чувство страха. Этот рассказ относится к тем произведениям, в которых эмоциональная окраска одного тона имеет определяющее значение. К подобным произведениям можно отнести и рассказы «Красавицы» и «Страх», тональность последнего рассказа задается уже заглавием.

В характеристике одних героев преобладает одна определенная эмоция (Нюта («Володя»), Силин («Страх»), Беликов («Человек в футляре»)), другие же герои испытывают разнообразные чувства (Володя из одноименного рассказа, рассказчики в рассказах «Красавицы» и «Страх», хотя сами последние рассказы отличаются доминированием одной эмоции).

Предикатов положительного эмоционального отношения в текстах рассказов больше (исключение: рассказ «Володя»), основным выразителем такого отношения выступает глагол «Любить». Если в целом слово «любить» характеризуется как положительное, то те чувства и эмоции, которые испытывает герой Чехова в состоянии, часто никак нельзя назвать приятными.

Эмоциональное состояние героев может обозначаться конкретно, с указанием доминирующего чувства, а может лишь оцениваться как положительное или отрицательное.

В роли предикатов могут выступать разные части речи. Ведущая же роль принадлежит глаголу, способному тонко передавать психическое состояние человека и внешнее проявление чувств и эмоций.

Для более точной передачи оттенков чувств, особенностей их проявления широко используются синонимы.

Большая часть предикатов оригинальна в описании внутреннего мира героя, эмоциональная жизнь его индивидуализируется и посредством лексического выражения чувств и эмоций.

В то же время при всей оригинальности предикатов для каждого персонажа, неповторимости в большинстве случаев их от рассказа к рассказу, в тексте один предикат, его варианты и синонимы могут неоднократно повторяться, приобретая особую семантическую значимость. В каждом отдельном случае подобный повтор мотивирован. Повторяющиеся слова служат для обозначения чувства-доминанты, характерного для персонажа конкретного рассказа.

Качественные обстоятельства и обстоятельства меры и степени, присоединяющиеся к предикатам чувства, дают характеристику эмоционального состояния персонажей, указывают на особенности проявления чувств.

Литература

1. Васильев, Л.М. Семантика русского глагола / Л.М. Васильев. – М.: Высш. шк., 1981. – 184 с.
2. Булгаков, С.Н. Чехов как мыслитель / С.Н. Булгаков. – М., 1910. – 47 с.
3. Линков, В.Я. Художественный мир прозы А.П. Чехова / В.Я. Линков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 128 с.
4. Чехов, А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. / А.П. Чехов. – М., 1974–1982. – Т. 11. – С. 14.
5. Бабенко, Л.Г. Лексические средства обозначений эмоций в русском языке / Л.Г. Бабенко. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. – 184 с.

Поступила в редакцию 15.12.2021

Дивергентный подход к ономастической терминологии в сфере внутриселенческих названий

Дорофеенко М.Л.

Учреждение образования «Белорусский государственный университет», Минск

Совершенствование науки требует внесения корректив в ее терминологическую систему. По мнению В.И. Супруна, со времени своего возникновения ономастика развивалась в двух направлениях: дивергентном и конвергентном. В первом случае объект анализа дробился, а для обозначения изучаемых единиц вводились новые термины, во втором – акцент делался на поиске обобщающего начала для уже существующего корпуса онимов и совершались попытки рассмотрения онимического пространства как единого целого.

Цель исследования – установление в рамках дивергентного подхода к ономастике основных терминов, используемых в сфере внутриселенческих названий.

Материал и методы. Материалом исследования послужили ономастические термины, употребляемые в сфере внутриселенческих названий. При этом применялся дескриптивный метод, а также общенаучные методы систематизации и анализа материала.

Результаты и их обсуждение. В ходе исследования определены основные понятия, обозначающие внутриселенческие названия в рамках дивергентного подхода: урбанонимы (годонимы, а также названия различных точечных объектов – агоронимы, экклезионимы, ойкодонимы, гефиронимы, монументонимы; наименования фонтанов, остановок общественного транспорта и станций метрополитена); виконимы; хортенсионимы; дримонимы.

Заключение. Определено, что термины «виконим», «хортенсионим», «монументоним» и «гефироним» не зафиксированы ни в первом, ни во втором изданиях «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской, так как были предложены после их публикации; установлен также список объектов, для которых отсутствует специальный ономастический термин.

Ключевые слова: виконим, внутриселенческие названия, дивергенция, ономастика, терминология, урбаноним, хороним, хортенсионим, экклезионим.

(Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 171–174)

Divergent Approach to Onomastic Terminology in the Sphere of Intrasettlement Names

Dorofeyenko M.L.

Education Establishment "Belarusian State University", Minsk

Improving science requires making adjustments to its terminological system. According to V.I. Suprun, since its inception, onomastics «has developed in two directions: divergent and convergent» [1, p. 39]. In the first case, the object of analysis was fragmented, and new terms were introduced to designate the units under study, in the second, the emphasis was placed on finding a generalizing principle for the already existing corpus of onyms and attempts to consider the onymic space as a whole were made [1, p. 39].

The research purpose is to identify main terms used in the sphere of intrasettlement names within the divergent approach to onomastics.

Material and methods. The material of the research was the onomastic terms used in the field of intrasettlement names. The descriptive method was used, as well as general scientific methods of systematizing and analyzing the material.

Findings and their discussion. On the basis of the study, the main concepts denoted by intrasettlement names within the framework of the divergent approach were identified: urbanonyms (godonyms, as well as the names of various point objects – agoronyms, ecclesionyms, oikodomonims, gephyronyms, monumentonyms; names of fountains, public transport stops and metro stations); viconyms; hortensionyms; drimonyms.

Conclusion. It was found out that the terms *viconym*, *hortensionym*, *monumentonym* and *gefironym* were not recorded in either the first or the second edition of the «Dictionary of Russian Onomastic Terminology» by N.V. Podolskaya, as they were proposed after their publication; a list of objects for which there is no special onomastic term has also been established.

Key words: *viconym*, *intrasettlement names*, *divergence*, *onomastics*, *terminology*, *urbanonym*, *horonym*, *hortensionym*, *ecclesionym*.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 171–174)

Дивергенция предполагает дробление объекта анализа и введение новых терминов для обозначения изучаемых единиц. Однако это лишь один из путей развития – дробление объекта анализа, как полагает Василий Иванович Супрун в статье «Объект ономастического анализа: границы дробления и перспективы интеграции» [1, с. 39]. Есть и другой путь, по его мнению, при котором «акцент делается на поиске обобщающего начала для уже существующего корпуса онимов...» [1, с. 39].

Обратимся к значению термина *дивергенция*. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» *дивергенция* (от ср.-лат. *divergo* – отклоняюсь, отхожу) определяется как «расхождение, отдаление друг от друга двух и более языковых сущностей» [2]. Дивергенция (лингвистика) согласно материалу из Википедии – свободной энциклопедии – «процесс языковых изменений, вызывающий обособление вариантов одной языковой единицы и превращение этих вариантов в самостоятельные единицы, или появление новых вариантов у уже существующей языковой единицы» [3].

Учитывая приведенные определения, полагаем, что применительно к ономастике дивергенция выражается в дроблении объекта анализа с одной стороны (особенно, учитывая, что в данной науке постоянно обновляется список явлений, имена которых могут выступать объектами исследования и существуют проблемы их именования) и расхождениях в терминологии – со второй.

Цель исследования – установление в рамках дивергентного подхода к ономастике основных терминов, использующихся в сфере внутриселенческих названий.

Материал и методы. В данной статье мы остановимся на ономастических разрядах, которые выделяются среди внутриселенческих названий в рамках дивергентного подхода. При этом применялся дескриптивный метод, а также общенаучные методы систематизации и анализа материала.

Результаты и их обсуждение. Вначале заметим, что классификация терминов может опираться на тип поселения, в котором расположен объект. Существенно глобально можно выделить *урбанонимы* (внутригородские названия), *виконимы* (внутрисельские названия) и *хортенсионимы* (названия в пределах садовых товариществ).

Учитывая дивергентный подход, перечислим основные разряды онимической лексики в рамках поселения и основные объекты ономастического исследования:

урбанонимы. В первом издании «Словаря русской ономастической терминологии» *урбаноним* (*урбоним*) понимается как «вид топонима, собственное имя любого внутригородского топографического объекта (агороним, годоним, название отдельного здания, городской хороним)» [4, с. 154]. Во втором издании отсутствует термин *урбоним* как иное название *урбанонима*; расширяется урбанонимное пространство за счет дополнения списка объектов, которые могут считаться урбанонимами (экклезионим), используется термин *ойкодомоним* для обозначения имени собственного здания [5, с. 139]. Как мы видим из определения, урбанонимы, в свою очередь, включают в свой состав несколько ономастических разрядов. Так, ученые однозначно причисляют к названиям внутригородских объектов *агоронимы*, *годонимы*, *хоронимы* *городские*, *экклезионимы*, *ойкодомонимы* [5, с. 139; 6, с. 17].

Однако ономатологи до сих пор дискутируют относительно состава и объема урбанонимного пространства. Так, Р.В. Разумов полагает, что в состав урбанонимов следует включить также названия памятников, фонтанов, остановок общественного транспорта [6, с. 17].

Рассмотрим подробнее разряды урбанонимов:

хоронимы. *Хороним* – «класс топонима. Собственное имя любой территории, области, района, в том числе хороним административный, городской, природный» [4, с. 160; 5, с. 145]. *Городской хороним* – «вид хоронима и вид урбанонима. Собственное имя части территории города, в том числе района, квартала, парка, кладбища» [4, с. 160; 5, с. 146];

названия жилых комплексов. Данные наименования являются новым объектом исследования названия жилых комплексов: на примере названий жилых комплексов как специфической составляющей урбанимического пространства раскрывается феномен прецедентности в нейминге [7]. Р.В. Разумов и С.О. Горяев рассматривают вопрос о «пограничном» состоянии в ономастическом пространстве новой для русского языка категории имен собственных – названий жилых комплексов. Новизна исследования видится в том, что впервые определяется ономастический статус названий жилых комплексов, а также проводится сопоставительный анализ двух корпусов таких названий, собранных по Ярославлю и Екатеринбургу [8, с. 76]. С одной стороны, данные названия могут быть отнесены к хоронимам, с другой – отдельные здания в пределах жилого комплекса, имеющие названия, можно классифицировать как ойкодомонимы;

годонимы. Термин *годоним* зафиксирован в двух изданиях «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской и обозначает «вид урбанонима. Название линейного объекта в городе, в т.ч. проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной» [4, с. 50–51; 5, с. 52].

Однако помимо годонимов, то есть линейных объектов, в городе существуют так называемые точечные объекты, а именно объекты, изображаемые на географической карте точкой и размеры которых не выражаются в масштабе карты. К ним можно отнести названия:

1) **площадей** – *агоронимы*. *Агороним* – «вид урбанонима. Название городской площади; рынка» [4, с. 27; 5, с. 27]. В «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской названия рынков считаются агоронимами, которые, в свою очередь, являются урбанонимами. Однако Р.В. Разумов предлагает из списка урбанонимов исключить названия рынков, относящихся, как он полагает, к эргонимам [6, с. 17];

2) **мест совершения обряда** – *экклезионимы*. *Экклезионим* – «класс топонима. Собственное имя места совершения обряда, места поклонения любой религии; в том числе название церкви, часовни, креста, отдельно стоящего алтаря, священных камня, источника, дерева» [4, с. 164; 5, с. 149].

3) **вокзалов;**

4) **станций метро**. Не так давно, к примеру, появилась публикация А.В. Новиковой, в которой автор анализирует лингвокультурологические особенности наименования станций метрополитна в Москве и Вене [9];

5) **городских садов, скверов, парков**. Как считает Р.В. Разумов, для названий парков, садов, скверов может быть использован термин *дримоним*. *Дримоним* – «Вид топонима (см.). Собственное имя любого лесного участка, леса, бора, рощи, части леса» [4, с. 56]. Второе издание «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской содержит подобное определение, однако без последнего компонента – «части леса» [5, с. 57]. Как нам кажется, данные объекты попадают и под определение природных хоронимов. *Природный хороним* – «Вид хоронима. Собственное имя любой природно-ландшафтной области» [4, с. 160; 5, с. 146];

6) **фонтанов;**

7) **остановок общественного транспорта;**

8) **отдельных зданий** – *ойкодомонимы*. *Ойкодомоним* – «имя собственное здания» [5, с. 88];

9) **мостов** – *гефиронимы*. Термин предложен в публикации В.И. Супруна и А.В. Данилова [10, с. 274]), в редакции Р.В. Разумова этот термин представлен как *гефюроним* [6, с. 17] (с приставкой урбо- (*урбогефюроним*) или прилагательным *городской* –

городской гефюроним [6, с. 17] при отношении к городскому онимическому пространству);

10) **памятников, монументов и мемориальных комплексов** (Р.В. Разумов предложил для таких онимов ввести термин *монументонимы* (от лат. *monumentum* – ‘памятник’) [6, с. 17]);

виконимы. Термин *виконим* впервые предложен и убедительно обоснован А.М. Мезенко в докладе, прочитанном на XV Общепольской ономастической конференции «Новые имена собственные. Новый взгляд» (21–23 сентября 2006 г.) [11]. Ученый полагает, что данная дефиниция, образованная от лат. *vicus* – «село, поселок» и греч. *ὄνομα* – «имя», обозначает «собственное имя любого внутрисельского топографического объекта, как ныне существующего, так и использовавшегося в предшествующие эпохи. Это и названия линейных (улиц, переулков), территориальных (площадей, скверов) и точечных (магазинов, кафе, памятников) сельских объектов» [11, с. 379];

хортенсионимы. Под *хортенсионимом* (от лат. *hortensius* – садоводческий) А.М. Мезенко понимает «собственное имя любого топографического объекта в пределах садоводческого товарищества. Это в основном названия линейных объектов – улиц, проездов, переулков, тупиков, ойкодомонимы, хоронимы, экклезионимы» [12, с. 75].

Следует заметить, что виконимы и хортенсионимы, также как и урбанонимы, в свою очередь, включают в свой состав несколько ономастических разрядов.

Термины *виконим*, *хортенсионим*, *монументоним* и *гефироним* не зафиксированы ни в первом, ни во втором изданиях «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской, так как были предложены после их публикации.

Заключение. На базе исследования ономастических терминов мы определили основные понятия, обозначаемые внутриселенческие названия в рамках дивергентного подхода: **урбанонимы** (*годонимы*; *наименования садов, скверов, парков, гефиронимы*, а также названия различных точечных объектов – *агоронимы, экклезионимы, ойкодомонимы, монументонимы; наименования фонтанов, остановок общественного транспорта и станций метрополитена*); **виконимы**; **хортенсионимы**; **дримонимы**. Нами определено, что термины *виконим*, *хортенсионим*, *монументоним* и *гефироним* (*гефюроним*) не зафиксированы ни в первом, ни во втором изданиях «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской, так как были предложены после их публикации; установлен также список объектов, для которых отсутствует специальный ономастический термин – названия различных точечных объектов – фонтанов, остановок общественного транспорта, станций метрополитена и некоторых других.

Литература

1. Супрун, В.И. Объект ономастического анализа: границы дробления и перспективы интеграции / В.И. Супрун // Ономастика Поволжья: материалы XIII Междунар. науч. конф., Ярославль, 13–14 сент. 2012 г. / Ярослав. гос. пед. ун-т; под отв. ред. Р.В. Разумова, В.И. Супруна. – Ярославль, 2012. – С. 39–42.
2. Дивергенция // Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / гл. ред. В.Н. Ярцева. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/136b.html>. – Дата доступа: 20.12.2021.
3. Дивергенция (лингвистика) [Электронный ресурс] / Материал из Википедии – свободной энциклопедии. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> – Дата доступа: 20.12.2021.
4. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1978. – 199 с.
5. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
6. Разумов, Р.В. Об упорядочении ономастической терминологии области урбанонимии / Р.В. Разумов // Верхневолжский филол. вестн. – 2015. – № 2. – С. 14–19.
7. Соколова, Т.П. Прецедентность в номинации жилых комплексов / Т.П. Соколова // Ономастика Поволжья: материалы XV Междунар. науч. конф., Арзамас, 13–16 сент. 2016 г. / Арзамасский филиал ННГУ; редкол.: Л.А. Климкова [и др.]. – Арзамас–Саров, 2016. – С. 343–346.
8. Разумов, Р.В. Названия жилых комплексов: между урбанонимами и рекламными именами / Р.В. Разумов, С.О. Горяев // Научный диалог. – 2018. – № 9. – С. 76–97.
9. Новикова, А.В. Лингвокультурологические особенности наименования станций метрополитна в Москве и Вене [Электронный ресурс] / А.В. Новикова // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сб. науч. тр. – Вып. 2. – Режим доступа: <https://bookonline.ru/lecture/11-lingvokulturologicheskie-osobennosti-naimenovaniya-stanciy-metropolitna-v-moskve-i-vene-6>. – Дата доступа: 20.12.2021.
10. Супрун, В.И. Колоронимы в названиях мостов: Синий мост в художественном тексте / В.И. Супрун, А.В. Данилов // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т ; сост.: А.М. Мезенко, М.Л. Дорофеев, Ю.В. Дулова, О.В. Шеверина; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск, 2018. – С. 271–281.
11. Мезенко, А. Виконимика как раздел топонимики: состояние, перспективы / А. Мезенко // Nowe nazwy własne – nowe tendencje badawcze / pod red. A. Cieślakowej, B. Czopek-Kopciuch, K. Skowronek. – Kraków, 2007. – С. 379–390.
12. Мезенко, А.М. Хортенсионим как вид топонима: статус, особенности функционирования / А.М. Мезенко // Ученые записки Таврич. нац. ун-та. Сер. Филология. Социальные коммуникации. – 2014. – Т. 27(66), № 1. – Ч. 1. – С. 75–79.

Поступила в редакцию 16.12.2021

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

(АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЕ НАСИЛИЕ НАД ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТЬЮ И ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ»)

Проблема интерпретации исторической памяти в настоящее время стало объектом пристального теоретического и практического интереса. В условиях информационной войны все чаще предпринимаются попытки переписать историю, сфальсифицировать исторические факты для достижения своих политических целей. Этой теме была посвящена международная научно-практическая конференция «Интерпретационное насилие над исторической памятью и формирование культуры политического мышления», проведенная 29 октября 2021 года на базе кафедры философии и социальных наук ВГУ имени П.М. Машерова при поддержке Министерства образования Республики Беларусь и при участии Института философии НАН Беларуси.

География территориального представительства прошедшего научно-практического мероприятия достаточно широка. В работе конференции участвовали ученые, обществоведы, преподаватели высших и средних учебных заведений, магистранты, студенты Минска, Витебска, Могилева, Гомеля (Беларусь), Санкт-Петербурга, Смоленска, Омска, Саратова, Екатеринбурга, Сургута, Тюмени, Глазова (Россия), Луганска, Термеза (Республика Узбекистан) и Душанбе (Республика Таджикистан). Всего в работе конференции приняли участие 77 ученых и исследователей. По итогам конференции к публикации было рекомендовано 67 докладов. В них в рамках проблемного поля «историческая память» рассмотрен широкий спектр философско-методологических, экономических, социально-политических, историографических, исторических и культурологических проблем.

На пленарном заседании с приветственным словом к участникам конференции обратился первый

проректор ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат технических наук, доцент Д.А. Антонович. С содержательными докладами по различным аспектам обсуждаемой проблематики выступили Адуло Тадеуш Иванович, заведующий Отделом социально-философских и антропологических исследований Института философии НАН Беларуси; доктор философских наук, профессор (г. Минск, Республика Беларусь); Корзун Валентина Павловна, профессор кафедры отечественной истории и политологии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского; доктор исторических наук, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Омск, Российская Федерация); Шепелева Валентина Борисовна, профессор кафедры отечественной истории и политологии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского; доктор исторических наук, доцент (г. Омск, Российская Федерация); Волошина Валентина Юрьевна, профессор кафедры отечественной истории и политологии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского; доктор исторических наук, профессор (г. Омск, Российская Федерация); Борисов Валерий Иннокентьевич, профессор кафедры истории России Смоленского государственного университета; доктор исторических наук, профессор (г. Смоленск, Российская Федерация), Турянская Ольга Федоровна, заведующий кафедрой педагогики Луганского государственного университета, Институт педагогики и психологии; доктор педагогических наук, профессор (г. Луганск); Семёнова Людмила Николаевна, профессор кафедры истории белорусской государственности Белорусского национального технического университета; доктор исторических наук, профессор (г. Минск, Республика Беларусь); Грибан Ирина Владимировна, директор центра культурно-образовательных проектов ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»; кандидат исторических наук, доцент (г. Екатеринбург, Российская Федерация).

В представленных докладах были проанализированы вопросы переосмысления базовых исходных аксиом историописания, касающихся предмета исторического исследования, исторического факта, исторического источника, содержания историзма в последние годы (В.П. Корзун); принцип историзма как фундаментальный параметр бытия объективной реальности (В.Б. Шепелева); проблема демифологизации истории и формирования исторической памяти (В.Ю. Волошина);

представлена развернутая характеристика исторического образования на примере учебных текстов по истории, когда исторические факты, становясь средством ведения информационных войн, могут носить характер социально-политической манипуляции и психологического воздействия на учащуюся молодежь (В.И. Борисов, О.Ф. Турянская), когда главным методом при написании историографии не обращаются к теориям, не вводятся в научный оборот новые исторические факты на основании новых источников, а расставляются новые национальные акценты и создаются пронациональные смыслы (Л.Н. Семёнова); дана характеристика роли сетевых медиа в распространении и популяризации истории, представлены возможности и проблемы, которые открывает эпоха цифровизации для сохранения исторической памяти и исторического наследия для будущих поколений (И.В. Грибан); подробно раскрыты особенности исторической памяти как духовно-стратегического оружия и охранительного фактора социума (Э.И. Рудковский), как важнейшей компоненты идеологии национального государства, роль образовательной и воспитательной сфер в патриотическом воспитании молодежи (Т.И. Адуло).

Материалы конференции были распределены по четырем тематическим секциям. Первая секция представлена 16 докладами по направлению «Философские и идеологические аспекты интерпретации прошлого», вторая секция – «Информационное общество и проблема сохранения исторической памяти» была представлена 14 докладами. В рамках третьей секции «Историческая память, духовная культура, идеология и безопасность государства» был заслушан 21 доклад.

Четвертая секция представлена 16 докладами по направлению «Актуальные проблемы формирования политического сознания и исторической памяти молодежи».

Центральное место в работе первой секции заняло обсуждение проблемы интерпретации истории в современном обществе (А.Б. Демидов, доцент кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат философских наук, г. Витебск), обоснована актуальность герменевтического метода в интерпретации исторических текстов и самой истории (О.А. Вашко, доцент кафедры философии Белорусского государственного экономического университета, кандидат философских наук, г. Минск). Был представлен консциентальный метод воздействия на сознание граждан, в основе которого лежит идеологическая обработка сознания, приводящая к расшатыванию основ самоидентификации личности и навязыванию чуждых идеалов и ценностей (В.П. Старжинский, профессор кафедры философских учений Белорусского национального технического университета, доктор философских наук, г. Минск). В докладе В.Ю. Пименова, доцента кафедры социологии, философии и работы с молодежью Смоленского государственного универси-

тета, кандидата философских наук доказывается, что ментальность является важным показателем состояния общества и перспектив его развития. Без ее учета невозможен правильный анализ и описание исторического прошлого. Научной и практической значимостью обладает доклад Д.З. Мирзаева, доцента кафедры мировой истории Термезского государственного университета, кандидата исторических наук (Республика Узбекистан), в котором представлены особенности и сложности современных исторических исследований в республиках Центральной Азии в интерпретации истории прошлого Среднеазиатского региона.

Доклады второй секции посвящены роли средств массовой информации в интерпретации исторических фактов. В докладе Л.В. Вонсович (заведующий кафедрой социально-гуманитарных и психологических основ физической культуры УО «Белорусский государственный университет физической культуры», кандидат исторических наук, г. Минск) отмечено, что манипулирование историческими фактами и их фальсификация используется странами Запада в качестве инструмента ведения войны против «государства-мишени», показано, как отдельные факты истории и контекст их подачи могут способствовать гармонизации отношений в обществе, а могут вести к обострению международных отношений, раскрыты понятия «гибридная война», «цветная революция» и их роль в разрушении традиционных духовно-нравственных ценностей. Была показана роль информационных технологий в формировании исторической памяти молодежи и культуре ее политического мышления (В.А. Ксенофонов, профессор кафедры идеологической работы и социальных наук УО «Военная академия Республики Беларусь», кандидат философских наук, г. Минск), проанализировано влияние политических ток-шоу на формирование общественной позиции населения на определенные политические события на примере восприятия россиянами образа США и российско-американских отношений (А.П. Косов, доцент кафедры истории и культурного наследия Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, г. Витебск), выявлены факты искажения исторической памяти, изменения политического мышления в компьютерных играх и предложены способы противостояния информационному влиянию подобной продукции (И.А. Кабирова, заведующий кафедрой истории и социально-гуманитарных дисциплин Глазовского государственного педагогического института имени В.Г. Короленко, кандидат исторических наук, доцент; И.В. Фролов, студент Глазовского государственного педагогического института имени В.Г. Короленко, г. Глазов). Рассмотрены основные теории феномена коллективной памяти (Е.В. Давлятова, заведующий кафедрой философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент, г. Витебск). Также были заслушаны доклады по отдельным те-

мам, тесно связанные с проблематикой конференции: «Мемориальные войны» (Е.О. Далимаева, старший преподаватель кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, г. Витебск); «Стан, проблемы і прапановы ў фарміраванні гістарычнай памяці Віцебскага раёна» (Н.В. Пивовар, преподаватель Витебского кадетского училища; кандидат исторических наук, доцент, г. Витебск); «Западные ценности как инструмент манипуляции общественным сознанием и вмешательства во внутренние дела других стран» (В.А. Янчук, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат экономических наук, доцент, г. Витебск) и т.д.

Большая часть исследований третьей секции была посвящена вопросам идеологии и безопасности государства. Были рассмотрены следующие проблемы: тесная связь исторической памяти с этнокультурным многообразием, основные подходы к интерпретации понятий «историческая память» и «историческое сознание» (А.А. Головач, заведующий кафедрой философии Белорусского государственного экономического университета, кандидат философских наук, доцент, г. Минск; Е.Р. Дашкевич, студентка Белорусского государственного экономического университета, г. Минск), проблемы толерантности и политика двойных стандартов в современном западноевропейском обществе (В.А. Голубев, преподаватель кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, г. Витебск), соотношение понятий «историческая наука» и «историческая политика» (Н.М. Канашевич, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Могилевского института Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат исторических наук, г. Могилев), проблемы политической идентичности (Е.Э. Рудковская, доцент кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат педагогических наук, г. Витебск).

Несомненной практической значимостью обладают доклады, включенные в четвертую секции. В них обсуждались актуальные проблемы формирования политического сознания и исторической памяти молодежи, система ценностей подрастающего поколения, особенностей ее патриотического сознания и формирования политического сознания молодежи в условиях информационного общества (Ю.Л. Баньковская, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного аграрного технического университета, кандидат философских наук, г. Минск). В докладе подчеркнуто, что быстрая ско-

ростная передача информации, отсутствие возможности ее рациональной переработки приводит к развитию клипового мышления, а невозможность критической обработки молодежью большого массива данных – к поверхностному восприятию информации и повышает уровень внушаемости человека при использовании сетевых технологий. О склонности молодежи принимать чужое мнение и копировать чужое поведение выражает озабоченность Г.А. Величко, доцент кафедры управления социально сферой Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, кандидат психологических наук, представив результаты социологических исследований РГСУ, ИСПИ РАН и казахстанского научно-исследовательского центра «Молодежь» в оценке патриотизма российской молодежи. Проблемам современного информационного общества и специфике восприятия информации нынешней молодежи был посвящен доклад Н.Е. Мусиной, доцента кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного медицинского университета, кандидата исторических наук. Установлено несоответствие темпов развития информационных технологий, и развитие технологий информационно-психологического воздействия на сознание и подсознание населения и психического здоровья общества.

В ряде докладов рассматривались вопросы духовно-нравственного воспитания школьников, методика преподавания идеологии в высшей школе с использованием метода проектов, ориентированного, прежде всего, на самостоятельную деятельность учащихся, роль социально-гуманитарных дисциплин в формировании политического мышления и культуры политического поведения.

Также следует отметить, что большой интерес к данной теме проявили молодые ученые, студенты и магистранты, которые поделились с научной общественностью результатами своей исследовательской деятельности.

Более подробно с содержанием докладов можно ознакомиться в опубликованном сборнике материалов конференции (Интерпретационное насилие над исторической памятью и формирование культуры политического мышления: материалы международной научно-практической конференции / Витеб. гос. ун-т; редкол.: А.А. Лазаревич (гл. ред.), Е.В. Давлятова, Э.И. Рудковский, С.В. Николаенко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2021. – 212 с.).

*Заведующий кафедрой философии и социальных наук, кандидат исторических наук, доцент
Давлятова Елена Валентиновна*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БОБРИКОВА Евгения Петровна – старший преподаватель кафедры германской филологии ВГУ имени П.М. Машерова, магистр филологических наук, исследователь.

БУБЕНЬКО Татьяна Станиславовна – доцент кафедры истории и культурного наследия ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук.

БУРАКОВ Виктор Николаевич – доцент кафедры юриспруденции УО «МГУ имени А.А. Кулешова», кандидат исторических наук.

ВАСИЛЬЕВА Светлана Геннадьевна – аспирант кафедры литературы ВГУ имени П.М. Машерова.

ВОРОБЬЕВА Светлана Викторовна – доцент кафедры философии культуры БГУ, кандидат философских наук.

ВЕЛИЧКО Нина Веняминовна – доцент кафедры истории и культурного наследия ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент.

ВОЛК Елизавета Анатольевна – аспирант кафедры белорусской и зарубежной литературы филологического факультета БГПУ.

ВОЛКОВА Ольга Анатольевна – доцент кафедры философии и истории БГУФК, кандидат исторических наук.

ВОРОБЬЕВА Ольга Игоревна – доцент кафедры мировых языков ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук.

ДОРОФЕЕНКО Марина Леонидовна – докторант кафедры русского языка филологического факультета БГУ, кандидат филологических наук, доцент.

ДУЛОВ Анатолий Николаевич – заведующий кафедрой истории и культурного наследия ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент.

КОСОВ Александр Петрович – заведующий аспирантурой ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент.

КУЗНЕЦОВА Татьяна Ивановна – доктор истории, доцент кафедры истории Даугавпилсского университета (Латвия).

КУНТЫШ Марина Федоровна – доцент кафедры общего и русского языкознания ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук, доцент.

ЛУЗГИНА Ирина Олеговна – студентка 4 курса факультета гуманитаристики и языковых коммуникаций ВГУ имени П.М. Машерова.

МЕЗЕНКО Анна Михайловна – заведующий кафедрой общего и русского языкознания ВГУ имени П.М. Машерова, доктор филологических наук, профессор.

МЕНЬШЕНИНА Ирина Александровна – старший преподаватель кафедры иностранных языков УО «ВГМУ».

МЕТЕЛЬСКИЙ Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, заведующий отделом истории Беларуси IX–XVIII вв. Института истории НАН Беларуси.

МУЖЕЙКО Ирина Анатольевна – доцент кафедры иностранных языков и межкультурных коммуникаций ВФ УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”», кандидат филологических наук.

НОВИЦКИЙ Павел Иванович – доцент кафедры теории и методики физической культуры и спортивной медицины ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат педагогических наук, доцент.

ОВСЕЙЧИК Юлия Владимировна – доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка МГЛУ, кандидат филологических наук, докторант кафедры общего языкознания, доцент.

ОРЛОВ Валерий Иванович – доцент кафедры философии и политологии УО «ВГАВМ», кандидат философских наук.

ПИВОВАР Екатерина Сергеевна – доцент кафедры белорусского языкознания ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук.

РУДКОВСКАЯ Елена Эдвардовна – доцент кафедры философии и социальных наук ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат педагогических наук, доцент.

РУДКОВСКИЙ Эдвард Иосифович – доцент кафедры философии и социальных наук ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат философских наук, доцент.

САРЫЧЕВА Анна Владимировна – магистрант кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук БГУ.

СТЕБУРАКО Анатолий Николаевич – доцент кафедры историко-культурного наследия Беларуси ГУО «РИВШ», кандидат исторических наук, доцент.

СОЛОДОВНИКОВА Татьяна Владимировна – доцент кафедры романских языков факультета международных отношений БГУ, кандидат филологических наук.

ТИМОФЕЕВ Ростислав Владимирович – доцент кафедры истории и культурного наследия ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент.

ТЕРЕНТЬЕВ Владимир Владимирович – соискатель кафедры истории и культурного наследия ВГУ имени П.М. Машерова.

ТРЕТЬЯКОВА Юлия Ромуальдовна – аспирант кафедры русской филологии УО «ГрГУ имени Янки Купалы».

ЮРЧАК Денис Валерьевич – главный специалист управления культуры Витебского облисполкома, кандидат исторических наук, доцент ВГУ имени П.М. Машерова.

ЯКОВЛЕВА Галина Николаевна – доцент кафедры истории и культурного наследия ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

BOBRIKOVA Eugenia Petrovna – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Germanic Philology Senior Lecturer, Master of Philology, Fesearcher.

BUBENKO Tatyana Stanislavovna – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of History and Culture Heritage Assistant Professor, PhD (History).

BURAKOV Victor Nikolayevich – Mogilev State A.A. Kuleshov University Department of Law Assistant Professor, PhD (History).

VASILYEVA Svetlana Gennadyevna – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Literature Postgraduate Student.

VOROBYEVA Svetlana Victorovna – BSU Department of Philosophy of Culture Assistant Professor, PhD (Philosophy).

VELICHKO Nina Venyaminovna – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of History and Culture Heritage Assistant Professor, PhD (History), Assistant Professor.

VOLK Yelizaveta Anatolyevna – Belarusian State Pedagogical University Philology Faculty Department of Belarusian and Foreign Literature Postgraduate Student.

VOLKOVA Olga Anatolyevna – Belarusian State University of Physical Education Department of Philosophy and History Assistant Professor, PhD (History).

VOROBYEVA Olga Igorevna – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of World Languages Assistant Professor, PhD (Philology).

DOROFYENKO Marina Leonidovna – BSU Philology Faculty Department of The Russian Language Doctoral Student, PhD (Philology), Assistant Professor.

DULOV Anatoli Nikolayevich – Head of Department of History and Culture Heritage of Vitebsk State P.M. Masherov University, PhD (History), Assistant Professor.

KOSOV Aleksandr Petrovich – Head of Postgraduate School of Vitebsk State P.M. Masherov University, PhD (History), Assistant Professor.

Kuznetsova Tatyana Ivanovna – Daugavpils University (Latvia) Department of History Assistant Professor, Dr.Sc. (History).

KUNTYSH Marina Fedorovna – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of General and Russian Linguistics Assistant Professor, PhD (Philology), Assistant Professor.

LUZGINA Irina Olegovna – fourth year student of Vitebsk State P.M. Masherov University Faculty of Humanitarian Studies and Language Communication.

MEZENKO Anna Mikhailovna – Head of Department of General and Russian Linguistics of Vitebsk State P.M. Masherov University, Dr.Sc. (Philology), Professor.

MENSHENINA Irina Aleksandrovna – Vitebsk State Medical University Department of Foreign Languages Senior Lecturer.

METELSKI Andrei Anatolyevich – Dr.Sc. (History), Head of Department of the 9th – 18th Century History of Belarus of NASc of Belarus Institute of History.

MUZHEIKO Irina Anatolyevna – International University “MITSO” Department of Foreign Languages and Cross-Cultural Communication Assistant Professor, PhD (Philology).

NOVITSKI Pavel Ivanovich – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Theory and Methods of Physical Training and Sport Medicine Assistant Professor, PhD (Education), Assistant Professor.

OVSEICHIK Yulia Vladimirovna – Minsk State Linguistic University Department of French Phonetics and Grammar Assistant Professor, PhD (Philology), Department of General Linguistics Doctoral Student, Assistant Professor.

ORLOV Valeri Ivanovich – Vitebsk State Academy of Veterinary Medicine Department of Philosophy and Political Science Assistant Professor, PhD (Philosophy).

PIVOVAR Yekaterina Sergeyevna – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Belarusian Linguistics Assistant Professor, PhD (Philology).

RUDKOVSKAYA Elena Edvardovna – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Philosophy and Social Sciences Assistant Professor, PhD (Education), Assistant Professor.

RUDKOVSKI Edvard Iosifovich – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Philosophy and Social Sciences Assistant Professor, PhD (Philosophy), Assistant Professor.

SARYCHEVA Anna Vladimirovna – BSU Faculty of Philosophy and Social Sciences Department of Philosophy Master student.

STEBURAKO Anatoli Nikolayevich – Republican Institute of Higher School Department of Historical and Cultural Heritage Assistant Professor, PhD (History), Assistant Professor.

SOLODOVNIKOVA Tatyana Vladimirovna – BSU Faculty of International Relations Department of Romanic Languages Assistant Professor, PhD (Philology).

TIMOFEEV Rostislav Vladimirovich – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of History and Culture Heritage Assistant Professor, PhD (History), Assistant Professor.

TERENTYEV Vladimir Vladimirovich – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of History and Culture Heritage Applicant.

TRETYAKOVA Yulia Romualdovna – Yanka Kupala State University of Grodno Department of Russian Philology Postgraduate Student.

YURCHAK Denis Valeryevich – Senior Specialist of Vitebsk Region Administration Department of Culture, PhD (History), Vitebsk State P.M. Masherov University Assistant Professor.

YAKOVLEVA Galina Nikolayevna – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of History and Culture Heritage Assistant Professor, PhD (History), Assistant Professor.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим, филологическим и философским наукам. Основными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.
2. Каждая статья должна содержать следующие элементы: *индекс УДК; название статьи; фамилия и инициалы автора (авторов); организация, которую он (они) представляет (-ют); введение; раздел «Материал и методы»; раздел «Результаты и их обсуждение»; заключение; список использованной литературы.*
3. Название статьи должно отражать ее содержание, быть по возможности лаконичным, вмещать ключевые слова, что позволит индексировать статью.
4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на заграничные публикации.
5. Раздел «Материал и методы» включает описание методики, технических средств, объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами).
6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен сделать выводы с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.
7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.
8. Список литературы должен включать не более 12 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа – 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.
9. Статьи сдаются в редакцию в двух экземплярах объемом не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Количество рисунков не должно превышать трех. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Фотографии в печать не принимаются. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Используется следующий формат страницы: красная строка – 0,5 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.
10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К каждому экземпляру статьи нужно приложить по одному экземпляру иллюстрации. Копии рисунков для другого экземпляра статьи должны содержать все необходимые буквенные и цифровые надписи. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.
11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).
12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия сдается на дискетах, дисках или пересылается на адрес электронной почты университета (*nauka@vsu.by*).
13. К статье прилагаются следующие материалы (на отдельных листах):
 - *реферат (100–150 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи, и ключевые слова на языке оригинала;*
 - *название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;*
 - *домашний адрес автора, номер телефона, адрес электронной почты;*
 - *рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;*
 - *экспертное заключение о возможности публикации материалов к печати.*
14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.
15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

GUIDELINES FOR AUTHORS

The List of scientific publications “Scientific notes of Educational Establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov»” is included in the list of the scientific editions of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation researches in philological, historical and philosophical sciences. The main criterion for the publication is novelty and specificity of the article. The priority for publication is given to scientific articles by postgraduates in their last year (including their articles written with co-authors) on condition these articles correspond the requirements for scientific articles of the journal.

Guidelines for the layout of a publication:

1. Articles are to be in Belarusian, Russian or English.
2. Each article is to include the following elements: *UDK index; title of the article; name and initial of the author (authors); institution he (she) represents; introduction; “Material and methods” section; “Findings and their discussion” section; conclusion; list of applied literature.*
3. The title of the article should reflect its contents, be laconic and contain key words which will make it possible to classify the article.
4. The introduction should contain a brief review of the literature on the problem. It should indicate not yet solved problems. It should formulate the aim; give references to the recent articles of other authors including foreign publications.
5. “Material and methods” section includes the description of the method, technical aids, objects and contents of the author’s (authors’) research.
6. “Findings and their discussion” section the author should draw conclusions from the point of view of their scientific novelty and compare them with the corresponding well-known data. This section can be divided into sub-sections with explanatory subtitles.
7. The conclusion should contain a brief review of the findings, indicating the achievement of this goal, their novelty and possibility of practical application.
8. The list of literature shouldn’t include more than 12 references. The references are to be numerated in the order of their citation in the text. The order number of a reference is given in square brackets e.g. [1], [2]. The layout of the literature list layout is to correspond State Standard (GOST) – 7.1-2003. References to articles and theses which were not published earlier are not permitted. A complete name of the author’s certificate and the deposited copy is indicated as well as the institution which presented the copy for depositing.
9. Two copies of at least 0,35 of an author sheet size (14000 printing symbols with blanks, punctuation marks, numbers etc.), interval 1, Times New Roman 11 are sent to the editorial office. This size includes the text, charts and list of literature. Not more than three pictures are allowed. Pictures and schemes are to be presented in individual jpg-files. Photos are not allowed. Articles should be typed in Microsoft Word. The page layout is the following: new paragraph – 0,5 cm; margins: top – 2,5 cm, bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, right – 2 cm.
10. Illustrations, formulas, equations, if any, are to be numbered in accordance with their appearance in the text. One copy of illustrations should be attached to each copy of the article. Picture copies for the second copy of the article should contain all the required letter and number titles. Titles of the pictures, charts and tables are to be typed in one interval. Titles of tables and pictures should not be abbreviated.
11. All dimensions used in the text should correspond the International measurement unit system (SI).
12. The electronic version should be attached to the paper copy of the article submitted to the editorial board. The electronic and the paper copies of the article should be identical. The electronic version is presented on a diskette or diskettes or is sent by e-mail (the university e-mail address is nauka@vsu.by).
13. Following materials (on separate sheets) are attached to the article:
 - *summary (100–150 words), which should precisely present the contents of the article, should be liable for being published in magazine summaries separately from the article as well as the key words in the language of the original;*
 - *title of the article, surname, first and second names of the author (without being shortened), place of work, summary and key words in English;*
 - *author’s home address, telephone number, e-mail address;*
 - *recommendation of the department (scientific laboratory) to publish the article;*
 - *expert conclusion on the feasibility of the publication.*
14. On the decision of the editorial board the article is sent for a review, and then it is signed by the members of the editorial board. If the article is sent back to the author for improvement it doesn’t mean that it has been accepted for publication. The improved variant of the article is reconsidered by the editorial board. The article is considered to be accepted on the day when the editorial office receives the final variant.
15. Earlier published articles as well as articles accepted for publication in other editions are not admitted.

Научное издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
УО «ВГУ имени П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

Том 34

Компьютерный дизайн Л.И. Ячменёва
Корректор Т.В. Образова

Подписано в печать 31.12.2021. Формат 60х84¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 21,23. Уч.-изд. л. 20,63. Тираж 100 экз. Заказ 232.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.